

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

Май — Июнь

1986

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

М. Н. Губогло (Москва). Преемственность и новаторство в разработке национальных проблем на этапе развитого социализма	3
К. В. Чистов (Ленинград). В. И. Ленин и проблема периодизации истории русского фольклора	13
К. П. Боришполец, Ш. З. Султанов (Москва). Концепции и методы прикладных исследований этнополитических процессов в развивающихся странах	24
А. И. Пика (Москва). Гомеостаз в демографической истории народов Севера (XVII—XIX вв.): реальность или иллюзия?	36
С. А. Францужов (Ленинград). Этноконфессиональные процессы в доисламской Аравии (религиозно-племенные общности хумс, хилла и тулс)	47

Дискуссии и обсуждения

М. В. Крюков (Москва). Еще раз об исторических типах этнических общностей	58
А. И. Першиц (Москва). Этнические общности и формационный процесс	69
Ю. И. Семенов (Москва). О племени, народности и нации	73

Из истории науки

В. Якобайт (Берлин, ГДР). Этнография и история (К 80-летию со дня рождения В. Штейница)	76
---	----

У нас в гостях этнографические журналы

С. Д. Зубков (Киев). Украинской советской этнографической периодике — 60 лет	81
--	----

Этнография в музеях

Ю. Ф. Линнус (Тарту). Из истории Государственного этнографического музея Эстонской ССР	89
--	----

Сообщения

В. К. Малькова (Москва). Интернациональное и национальное в передачах Центрального телевидения	95
Г. М. Афанасьева, Ю. Б. Симченко (Москва). Опыт генеалогических описаний (на примере чукчей)	106
В. С. Уарзиати (Орджоникидзе). Маски и ряжение в традиционном быту осетин	115
В. А. Тишков (Москва). Новый Орлеан глазами этнографа	124

Поиски, факты, гипотезы

И. Н. Соломоник (Москва). Йоу тэй — бирманские марионетки 135

Хроника

А. Е. Тер-Саркисянц (Москва). Работа Ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР в 1985 году 138

Научная жизнь

И. А. Гришаев (Москва). Всесоюзная научная конференция «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества» 133

Н. В. Бикбулатов (Казань), Т. В. Космина (Киев). Всесоюзная конференция «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» 157

Г. К. Шкляев (Устинов). Этнографическое совещание «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР» 161

Р. С. Липец (Москва). Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Ч. Валиханова 163

Коротко об экспедициях 164

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Н. Я. Дараган (Москва), А. Б. Островский (Ленинград). Издания К. Леви-Строса на русском языке 167

Народы СССР

В. М. Шамиладзе, Г. Н. Давиташвили (Тбилиси). *А. И. Робакидзе*. Сванети. I. Жилище и поселения 171

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),

В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,

С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,

Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмаилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель

(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,

А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),

П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

М. Н. Губогло

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО
В РАЗРАБОТКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
НА ЭТАПЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА**

В документах XXVII съезда КПСС, и прежде всего в Политическом докладе генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, а также в новой редакции Программы КПСС¹ серьезно проанализированы глубокие экономические и социальные сдвиги объективного характера, происшедшие в нашей стране за последние четверть века, уточнены текущие и перспективные цели и задачи, определены пути их решения, выработаны новые подходы к организаторской, социально-экономической и идеологической деятельности партии.

Ни одна сфера многогранной жизни нашего общества не осталась за пределами внимания новой редакции Программы КПСС.

Советское общество многонационально, многоязычно — оно объединяет более 100 наций и народностей, и на всех этапах его развития КПСС учитывала в своей деятельности многонациональность нашего государства. Вполне естественно, что в новой редакции Программы КПСС подведены важнейшие итоги решения национального вопроса в нашей стране, отражены основные тенденции развития и сближения социалистических наций и народностей в современных условиях и в перспективе, отражено возрастание руководящей роли партии в решении новых задач по совершенствованию национальных отношений, сформулированы в связи с этим основные задачи национальной политики.

Прежде всего обращают на себя внимание органичная преемственность основополагающих теоретических и политических установок КПСС и их творческое развитие, обогащение новыми принципиальными положениями в соответствии с накопленным историческим опытом и новыми задачами.

В новой редакции Программы КПСС указано, что национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен. Это убедительно свидетельствует о правильности национальной политики КПСС. Национальная проблематика никогда не была для партии второстепенной. Ни на одной ступени исторического восхождения страны к современному этапу социалистического развития вопросы национальных отношений не играли в деятельности партии побочную роль. Им всегда уделялось большое внимание.

Социализм и коммунизм являются двумя последовательными фазами единой коммунистической формации. «Между ними, — как указывается в новой редакции Программы КПСС, — нет резкой грани: развитие социализма, все более полное раскрытие и использование его возможностей и преимуществ, укрепление присущих ему общекommунистических начал и означает действительное движение общества к коммунизму»².

Являясь первой фазой коммунистической формации, социализм, последовательно развиваясь, проходит в своем движении ряд этапов, имеющих зримые количественные и качественные отличия.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. Принята XXVII Съездом КПСС. — Правда, 1986, 7 марта. (далее — Программа КПСС).

² Программа КПСС.

Ясное понимание сущности, содержания и основных закономерностей развития национальных процессов на каждом из этих этапов чрезвычайно важно для оценки их динамики. При этом необходимо подчеркнуть, что решение национального вопроса неразрывно связано социалистическим строительством в нашей стране. Действительно, как показывает опыт истории, жизнь каждой нации и народности СССР динамично менялась с ликвидацией эксплуататорских классов, под мощным воздействием социалистического переустройства экономики и общественных отношений. В свою очередь на успешный ход социалистических преобразований большое влияние оказало объединение материальных и духовных ресурсов, труда и воли всех народов СССР. Таким образом, в противовес буржуазным концепциям, трактующим национальное и классовое как независимые (автономные) начала, реальный социализм показал, что решение национального вопроса и социалистические преобразование социально-классовой структуры общества тесно взаимосвязаны.

Важнейшие итоги осуществления национальной политики в СССР: период, прошедший после принятия третьей Программы КПСС, были подведены в целом ряде публикаций³ и конференций. Особенно показательной явилась, в частности, проведенная ЦК КПСС совместно с ЦК Компартии Латвии Всесоюзная научно-практическая конференция в Риге 28—29 июня 1982 г. «Развитие национальных отношений в условиях зрелого социализма. Опыт и проблемы патриотического и интернационального воспитания»⁴.

Так, например, в литературе, связанной с освещением подготовки к празднованию 50-летия образования СССР, впервые было акцентировано внимание на том, что решение национального вопроса в нашей стране представляет собой выдающееся достижение, которое по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция.

Накануне XXVII съезда КПСС М. С. Горбачев в одном ряду с победами в Гражданской войне и войне против гитлеровской Германии, с глубочайшими преобразованиями в деревне и созданием мощной индустрии, с ликвидацией неграмотности большинства населения и коренной социальной и культурной перестройкой общества назвал формирование принципиально новых межнациональных отношений в СССР. «Если бы мы,— говорил М. С. Горбачев,— не устояли, потерпели поражение хоть в одном из перечисленных дел, все, ради чего свершалась Октябрьская революция, было бы поставлено под вопрос. А каждое из этих дел само

³ Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М.: Мысль, 1977; Развитие советского народа — новой исторической общности. М.: Политиздат, 1980; Пролетарский интернационализм — мощное оружие революционного преобразования мира. М.: Мысль, 1980; Советский народ — строитель коммунизма. М.: Наука, 1981; Национальная политика КПСС. Очерк историографии. М.: Политиздат, 1981; Диалектика интернационального и национального в социалистическом обществе. М.: Наука, 1981; Интернационализм советского народа. История и современность. М.: Наука, 1982; Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. М.: Наука, 1982; *Калтачян С. Т.* Марксистско-ленинская теория нации и современность. М.: Политиздат, 1983; *Куличенко М. И.* Нация и социальный прогресс. М.: Наука, 1983; Интернациональное и национальное в социалистическом образе жизни советского народа. М.: Наука, 1985; Коммунизм и нации. М.: Наука, 1985, и др.

⁴ На основе материалов этой конференции опубликован ряд коллективных трудов, в которых всесторонне освещаются опыт, современные тенденции и перспективы развития национальных отношений в стране. См.: Воспитывать убежденных патриотов-интернационалистов. М.: Политиздат, 1982; Партийный комитет — организатор патриотического и интернационального воспитания трудящихся. М.: Политиздат, 1982; Социальная политика и национальные отношения. М.: Политиздат, 1982; Материальная основа дружбы и братства. М.: Экономика, 1983; Культура единого советского народа. М.: Советский писатель, 1982; Социалистический интернационализм в действии. М.: Наука, 1982; Патриотическое и интернациональное воспитание молодежи. М.: Молодая гвардия, 1983; Советская Армия — школа дружбы и братства. М.: Военное издательство, 1982; Непримириемость к буржуазной идеологии, пережиткам национализма. М.: Международные отношения. 1982, и др.

ю себе можно по праву назвать свершением поистине революционным»⁵.

Важным рубежом решения национального вопроса в СССР стало формирование новой социальной и интернациональной общности людей — советского народа⁶, по времени совпадающее с вступлением страны в этап развитого социализма и с окончательной ликвидацией отсталости бывших национальных окраин, на что, в частности, обращалось специальное внимание на XXVI съезде КПСС⁷.

В документах партии, связанных с подготовкой и проведением 60-летия образования СССР, оценивались качественные изменения, происшедшие за 60 лет в национальных отношениях, и говорилось о том, что национальный вопрос в том виде, в каком он был оставлен нам в наследство эксплуататорским строем, решен окончательно и бесповоротно⁸. Это означало, что впервые в истории многонациональный состав страны превратился из источника ее слабости в источник силы и процветания.

Констатация достигнутого и вместе с тем новые программные установки в сфере национальных отношений нашли всестороннее отражение в новой редакции Программы КПСС.

При характеристике процесса перехода от капитализма к социализму и затем к коммунизму и анализе основных достижений социализма разрешение национального вопроса названо в одном ряду с наиболее выдающимися достижениями социализма: национализацией земли, заводов, фабрик, банков (обеспечившей необходимые предпосылки для утверждения и развития общественной социалистической собственности), индустриализацией страны (превратившей Советский Союз в могучую промышленную державу), коллективизацией сельского хозяйства (совершившей переворот во всем укладе жизни крестьянства, поставившей на прочный социально-экономический фундамент союз рабочего класса и крестьянства) и культурной революцией (ликвидировавшей неграмотность, открывшей широкий простор для развития творческих сил народов, сформировавшей социалистическую интеллигенцию и сделавшей марксистско-ленинскую идеологию господствующей в сознании советских людей). «Победа Октября,— констатируется в новой редакции Программы КПСС,— навсегда покончила с национальным гнетом и неравноправием наций и народностей»⁹. Такой была первая веха решения национального вопроса: установлено юридическое, правовое равенство наций.

Далее в ходе социалистического строительства был обеспечен быстрый экономический, социальный и культурный прогресс бывших национальных окраин. Ушла в прошлое национальная рознь, нормой жизни стали братская дружба, тесное сотрудничество и взаимопомощь всех народов СССР, на базе общих интересов рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, трудящихся всех национальностей сложилось социально-политическое и идейное единство советского общества¹⁰.

Серьезную роль в осуществлении не только юридического, но и фактического равенства народов, прежде всего в сфере экономики, сыграло объединение на добровольных началах свободных равноправных народов в едином многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик.

Важнейшей вехой в развитии советских наций явилась полная и окончательная победа социализма в СССР. К этому времени, как говорит-

⁵ Ответы М. С. Горбачева на вопросы газеты «Юманите». — Правда, 1986, 8 февраля.

⁶ Об идеологической работе КПСС. Сборник документов. М.: Политиздат, 1977, с. 356.

⁷ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1981, с. 74.

⁸ XXVI съезд КПСС: единство теории и практики. Вып. 3. М.: Политиздат, 1983, с. 116.

⁹ Программа КПСС.

¹⁰ Там же.

ся в новой редакции Программы КПСС, «окрепили социалистические общественные отношения. Сформировалась новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ»¹¹. Эта победа была достигнута после того, как в «короткий срок СССР залечил тяжелые ран войны, значительно укрепил свой экономический, научно-технический оборонный потенциал, упрочил международные позиции»¹².

Наряду с общей характеристикой исторических преимуществ социализма, в новой редакции Программы КПСС очерчены контуры важнейших достижений в различных областях жизни общества, в том числе в сфере национальных отношений. В отличие от развитых капиталистических стран, где сохраняется позорная дискриминация национальных меньшинств, социализм устраняет антагонизм и недоверие между народами.

Преемственность основополагающих теоретических и политических установок партии в сфере национальной жизни не случайна. Она является свидетельством принципиальности и тесной взаимосвязи теории, политики и практики руководства партии, ее непоколебимой верности марксизму-ленинизму. Коротко говоря, решение национального вопроса оставшегося от прошлого, а также решение проблем вновь возникающих в сфере национальных отношений, возможно благодаря неукоснительному соблюдению полной добровольности союза свободных народов, обеспечению полного равноправия всех наций и народностей, созданию условий для свободного развития каждой республики, каждой нации народности в рамках их братского союза, проведению неуклонного курса на сближение всех наций и народностей, воспитанию интернационализма советских людей.

Последовательность и преемственность претворения в жизнь ленинских принципов национальной политики не исключают, а наоборот, как мы уже говорили, предполагают творческое развитие теории, стратегии и тактики партии, новаторский поиск на ключевых направлениях, внимательный учет изменений, которые произошли в жизни наций и народностей СССР как за весь послеоктябрьский период, так и за четверть века после принятия на XXII съезде партии в 1961 г. третьей Программы.

Еще в 1922 г., подводя первые итоги решения национального вопроса в Советском Союзе, В. И. Ленин отмечал: «Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственно правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве. Наш опыт, — говорил далее В. И. Ленин, — создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны»¹³.

Верность ленинским идеям, критериям и принципам осуществления национальной политики партия сохраняет и в наши дни. При этом КПСС исходит из того, что в современном социалистическом многонациональном государстве в процессе совместного труда в жизни более 100 наций и народностей «закономерно возникают **новые задачи по совершенствованию национальных отношений**»¹⁴. Залогом успешного решения их партией служат уже достигнутые успехи и накопленный опыт. Полностью подтверждена историческая правота марксизма-ленинизма, всегда утверждавшего, что решение национального вопроса может быть

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 240.

¹⁴ Программа КПСС.

осуществлено только на классовой основе, так как с ликвидацией классового антагонизма исчезают национальная рознь, все виды расового и национального неравноправия и угнетения.

Заметное воздействие на национальные процессы оказывают экономические преобразования. Создан и успешно функционирует единый союзный народнохозяйственный комплекс, сформировавшийся на базе динамичного экономического роста всех республик. В каждой республике выросли современный рабочий класс и колхозное крестьянство, создана своя интеллигенция, в результате качественно преобразовалась социальная структура. На основе прогрессивных традиций и интенсивного обмена духовными ценностями расцвела социалистическая многонациональная советская культура. Сформировались социалистические нации и народности, образующие ныне новую историческую общность — советский народ. В то же время в числе общих закономерностей развития социалистических стран в одном ряду с основополагающими социально-экономическими, политическими и культурными достижениями в новой редакции Программы КПСС названы равноправие и дружба всех наций и народностей.

Совместными усилиями всех советских народов будут решаться новые задачи интенсивного экономического развития. В новых исторических условиях, когда перед страной встают ответственные задачи, которые касаются как внутреннего развития, так и международного положения, — отмечается в новой редакции Программы КПСС, — в жизни советского общества закономерно возрастает руководящая роль партии.

Деятельность партии в сфере национальных отношений опирается на достигнутые успехи и обусловливается потребностью проводить такую продуманную и дальновидную национальную политику, которая обеспечивала бы как дальнейшее развитие наций и народностей, так и неуклонное их сближение на основе добровольности, равенства и братского сотрудничества. «Здесь, — как указывается в новой редакции Программы КПСС, — недопустимы никакое искусственное подталкивание, как и сдерживание назревших объективных тенденций развития»¹⁵.

Последовательное проведение ленинской национальной политики, всемерное укрепление дружбы народов партия считает составной частью «совершенствования социализма, проверенный общественной практикой путь к дальнейшему процветанию нашей многонациональной социалистической Родины»¹⁶. Именно поэтому в национальной сфере недопустимы ни забегание вперед, ни медлительность в проведении назревших преобразований, в решении новых задач¹⁷. «Пока существуют нации, — говорил М. С. Горбачев, — будут появляться и новые вопросы их совместной жизни и труда в рамках единого многонационального государства. Первостепенное значение на нынешнем этапе его развития имеют такие проблемы, как рациональное размещение производительных сил и их дальнейшая интеграция в общем народнохозяйственном комплексе, углубление взаимодействия и взаимообогащения культур, усиление межнационального общения, подбор и расстановка кадров как в центре, так и в республиках и, конечно, воспитание трудящихся всех национальностей в духе нерушимых принципов пролетарского интернационализма и советского патриотизма»¹⁸.

Вдохновитель и организатор исторического творчества масс, руководящая и направляющая сила советского общества, КПСС определяет генеральную перспективу развития страны, обеспечивает научное руководство созидательной деятельностью народа, придает коммунистическому строительству организованный, планомерный и целенаправленный

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Горбачев М. С. Живое творчество народа. — В кн.: Совершенствование развития социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции (Москва, 10—11 декабря 1984 г.). М.: Политиздат, 1985, с. 31.

характер. Вместе с тем дальнейшее ускорение социально-экономического развития страны, развитие политической системы и углубление демократии, работа по повышению сознательности трудящихся, борьба с отступлениями от норм социалистического образа жизни, укрепление сплоченности социалистических наций и народностей, упрочение интернационального единства советского народа — все это неизбежно предъявляет более высокие требования к уровню политической и организаторской деятельности партии.

Третья Программа партии в ее нынешней редакции в известной мере является отражением новых усилий, предпринятых партией в выработке и постановке назревших задач, и прежде всего задач по планомерному и всестороннему совершенствованию социализма, задач дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускоренного социально-экономического развития страны.

Воплощением сути современного курса партии является концепция ускорения социально-экономического развития страны. Будучи заложенной в основу программных положений, определяющих цели и задачи КПСС и советского народа во всех сферах общественной жизни, эта концепция определяет путь к достижению качественно нового состояния общества через ускорение социально-экономического развития советского общества, неотъемлемой составной частью которого является и дальнейшее совершенствование национальных отношений. И хотя на этом пути достигнуты немалые успехи, не исключено возникновение в нашем многонациональном государстве новых задач по дальнейшему совершенствованию национальных отношений.

Мысль и энергия партии, как видно из новой редакции Программы КПСС, направлены на всесторонний учет всех аспектов национальных отношений: от государственно-правовых и политических до социально-культурных и бытовых, от межнациональных, проявляющихся на всех уровнях взаимодействий советских народов, до межличностных отношений людей разных национальностей. Цель такого подхода ясна: вывести национальные отношения на качественно новый этап. Путь к этому, а в перспективе к дальнейшему сближению наций лежит, как указывалось, не через бесследное исчезновение национальных особенностей, а через постепенный и неуклонно развивающийся синтез интернационального и национального¹⁹.

Для осуществления своих программных целей партия предусматривает в государственно-правовой сфере «всемерное упрочение и развитие Советского многонационального государства. КПСС, — подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, — будет и впредь последовательно бороться против любых проявлений местничества и национальной ограниченности и одновременно постоянно заботиться о дальнейшем повышении роли республик, автономных областей и автономных округов в решении общенародных задач, об активном участии трудящихся всех национальностей в работе органов власти и управления»²⁰. Важность решения государственно-правовых проблем определяется в наши дни, в частности, и тем, что по мере развития социализма и постепенного перехода к коммунизму закономерно возрастает значение межнациональной, межреспубликанской подвижности населения.

С развитием национальных отношений в государственно-правовой сфере тесно связаны экономические и социальные задачи.

Экономическая стратегия партии нацелена на то, чтобы обеспечить переход всей экономики страны к высшим формам организации и всестороннему развитию производительных сил, к зрелым социалистическим производственным отношениям и хорошо отлаженному хозяйственному механизму. Для достижения этого потребуются немало усилий, и в частности наращивание материального и духовного потенциала каждой республики в рамках единого народнохозяйственного комплекса.

¹⁹ Баграмов Э. Классовые и национальные отношения: характер взаимодействия. Правда, 1985, 20 декабря.

²⁰ Программа КПСС.

Исходя из того, что сочетание инициативы союзных и автономных республик, автономных областей и округов с централизованным управлением в общесоюзном масштабе позволяет более рационально использовать ресурсы всей страны, местные природные и другие особенности, партия выдвигает задачу последовательного совершенствования разделения труда между республиками, выравнивания условий хозяйствования, поощрения активного участия республик в экономическом освоении новых районов, развития межреспубликанского обмена кадрами рабочих и специалистов, расширения и улучшения подготовки квалифицированных работников из граждан всех проживающих в республиках наций и народностей²¹.

Задачи совершенствования национальных отношений, укрепления братской дружбы всех наций и народностей наряду с неуклонным улучшением условий жизни и труда советских людей настоятельно требуют более полной реализации во всех основных сферах общественных отношений принципа социальной справедливости, сближения классов, социальных групп и слоев, преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней. Все эти вопросы занимают важное место в деятельности партии, рассматривающей социальную политику как мощное средство ускорения развития страны, подъема трудовой и общественно-политической активности масс, формирования нового человека, утверждения социалистического образа жизни.

Освоение новых, прежде всего восточных районов, в связи с созданием мощных территориально-производственных комплексов требует соответствующего кадрового обеспечения, в том числе за счет людских ресурсов из других районов страны. Так, например, за период между 1970 и 1979 гг. численность населения районов Сибири и Дальнего Востока возросла на 11%, Тюменской области — на 34, Магаданской и Камчатской областей — на 32, Якутской АССР — на 26% при росте населения в целом по РСФСР на 6%²². Однако нехватка кадров в новых районах все еще продолжает ощущаться.

Необходимость более активного участия представителей всех наций и народностей нашей страны в осуществлении стратегических задач, включая ускоренное развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока, вытекает из потребности объединить усилия народов в деле совершенствования социализма и постепенного перехода к коммунизму.

В двенадцатой пятилетке в соответствии с «Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» будут развиваться процессы дальнейшего укрепления экономических связей между республиками и регионами страны. Этому будет способствовать предусмотренное программными документами совершенствование территориальной структуры общественного производства, обеспечение рационального сочетания экономического и социального развития в каждой союзной республике и каждом экономическом районе, улучшение их взаимодействия в едином народно-хозяйственном комплексе страны²³.

Показателен в этом отношении опыт Западно-Сибирского комплекса. «Создание нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири, достигнутые здесь производственные успехи,— говорил М. С. Горбачев, обращаясь к партийно-хозяйственному активу Тюменской и Томской областей,— являются убедительным свидетельством огромных созидательных возможностей нашего социалистического строя. Это результат напряженной работы полуторамиллионного многонационального отряда трудящихся Тюменской области...

Ясно также,— продолжал далее М. С. Горбачев,— что создать такой нефтегазовый гигант на вашей земле можно было только благодаря

²¹ Программа КПСС.

²² См. Развитие национальных отношений в СССР в свете решений XXVI съезда КПСС. М.: Наука, 1982, с. 72.

²³ Правда, 1986, 9 марта.

усилиям всей страны, всех республик. Трудящиеся Украины и Белоруссии, Узбекистана, Прибалтийских и других республик, Москвы и Ленинграда, автономных республик, краев и областей Российской Федерации внесли и вносят весомый вклад в его формирование»²⁴.

Нельзя не напомнить, что в соответствии с выдвинутой в новой редакции Программы КПСС стратегической задачей по увеличению вклада союзных республик в подъем материального и духовного уровня жизни народов нашей страны будут, в частности, развиваться процессы межреспубликанского обмена кадрами²⁵. При этом «масштабы этой работы,— как подчеркнул М. С. Горбачев,— предстоит наращивать»²⁶. Речь идет о хорошем почине, с которым выступили нефтяники Татарии и Башкирии, приступившие к комплексному проведению работ на месторождениях Тюменской области. На совещании партийно-хозяйственного актива Тюменской и Томской областей была одобрена инициатива Грузии, Азербайджана, Молдавии, Армении и Туркменистана расширить участие этих республик в сооружении здесь жилых домов, объектов социального и культурно-бытового назначения, автомобильных дорог²⁷.

В материалах XXVI съезда и в ряде последующих документов партия уделила большое внимание взаимосвязи и взаимозависимости социальных и национальных процессов и отношений.

На основе анализа процессов преодоления классовых различий и формирования социально однородного общества, в новой редакции Программы КПСС сделаны важные выводы. Во-первых, о том, что преодоление различий между рабочим классом и крестьянством, утверждение в нашей стране общества без классов произойдет в основном в исторических рамках первой, социалистической, фазы коммунистической формации, а во-вторых, о том, что полное преодоление существенных различий между физическим и умственным трудом, сближение всех социальных групп, формирование социально однородного общества завершится на высшей фазе коммунизма²⁸.

Уточнение исторической перспективы развития классовых отношений позволило партии, сочетая преемственность и новаторство, дифференцированный и комплексный подходы, скорректировать курс социальной политики, имея в виду, как говорил на октябрьском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев, что она (социальная политика) охватывает «все пространство жизни человека — от условий его труда и быта, здоровья и досуга до социально-классовых и национальных отношений»²⁹. Таким образом, КПСС будет всемерно способствовать преодолению классовых и социальных различий. Вместе с тем, как подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, «пока такие различия существуют, партия считает делом первостепенной значимости тщательный учет в своей политике особенностей интересов классов и социальных групп. Большое внимание будет уделяться выравниванию условий труда и быта населения различных регионов страны»³⁰.

В соответствии с этой линией партии будет последовательно достигаться равномерное распределение материальных благ и духовных ценностей среди всего населения. Партия считает, что географическая среда или другие подобные факторы не должны оказывать заметного влияния на благосостояние различных групп населения³¹.

В ускорении развития современного социалистического общества, достижения им новых исторических рубежей видное место принадлежит духовной жизни советских людей, тесно связанной с дальнейшим совершенствованием и обогащением социалистической культуры. Социалисти-

²⁴ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1985, с. 235.

²⁵ Программа КПСС.

²⁶ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи, с. 235.

²⁷ Там же, с. 235—236.

²⁸ Программа КПСС.

²⁹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи, с. 360.

³⁰ Программа КПСС.

³¹ Баграмов Э. Указ. раб.

ческая культура в новых условиях — в отличие от периода своего становления и формирования — приобретает качественно иную функцию. Перед ней встает задача содействовать всесторонней активизации человеческого фактора и подъему социалистической сознательности советских людей. В преамбуле к пятому разделу новой редакции Программы КПСС, посвященному идейно-воспитательной работе, образованию, науке и культуре, в частности, говорится о том, что партия будет делать все необходимое для того, чтобы в полной мере использовать преобразующую силу марксистско-ленинской идеологии для ускорения социально-экономического развития страны, систематически вести целеустремленную работу по идейно-политическому, трудовому, нравственному и интернациональному воспитанию советских людей, формированию гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Новая редакция Программы КПСС акцентирует внимание на том, что только хорошо продуманная экономическая стратегия и сильная социальная политика в сочетании с целеустремленной идейно-воспитательной работой могут активизировать человеческий фактор, без которого немислимы ни качественное преобразование всех сторон жизни советского общества, ни коренное обновление его материально-технической базы, ни совершенствование общественных отношений и в первую очередь экономических, ни глубокие перемены в содержании и характере труда, ни активизация всей системы политических, общественных и идеологических институтов³².

Предметом неослабного внимания КПСС является культура многонационального социалистического общества, призванная укреплять социальное и интернациональное единство советского народа. Вполне естественно, что вопросы развития социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернационалистской по духу культуры советского народа на базе лучших достижений и самобытных прогрессивных традиций народов СССР находятся в ряду важнейших задач по совершенствованию национальных отношений.

Одна из особенностей современной духовной жизни народов СССР состоит в том, что «рост и сближение национальных культур, упрочение их взаимосвязей делают все более плодотворным взаимное обогащение, открывают советским людям широчайшие возможности для приобщения ко всему ценному, что рождено талантом каждого из народов нашей страны»³³.

Важной стороной общественной жизни многонационального советского общества является ее «языковое обеспечение», т. е. использование языка или языков как средства общения. Как известно, в многогранных коммуникационных процессах, в том числе в обеспечении высокого уровня культуры межнационального общения, во взаимодействии и взаимобогащении национальных культур, в укреплении дружбы народов, в упрочении социального и интернационального единства советского народа важная роль принадлежит двум взаимосвязанным тенденциям: процессам свободного развития более чем 100 языков наций и народностей СССР и процессам беспрепятственного распространения среди нерусскоязычного населения страны русского языка как языка межнационального общения и формирования на этой двуединой основе национально-русского двуязычия. Достаточно напомнить, что за девять лет между переписями населения 1970 и 1979 гг. удельный вес лиц, свободно владеющих русским языком (как вторым), возрос с 48,7 до 62,2%.

Исторически прогрессивный характер подобного двуязычия в жизни народов СССР имплицитно отражен и в новой редакции Программы КПСС. В ней гарантируется обеспечение свободного развития и равноправного использования всеми гражданами СССР родных языков и одновременно отмечается важность овладения, наряду с языком своей на-

³² Программа КПСС.

³³ Программа КПСС.

циональности, русским языком, расширяющим доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры.

Естественно, что современный уровень национально-русского двуязычия — это не конечный предел. В самом деле, в конце 70-х — начале 80-х годов среди коренного населения союзных и автономных республик, а также среди национальных групп, проживающих в инонациональной среде, каждый третий человек еще не владел свободно русским языком³⁴, а в некоторых союзных республиках распространение русского языка не отвечало в полной мере реальным потребностям населения. Вот почему КПСС, как отмечала «Правда» в своей передовой, требует постоянно держать в поле зрения вопросы улучшения «изучения русского языка как языка межнационального общения»³⁵. Уместно, в частности, напомнить, что в мае 1983 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС были специально рассмотрены меры по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях союзных республик³⁶. В одобренном апрельским (1984 г.) Пленумом ЦК КПСС постановлении «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» подчеркивалось, что «свободное владение русским языком должно стать нормой для молодежи, оканчивающей средние учебные заведения»³⁷. Такая постановка вопроса вполне отвечает реальным потребностям всех народов СССР. Об этом говорилось в ряде писем, поступивших в редакцию «Правды» в ходе обсуждения новой редакции Программы КПСС на XXVII съезде КПСС³⁸.

В документах XXVII съезда партии отчетливо показано, что качественно новый исторический этап развития предъявляет повышенные требования в сфере национальных отношений в целом и к каждому советскому человеку в отдельности, какой бы национальности он ни был. Человек — коллективист, человек — патриот и интернационалист, органически усвоивший принципы пролетарского интернационализма и социалистического образа жизни, утверждающий их своим поведением, занимающий активную жизненную позицию, на деле проявляющий сознательное отношение к общественному и интернациональному долгу, — таким должен быть сегодня строитель коммунизма.

Социалистический образ жизни, основанный на социальной справедливости, коллективизме и товарищеской взаимопомощи, дающий человеку труда уверенность в будущем, духовно и нравственно возвышающий его как творца новых общественных отношений, собственной судьбы, способствует тому, чтобы в советском человеке любовь к родине Октября, к земле, где он родился и вырос, гордость за исторические свершения первого в мире социалистического государства сочетались с пролетарским, социалистическим интернационализмом. Однако интернационализм не рождается сам по себе. Утверждение интернационального сознания не происходит стихийно. Поэтому исторически оправдана постоянная забота коммунистической партии об интернационалистском воспитании масс на всех этапах развития советского общества. В отличие от капиталистических государств, стремящихся всеми силами ослабить интернациональную солидарность трудящихся, разжигающих и провоцирующих национальный эгоизм, шовинизм и расизм, презрение к правам и интересам других народов, их национальному культурно-историческому наследию, Советское государство и КПСС рассматривают интернациональное воспитание как важнейшую составную часть своей идейно-воспитательной работы. В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что партия и наше государство заинтересованы в том, «чтобы каждому советскому человеку были присущи чувства дружбы

³⁴ Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения СССР, 1979 г. М., 1980, с. 23.

³⁵ Дружбой сильны. Правда, 1984, 30 декабря.

³⁶ Правда, 1983, 27 мая.

³⁷ Правда, 1984, 12 апреля.

³⁸ Выступление первого секретаря Дагестанского обкома КПСС М. Ю. Юсупова. Правда, 1986, 5 марта.

и братства, объединяющие все нации и народности СССР, высокая культура межнационального общения, нетерпимость к проявлениям национализма и шовинизма, национальной ограниченности и национального эгоизма, к обычаям и нравам, мешающим коммунистическому обновлению жизни и человека»³⁹.

Сам по себе процесс развития национальных отношений,— как подчеркивалось на XXVII съезде,— сложен и многогранен и поэтому требует к себе большего внимания партии. «В этих целях, нам кажется,— говорил в своем выступлении на XXVII съезде КПСС первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана К. Махкамов,— было бы целесообразно создать в структуре аппарата ЦК КПСС соответствующее подразделение, которое бы координировало весь комплекс вопросов в этом деле»⁴⁰. Динамичное развитие наций и народностей в сочетании с укреплением их интернациональной сплоченности становится важным фактором всестороннего совершенствования всей системы социализма. К современному анализу и решению возникающих в этой сфере задач привлечено внимание общественности. В полной мере они стоят и перед обществоведческим циклом наук⁴¹. Круг этих задач настолько широк, что, по мнению Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР А. Восса, «представляется целесообразным поддержать предложение о создании специального научно-исследовательского центра, который мог бы вести систематическую научно-исследовательскую работу в области национальных отношений»⁴².

Упорный труд советского народа, крупные успехи в экономике, социальной и политической сферах, науке и культуре вывели нашу страну на современный этап развитого социализма. Гуманизм, интернационализм, равноправие и дружба всех наций и народностей СССР пронизывают современные национальные отношения, выступают как норма, как неотъемлемая черта советского образа жизни и советского народа — новой социальной и интернациональной общности людей.

³⁹ Программа КПСС.

⁴⁰ Правда, 1986, 28 февраля.

⁴¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории), М.: Наука, 1981, с. 343, 344; *его же*. Народы и их права.— Правда, 1986, 4 января.

⁴² Восс А. Союз нерушимый.— Коммунист, 1986, № 3, с. 51.

К. В. Чистов

В. И. ЛЕНИН И ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Темы «Ленин и фольклор», «Ленин и русская фольклористика» разрабатывались в различных аспектах. Тщательно выявлены фольклорные цитаты в сочинениях В. И. Ленина, собраны его высказывания на фольклорные темы (преимущественно по воспоминаниям), изучались роль марксизма и В. И. Ленина в развитии русской дореволюционной и в формировании советской фольклористики и другие вопросы¹.

¹ Библиографию см. в соответствующих разделах пятитомного труда М. Я. Мельц «Русский фольклор»: библиографический указатель (1901—1975). Л., 1961—1985; см. также: Дымыщ А. Л., Соймонов А. Д. Введение.— В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII века. М.—Л., 1953, с. 67—87; Гусев В. Е. Марксизм и русская фольклористика конца XIX—начала XX века. М.—Л., 1961; Наследие Ленина и наука о литературе/Под ред. А. С. Бушмина. Л., 1969; Ленинское наследие и изучение фольклора/Отв. ред. В. Е. Гусев. Л., 1970; см. там же: В. И. Ленин и фольклор (Материалы к библиографии)/Сост. М. Я. Мельц, с. 182—196. Кроме того, см. соответствующие разделы в учебниках и учебных пособиях для вузов (важнейшие из них называются ниже).

В настоящей статье пойдет речь о современном состоянии периодизации истории русского фольклора в свете ленинской концепции истории русского крестьянства XIX—XX вв.² При этом надо иметь в виду, что В. И. Ленин не разрабатывал историю русского крестьянства как самостоятельную научную проблему ради нее самой. Его прежде всего интересовали судьба крестьян России в пореформенное время, когда страна встала на путь капиталистического развития, разоблачение народнической доктрины, связывавшей с крестьянством и крестьянской общиной будущее русского социализма, расстановка классовых сил в русском демократическом движении и русской революции, характер русской буржуазной революции и другие политические проблемы.

Вопросы периодизации истории русского фольклора довольно давно не обсуждались фольклористами. Не исключено, что некоторым современным исследователям возвращение к ним покажется анахронизмом. Действительно, казалось бы, ушла в далекое прошлое дискуссия, вызванная публикацией вульгарной по своей сути «исторической» программы по фольклору для вузов (составитель С. И. Василенок, редактор В. М. Сидельников. М.: Изд-во МГУ, 1949). Отшумела и ныне едва вспоминается и дискуссия, связанная с выходом в свет четырехтомника «Русское народное поэтическое творчество» (1952—1956), изданного Институтом русской литературы АН СССР и представлявшего значительно более серьезный опыт создания концепции истории русского фольклора.

Как будто прекратились попытки механического перенесения дробной периодизации гражданской истории на фольклор. В исследовательской сфере утвердилось убеждение, что история фольклора должна разрабатываться прежде всего как история жанров. В учебниках для вузов и педагогических институтов перешли к формационной периодизации: русский фольклор периода феодализма, периода капитализма и советского времени, причем основной массив известного русского фольклора связывается с феодальной формацией. Последнее, видимо, не так уж далеко от истины. Вместе с тем надо учесть, что фольклор периода феодализма обязан своим наиболее архаическим слоем (о котором у нас имеются, правда, лишь гипотетические представления) дофеодальному периоду.

В настоящей статье мы будем касаться лишь проблемы выделения периода капитализма и уяснения природы и характера фольклора этого периода. Данный вопрос может представить не только узко фольклористический интерес. Он важен для понимания судеб традиционно-бытовой культуры в целом и, следовательно, истории русской культуры в общенациональных масштабах.

С 1950-х годов и до настоящего времени³ характеристика истории русского фольклора периода капитализма строится в вузовских учебниках по единой схеме: с 1861 г. (объявление манифеста об отмене крепостного права) начинается период капитализма в России, ознаменовавшийся коренной ломкой общественных отношений, быта, народного мировоззрения и народного художественного творчества; фольклор периода феодализма воспринимается как наследие и изживается; на смену ему идут новые жанры — рабочая песня, рабочий сказ, революционная песня, частушка. При этом особенно охотно цитируются ленинские слова из последнего раздела книги «Развитие капитализма в России»: «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» (т. 3, с. 597—598)⁴.

² Предварительную публикацию см. Чистов К. В. История фольклора — история русского крестьянства. — В сб.: Основные направления в изучении фольклора. Тезисы докладов. Изд. Науч. совета по фольклору при ОЛЯ АН СССР. М., 1971, с. 11—16.

³ См. сравнительно недавно опубликованное учебное пособие для педагогических институтов: Аникин В. П., Круглов Ю. Г. Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1983.

⁴ Здесь и далее в скобках указываются том и страница по Полному собранию сочинений В. И. Ленина.

Разумеется, под пером разных авторов эта схема приобретает некоторые оттенки, реализуется то совсем прямолинейно, то с отдельными разумными оговорками. Например, в ряде учебников все-таки признается, что фольклор предшествующей феодальной эпохи еще продолжает довольно активно бытовать, хотя и подвергается решительному переосмыслению и преобразованию. В таких случаях говорится о дальнейшем развитии реализма (или элементов реализма) в русском фольклоре этого периода, обострении социальных мотивов, развитии психологических мотивировок, образа крестьянина-бедняка, усилении антиклерикальных настроений и т. п.⁵

Выделяя период капитализма, авторы учебников, с одной стороны, следуют общен исторической периодизации, которую невозможно оспорить, с другой стороны, пытаются облегчить студентам уяснение общего хода истории русского фольклора XIX—XX вв., включая советское время. Все это можно понять, и подобная схема периодизации ничем не хуже, чем членение истории русского фольклора на два периода — дореволюционный и послереволюционный, которое мы находим в целом ряде учебных пособий, «методичек» для заочников и хрестоматий.

Авторы разделов о периоде капитализма обычно ссылаются в подкрепление своих идей на книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», его статьи о Л. Н. Толстом и др. В связи с этим возникает вопрос: действительно ли однозначная характеристика русского фольклора второй половины XIX — начала XX в. как фольклора капиталистического периода согласуется с ленинской концепцией истории русского крестьянства пореформенного и дореволюционного периода?

Ленинская концепция развивалась в два этапа. Как известно, на первом этапе, который падает на середину 1890-х годов — начало XX в.⁶, основной задачей выступлений В. И. Ленина по аграрным проблемам было доказательство того, что Россия окончательно и бесповоротно встала на путь капиталистического развития. Ленин говорит о прогрессивности этого процесса. В отличие от народников Ленин показывает (и это очень важно), что распространение отношений капиталистического типа следует объяснять не развращающим влиянием города, от которого, как полагали народники, могло бы уберечь сохранение общины и общинных традиций. Деревня сама порождает капиталистические отношения. Пореформенное разорение крестьянства ведет к освобождению рабочих рук для капиталистических предприятий. Имущественная, а вслед за этим социальная дифференциация деревни превращает крестьянство из класса в классообразующую среду — формируются деревенская буржуазия и деревенский пролетариат. Община не уберегает беднейшее крестьянство и от этих процессов. Она все в большей мере становится послушным орудием в руках богатеев.

⁵ Назовем важнейшие: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов/Под общ. ред. П. Г. Богагырева. Изд. 2-е. М.: Учпедгиз, 1956 (глава «Народное творчество эпохи капитализма и первой русской революции» написана автором настоящей статьи); Чичеров В. И. Русское народное творчество. М.: Изд-во МГУ, 1959; Русское народное поэтическое творчество/Под ред. А. М. Новиковой и А. В. Кокорева. М.: Высш. школа, 1969; Русское народное поэтическое творчество/Под ред. Н. И. Кравцова. М.: Просвещение, 1971; Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. Изд. 2-е. М.: Высш. школа, 1983; Аникин В. П., Круглов Ю. Г. Указ. раб. и др. См. также: Українська народна поетична творчість.— Київ: Радянська школа, 1965; Беларуская народная паэтычная творчасць/Под агульнай рэдакцыяй М. Р. Ларчанкі. Мінск: Навука і тэхніка, 1967; Кабашніцаў К. П. Ад традыцыйнага фальклору да рэвалюцыйнай паэзіі. Мінск, 1969; Беларуская народна-паэтычная творчасць. Мінск: Вышэйш. школа, 1979, и др.

⁶ См.: Пеккер Я. И. О книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». М., 1958; Пашков А. И. Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов. М., 1960; Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; В. И. Ленин и общественно-политическая мысль XIX—XX вв. М., 1969.

Эти ленинские идеи хорошо известны. Они сыграли значительную роль в формировании и развитии марксизма в России и ныне вошли в учебники по истории КПСС, истории СССР, по истории русского крестьянства, по аграрной истории России и т. д.

Ленин не только доказал, что Россия движется по пути капиталистического развития, но и выразительно сформулировал основную особенность развития капитализма в России. Реформы 60-х годов XIX открывшие возможность капиталистического развития, были осуществлены крепостниками и в интересах крепостников. Капиталистическое развитие происходило в стране, не пережившей буржуазной революции. Именно этот важнейший факт заставляет Ленина называть интересующий нас период «*перереформенной, но дореволюционной эпохой*» (т. 20, с. 22). В одной из более поздних своих работ В. И. Ленин пишет: «Помещичьи губернские комитеты в 1861 году и помещики — мировые посредники (они названы были мировыми, должно быть, потому, что мир волили помещикам) — они так *освободили* крестьян, что *пятая часть* крестьянской земли оказалась отрезанной помещиками! Они так *освободили* крестьян, что за оставшийся у крестьян после этого грабежа надел заставили мужика платить *втридорога*! Ни для кого не тайна, ведь, что при „*выкупе*“ 1861 года мужика заставили заплатить *гораздо больше того*, что земля стоила. Ни для кого не тайна, что мужика заставили тогда *выкупать* не только крестьянскую землю, но и *крестьянскую свободу*. Ни для кого не тайна, что „*благодеение*“ *государственного* выкупа состояло в том, что казна содрала с крестьян *больше денег* за землю (в виде выкупных платежей), *чем она отдала помещикам*! Это был братский союз помещика и „*либерального*“ чиновника для отграбления мужика» (т. 15, с. 131).

В важнейших работах этого периода — «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», «Развитие капитализма в России», «Проект программы нашей партии», «Рабочая партия и крестьянство», «К деревенской бедноте», «Пролетариат и крестьянство», «О нашей аграрной программе» и др. — В. И. Ленин постоянно подчеркивает, что капиталистические отношения в России развиваются медленно и (это особенно важно) в своеобразной ситуации — при наличии значительных пережитков (или, точнее, «остатков») крепостнических отношений. В «Развитии капитализма в России» он пишет: «... на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медлительностью и постепенностью» (т. 3, с. 165). В этой же книге в главе «Рост торгового земледелия» Ленин уточняет: «Действительно важный вопрос относится вовсе не к форме землевладения, а к тем остаткам чисто средневековой старины, которые продолжают тяготеть над крестьянством: сословная замкнутость крестьянских обществ, круговая порука, непомерно высокое податное обложение крестьянской земли, не идущее ни в какое сравнение с обложением земель частного владения, отсутствие полной свободы мобилизации крестьянских земель, передвижения и переселения крестьянства» (т. 3, с. 322). В статье «Рабочая партия и крестьянство» (1901) Ленин вновь возвращается к этому: «И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на двадцать лет временнообязанными, их оставили — и они и по сих пор остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства» (т. 4, с. 429—430), или: «„Освобожденный“ о барщины, крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобраным, приниженым, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как „добровольно“ идти на барщину... Отработки и кабала — вот чем оказался на деле тот „свободный труд“, призвать на

который „божие благословение“ приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом» (там же, с. 430—431)⁷.

В работе «Что такое друзья народа...» В. И. Ленин говорит о «громдной быстроте» развития капитализма в стране в целом, о подрыве устоев старой России и вместе с тем о средневековой, полукрепостной обстановке, патриархальном, полукрепостном крестьянстве, о том, что остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (т. 1, с. 251). В рецензии на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос» Ленин приходит к выводу: процесс капитализации «быстро идет вперед», но вместе с тем «процесс коренного преобразования капитализмом всего сельского хозяйства только еще начинается» (т. 4, с. 93). Поэтому, доказав, что Россия уже вступила на путь капитализма и движется по этому пути, Ленин следующим образом характеризует тогдашнее сельское хозяйство: «... капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, *переходная система* (курсив мой. — К. Ч.), система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы» (т. 3, с. 186). Примерно то же самое сказано и о степени социальной дифференциации крестьянства («Аграрный вопрос и „критики Маркса“»): «... процесс разложения крестьянства, который был подробно доказан русской марксистской литературой, в России находится на одной из начальных стадий развития» (т. 5, с. 187).

Именно поэтому в статье «Рабочая партия и крестьянство» Ленин предсказывает, что борьба сельских рабочих против кулачества в приближающейся революции не будет еще иметь общенационального значения. «Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неправомерности и принижения десятков миллионов „простолюдов“ — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса» (т. 4, с. 433).

Охарактеризованная выше система идей легла в основу первой аграрной программы большевиков. Ее важнейшими пунктами были требования возвращения крестьянам отрезков, т. е. бывших крестьянских участков, отобранных помещиками в ходе осуществления реформы 1861 г., и ликвидация (компенсация) всех крестьянских «долгов» и платежей, навязанных реформой. В статье «О нашей аграрной программе (Письмо III съезду)» в связи с этим говорится: «Социал-демократы... утверждают, что все крестьянство вряд ли *может* солидарно идти дальше требования возвращения отрезных земель, так как за пределами такого аграрного преобразования неизбежно выступит ярко антагонизм сельского пролетариата и „хозяйственных мужичков“» (т. 9, с. 357).

Второй этап развития ленинской концепции истории русского крестьянства пореформенного периода связан с революцией 1905—1907 гг. Крестьянские выступления, разрозненные и импульсивные, недостаточно освещенные политическим сознанием, были вместе с тем однозначны по своему социальному смыслу. Их антипомещичья направленность не вызывала сомнения. В статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» (1905) В. И. Ленин пишет: «Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых, крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против

⁷ Подробно о последствиях реформы см.: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е. М., 1968; *его же*. Проведение в жизнь крестьянской реформы. М., 1958.

помещичьего землевладения, как главной опоры всех пережитков крепостничества» (т. 12, с. 41).

Опыт революции показал, что крестьяне вместе с тем в своей массе выступают не за раздел помещичьей земли и передачу ее в частную собственность. Выявилась и приобрела значительную популярность идея передачи земли (причем всей: и помещичьей, и государственной) и удельной или кабинетской, и церковно-монастырской) в общенародную собственность. Здесь впервые на страницах сочинений В. И. Ленина появляется крестьянское выражение «земля божецкая», т. е. земля не должна принадлежать никому из людей, ею должен пользоваться тот, кто ее обрабатывает. Это характерное словосочетание будет в 1906—1910 гг. неоднократно встречаться в работах В. И. Ленина, особенно при анализе выступлений депутатов Думы — крестьян, трудящихся и эсеров. Корни, природа и история этого представления еще ждут своего исследователя. Оно, несомненно, одно из ключевых представлений для понимания истории социальной психологии и общественного сознания крестьянства. Установив его популярность в крестьянских массах эпохи революции 1905—1907 гг. и оценив его значение для правильного понимания крестьянских чаяний в специфической ситуации преформенного периода, В. И. Ленин дал ему политико-экономическое истолкование, чрезвычайно важное для анализа аграрных отношений этого периода⁸.

Уже на Таммерфорсской конференции был поставлен вопрос о внесении существенных изменений в аграрную программу РСДРП. Было решено пункт о возвращении крестьянам отрезков снять как потерявший свою актуальность. Вместо него необходимо было ввести требование о конфискации всех помещичьих, удельных, кабинетских, церковно-монастырских и государственных земель и о создании самостоятельных организаций сельского пролетариата. Эти идеи получили свое отражение в ленинском проекте резолюции Таммерфорсской конференции (т. 12, с. 148—149). Вслед за этим В. И. Ленин публикует статью «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». В ней он пишет о крестьянском движении в первой русской революции: «Это движение, как всякое глубокое народное движение, вызвало уже и продолжает вызывать громадный революционный энтузиазм и революционную энергию крестьянства. В своей борьбе против помещичьей собственности на землю, против помещичьего землевладения, крестьяне с необходимостью доходят и дошли уже, в лице передовых своих представителей, до требования отмены всей частной собственности вообще.

Что идея общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродит теперь в крестьянстве, это не может подлежать ни малейшему сомнению. И несомненно также, что, несмотря на всю темноту крестьянства, несмотря на все реакционно-утопические элементы его пожеланий, эта идея, в общем и целом, носит революционно-демократический характер» (т. 12, с. 252—253). В связи с этим В. И. Ленин на IV объединительном съезде предлагает проект новой аграрной программы социал-демократии, главным пунктом которой теперь оказывается требование национализации земли.

В статьях 1906—1910 гг. В. И. Ленин постоянно возвращается к вопросу о степени единства крестьянского движения в революции и о значении для этого единства борьбы с пережитками феодальных отношений в сельском хозяйстве. Он неоднократно пишет о том, что для русской буржуазной революции специфичен именно ее крестьянский

⁸ Об этом см.: *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956; *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. I. От реформы к революции. М., 1966; *Яковлев Н. Н.* Некоторые вопросы истории революции 1905—1907 гг.— В сб.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 222—237; *Леценко Н. Н.* В. И. Ленин о союзе рабочего класса и крестьянства в период первой русской революции.— Там же, с. 238—252; *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. Изд. 3-е. М., 1983.

характер. Для понимания же настроений и чаяний крестьянства перво-степенное значение имеет их антифеодалная направленность или, точнее, энергия борьбы крестьянства с избыточными пережитками крепостничества. В статье «Перед бурей» В. И. Ленин отмечает: «Серый русский мужик перестал быть политическим сфинксом» (т. 13, с. 334). В связи с этим вновь встает вопрос о степени развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и их соотношения с пережитками крепостнического или полукрепостнического характера. В. И. Ленин снова обращается к этому вопросу в целой серии своих работ тех лет («Крестьянская или „трудовая“ группа и РСДРП», «Вопрос о земле и борьба за свободу», «Накануне», «Эсеровские меньшевики», «Опыт классификации русских политических партий», «Политическое положение и задачи рабочего класса», «О природе русской революции» и, конечно, прежде всего в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.», в известных статьях о Толстом и о пятидесятилетии крестьянской реформы 1861 г.). Углубляя и уточняя свою концепцию истории русского крестьянства в пореформенный период, В. И. Ленин говорит в эти годы о необходимости корректировать первую аграрную программу в свете опыта революции 1905—1907 гг. С особенной ясностью это сформулировано в «Аграрной программе»: «... верно определяя *направление* развития, мы неверно определили *момент* развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус кабальные „отрезки“ — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным поэтому к „крестьянской аграрной революции“. Не „боязнь“ крестьянской аграрной революции породила ошибочную программу, а *переоценка степени* капиталистического развития в русском земледелии. Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью, — капиталистическое хозяйство на наделной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением.

Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила» (т. 16, с. 268—269) ⁹.

Выявилась также переоценка степени расслоения крестьян. В. И. Ленин пишет: «Никто не мог с уверенностью сказать наперед, насколько расслоилось крестьянство под влиянием частичного перехода помещиков от отработков к наемному труду. Никто не мог учесть, как велик слой сельскохозяйственных рабочих, создавшийся после реформы 1861 года, насколько обособились их интересы от интересов разоренной крестьянской массы» (там же, с. 234) или: «... вопрос о том, насколько разложилось уже капиталистически наше крестьянство, насколько способно оно к революционно-демократическому перевороту, слишком трудно или невозможно было бы решить на основании одних теоретических соображений» (там же, с. 233).

Эти проблемы начали проясняться только к весне 1905 г., когда крестьянское движение приобрело действительно широкий размах. Крестьянство пошло много дальше, чем требование возврата отрезков, — оно стало требовать всю помещичью землю. «На этой ошибке (т. е. на требовании возврата отрезков.— К. Ч.) неразумно настаивать теперь, когда нас многому научила революция» (т. 12, с. 250).

В связи с этим возник вопрос, передавать ли конфискованную помещичью, государственную, монастырскую и т. п. землю в частную собственность мелким землевладельцам. Ленин призывает подходить

⁹ Подробнее о пересмотре аграрной программы см.: Трапезников С. П. Указ. раб. (гл. V. Разработка Лениным аграрной программы РСДРП, с. 134—174); см. также: Дубровский С. М. К вопросу об уровне развития капитализма в России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма. М., 1960; Материалы конференции «Сельское хозяйство и крестьянство в России в период империализма». Ин-т истории АН СССР. М., 1965; История КПСС в 6-ти томах. Т. II. М., 1966, с. 178—187.

к этому вопросу с большой осторожностью. Он выдвигает лозунг: «Против помещичьей собственности за крестьянскую собственность при существовании частной собственности на землю вообще. Против частной собственности на землю за национализацию земли *при определенных политических условиях*» (т. 12, с. 254). Известно, что данный вопрос вызвал на IV съезде разногласия не только между большевиками и меньшевиками (последние настаивали на муниципализации земли), а и среди большевиков (сторонники предложенной Лениным национализации и так называемые «разделисты») ¹⁰.

Мы не будем рассматривать этот вопрос подробнее. Отметим лишь, что для В. И. Ленина он имел далеко не академический характер. Меньшевики и «разделисты» исходили из того, что после раздела земли должен пройти определенный период капиталистического развития сельского хозяйства, очищенного от феодальных пережитков. Только противоречия, которые созреют в результате подобного развития, могут привести к революции социалистической. В отличие от них В. И. Ленин исходя из крестьянской, народной сути буржуазной революции в России, говорил о радикализме крестьянского движения, народном его характере, о возможности союза рабочего класса и крестьянства в борьбе с властью помещиков и капиталистов.

Характерно, что именно в эту пору, так же как в 1917—1918 гг., на страницах сочинений В. И. Ленина, всегда ратовавшего за классовый подход к любому вопросу, появляется слово «народ» как политический термин и производные от него «народный» и «народное творчество» в смысле народного политического творчества масс (см., например, т. 12, с. 317, 330, 334, 366; т. 13, с. 23, 25; т. 16, с. 325 и др.; т. 34, с. 305, 310; т. 35, с. 26, 61) ¹¹.

Итак, В. И. Ленин доказал, что Россия во второй половине XIX в. бесспорно встала на путь капитализма, однако это развитие было отягощено многочисленными пережитками феодальных отношений. Уже на первом этапе развития своей концепции истории русского крестьянства пореформенного периода В. И. Ленин охарактеризовал этот период как переходный, для которого, если речь идет о сельском хозяйстве, была характерна только самая начальная стадия развития отношений капиталистического типа. На втором этапе развития концепции представления о силе пережитков крепостничества были уточнены — их роль в историческом развитии России оказалась еще сильнее, чем предполагалось. В цитированной уже работе В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» читаем: «Рассуждая с чисто экономической точки зрения, мы безусловно должны признать *максимум* (курсив мой. — К. Ч.) остатков феодализма в русском землевладении, и помещиком и крестьянском наделом. При таких условиях противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим и толкает, в силу объективных причин, к наиболее глубокой буржуазной революции, к созданию условий наиболее быстрого агрикультурного прогресса» (т. 16, с. 301).

Следовательно, в разных сферах социальной, политической и экономической жизни степень развития капиталистических отношений и степень их отягощения пережитками феодализма была далеко не одинаковой. Если В. И. Ленин уже на первом этапе развития своей концепции говорит о «переходной системе», то, учитывая коррективы, внесенные им в эту концепцию на втором этапе ее развития, в процессе осмысления опыта революции 1905—1907 гг., тем более следует пореформенный дореволюционный период в истории сельского хозяйства России при-

¹⁰ См.: Трапезников С. П. Указ. раб., с. 140 и сл.; Перишин П. Н. Указ. раб. (раздел «Основные положения ленинского учения о национализации земли», «Ленинская критика программы раздела земли» и «Критика аграрной программы кадетов и эсеров» с. 200—225.

¹¹ Ср. Гусев В. Е. В. И. Ленин о народе и проблемы русской фольклористики конца XIX — начала XX века. М.—Л., 1961, с. 96—127.

нать периодом переходным от феодализма к капитализму. Эта особенность русской истории очень важна для понимания судеб традиционной культуры.

Изменения даже в сфере экономики сельского хозяйства, не говоря уж о сферах политической и социально-психологической, наметились, обозначились, стали давать знать о себе, но они были еще не столь велики. К такому убеждению В. И. Ленин пришел в 1905—1906 гг., что и давало ему право говорить о Л. Н. Толстом, отразившем идеологию и психологию патриархального крестьянства, как о «зеркале русской революции». Патриархальное крестьянство по-прежнему (несмотря на развитие неземледельческого отхода, миграций, рост батрачества и других явлений, которые хорошо передает емкое слово «раскрестьянивание») составляло большинство русского крестьянства и, следовательно, большинство русского народа той поры. Это также давало В. И. Ленину право, например, пользоваться возникшей в XVIII в. украинской народной песней «Ой, царица Катерина» для характеристики выступления крестьянского депутата в Думе или интересоваться в 1918 г. для понимания крестьянского отношения к армии и войне рекрутскими причитаниями, записанными Е. В. Барсовым в 1867—1868 гг. от И. А. Федосовой. В том же 1918 г. В. И. Ленин, как известно, читал тексты из сборников Н. Е. Ончукова и В. Н. Добровольского, записанные в конце XIX — начале XX в., и говорил о желательности обобщения опубликованных в них материалов под социально-политическим углом зрения, что было бы, по его словам, очень важно для понимания чаяний и ожиданий народных и народной психологии «в наши дни», т. е. в ходе революции ¹².

Таким образом, выясняется, что ленинское понимание истории русского крестьянства пореформенного периода отражается в бытующей в нашей фольклористике периодизации русского фольклора по крайней мере неточно и односторонне. Какие бы ни делались при этом оговорки, данный период однозначно именуется капиталистическим. Между тем, если не переносить механически общен историческую периодизацию на историю крестьянского быта, то вслед за В. И. Лениным следует признать этот период в истории крестьянской социальной психологии и фольклора переходным.

В нашей этнографии не обсуждался вопрос о периодизации истории традиционно-бытовой культуры восточных славян. Однако в силу ряда причин сложилось устойчивое представление, согласно которому реконструируемая этнографами система архаической традиционно-бытовой культуры датируется формулой «конец XIX — начало XX в.», т. е. принята не столько абсолютная, сколько относительная датировка, что безусловно адекватно природе и закономерностям развития традиционно-бытовой культуры. Разумеется, фиксируются (когда для этого оказывается достаточно достоверный материал) элементы, позволяющие говорить о воздействии города на крестьянскую культуру интересующих нас десятилетий, о признаках урбанизации крестьянской культуры. Процессы эти только начинались. Традиционно-бытовая культура в известном нам архаическом варианте XIX в. (как застала ее этнография в пору своего формирования) еще представляла собой продуктивную систему, способную не только усваивать, но и перерабатывать усвоенные элементы или комплексы культуры. Эти процессы ускоряются с начала 1920-х годов. Позже, в ходе коллективизации сельского хозяйства, культурной революции 1920-х — 1940-х годов, интенсивных миграций в города, еще позже — развития всеохватывающей системы технических средств массовой информации и других факторов, достаточно известных читателю, устойчивые и длительные время сохранявшиеся целостность и самостоятельность крестьянской традиционно-бытовой культуры начинают активно размываться. Происходит культур-

¹² *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин об устном народном творчестве. — Сов. этнография, 1954, № 4, с. 117—131.

ная переориентация основной массы сельских жителей на современную городскую комплекс культуры.

Какие же материалы используются при реконструкции архаической системы крестьянской культуры, о которой идет речь? Прежде всего собранные во второй половине XIX — начале XX в. материалы 1920-х годов или более поздние, в которых все большую и большую роль играют воспоминания информаторов и вещи, утратившие свои бытовые функции. Основными информаторами при этом были представители старшего поколения сельских жителей, родившиеся в последнее десятилетие прошлого века.

Изучая изменения, происшедшие в ходе социалистического преобразования, мы считаем состояние бытовой культуры «в конце XIX — начале XX в.» стартовым, мерой отсчета, наследием, которое досталось поколениям советского времени.

Думается, что эта эмпирически сложившаяся концепция верна, ее формирование оказалось возможным как раз потому, что деревня пореформенной поры в основном сохраняла свой традиционный быт, традиционный образ жизни, традиционную психологию. Это не значит, что никаких изменений не происходило. Пореформенное время вовсе не было временем стагнации культуры. Однако крестьянская традиционная культура еще не претерпевала *принципиальных* изменений, коренных преобразований, урбанистической переориентации.

Для структуры русской национальной культуры этого времени было весьма характерно сочетание высших достижений мировой науки, литературы, изобразительного искусства и архаического моря русской деревни, неграмотной, отрешенной от этих достижений русской профессиональной культуры, все еще патриархальной по своей природе¹³.

Это был именно переходный период. Капиталистические отношения в сельском хозяйстве начали развиваться, но замедленно, они были отягощены многими феодальными пережитками, быт деревни и психология крестьянства, как говорит об этом В. И. Ленин, все еще были патриархальными, полукрепостническими или полусредневековыми по своему характеру. Основной социальный конфликт между помещиками и пореформенным крестьянством не могли разрядить ни сезонные миграции в города крестьян, все еще связанных с наделом и общиной, все еще не освободившихся от кабальных платежей, ни переселения в Сибирь, ни столыпинские отруба и хутора.

Разумеется, разные сферы традиционно-бытовой культуры развивались неравномерно. Это особый и сложный вопрос, который не может быть обсужден в рамках настоящей статьи.

Вернемся к фольклорным проблемам. Прежде всего обращает на себя внимание важнейшее и несомненное обстоятельство: основной массив классического русского фольклора известен нам именно в записях второй половины XIX — первых трех десятилетий XX в.¹⁴

Исследователи накопили много фактов, предположений, гипотез, касающихся изменений, происходивших в русском фольклоре 1861—1917 гг. В середине 1950-х годов был предпринят опыт обобщения всех этих материалов. Результаты его опубликованы во 2-й книге II тома многотомника «Русское народное поэтическое творчество»¹⁵, который и вызвал упоминавшуюся уже дискуссию. В последующие годы были заново изучены судьбы основных жанров в интересующий нас период: сказки (Э. В. Померанцева), лирической песни (Н. П. Колпакова,

¹³ Подробнее см. *Чистов К. В.* Важнейшие особенности русской культуры XIX—XX вв. Наука и литература. Профессиональное искусство.— В кн.: Народы Европейской части СССР (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). Т. I. М., 1964, с. 558—571.

¹⁴ См.: *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. II. СПб., 1891; *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. Т. II. М., 1963; *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966.

¹⁵ Русское народное поэтическое творчество. Т. II, кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века. М.—Л., 1956.

С. Г. Лазутин, Т. М. Акимова), былины (А. М. Астахова, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов), причитания (К. В. Чистов, В. Г. Базанов, Ю. Г. Круглов), народного театра (Н. И. Савушкина, В. Е. Гусев, А. Ф. Померанцева), несказочной прозы (К. В. Чистов, В. К. Соколова, Э. В. Померанцева). Накоплено много наблюдений, но не обобщен материал по обрядовой песне. Все эти исследования нуждаются в критическом осмыслении и подытоживании. Однако уже сейчас можно уверенно сказать, что концепция, согласно которой история русского фольклора второй половины XIX—начала XX в. (т. е. периода пореформенного и дореволюционного) четко выделяется в особый период, однозначно характеризующийся как «период капитализма», не выдерживает проверки. Это типичный переходный период, причем основные жанры крестьянского фольклора не претерпевают в это время принципиальных изменений.

Так, Э. В. Померанцева в заключительной главе своей книги «Судьбы русской сказки» пишет: «Русская фольклорная сказка в XVIII—XX вв. всецело живет своим старым багажом, запасом традиционных схем, сюжетов, мотивов, образов, лишь приспособляясь к новой действительности, но в корне не изменяясь и продуктивно не развиваясь. Новая действительность, воздействуя на характер ее интерпретации, на ее роль в жизни и быту народа, отражается, однако, в ней лишь в деталях, изменяющих традиционную основу, но не создает новых фольклорных сюжетов и образов.

Сопоставляя варианты сюжетов сказок, зафиксированных в XVIII, XIX и XX вв., мы увидим между ними намного больше совпадений, чем различий, причем совпадений гораздо более весомых, чем расхождения. Традиция оказывается сильнее тех новаций, которые приводит в сказку новая действительность»¹⁶.

Примерно к такому же выводу приходит Н. П. Колпакова в главе «Исторические судьбы народных бытовых песен» известной монографии «Русская народная бытовая песня»: «Все эти произведения народного традиционного песенного творчества — одни в большей степени, другие в меньшей — к началу XX века были распространены и любимы по всей России, составляли неотъемлемую часть народной художественной культуры. О насыщенности народной жизни в ту пору традиционной бытовой песней говорит как огромное количество ежегодно собиравшихся текстовых и музыкальных материалов, так и множество фольклорных и этнографических наблюдений, публиковавшихся на страницах различных изданий»¹⁷. К сходным выводам приходит и С. Г. Лазутин в книге «Очерки по истории русской народной песни» (Воронеж, 1964).

Н. П. Колпакова, так же как Э. В. Померанцева, убедительно показывает, что переломным этапом в истории народной песни (Э. В. Померанцева — сказки) была не вторая половина XIX в., а послереволюционные десятилетия, особенно 30—40-е годы.

А. М. Астахова в своей последней книге «Былины. Итоги и проблемы изучения» (М.—Л., 1966) говорит о второй половине XIX и первых трех десятилетиях XX в. как о периоде продуктивном, но вместе с тем завершающем историю русского эпоса.

Б. Н. Путилов в специальной статье «Севернорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу» следующим образом подытоживает наши знания о позднем этапе бытования русского эпоса: «Среда, продолжавшая хранить и передавать из поколения в поколение былинную поэзию, воспринимала и трактовала ее как память о далеком прошлом, как историю „иного“ времени, преемственно связанного с временем нынешним, но качественно отличавшегося от него. При всем том былины в общем составе русского фольклорного репертуара не были художественным анахронизмом. Они вполне естественно и гармонично укладывались в этот состав, обнаруживая многообразные — иногда лежащие на поверхности, иногда глубоко скрытые — связи с другими тра-

¹⁶ Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 203.

¹⁷ Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962, с. 247.

диционными жанрами народной поэзии и с другими видами народного искусства»¹⁸.

Аналогичные процессы происходят и в сфере исторической песни. Как и былины, исторические песни (если исключить два сборника — Кирши Данилова и Киреевского) известны нам преимущественно по записям второй половины XIX и первых десятилетий XX в.

Изучение причитаний показало, что этот импровизационный жанр более чутко реагировал на исторические изменения крестьянского быта, однако никаких достоверных сведений об угасании жанра причитаний в интересующий нас период нет. Здесь также довольно четко выделяется вторая половина XIX — первые десятилетия XX в. как переходный период, предшествующий коренным преобразованиям, совершившимся в 30-е годы нашего столетия.

Итак, ленинская концепция истории русского крестьянства пореформенного периода подтверждается этнографическими и фольклорными материалами. Необходимо отказаться от прямолинейной и однозначной характеристики этого периода в истории русского фольклора (и, полагая с таким же основанием в истории традиционно-бытовой культуры крестьянства) как «периода капитализма». Верное для общеоисторической периодизации, это обозначение пореформенного периода не должно механически переноситься на столь традиционную и медленно меняющуюся сферу, как традиционно-бытовая культура, и тем более фольклор.

Дело, разумеется, не просто в способе обозначения периода, его названия. Оно всегда условно. Проблема заключается в понимании характера этого периода, его исторической роли и значения в свете ленинской концепции истории русского крестьянства. Как мы видели, школярская прямолинейность, вульгаризация и непонимание механизма отражения фольклором исторической действительности приводят к необоснованной периодизации, различного рода преувеличениям, произвольным предположениям и неточностям.

¹⁸ Путилов Б. Н. Севернорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу. — В сб.: Фольклор и этнография русского Севера. Л.: Наука, 1973, с. 173.

К. П. Боришполец, Ш. З. Султанов

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Современная политическая обстановка в ряде районов земного шара наглядно подтверждает ленинские слова: «Нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса»¹.

В последнее десятилетие особенно резко возросло значение национальных проблем в жизни подавляющего большинства молодых независимых государств. Многие страны столкнулись с теми или иными формами этнических конфликтов. Практически повсеместно происходит процесс политизации межэтнических отношений. Кроме того, весь комплекс проблем, связанных с национальными отношениями, стал в настоящее время предметом острой идеологической борьбы.

В связи с этим значительный интерес представляет вопрос о комплексном анализе этнонациональных проблем в развивающихся стра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 239.

нах, так как проблемы эти могут выступать в качестве источника острых внутрисполитических и международных конфликтов. Ряд шагов в этом направлении был сделан в трудах Ю. В. Бромлея, Р. Н. Исмагиловой, М. С. Лазарева, Б. В. Андрианова и некоторых других советских ученых. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию национального вопроса, советские исследователи убедительно показали, что незавершенность процессов становления крупных этнических общностей, конкретные исторические и социально-экономические условия развития многих молодых независимых государств нередко приводят к обострению отношений между различными группами населения. Возникающие при этом политические противоречия затрудняют самостоятельное развитие этих государств и поэтому активно используются силами империализма и неокOLONиализма для вмешательства во внутренние дела развивающихся стран.

Что касается зарубежных научных публикаций, то в последнее десятилетие здесь также накоплен значительный материал в области прикладных исследований этнополитической проблематики.

Настоящая статья представляет опыт краткого критического анализа некоторых зарубежных прикладных концепций и методов изучения этнополитических противоречий в развивающихся странах². Данное направление сравнительно молодо и разрабатывается главным образом американскими исследователями, отражая общую тенденцию интенсификации изучения этнического фактора в зарубежной социологии, антропологии и политологии 1970—1980-х годов. Необходимо подчеркнуть, что одной из важных черт, присущих работам этой категории, является стремление к комплексному описанию воздействия этнического фактора, в том числе этнополитических взаимосвязей, на социально-политические процессы, прежде всего его роль в сохранении внутрисполитической стабильности развивающихся стран. Хотя главный акцент в разработках делается на их чисто теоретические аспекты, тем не менее, по мнению известного политолога проф. К. Бентли, исследование этнической проблематики в последнее время диктовалось отнюдь не абстрактным академическим интересом, а непосредственными политическими потребностями³. Другими словами, и прикладные методики анализа этнического фактора, и конкретные результаты их применения активно используются во внешнеполитической практике современного империализма.

Прикладные методические процедуры стали разрабатываться рядом школ и направлений в буржуазной этнографии, социологии и политологии. Одна из них — теоретическая концепция «меньшинство — большинство», выдвинутая еще в 1940-е годы Луисом Виртом⁴. Две исходные предпосылки этой концепции определили в дальнейшем ее популярность среди западных исследователей. Первая — любое национальное меньшинство подвергается дискриминации того или иного рода из-за объективно существующего неравенства сил между ним и остальной частью общества. Анализ форм неравенства и соотношения сил стал одним из важнейших элементов в последующих после Л. Вирта исследованиях.

Вторая предпосылка заключалась в том, что изучение социально-культурных и социально-психологических особенностей того или иного национального меньшинства корректно только в контексте социально-политических и социально-экономических институтов данного общества.

² Под прикладной концепцией имеется в виду набор не связанных строго друг с другом методических исследовательских процедур, основанный на выделении соответствующих индикаторов, чаще всего качественных, не предусматривающих жесткой и строгой верификации. Таким образом, значительная роль отводится интуитивному знанию исследователя. Под прикладным методом анализа подразумевается определенная более или менее алгоритмизированная система исследовательских процедур, базирующихся на выборе квантифицированных индикаторов. Такой метод можно верифицировать во всяком случае на основе первоначального информационного массива.

³ Bentley C. Ethnicity and Nationality. A Bibliographic Guide, L., 1981, p. XII.

⁴ Wirth L. The Problem of Minority Groups.— In: The Science of Man in the World Crisis/Ed. R. Linton. N. Y., 1945, p. 347—372.

Так, например, Р. Линтон, проанализировав в 1960-е годы основные критерии, сформулированные Л. Виртом для характеристики этнонациональных меньшинств, предложил следующие индикаторы измерения силы той или иной этнической группы: «сила притяжения» — способность данной группы вступать в коалицию с другими группами; «сила квалификации» — способность использовать знания и информацию, накопленную другими группами; «сила вознаграждения» — способность использовать другие этнические группы, их материальные и духовные ресурсы; «сила принуждения» — способность применять насилие по отношению к другой группе; «сила законодательства» — способность легитимизировать свои действия⁵. Однако каким образом эти индикаторы ранжируются, как они взаимосвязаны друг с другом, каковы особенности их подкомпонентов — всех этих вопросов ни Р. Линтон, ни другие западные специалисты не касаются. Широкое научно-практическое применение этих критериев при исследовании этнической проблематики развивающихся стран оказалось в целом малопродуктивным. Прежде всего это было связано с тем, что политическая практика молодых независимых государств доказала невозможность адекватного анализа этнонациональных отношений путем автоматического использования концепций, разработанных применительно к иным социальным условиям.

В конце 1960-х годов при исследованиях этнической проблематики в странах Азии, Африки и Латинской Америки стал использоваться аппарат математической статистики, с помощью которого в рамках сравнительной социологии делались попытки установить соотношение между частотой внутривнутриполитических событий и агрегированными показателями этнических, социальных и экономических явлений⁶.

В этот же период в исследованиях буржуазных этнографов и социологов стали применяться некоторые положения общей теории конфликта, разработанные прежде всего в трудах таких авторов, как Б. Крозье, К. Боулдинг, Р. Дарендорф⁷.

Наконец, в современных прикладных исследованиях в той или иной степени используются понятия и категории, сформировавшиеся в рамках культурно-морфологической и аккультурационистской школ⁸.

Спектр используемых прикладных концепций достаточно разнообразен. Они различаются масштабами применяемых исследовательских процедур, числом и разработанностью индикаторов. Поэтому для отбора наиболее показательных работ был использован дополнительный критерий — характер, особенности объекта (т. е. этнополитического процесса), на которые прежде всего обращает внимание данный конкретный исследователь. С учетом всех этих аспектов были выделены четыре группы работ: 1) содержащие сравнительные прикладные концепции, ориентированные на исследование существующей ситуации этнополитической напряженности в различных странах; 2) работы, в которых сделана попытка создать общую модель этнополитического конфликта; 3) посвященные анализу критической фазы развития этнополитического конфликта — открытым автономистским движениям; 4) наконец, работы конкретно-странового характера.

⁵ См.: *Ethnic Conflicts and Power: A Cross National Perspective/Comp. D. E. Gelfand, R. D. Lee*. N. Y., 1976, p. 9.

⁶ *Values, Identities and National Integration/Ed. N. John. Paden*. Ewanstone, 1980, p. 397.

⁷ *Ethnic Conflicts and Power: A Cross-National Perspective*, p. 7. Один из сторонников применения общесоциологической теории конфликтов при исследовании этнических отношений, Д. Гилфанд, считает, что задача данной теории «выявить относительное положение этнических групп в различных обществах, а также факторы, определяющие статусную роль этих групп, средства контроля для поддержания границ между этническими группами и их связи с более широкими общностями. Такая теория должна быть ориентирована на анализ стратегии изменений, используемой различными этническими группами, и исследования их влияния на эволюцию внутренних структур общества, а также самих этнических групп» (*Ibid.*, p. 12).

⁸ Бадалян И. А. Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада. — *Сов. этнография*, 1976, № 1, с. 155—164.

В своем исследовании К. Хьюитт⁹ исходит из того, что в многонациональных обществах со значительными различиями между отдельными этническими общностями объективное неравенство в их положении неизбежно ведет к межэтнической напряженности, которая может проявляться в определенном уровне насилия. Соответственно формулируется и основная задача исследования — выявить зависимость между тем или иным уровнем насилия и специфическими характеристиками внутреннего развития данной страны, т. е. определить корреляционные связи между интенсивностью этнического конфликта и внутривнутриполитическими процессами.

Объектом анализа послужили 19 многонациональных государств, достаточно разнородных по уровню их социально-политического развития. Схема К. Хьюитта основана на логическом анализе таблиц с характеристиками различных аспектов внутривнутриполитической ситуации в рассматриваемых странах. Выбранные эмпирическим путем индикаторы, их взаимосвязи не обосновывались и специально не рассматривались. Информационной базой послужили материалы официальной статистики и данные международных организаций.

В первой таблице обобщена информация по следующим показателям для каждой из 19 стран: среднегодовая смертность, максимальная смертность в течение года, формы проявления внутренней нестабильности¹⁰.

Во второй таблице сведены основные характеристики социально-экономического и социально-политического развития: экономическая ситуация (доход, занятость); политическая ситуация (уровень участия группы меньшинства в законодательном процессе, административном управлении на региональном уровне, представительство в органах исполнительной власти; статус национальных меньшинств, установленный конституцией; демографическая ситуация (рост или сокращение этнических меньшинств).

В результате сопоставительного анализа таблиц К. Хьюитт выделяет четыре группы стран:

1. *С высоким уровнем насилия.* Для этих государств характерны следующие показатели: заметные экономические различия между меньшинством и большинством; меньшинство политически угнетено; как правило, демографическая ситуация в этих странах нестабильна (численность меньшинства возрастает быстрее, чем группы большинства); общества этих стран разделены на отдельные коммуны.

2. *С низким уровнем насилия.* В этих государствах не существует серьезных экономических и политических диспропорций; для них характерно конституционно закрепленное самоуправление этнических меньшинств; наблюдается определенная тенденция к сокращению численности национальных меньшинств за счет ассимиляции.

3. *Со средним уровнем насилия.* Автор фактически не смог сформулировать для них достаточно однозначных характеристик внутреннего развития.

4. *С ложным уровнем насилия.* В странах этого типа отсутствует ярко выраженное неравенство между различными этнонациональными группами, но отмечен высокий уровень насилия.

Два последних достаточно неопределенных по смыслу пункта приведенной классификации показательны для оценки результативности данного метода. Как будет видно далее, отсутствие логической строгости при конструировании прикладной концепции, отказ от обоснования принципов выбора тех или иных индикаторов, отсутствие критериев для

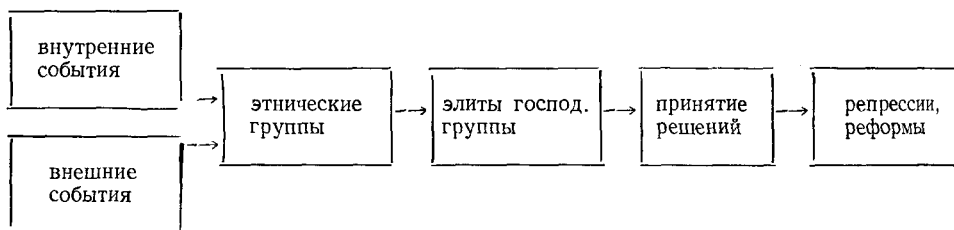
⁹ Hewitt C. Majorities and Minorities: A Comparative Survey of Ethnic Violence.— In: Ethnic Conflict in the World Today/Ed. M. Heisley. Philadelphia, 1977, p. 150—157.

¹⁰ Для характеристики внутренней нестабильности используется следующий набор определителей: «восстание или революция», «гражданская война», «терроризм и бунты», «повторные восстания», «покровительствуемые восстания», «один большой бунт», «хронические восстания в сочетании с терроризмом», «быстропроходящие восстания», «частые бунты», «постоянный терроризм».

однозначной интерпретации результатов — характерная черта не только концепции К. Хьюитта.

В исследовании М. Гейли ставится задача создания наиболее общей модели развития конфликтной ситуации в развивающихся странах на базе существующих этнонациональных противоречий¹¹.

Субъектами конфликтного взаимодействия выступают два типа участников: этнические группы страны и элиты¹² (правительственная, военная, коммерческая и культурная) господствующей этнической группы (модель их взаимодействия представлена ниже).

Модель взаимодействия этнических групп и элит господствующей группы

Взаимодействие между элитами и этническими группами по М. Гейли может приобретать конфликтную форму из-за этнических различий между отдельными группами; неодинакового восприятия политических событий; слабости структур власти; особого юридического статуса той или иной группы; репрессий правительства; структуры образования, предоставляющей привилегии определенным группам¹³.

Требования к господствующей элите со стороны этнических групп распределяются по трем основным типам: восстановление или сохранение культурной автономии; экономические требования; участие в процессе принятия решений и контроле на правительственном уровне.

Решения, принимаемые правящей элитой, рассматриваются в качестве главных результатов воздействия этнонационального конфликта на развитие страны в целом. При этом на практике репрессии и реформы сочетаются друг с другом. М. Гейли приходит к выводу, что в целом этнический конфликт играет конструктивную роль в национальном развитии молодых независимых государств, так как помогает преодолевать диспропорции политической системы и устанавливать «правила игры» между различными этническими группами населения¹⁴.

Прикладная концепция М. Гейли достаточно интересна, поскольку она включает набор методических процедур (рассмотрение внутренних и внешних событий: анализ этнических групп; выделение специфических требований и т. д.), а также набор индикаторов (например, психологи-

¹¹ Gale M. Effects of Ethnic Conflict on National Development.— In: Ethnicity and National Building: Comparative International and Historical Perspectives/Ed. W. Bell and W. Freeman, 1974, L., p. 269—279.

¹² М. Гейли создает своего рода «психологический портрет» этнической группы, который используется для конкретизации причин этнонациональных конфликтов в той или иной стране. С этой целью выделены следующие наиболее характерные показатели: уровень самоидентификации; наличие отрицательного стереотипа по отношению к другим этническим группам страны; осознание необходимости бороться за контроль или влияние в стране; существование практики «уничтожающих ритуальных актов» в отношении представителей других этнических групп; культурный уровень и религиозные представления.

¹³ Gale M. Op. cit., p. 274.

¹⁴ Тезис о «конструктивном характере» этнического конфликта для освободившихся стран достаточно распространен в буржуазной политологии. Но есть и другие точки зрения. В частности, известный политолог и специалист по этническим проблемам С. Энлоэ подчеркивает, что этнический конфликт потенциально увеличивает зависимость той или иной страны от внешних сил, дает возможность другим государствам прямо вмешиваться во внутривнутриполитический процесс, подрывает внутринациональную экономическую интеграцию, отвлекает квалифицированные кадры, способствует сохранению отношений недоверия между разными группами и т. д. См.: Ethnicity and Nation Building, p. 226—228.

ческих) для характеристики этнических групп). Однако сами процедуры жестко не связаны друг с другом и могут варьировать, а набор индикаторов отнюдь не претендует на окончательную полноту и достаточность. Поэтому данная схема, естественно, не может быть сколько-нибудь строго верифицирована и тем более претендовать на универсальность. Но при разработке даже таких общих прикладных концепций следует учитывать хотя и тривиальное, но тем не менее важное требование: не упрощать рассматриваемую ситуацию. В данном случае М. Гейли не учитывает общие социально-экономические условия развития этнического конфликта: процесс и особенности формирования системы социально-экономических противоречий, специфику борьбы классов в том или ином обществе и т. д. Исследуя негосподствующие этнические группы он не касается, например, такой проблемы, как развитие их элит.

На определенной стадии этнический конфликт может перерасти в борьбу за автономию одного или нескольких этнонациональных меньшинств. Так, например, интересная, на наш взгляд, попытка сформулировать прикладную концепцию анализа автономистских движений была предпринята Р. Холлом¹⁵.

Такого рода движения классифицируются в соответствии с теми стратегическими задачами, которые выдвигаются их лидерами: это национализм (предоставление больших прав этнонациональной группе), выделение (предоставление автономии в рамках централизованного государства), ирредентизм (воссоединение с представителями данной этнической группы, проживающими в пределах другого государства), сепаратизм (создание самостоятельного государственного образования)¹⁶.

Прикладная концепция состоит из нескольких блоков:

1. *Анализ этнополитической ситуации в стране.* Используются следующие индикаторы: «культура» — отношения, установки, нормы, понятия, стиль жизни, выражаемые в понятиях, материальных объектах и действиях; «экономика» — систематическая организация производства, управление и распределение материальных и статусных благ; «этничность» — характеристики групп, отличающие их от остальной массы населения; «география» — территория и рубежи, ограничивающие политическое единство в пространственном отношении; «история» — развитие отношений между этническими группами (исторические различия между ними и специфика их взаимоотношений); «язык» — устная и письменная связь, посредством которой систематизируются ценности и нормы, понятия и знания в рамках данной группы; «механизм господства» — фактическое господство, техника или способы приобретения и поддержания господства одной группы над другой; «религия» — сознание, основанное на групповых верованиях.

Понятно желание исследователей по возможности исчерпывающе охватить объект этим широким набором индикаторов. Однако при конструировании общих прикладных концепций возникают существенные противоречия, которые достаточно сложно преодолеть. Предполагается, что все вышеуказанные индикаторы должны рассматриваться отдельно для конкретной этнической группы и той массы населения, на которую в данный момент опирается существующий режим. Сопоставление результатов, полученных на основе этих показателей, должно дать представление о конкретной ситуации в той или иной стране, где существует движение за автономию. Авторы не конкретизируют составные части используемых ими индикаторов и их взаимосвязи, подчеркивая при этом, что такие взаимосвязи всегда специфичны не только для отдельной страны, но и для каждой исторической ситуации. И проблема как раз в том и заключается: если выявляемые взаимосвязи качествен-

¹⁵ Ethnic Autonomy — Comparative Dynamics: the Americas, Europe and Developing World/Ed. R. L. Hall. N. Y., 1979, p. XXXII, 458.

¹⁶ Ibid., p. XXI—XXIII.

но уникальны, то каким образом можно адекватно сопоставлять те или иные ситуации и делать правильные выводы, если не полагаться в конечном счете на интуицию специалиста по данной стране. Но при наличии нескольких экспертов (в силу их различного опыта, специализации и многих других факторов) закономерно возникает также проблем сопоставления и сравнения их оценок.

2. *Анализ силы этнической группы, выступающей за автономию.* Понятие силы выделяется как решающее для выявления перспектив автономистского движения. При этом каждая из перечисленных выше переменных может стать основой силы той или иной группы. Сила понимается как влияние, позволяющее субъекту этнополитического взаимодействия добиваться определенных результатов.

3. *Анализ причин возникновения автономистских движений.* Автор толкует эту проблему весьма расширительно, отмечая, что конкретные причины возникновения автономистских движений могут быть самыми разнообразными, и что в большинстве случаев «этнические группы объединяются для борьбы за автономию в силу разнообразных идеальных и материальных интересов, которые воспринимаются как справедливые»¹⁷. Началу движения обычно предшествует усиление внутригрупповых коммуникаций в рамках этнической группы, а также формулирование и выдвигание в том или ином виде концепции специфических интересов группы.

Однако данный тезис достаточно абстрактен. Конечно, теоретически можно предположить, что усиление коммуникаций внутри группы является симптомом возможности возникновения автономистского движения. Однако не всегда указанные выше показатели говорят об автономистских настроениях. Трудно отделаться от впечатления, что единственным способом практической фиксации критических пороговых значений усиления внутригрупповых коммуникаций является метод «включенного наблюдения».

4. *Анализ начальной стадии открытого конфликта.* Начало борьбы за изменение статуса этнической группы возможно, если она обладает следующим комплексом черт: общность генотипа, языка и проживание в одной области; чувство солидарности; контакты с другими группами общества.

В западной политологии разрабатываются и прикладные концепции конкретно-странового характера, что можно проиллюстрировать на примере работы М. Шазан об этнополитической ситуации в Гане¹⁸. В данном случае исходными являются две гипотезы: этнический фактор (рассматриваемый как интегративный компонент политического процесса) играет основную роль во внутриполитическом развитии Ганы; характер политического процесса в целом, и прежде всего такой элемент, как режим власти, определяет остроту проявления этнического фактора. Методика проверки этих гипотез основана на последовательном, поэтапном построении ряда простых вербально-логических моделей. Автор особо подчеркивает, что информационной базой исследования послужили ганские статистические материалы, ганская пресса и т. д.

Первый шаг — создание модели этнонациональной ситуации в Гане, включающей показатель численности этнических групп (эти группы затем объединяются в т. н. ведущие и маргинальные и такой агрегированный показатель, как социально-экономические различия между этническими группами к моменту завоевания независимости¹⁹).

Сопоставление этих характеристик позволило сделать вывод, что между этническими группами в Гане к моменту получения независимости отсутствовали резкие противоречия, а следовательно, и объективные предпосылки конфликтной конфронтации.

¹⁷ Ethnic Autonomy..., p. 9.

¹⁸ Chazan M. Ethnicity and Politics in Ghana.— In: Political Science Quarterly, 1982, vol. 97, № 3, p. 461.

¹⁹ Речь идет о преобладающем типе хозяйства, степени и формах приверженности к традиционным ценностям, уровне урбанизации.

Второй шаг — конструирование модели этнонациональной политики правительства за период после получения независимости²⁰. Исследование этой модели в динамике привело автора к заключению, что после получения независимости власть в стране постепенно переходила от крупных племенных образований к маргинальным этническим группам.

Третий шаг — анализ социально-политического воздействия ганского законодательства на состояние этнических конфликтов в стране. При этом рассматривается сфера действия важнейших юридических актов и то, какая социальная группа подпадает под действие того или иного закона и каков характер изменения ее положения. Поскольку, по мнению исследовательницы, большинство принятых законов касалось главным образом реформы государственного аппарата, то они затрагивали в основном интересы городской элиты и вели к ухудшению ее материального положения. В этих условиях раскол элиты по этническому признаку постоянно углублялся и интенсифицировался поиск соответствующих союзников.

Таким образом, М. Шазан сводит внутренний конфликт в Гане почти исключительно к нестабильности правящей элиты. При этом не давление этнических групп становилось причиной нарушения стабильности того или иного режима, а обострение противоречий внутри правящих элит приводило к созданию новых этнических коалиций и изменению состава этнического блока, на который опирается правительство. Конечным результатом каждой фазы этнического конфликта, согласно М. Шазан, становится изменение системы участия этнических групп в политическом процессе.

К числу важнейших, но не решенных в работе М. Шазан проблем, она сама относит точное определение понятия «власть» применительно к специфическим условиям конкретной страны, а также анализ социального расслоения ганского крестьянства. Обе эти проблемы являются ключевыми для исследования внутриполитического развития Ганы.

Все рассмотренные выше прикладные концепции разработаны под сильным влиянием «общей теории конфликтов». Прежде всего речь идет об утверждении фатальной неизбежности конфликтов в многонациональных обществах и существовании неких всеобщих правил развития кризисных фаз. При этом этнические группы, участвующие в конфликте, рассматриваются как один из специфических типов групп, объединенных общими интересами и постоянно ведущих борьбу между собой за экономическую, политическую и социальную власть, за поддержание или изменение сложившегося в обществе этнического статус-кво. Структура интересов этнических групп, анализируемых в указанном ракурсе, зависит от таких базовых характеристик, как культура, язык, религия, поскольку на основе этих характеристик происходит этническая самоидентификация членов общества. Однако, исследуя эти концепции, необходимо обратить внимание и на другой аспект.

Известно, что в настоящее время одна из важных задач гуманитарных наук — выработка наиболее точных средств исследования усложняющихся социально-политических проблем. Речь не идет в данном случае об алгоритмизированных, жестко формализованных методиках прикладного анализа — это принципиально невозможно, если учитывать сложностохастический характер социально-политической сферы. Основная методологическая задача заключается как раз в том, чтобы такие прикладные средства, с одной стороны, были в принципе верифицируемы (одно из ключевых требований научного знания), и в то же время — были достаточно чувствительны по отношению к сложным динамическим социально-политическим процессам.

Последнее представляется особенно важным. Поскольку социально-политические феномены имеют тенденцию к усложнению, конструируе-

²⁰ Использовались следующие показатели: этническая принадлежность лидеров режима; отношение режима к партиям, основанным по этническому признаку; административно-территориальные изменения в стране; отношение к традиционным вождям; отношение к этнической самоидентификации различных групп населения.

мые прикладные концепции должны не только учитывать это обстоятельство само по себе, но и в рамках своих логических конструкций иметь потенциал для постоянного совершенствования. К. Маркс в свое время писал: «Разве характер самого предмета не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? ... истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?»²¹ (во втором случае курс наш. — Авт.).

Авторы рассмотренных прикладных концепций пытаются, с одной стороны, рационалистически конструировать свои схемы, но с другой — невольно предполагают использование интуитивного знания, опыта самого исследователя. Однако было бы преувеличением считать, что на сегодняшний день попытки найти оптимальное соотношение между принципом верификации и требованием учета уникальности ситуации достаточно успешно решаются.

Верифицировать в строгом смысле этого слова данные прикладных концепции все же невозможно. Во всех рассмотренных случаях отсутствует обоснование принципов выбора системы индикаторов. Конечно, индикаторы могут выбираться и эмпирическим путем, но в этом случае необходима логика их ранжировки и выделение по крайней мере ключевого показателя. Верификации препятствует и неточность определения используемых индикаторов, а также отсутствие обоснования критериев выделения тех или иных подкомпонентов агрегированных показателей, неопределенность интерпретации качественных и количественных характеристик индикаторов.

При проведении практического исследования многие из этих претензий могут быть сняты путем простой апелляции к особенностям традиционного логико-интуитивного анализа. Однако при этом необходим осознать и серьезные недостатки такого анализа (субъективность конформизм, узость специализации экспертов), которые могут проявляться и в рамках прикладных концепций, отражаясь на конечных результатах.

При разработке прикладных методов анализа западные исследователи наиболее интенсивно используют аппарат математической статистики. В этой связи примечателен специальный проект, посвященный изучению процессов национальной интеграции, осуществленный в конце 70-ых годов исследовательской группой Северо-Западного университета США. Его материалы дают определенное представление об общем уровне аналогичных разработок²².

Ключевая проблема, стоявшая перед участниками проекта, заключалась в выработке корректных методических средств для исследования феномена т. н. «национальной интеграции» в афро-азиатских странах. Так, например, для исследования проблемы национальной интеграции в шести западно-африканских государствах (Сенегал, Мавритания, Мали, Верхняя Вольта, Нигер и Чад) Р. Хей прибегает к сравнительному анализу культурных и социальных переменных, характеризующих этнонациональные группы данного региона и выделению при помощи факторного анализа эмпирических границ складывающихся здесь культурно-лингвистических общностей²³.

Наибольший интерес в рамках описываемой методики представляет сопоставление этнических групп на основании т. н. «культурных переменных»²⁴, которые оцениваются при помощи отдельных шкал, состоя-

²¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7—8.

²² Values, Identities and National Integration, p. 397.

²³ Hay R. A Cultural Cluster Analysis of six West African State.— In: Values, Identities and National Integration, p. 25—40.

²⁴ Образ жизни: степень зависимости от сельского хозяйства, основная сельскохозяйственная культура, степень зависимости от скотоводства, степень зависимости от рыболовства, степень зависимости от охоты.

них из двух — трех градаций, заданных экспертно и обеспеченных соответствующим банком информации.

В дальнейшем на основе метода кросстабуляции определяется взаимозависимость культурных типов этнических групп, традиционного характера власти и т. н. «ключевых переменных»²⁵.

Завершающим этапом исследования является использование факторного анализа, с помощью которого устанавливаются культурные кластеры в рамках региона, не всегда совпадающие с существующим политико-административным делением, что в принципе может служить индикатором возможных очагов внутривнутриполитической и межгосударственной напряженности.

Примером формализованного прикладного метода анализа этнонациональной структуры и этнонационального конфликта в африканских странах служит работа Д. Моррисона и Х. Стивенсона²⁶. Объектом исследования стали 13 африканских стран, расположенных к югу от Сахары, а целью — выявление корреляции между такими понятиями, как «культурный плюрализм», «модернизация» и «внутриполитический конфликт».

На первом этапе выявлялась корреляция между внутривнутриполитическим конфликтом — наиболее острой формой политической нестабильности — «культурным плюрализмом» и «модернизацией»²⁷. Одновременно авторы выделяют три основных блока культурных переменных: А — «общинная организация и структура власти», В — «правила, устанавливающие этническое происхождение и вступление в брак»; В — «традиционная экономическая организация общины». Для оценки этих переменных используется ряд шкал, ориентированных на измерение культурного плюрализма, где основными градациями служат вариации экологической адаптации, вариации характера власти и стратификации, вариации социальной организации.

На базе этих культурных переменных этнические группы объединяются в более крупные общности, число которых определялось по формуле:

$$V = \sum \frac{(x_i - \bar{x})^2}{N},$$

где V — число крупных этнических образований; N — число этнических групп в стране; x_i — ранг каждой этнической группы по шкале культурных переменных; $\bar{x}$ — общий средний ранг всех этнических групп по шкале культурных переменных.

На последующих этапах работы устанавливается корреляция между индикаторами «культурный плюрализм» и «политическая нестабильность», корреляция между «модернизацией» и «политической нестабильностью», а также исследуется влияние «модернизации» на соотношение между «культурным плюрализмом» и «политической нестабильностью».

Количественные данные модели Д. Моррисона и Х. Стивенсона подтверждают, что «культурный плюрализм» усиливает предрасположен-

²⁵ Таких, как зависимость от сельского хозяйства, зависимость от скотоводства, традиционная социальная организация. Связь между этими переменными, характером традиционной власти и культурными типами этнических групп определяется на основании шкалы, состоящей из пяти градаций: «позитивная связь», «негативная связь», «определенный эффект взаимодействия», «сомнительное взаимодействие», «связь не прослеживается».

²⁶ Morrison D., Stevenson H. Cultural Pluralism, Modernization and Conflict.— In: Values, Identities and National Integration, p. 11—23.

²⁷ «Культурный плюрализм» — уровень различий в распределении культурных особенностей среди этнических групп в рамках одного общества. «Политическая нестабильность» — такое состояние в национальной политической системе, при котором механизм власти разрушается и заменяется насилием, направленным против отдельных личностей, политики или суверенитета политической власти. Авторы различают три типа политической нестабильности: «нестабильность элиты», «нестабильность общины» и т. н. «массовую нестабильность».

ность к конфликтам между членами различных коммунальных обществ в государствах Тропической Африки и увеличивает вероятность т. н. «стабильности элиты» в этих странах. «Культурный плюрализм» свидетельствует и о том, что «модернизация», как правило, уменьшает склонность к политической нестабильности в африканских странах, а его разрушительный потенциал подавляется модернизацией.

Описанная выше методика представляет определенный интерес, как в исследование вовлекается широкий круг переменных, обработанных в рамках модели. Важна и последовательность их включения в модель. Вместе с тем ввиду того, что главным информационным обеспечением служит банк данных специального проекта, в работе отсутствует обобщение использованных индикаторов и настоящий прикладной метод трудно верифицируем для внешних исследователей.

В своей работе Д. Гроув²⁸ делает попытку разработать прикладной квантифицированный метод анализа изменения уровней социально-экономического развития отдельных этнических групп в многонациональных государствах. Его метод состоит из нескольких последовательных стадий обработки материалов национальной статистики и данных международных организаций, относящихся к трем группам стран: развитые капиталистические, среднего уровня развития капитализма и развивающиеся. По сути дела речь идет о сопоставлении трех региональных выборок, где главным критерием отбора единиц наблюдения служит доход на душу населения, в частности такие пороговые показатели, как 1310 и 490 долларов годового дохода на душу населения.

На первой стадии этнические группы сопоставляются по социально-экономическим показателям (доля этнических групп в населении страны; представленность этнических групп в правительстве; совокупный показатель распределения социально-экономических ресурсов между группами, состоящий из таких параметров, как распределение доходов, уровень высшего образования, процент представителей группы, получивших специальное профессиональное образование, распределение доходов внутри группы). На второй стадии полученные данные квантифицируются. Для более адекватного сопоставления межгруппового распределения основных социально-экономических индексов используется математическая процедура, устанавливающая коэффициент вариации, понимаемый автором как нормированное стандартное отклонение от среднего уровня. На третьей стадии рассматривается динамика изменения разрыва в уровнях социально-экономического развития этнонациональных групп в каждой отдельной стране.

Этот метод основан на достаточно простых математических процедурах, доступной информации, а используемые коэффициенты поддаются содержательной интерпретации. Важной представляется и попытка авторов сочетать аппарат математической статистики с анализом событий. Однако в данной работе отсутствует строгая «привязка» применяемых численных показателей к качественным критериям. Поэтому на основе рассматриваемого метода невозможно подойти к комплексному решению проблемы взаимодействия этнонациональных и социальных феноменов в рамках той или иной политической ситуации.

Как видим, прикладные методы анализа предполагают использование средств математической статистики в сфере социологии и этнографии. Однако в отличие от традиционных областей применения математической статистики (естественные науки, экономика) в социологии и этнографии делается упор на использование аппарата математической статистики не для обобщения простого множества статистических данных, а для введения шкалированных измерений и экспертных оценок.

²⁸ Grove D. A Partial Test of Ethnic Equalization Hypotheses: A Cross-National Study.— In: Global Inequality: Political and Socioeconomical Perspectives. L., 1979, p. 228—241.

В наиболее широком методологическом плане эффективность такого рода прикладных методов зависит, во-первых, от корректности основных теоретических положений, лежащих (явно или неявно) в основе данного метода, а во-вторых, от того, в какой мере используемые индикаторы отражают содержание основной теоретической схемы. С этой точки зрения указанные методы достаточно уязвимы.

Прежде всего серьезным недостатком всех этих методов является фактическое игнорирование специфики содержания исторических процессов, происходящих в освободившихся странах, что объясняется главным образом «глобалистской» ориентацией западной сравнительной социологии, стремящейся рассматривать этнополитические процессы во всех странах в рамках единой унифицированной схемы. Поэтому, с одной стороны, выделяются лишь отдельные факторы, потенциально вызывающие нестабильность (культурный плюрализм, модернизация), а с другой — это ведет к игнорированию специфических проявлений указанных факторов.

Еще одна проблема заключается в том, что значительная часть этнополитических процессов вообще не может быть проанализирована на основе статистической информации. Речь в частности идет об особенностях организации общины и семьи у различных племен, специфике адаптации различных племен к экономическим условиям и т. д. Можно привести достаточно длинный список подобных значимых явлений, не поддающихся характеристике посредством анализа статистических данных. Необходимость оценки этих сложных феноменов ставит вопрос о соответствующих процедурах их измерения. И проблема эта решается путем использования различных шкал. Однако в этом случае корректное проведение корреляционного анализа по данным шкалирования достаточно сомнительно, поскольку в этих используемых шкалах теоретически не обоснована равнозначность интервалов (шаг между 1 и 2 баллами не равен шагу между 2 и 3 баллами и т. д.). Поэтому возможность верификации практически всех рассмотренных прикладных методов анализа, в том числе и с достаточно усложненным аппаратом математической статистики, также незначительна. В целом же можно согласиться с У. Ашером, который, касаясь сложных формализованных методов при исследовании политических процессов, писал: «...предполагаемые преимущества усложненных (формализованных.— *Авт.*) методик просто не материализовались». И далее он подчеркивает, что гипотезы, отражающие «фундаментальные представления автора об условиях, в которых развивается определенная тенденция, являются главным фактором, определяющим точность прогноза»²⁹.

Таким образом, рассмотрев ряд работ западных авторов, которые представляют типичные примеры современных прикладных исследований в области этнополитических отношений в развивающихся странах, можно заключить, что в данной сфере буржуазным политологам не удалось решить проблему разработки эффективной комплексной методики прикладного анализа. Отсутствие в их научном арсенале фундаментальных теоретических представлений не только дает богатую почву для критики той или иной концепции, но и существенно влияет на репрезентативность конкретных результатов, полученных на данной основе. Для характеристики положения, сложившегося в этой связи в зарубежной научной литературе 1970-х — начала 1980-х годов полностью справедливы ленинские слова о том, что «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натывать“ на эти общие вопросы»³⁰.

²⁹ Ascher W. Forecasting. An Appraisal for Policy and Planners. Baltimore, 1979, p. 199.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

**ГОМЕОСТАЗ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
НАРОДОВ СЕВЕРА (XVII—XIX ВВ.):
РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ?**

...духи, по-видимому, постоянно заботятся о том, чтобы население этой страны не увеличивалось. В древние времена постоянная война уносила человеческий прирост. После того, несмотря на обилие морского зверя, являлся голод и уносил излишек. Теперь, когда американцы привозят в обилии муку и масло, является болезнь и опять-таки уносит прирост¹.
Кувар, эскимос

Когда в 1901 г. в беседе с известным этнографом и писателем В. Г. Богораз-Таном «сильный» человек, удачливый охотник и торговец эскимос Кувар из селения Унгазик излагал свои мысли о причинах неизменной численности населения на азиатском побережье Берингова пролива, он и не задумывался над тем, что сходное видение процесса воспроизводства населения у охотников, рыболовов, собирателей и близких к ним по своему уровню развития и хозяйственно-культурному типу племен и народов еще только формируется в европейской науке...

В 1922 г. в Оксфорде вышел в свет капитальный научный труд историка и социолога А. М. Карр-Саундерса «Проблема населения», 12 лет спустя — книга известного этнолога Л. Крживицкого «Первобытное общество и статистика его естественного движения»². В этих научных трудах впервые была сформулирована и на конкретном фактическом материале доказывалась мысль о так называемом «демографическом гомеостазе»³ первобытных племен — концепция, которой суждено было сыграть заметную роль в формировании научных взглядов не только на проблемы демографической истории первобытного общества, но и на современные проблемы народонаселения⁴.

В основании концепции «демографического гомеостаза» лежит утверждение, что многие «доиндустриальные» общества нового времени (это же относится и к первобытной эпохе) обладали таким социальным и биологическим механизмом, который: а) не только сводил рост населения близко к нулю в течение длительных исторических периодов, но и б) определял уровень жизни населения посредством приведения его численности в соответствие с имеющимися ресурсами⁵. Таким образом, содержание выдвинутой А. М. Карр-Саундерсом концепции выходило за рамки только лишь науки о народонаселении и включало в себя сложные и слабо разработанные вопросы экологии и экономики «первобытных племен».

В работах А. М. Карр-Саундерса и Л. Крживицкого идет речь о сознательном или «почти сознательном» регулировании численности населения в первобытном обществе. Для объяснения механизма регулирования рождаемости (с целью ее снижения) ими были проанализирова-

¹ Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Часть I. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР 1934, с. 78.

² Carr-Saunders A. M. The Population problems. A study in Human evolution. Oxford 1922; Krzywicki L. Primitive society and it's vital statistic. L., 1934.

³ Гомеостазис — состояние внутреннего динамического равновесия природной системы... поддерживаемое функциональной саморегуляцией. Характерно и необходимо для всех природных систем — от космических и до организма и атома. См.: Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы/Под ред. Реймерса Н. Ф. и Яблокова А. В. М.: Наука, 1982, с. 37.

⁴ См.: Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982.

⁵ Population patterns in the past/Ed. Lee R. D. N. Y., 1974, p. 1—3.

ны такие элементы традиционных этнических культур и моделей образа жизни, как ранние (до наступления половой зрелости) браки или откладывание браков, длительный период грудного вскармливания и различные табу на отношения между полами, контрацепция, искусственные аборты и др. Войны, инфантицид (детоубийство), убийство стариков, небрежность в уходе за детьми, жестокие обряды инициации способствовали поддержанию необходимого для «нулевого прироста» повышенного уровня смертности. В таком виде идея «демографического гомеостаза», нашедшаяся, в общем-то, на отдаленной периферии научных интересов этнографов и демографов 20—30-х годов, была воспринята без особых возражений и серьезной критики. Новые взгляды на эту проблему появились лишь в послевоенные годы, и ряд крупных зарубежных демографов (К. Форд, Ф. Лоример, К. Дэвис, М. Наг и др.), — специально изучавших социокультурные детерминанты воспроизводства населения в доиндустриальных обществах, отнеслись скептически к концепции «демографического гомеостаза»⁶.

Поиски фактов для подтверждения или опровержения «гомеостатической гипотезы» в демографии проводились в рамках этнокультурных традиций у охотников и рыболовов (североамериканские индейцы, австралийцы, бушмены), у земледельцев и скотоводов Азии и Африки. А был ли демографический гомеостаз на Крайнем Севере, в субарктической и арктической географических зонах? Ведь коренное население Севера живет в суровых природных условиях, а народы Севера СССР имеют почти стабильную численность на протяжении длительного исторического времени. Что это — результат «популяционной» или «экосистемной» саморегуляции или что-то другое? Для того чтобы разобраться в этом, необходимо предварительно ответить на следующие вопросы: а) существовали ли у народов Севера в прошлом какие-либо «антинационалистские», т. е. направленные на ограничение рождаемости, этнокультурные традиции; 2) имелись ли в их обществах какие-нибудь социально-экономические институты, прямо или косвенно (например, через брачность) регулировавшие рождаемость и смертность и сводившие естественный прирост населения к нулю, вне зависимости от внутрисемейных ориентаций; 3) действительно ли в истории народов Севера численность населения менялась лишь в соответствии с естественной динамикой природных ресурсов, т. е. имело ли место «экосистемное равновесие»? Лишь основанные на действительных исторических фактах ответы на эти вопросы позволят правильно подойти к оценке феномена и концепций «демографического гомеостаза».

Социальные детерминанты рождаемости. В любом обществе формы семьи, домохозяйства и общины (локальной группы), а также такие социальные институты, как брак и развод, отношения родства, порядок наследования и др., являются важными детерминантами демографических процессов.

Например, отмечается преобладание прямой связи моногамной большой семьи, делимого и корпоративного наследования, обычаев левирата и сорората, нежесткого социального контроля биологического статуса отцовства, относительной свободы отношений между полами с высокой рождаемостью. В то же время распространенность полигинных браков, преобладание малой семьи, традиции неделимого индивидуального наследования имущества, отсутствие предписанных браков со вдовами родственников, строгие нормы взаимоотношения полов — все это, при определенных условиях, могло способствовать пониженной рождаемости. Но могло и не способствовать!⁷. Поэтому вряд ли будет правильным сразу же, без предварительного анализа считать присутствие того

⁶ Ford C. S. A study in Human reproduction.— Yale University publications in Anthropology, 1945, vol. 3; Culture and Human fertility./Lorimer Fr. and others. P., UNESCO, 1954; Davis K., Blake J. Social structure and fertility: An analytical framework.— In: Economic Development and Culture Change, 1956, vol. 4; Nag M. Factors affecting human fertility in nonindustrial societies. Yale Univ., 1962.

⁷ Population and social organization/Ed. Nag M. P., 1975.

или иного социального института или элемента культуры «индикатором» высокого или низкого уровня рождаемости. Только если их рассматривать в единстве, в более широком контексте культуры и социальной структуры, их анализ поможет выявить основные черты воспроизводства конкретной этнической группы населения.

У народов Севера в прошлом этнографами были зафиксированы различные формы брака. Брачные союзы могли быть постоянными, временными, причем последние не являлись просто «неудавшимися вариантами» семейной жизни, но, как и постоянные браки, регулировались нормами общественной морали и обычного права.

У всех народов Севера заключение брака сопровождалось обмен материальными ценностями между семьями жениха и невесты, либо браку предшествовала длительная (от 3 месяцев до нескольких лет) отработка за невесту и проживание молодого человека в семье будущего тестя. Первая форма брака более характерна для Европейского Севера, Западной и Восточной Сибири (обские угры, самодийцы, кеты и др.), обычаи же отработки были распространены среди народов Северо-Восточной Азии — у чукчей, коряков, ительменов, нивхов.

Полигинные браки в прошлом были обычными у большинства народов Севера. В. Иохельсон оценивал долю полигинных семей у коряков в 5—11%⁸. У тундровых ненцев Обского Севера в середине XIX в., имеющимся у нас данным, она составляла не менее 10%, а у таежного населения — хантов и манси — всего 2—3%⁹.

Это немного. Преобладали парные семьи, а многоженство было привилегией богатых, сильных, удачливых.

Для всех народов Севера в прошлом были характерны социальные формы, предписывающие мужчинам брак с вдовой брата (обычно старшего) или сестрой умершей жены — обычаи левирата и сорората. У чукчей, оленных коряков, народов Нижнего Амура существовали своеобразные формы группового брака («товарищество по жене»), гостеприимный гетеризм. Добрачные и внебрачные отношения у одних народов строго осуждались (коряки, нивхи, ненцы); у других были обычными (эскимосы, ительмены, алеуты, чукчи), и здесь несохранение девственности и наличие детей, рожденных до брака, обычно не препятствовало вступлению женщин в брак¹⁰.

Рождаемость тесно связана с брачностью. Доля лиц, фактически состоящих в браке, в свою очередь может изменяться в зависимости от экономической возможности вступления в брак. Отсюда в прошлом тесная связь брачности молодежи, а значит, и рождаемости, с получением наследства¹¹.

В большинстве северных обществ в основе патримониальных отношений лежали традиции наследования, которые можно кратко охарактеризовать как «ограниченный минорат»¹². Младший сын обычно оставался с родителями, наследуя большую часть имущества отца, при этом старшие братья и сестры также могли претендовать на известную часть имущества, которое и отчуждалось им при выделении из отцовской семьи. Обычно еще до вступления младшего сына в права наследства. Наследство могло быть делимым, хотя это и не всегда осуществлялось на практике. Такой порядок наследования не препятствовал образованию новых брачных пар.

⁸ Johelson W. The Koryak. Publication of the Jesup North Pacific Exp. Leiden — New-York, 1908, vol. VI, pt. 2, p. 752.

⁹ Тобольский филиал Гос. архива Тюменской обл. (ТФ ГАТО), ф. 154. — Материалы X Ревизии населения Березовского уезда. 1858 г., д. 992.

¹⁰ См. разделы о семье и браке у народов Сибири в кн.: Народы Сибири. (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

¹¹ Например, в Западной Европе в XVII—XVIII вв., где наследство было неделимым (майорат), подъемы смертности (а умирали чаще всего пожилые люди) сопровождалась повышением брачности и некоторым увеличением рождаемости. См. Smith D. S A homeostatic demographic regime: patterns in the West European reconstitution studies. — In: Population Patterns in the past. N. Y., 1974.

¹² Нечто вроде майората отмечено В. И. Иохельсоном у оленных коряков.

Как и повсюду, семья — основная универсальная социально-демографическая ячейка аборигенных обществ Севера. У народов Севера еще до недавнего времени преобладали «большие» патриархальные семьи. В такую семью могло входить несколько брачных пар с детьми, внуками, родителями и прародителями. «Малые» нуклеарные семьи могли численно преобладать, но «большие», даже при их невысокой доле (20—25% от общего числа семей), как правило, аккумулировали в себе и большую часть взрослого населения, и детей. Рождаемость в различных типах семьи скорее всего была примерно одинаковой, но более стабильная экономически «большая» семья была способна обеспечить лучшие условия питания и ухода за детьми и, по-видимому, в среднем была более многодетной ¹³.

Традиции половозрастного разделения труда делали семью у народов Севера экономически заинтересованной в большем числе детей. Дети рано начинали помогать взрослым, а с подросткового возраста знали и умели все, что необходимо охотнику, оленеводу, рыбаку. Экономическая значимость труда взрослых сыновей и дочерей была велика. Кроме того, наличие взрослых девушек рано или поздно приносило в дом родителей дополнительный доход или привлекало молодых умелых работников. Однако в семьях больше радовались рождению мальчиков. «Удалой» молодой человек или сильный и справедливый «стадоотниматель» — характерные герои нганасанского и чукотского фольклора — были не только работниками, но и воинами. В условиях частых конфликтов и стычек с иноплемениками и между родственными группами численность в них боеспособного мужского населения играло решающую роль.

В целом, в периоды стабильного экономического состояния (которые были недлительными), а также после кризисов, которые на Крайнем Севере имели почти регулярный характер, каждая локальная группа, община, клан, семья были экономически, социально и психологически заинтересованы в увеличении своей численности и стремились актуализировать в своей среде скорее «популяционистские» социокультурные традиции, а не наоборот. Но в трудные периоды, в экстремальных ситуациях (голодовка, сезонные переселения, потеря кормильца и пр.) именно семья оказывалась наиболее слабым звеном в цепи демографических отношений. Стремление семьи к увеличению своей численности вытеснялось тревогой за ее сохранение. Тогда нежелательными, «лишними» могли стать не только те, кому предстояло появиться на свет, но и часть производящих членов семьи — дети, старики, инвалиды.

В зависимости от конкретных социально-исторических условий воздействие на рождаемость некоторых социокультурных норм могло носить двойственный, нередко негативный характер. Например, полигинные браки, обмен женами, свобода добрых контактов, гостеприимный гетеризм способствовали также распространению венерических заболеваний, а это негативно отражалось на здоровье и женской плодovitости как биологическом потенциале рождаемости. Обычай обмена материальными ценностями могли стать причиной кризиса брачности. Все это, однако, характерно лишь для более позднего времени (XVIII—XIX вв.), когда архаичные нормы семейно-брачных отношений народов Севера функционировали в условиях тесного контакта с неаборигенным пришлым населением ¹⁴.

Культура и демографическое поведение. Культура в ее наиболее общем понимании, и в частности этническая культура, это не только материальные и духовные достижения человека, но и сама его деятельность, устойчивые стереотипы поведения людей, в том числе и демографического поведения. Культурными нормами определяются способы заключения

¹³ Nag M. Family Type and fertility.— In: World Population Conference. UNESCO, 1965, vol. 2, p. 160—164.

¹⁴ См.: Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив притундровой полосы Северо-Запада Туруханского края.— Сов. этнография, 1980, № 2, с. 89; Пика А. И. К изучению социодемографической структуры манси Сосьвинского Приобья (XVII—XX вв.).— В кн.: Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1960, с. 16.

эрачных союзов, фиксируются возрастные нормы вступления в брак, средством различных табу регламентируются отношения между пол. сроки кормления грудным молоком и формы ухода за детьми. Негативные аборт, контрацепция, инфантицид, различные формы добровольного ухода из жизни людей старшего поколения — все это так элементы демографического поведения. Каким оно было у народов вера в прошлом?

Оптимальный возраст вступления в брак у народов Севера согласно традициям варьировал в пределах 16—19 лет для мужчин и 15—17 для женщин. Существовали обычаи и более раннего вступления в брак 12—13 лет, но такие браки, по-видимому, не были широко распространены. Скорее всего, большинство браков заключалось в возрасте несколько выше «оптимального» с точки зрения культурных традиций — 20 лет и старше.

Установлено, что этнокультурные особенности сексуальной жизни могут оказывать влияние на уровень рождаемости¹⁵. В этнографической литературе о народностях Севера сведений на этот счет имеется немного. Нам представляется, что, несмотря на суровый климат и кажущийся на взгляд европейца дискомфорт в бытовом жизненном укладе, полные отношения в браке имели достаточно регулярный характер. Так, в мемуарах в XVIII в. И. Г. Георги сообщал, что в браке они «...живут весьма неистово», приводя по этому поводу замечание В. Стеллера об изобилии и легкости для этого народа добычи пищи — «...обильное питание рыбой, икрой, салом и сверх того праздность»¹⁶. Регулярный характер и интенсивность половой жизни у хантов и ненцев отмечал В. Ф. Зуев¹⁷.

Периодически обычный порядок отношений между супругами сменялся полным или частичным воздержанием. Многие из таких половых табу имели регулярный характер. У всех народов Севера женщина в период менструации и некоторое время после родов считалась «нечистой». Нередко в это время она должна была жить вне общего жилища в специально построенных хижинах, выполнять очистительные обряды, избегать каких-либо контактов с мужчинами¹⁸. Такие табу, конечно, не могли снижать рождаемость, так как в это время зачатие невозможно. Но в тех случаях, когда воздержание продолжалось до 8—10 суток с начала нового овуляторного цикла, оно могло способствовать сдвигу максимума половой активности супругов к моменту овуляции, что увеличивало вероятность зачатия.

Послеродовое воздержание у народов Севера было непродолжительным — до 2 месяцев и менее. После этого супружеские отношения возобновлялись. Традиционные сроки кормления ребенка грудным молоком были достаточно длительными — до 2 лет у саамов, до 3 и даже до 5 лет у чукчей, ненцев, эскимосов, нивхов. Длительное и интенсивное грудное кормление (твердую пищу начинали давать лишь с прорезыванием и укреплением зубов) способствовало продлению послеродовой аменореи, удлиняло интервалы между беременностями¹⁹. Каких-либо строгих табу на половые контакты в период лактации (особенно распространенных в Тропической Африке)²⁰ у народов Севера не отмечено. Не исключено, однако, что какие-то ограничения (периодическое воздержание, *Coitus interruptus*) могли быть.

¹⁵ Nag M. Sex, culture and human fertility.— *Current Anthropology*, 1972, vol. 13, № 2, p. 231.

¹⁶ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 3. СПб., 1799, с. 62.

¹⁷ Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771—1772).— Тр. Ин-та этнографии, т. V. М.— Л., 1947, с. 64.

¹⁸ Bock Ph. Love magic, menstrual taboos and the facts of geography.— *American Anthropologist*, 1967, vol. 69, № 1.

¹⁹ Gonzales N. Lactation and pregnancy: A hypothesis.— *American Anthropologist*, 1964, vol. 66, № 6.

²⁰ Saucier J. F. Correlations of the long postpartum taboo: A cross-cultural study.— *Current Anthropology*, 1972, vol. 13, № 2.

Существовала определенная регламентация супружеских отношений на время активной охоты, в период некоторых календарных обрядов, жертвоприношений. Такие производственные и «церемониальные» табу не были длительными.

Длительные регулярные разлуки семейных пар отмечены у многих народов Севера. У таежных охотничьих народов (ханты, манси, селькупы, эвенки, юкагиры) такие разлуки приходились на сезон зимней пушной охоты и продолжались 2—4 месяца в году. У оленных чукчей разлуки до 3 месяцев были в летнее время, когда большинство молодых мужчин и юношей кочевали со стадами без яранг, а старики, дети и женщины оставались на летних стойбищах. Тундровые ненцы-оленьеводы круглый год не разлучались с семьями, за исключением непродолжительных охотничьих экспедиций за морским зверем. У саами Кольского полуострова разлуки приходились на период осеннего лова оленей и длились не более месяца. Ительмены, по описаниям И. Г. Георги, отдалялись «от своих хижин не далее, как на таковое расстояние, чтоб можно было возвратиться к бабам ночевать»²¹. Там, где разлуки были продолжительными, они могли оказывать некоторое воздействие и на рождаемость. Но тут следует отметить, что у большинства народов Севера именно в период сезонных разлук допускались контакты между полами по обычаям гостеприимного гетеризма, левирата, группового брака. Не были длительными (за исключением, может быть, долган) традиционно предписываемые сроки воздержания в связи с вдовством или смертью родителей²².

По наблюдениям путешественников и ученых XVIII—XIX вв., у всех народностей Севера стремление к многодетности в семьях, желание иметь больше детей было достаточно сильным. О саами Н. Харузин пишет, что они «ставят особый вес на получение потомства, и никто из них не считается таким несчастливym, как тот, который должен влачить свою жизнь бездетным»²³. Бездетных считали наказанными самим богом за грехи, над ними смеялись, считая бездетность следствием супружеских измен. Аналогичное отношение к бездетным супругам отмечено этнографами у всех народов Севера.

Согласно традиционным представлениям о мире, природе и месте в ней человека, плодovitость женщин, рождение детей были знаком и следствием благосклонного отношения к людям сверхъестественных сил, и люди в свою очередь стремились заручиться их поддержкой. На религиозные культы, шаманские обряды, магию возлагалась ответственность за судьбу народов. Именно религиозные культы и обряды в какой-то мере отражают и внесемейное, общественно осознаваемое стремление к увеличению, а не уменьшению численности населения. Так, на празднике «Чистого чума» у нганасан шаман обращается к божеству, посылающему женские болезни, со следующими словами: «Что же ты делаешь? Среди моего народа всего только пять женщин, если они умрут, как же будут размножаться наши люди?» Здесь же другому божеству (нгуо) задается вопрос: «Обречена ли вся народность на гибель или есть еще какая-нибудь надежда?» Замечая, что детей рождается и остается в живых меньше, чем им хотелось бы, и численность их народа не растет, нганасаны с горечью говорили: «даже мыши размножаются»²⁴. Подобных описаний в этнографической литературе немало. Описание же религиозно-магических обрядов, направленных на уменьшение числа детей и населения, не встречается.

Можно упомянуть о некоторых уникальных этнокультурных традициях народов Севера, которые действительно могли играть роль «культурных подпорок» демографического поведения, направленного на рас-

²¹ Георги И. Г. Указ. раб., с. 62.

²² Попов А. А. Семейная жизнь у долган.— Сов. этнография, 1946, № 4, с. 64.

²³ Харузин Н. Русские лопари. М., 1890, с. 268.

²⁴ Попов А. А. Тавгийцы.— Тр. Ин-та археологии и этнографии, т. 1, вып. 5, М.— Л., 1936, с. 74.

ширенное воспроизводство. Так, у нганасан социальный возраст мужчин определялся по возрасту жены — чем старше жена, тем старше и мужчина²⁵. При том особом уважении, с каким этот народ относится к пожилым людям, и очень высоком социальном статусе стариков, этот обычай мог стимулировать браки с вдовами и препятствовать заключению браков пожилых мужчин с молодыми девушками. У юкагиров и долг с рождением первого ребенка мать и отец теряли свои (данные родителем) имена, и их начинали называть «отцом такого-то» или «матерью такого-то»²⁶. Это могло быть позитивной общественной санкцией, поощрявшей молодежь к скорейшему заключению брака и рождению ребенка. Эвенки усыновляли сирот с магической целью снижения смертности своих детей, а не только из гуманных соображений²⁷. Неизвестно, достигали ли они этим своей первоначальной цели, но усыновление, несомненно, способствовало снижению смертности среди самих сирот. У нивхов, предпочитавших сыновей дочерям, существовало поверье, что после четырех девочек обязательно родится мальчик. Это также могло благоприятствовать рождаемости в семьях, где не было мальчиков.

Крайне скудны историко-этнографические данные об искусственном аборте и средствах предотвращения беременности у народов Севера. Кроме упоминания С. Крашенинникова и впоследствии И. Г. Георги о способах приговления отваров, вызывающих бесплодие, и случая умерщвления плода самыми примитивными средствами у ительменов нам ничего не известно²⁸.

Имел ли место инфантицид у народов Севера? В общем да, но не у всех, скорее у немногих. Так, только для отдельных групп эскимосов Канадской Арктики и Гренландии имеются достоверные сведения о «селективном» инфантициде — более или менее регулярном умерщвлении новорожденных девочек²⁹. У эскимосов островов и побережья Берингова пролива этого не было. Никем не отмечен инфантицид у народов Сибирского Севера. Об убийстве новорожденных у народов Северо-Востока Азии — чукчей, юкагиров, ительменов, нивхов — имеются лишь эпизодические упоминания³⁰. Судя по лаконичности и фрагментарному характеру данных, это скорее всего были нечастые случаи «избавления» от одного из близнецов, а также детей, рожденных вне брака, там, где это не поощрялось, например у коряков³¹. Несомненно, имел место в прошлом и «евгенический» инфантицид — убийство слабых младенцев с врожденными аномалиями или необычной наружностью (цвет кожи, телосложение и пр.).

Проведенное исследование возрастно-половой структуры 26 северных популяций из 10 этнических групп (по различным посемейным спискам XIX — первой половины XX в.) показало отсутствие результатов какого-либо целенаправленного воздействия на численное соотношение полов и долю младших возрастных групп в населении³². Значит, регулярного «селективного инфантицида» у народов Северной Евразии не было! В свете этого важного факта данные об инфантициде у отдельных групп эскимосов Канады выглядят скорее локальной культурной традицией. И в более широком этнокультурном и стадийно-историческом плане инфантицид, по-видимому, не следует считать оптимальной, а значит

²⁵ См.: Симченко Ю. Б. Люди высоких широт. М.: Мысль, 1972.

²⁶ Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодоу. — Изв. РГО, т. XXXIV. СПб. 1898, с. 16; Попов А. А. Указ. раб., с. 62.

²⁷ Георги И. Г. Указ. раб., с. 73.

²⁸ Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М.: Огиз — Географгиз, 1948, с. 22.

²⁹ Balicki A. Female infanticide on the Arctic coast. — Map, 1967, vol. 2, № 4.

³⁰ Сарычев А. Г. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Великому океану. СПб., 1802; Иохельсон В. И. Указ. раб. с. 12; Крашенинников С. Указ. раб., с. 220; Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск, 1933, с. 337.

³¹ Полевые материалы автора.

³² Krupnic I. Male/female demographic ratio in some traditional Siberian populations. — In: Etudes/Innuitt/Studies, 1985, vol. 10. Автор пользуется случаем выразить свою благодарность И. И. Крупнику за ценные советы и замечания.

широкораспространенной во времени и пространстве формой адаптации населения к своему собственному пребыванию в природной среде³³.

В периоды голодовок, нередких в жизни морских и сухопутных охотников и рыболовов, были случаи умерщвления старых людей, инвалидов, больных, что было отмечено у эскимосов по обе стороны Берингова пролива³⁴. Вместе с тем такая, зачастую «добровольная» смерть в соответствии с традицией не обязательно могла быть связана с голодом и направлена на обеспечение выживания группы сородичей. У чукчей, особенно оленных, по свидетельству В. Г. Богораз-Тана, «добровольная» смерть часто могла быть связана с какой-нибудь стрессовой ситуацией — глубокой обидой, невозможностью мести и др. Аналогичные данные приводит об ительменах И. Г. Георги³⁵.

Несомненно, что такие обычаи могли снижать и действительно снижали численность старших возрастных групп, однако в экстремальных ситуациях это ненамного усугубляло избирательное воздействие голода и болезней. Нередко именно добровольная смерть стариков предоставляла реальные шансы выжить более молодым людям, подросткам, детям.

В целом в этнокультурных традициях демографического поведения аборигенов Севера ничто не говорит об общественно осознаваемом стремлении ограничивать численность населения на определенной территории. Нет и постоянного стремления к ограничению числа детей в семье. Если же такие случаи имели место (аборт, инфантицид, альтруистический суицид), то они имели целью выжить в экстремальной ситуации и сохранить хотя бы некоторых из имеющихся детей, а не довести их количество в семье до какого-то определенного числа.

Оценивая роль социальных институтов и культурных традиций в формировании режима воспроизводства населения у народов Севера в прошлом, следует отметить, что «центральный узел» этой проблемы лежит здесь не в социально-экономической возможности для вступления в брак, как это, например, было характерно для периода так называемого «европейского типа брачности» в XVII—XVIII вв. в Западной Европе. Он также не был связан с внутрисемейным планированием и принятием решения о рождении или отказе от рождения ребенка, что характерно для современного репродуктивного поведения населения экономически развитых стран. Наиболее важным для семьи и для воспроизводства населения в целом был вопрос о том, как помочь выжить новорожденному непосредственно после рождения и в первые годы жизни. Младенческая и детская смертность были очень велики. Для новорожденного и в последующие 2—3 года жизни ребенка кормление грудью и надлежащий уход за ним были вопросом жизни и смерти. По меткому замечанию американского демографа Ф. Лоримера, «мотивация рождаемости во всех обществах (имеются в виду так называемые доиндустриальные общества. — А. П.) имеет целью ребенка, а не живорождение как статистический факт. Ребенок у груди более ценен, чем когда он в утробе матери или ползает по полу без присмотра»³⁶. Лишь длительная и интенсивная лактация могла обеспечить стерильное питание, постоянный контакт матери и ребенка и, следовательно, хороший уход за ним в первые годы жизни. Рождение двойни, слишком скорое появление следующего ребенка ухудшало уход за обоими детьми и увеличивало вероятность их потери. Отсюда стремление семей, уже имеющих детей, к увеличению временных интервалов между последующими беременностями и родами. Интенсивное кормление грудью и половые табу (не исключено, что некоторые ограничения могли быть и у народов Севера) позво-

³³ См. Козлов В. И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 13.

³⁴ Kjellström R. Senilicide and invalidicide among the Eskimos. — Folk, 1974/75, vol. 16—17.

³⁵ Богораз В. Г. Указ. раб., с. 107—108; Георги И. Г. Указ. раб., с. 63.

³⁶ Culture and Fertility/Lorimer Fr. and others. P., 1975, p. 87.

ляли достигать этой «главной», т. е. непосредственно интересующей семью, цели. И хотя побочным результатом этих усилий внутри семьи было некоторое снижение суммарной рождаемости в сравнении с максимально возможным уровнем, все же это был именно тот путь, в котором прирост населения мог достигать наиболее высоких результатов, возможных для описываемых социально-исторических условий жизни.

Интересно, что русские путешественники и исследователи XVIII в. как раз и отмечали малую, с их точки зрения, «плодовитость» женщин (т. е. рождаемость) у народов Севера. «Сколь ни охотники к делам любовным,— писал о северных хантах-оленьводах В. Ф. Зуев,— однако родится между ними немного. Редко я видел таких остяков, кои бы больше 3—4 у себя в живе имели, а в жизни много, что десять и очень редко бывает». «А сему истинная причина (т. е. причина смерти),— добавляет автор — плохой уход после пятилетнего возраста, когда отнимают от груди»³⁷. Скептически отзывался об уровне рождаемости у ительменов и С. Крашенинников: «Плодородие камчатского народа не велико, по крайней мере мне не приходилось слышать, чтобы у какого-нибудь камчадала было десять детей от одной жены»³⁸. То же И. Г. Георги сообщает об эвенках: «Они любят детей до чрезвычайности, однако они не плодородны: мало таких матерей, которые имеют четырех детей, а сие происходит, может быть, частью от сурового жития от того, что долго кормят детей грудью, то есть иногда до пятого года»³⁹.

Скорее всего, при длительности репродуктивного периода у женщин народов Севера не более 15—20 лет они успевали за это время родить в среднем не более шести—восьми детей, что действительно близко скорее к минимуму «естественной рождаемости»⁴⁰. Но зато вследствие хорошего ухода и грудного питания даже в трудные годы треть из родившихся выживала. А в благоприятные годы число доживших до репродуктивного возраста детей было еще большим, что позволяло народам Севера быстро восстанавливать свою численность и переходить к расширенному воспроизводству.

Население и природная среда. Оказывала ли естественная динамика биоресурсов влияние на режим воспроизводства и прирост населения на отдельных территориях? Скорее всего, оказывала, но неопределяла их.

У эскимосов, проживавших на побережьях по обе стороны Берингова пролива и в прилегающих ареалах, в I тыс. н. э. преобладало хозяйство с использованием всех возможных биоресурсов наземных и водных экосистем (моржи, тюлени, карибу, овцебык, рыба, птица). Однако низкий уровень стояния морских вод, сухой холодный климат, не успевавшие таять прибрежные льды — все это не способствовало развитию морских промыслов. К концу же I тыс. н. э. природно-климатическая ситуация меняется. Смягчение климата сопровождается быстрым развитием промыслов морских млекопитающих, а среди них моржей и особенно китов. Использование эскимосами наземных биоресурсов отошло на задний план. Высокая эффективность морской охоты большими коллективами и обилие пищи способствовали росту людности поселений на побережье, усложнялись социальные отношения, совершенствовалась материальная культура (археологическая эпоха «пунук» на Чукотке и о. Св. Лаврентия и культура Туле на востоке Аляски и в Гренландии 900—1400 гг. н. э.). Эскимосские общества переживали период расцвета, в это время выросла и численность населения⁴¹.

³⁷ Зуев В. Ф. Указ. раб., с. 64.

³⁸ Крашенинников С. Указ. раб., с. 219.

³⁹ Георги И. Г. Указ. раб., с. 52—53.

⁴⁰ О так называемом «гипотетическом минимуме естественной рождаемости» см. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976, с. 50—58.

⁴¹ Anderson Д. Об изменении доисторических моделей жизнеобеспечения эскимосов предварительная разработка.— В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981, с. 71—80.

С ухудшением природно-экологических условий для морской охоты в XVI—XIX вв. эскимосские системы жизнеобеспечения от высокоспециализированного морского зверобойного промысла возвратились к первоначальной модели — добыванию всего, что можно использовать для питания. Однако рост численности эскимосского (и пришлого чукотского) населения на азиатском побережье Берингова пролива не сменился депопуляцией. Более того, опираясь на культурные и социальные достижения предшествующего времени, в «последунукский» период хозяйственное освоение юго-восточного побережья Чукотки продолжалось. Хотя, конечно, какие-то колебания численности населения имели место. Например, там, где ощущался недостаток альтернативных морскому промыслу биоресурсов (о. Св. Лаврентия), население в «последунукский» период (XVI—XVII вв.) значительно уменьшалось из-за голодовок, болезней, миграции на континент. Но это трудно назвать «демографическим гомеостазом» популяции⁴².

Культуры охотников на дикого оленя континентальных тундр Евразии сформировались в IV—III тыс. до н. э. и существовали вплоть до начала II тыс. н. э. Условно лимитирующим фактором роста численности населения, исторически длительный срок живущего только за счет популяций дикого оленя, выступает величина ежегодного прироста последних. По расчетам Ю. Б. Симченко, численность «первобытных» охотников на дикого оленя Северной Евразии (до 3 млн. голов оленя) не должна была превышать 8,5 тыс. чел. По-видимому, так это и было⁴³.

Однако с распространением более продуктивного кочевого оленеводства население континентальных тундр Евразии, не считая береговых жителей, выросло не менее чем в 2—3 раза. А становление в XVIII—XIX вв. еще более специализированной формы хозяйства — кочевого крупнотабунного оленеводства — сопровождалось ростом численности оленеводов в 1,5—2 раза⁴⁴.

Эти, к сожалению немногочисленные, примеры все же говорят о том, что демографическая история народов Севера определялась не состоянием природных ресурсов. Прогрессивное развитие культуры и общества, и в первую очередь средств и способов материального производства, лежало в основе постепенного (а иногда и быстрого) роста численности северных аборигенных популяций. Уменьшение численности и даже исчезновение некоторых народов Севера в XVI—XVIII вв. имело свои социально-исторические⁴⁵, а не «популяционно-гомеостатические» причины.

Здесь уместно привести одно из малоизвестных высказываний В. Г. Богораз-Тана по этому вопросу: «Общая механика роста и убыли первобытных племен имеет примерно следующий характер: в естественном состоянии, вне воздействия культуры, первобытные племена находятся в равновесии с ресурсами природы — топливом, пищей и пр. Они вообще стационарны. Не размножаются и не возрастают. Впрочем, иные из них под влиянием естественного возрастания культуры все-таки склонны к размножению и расселению (разрядка наша.—А. П.). Нашествия завоевателей более высокой культуры выводят эти племена из равновесия и наносят им ряд тяжелых ударов. Часть воинов погибает в боях. Целые поселки истребляются. При дальнейших восстаниях мятежники жестко наказываются: мужчины избиваются, женщины разбираются по рукам, подростки обращаются в

⁴² Крупник И. И. Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов Юго-Восточной Чукотки (включая о. Святого Лаврентия).— В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки, с. 111—113.

⁴³ Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленя Северной Евразии. М.: Наука, 1976, с. 81.

⁴⁴ Крупник И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев.— Сов. этнография, 1976, № 2.

⁴⁵ Обзор региональных демографических изменений в XVII—XIX вв. см. раздел «Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы» (И. С. Гурвич) в кн.: Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982.

рабство. Потом начинает действовать алкоголь, повальные болезни, жестокое угнетение, отнимающее у туземцев волю к жизни. Тем не менее здесь в конце концов наступает равновесие. Уцелевшие племена перестают вымирать, мало того, они проявляют тенденцию медленно, но верно размножаться. Беда в том, что каждые 10—15 лет является заразная болезнь: оспа, инфлюэнца, корь... и уносит одним ударом весь накопившийся прирост. А дальше этот процесс опять начинается сначала»⁴⁶.

Вновь возвращаясь к вопросам, поставленным нами в начале статьи, мы предполагаем дать на них следующие ответы. Да, действительно, народов Севера имелись социальные и культурные институты и соответствующие им формы демографического поведения, снижавшие суммарную рождаемость. Но они в своей основе не только не имели антиналистской направленности, но, наоборот, возникли и поддерживались вследствие «популяционистских» настроений общества и семьи. Именно эти настроения в условиях высокой смертности быть не могли.

Другие социокультурные институты способны были изменять характер естественной смертности в различных возрастных группах, но не увеличивали при этом существенно ее общий уровень. Это — убийство новорожденных девочек, стариков, инвалидов, различные формы суицидного поведения взрослых людей. Все эти действия диктовались интересами жизнеобеспечения отдельных семей, не регулировались обществом в целом и не вытекали из стремления населения якобы к ограничению своей численности на данной территории до какого-то «оптимума».

И наконец, третий вопрос — об «экосистемном гомеостазе». Колебания численности и плотности населения на отдельных территориях не только редко действительно были связаны с изменением природных ресурсов, но прогрессивное (хотя и очень медленное) развитие культуры и общества в итоге все же обеспечивало прирост населения вне зависимости от направленности природных процессов. Именно вследствие этого современный человек (*Homo sapiens*), сформировавшийся в умеренных широтах Старого Света, достиг и заселил циркумполярные регионы.

Длительные периоды «нулевого» прироста в истории аборигенных северных популяций следует понимать не как особое «свойство» их самоорганизации, а лишь как одно из их возможных состояний, обусловленное множеством факторов, главным образом внешних. Такие периоды равновесия между силами природы и человека занимают большую часть его демографической истории. Но никогда они не были «целью» человеческого существования и не возникали вследствие какого-то особого стремления человеческих популяций к равновесию. Более того, со стороны человеческих обществ «равновесное состояние» не подкреплялось ни какими особыми общественными институтами, социально-психологическими потребностями и мотивацией. Оно не подкреплялось ничем, кроме постоянных и упорных усилий по обеспечению (по крайней мере в рамках своей локальной или этнической общности) наилучших условий существования для наибольшего числа людей, и именно вследствие этого рано или поздно нарушалось в сторону роста численности населения ходе прогрессивного развития его материальной и духовной культуры

⁴⁶ Из письма В. Г. Богораз-Тана к секретарю Комитета Севера Е. К. Малиновской ЦГАОР, ф. 3977 (Комитет Севера), оп. 1, д. 49 (1925 г.).

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДОИСЛАМСКОЙ АРАВИИ (религиозно-племенные общности хумс, хилла и тулс)

Произведения арабской средневековой науки бедны сведениями этнографического характера. Ее представители уделяли огромное внимание сводам родословий, генеалогическим легендам, преданиям о межплеменных столкновениях, но почти ничего не сообщали о районах расселения этноплеменных общностей, их социальной организации, способах ведения хозяйства, верованиях, обрядах, традициях, диалектах, т. е. именно о тех признаках, совокупность которых определяет этнос.

Весьма ценные данные по этнорелигиозным процессам в доисламской Аравии можно почерпнуть из сообщений некоторых раннемусульманских авторов о разделении аравийских соплеменностей и их подразделений в эпоху «невежества», т. е. до ислама, на две или три группы, различавшиеся системами религиозных запретов и обрядами паломничества в Мекку.

Ибн Хишам (ум. 833/4 г.) в «Житии посланника Аллаха», ал-Азраки (ум. 859 г.) в «Книге сообщений о Мекке» и ал-Йакуби (ум. 897 г.) в «Истории» рассказывают о двух группах соплеменностей: *кабаил ал-хумс* (соплеменности «неистовых») и *кабаил ал-хилла* (соплеменности «не соблюдающих запреты»). Мухаммад б. Хабиб (ум. 858/9 г.) в «Книге разукрашенного» добавляет к ним третью: *кабаил ат-тулс* (соплеменности «смешивающих»).

Дать адекватный перевод терминов, «хумс» «хилла» и «тулс» довольно сложно. Хумс (вариант — ахамис) — форма множественного числа от ахмас — «неистовый», «воодушевленный», «охваченный пылом»¹. Велльхаузен называл хумсов амфиктионами священной области Мекки (*Amphictionen des Haram von Mekka*)², проводя параллель с религиозно-политическими союзами древнегреческих племен и полисов. Хилла (в ед. ч. — халил) имеет значения «не соблюдающие запреты», «находящиеся в состоянии дозволенности». Подобный перевод соответствует взгляду мусульманских средневековых историков на эту группу соплеменностей, однако, как это будет показано ниже, хилла следовали собственной, не менее строгой, чем у «неистовых», системе религиозных запретов. Тулс (ед. ч. — атлас) переводят по-разному в зависимости от контекста: «стершиеся» (о письменах), «потертые» (о шкурах), «неясные», «непонятные», «смутные». Предлагаемый здесь перевод «соплеменности смешивающих» вытекает из конкретного значения этого выражения у Ибн Хабиба, по словам которого, «ат-тулс находились между ал-хилла и ал-хумс»: частично соблюдали запреты хумсов, частично — хилла³.

Несмотря на то что без тщательного изучения соплеменностей «неистовых», «не соблюдающих запреты» и «смешивающих» вряд ли возможно составить полное представление об этнических процессах в доисламской Аравии, аравийском язычестве и появлении ислама, в отечественной и зарубежной арабистике нет ни одного исследования, специально посвященного этой проблеме. Отдельные ее аспекты рассматривались в трудах западноевропейских арабистов XIX в. — Снука Хюр-

¹ В единственном числе употреблялась форма ахмаси (*El-Azraki M. Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka/Hrsg. Wüstenfeld F. B. I. Leipzig, 1858, S. 119, 121, 123*), образованная от ахмас по модели относительного прилагательного (*Wellhausen J. Reste Arabischen Heidentums. B., 1897, S. 85*). Такой способ словообразования типичен для конфессионализма в арабской ересиологической литературе.

² *Wellhausen J. Op. cit., S. 85.*

³ *Ibn Habib M. Kitab al-Muhabbat/Ed. Lichtenstädter I. Hyderabad, 1942, p. 181.*

гронье, Каэтани, Велльхаузена, Ламменса⁴, однако некоторые их выводы сегодня устарели и нуждаются в пересмотре.

В этой статье впервые сделана попытка собрать и обобщить имеющиеся в источниках данные о хумсах, хилла и тулсах с точки зрения современной этнографии. Соплеменности хумсов, хилла и тулсов рассматриваются здесь исключительно в этническом аспекте, поскольку характерные для каждой из этих трех общностей монономы⁵ почти полностью относились к религиозно-культовой сфере и не были связаны с функционированием соплеменностей как ЭСО. Велльхаузен, например, указывал, что принадлежавшие к одной религиозно-племенной общности соплеменности могли входить в состав враждующих группировок во время межплеменных столкновений⁶.

Полученные данные целесообразно использовать не только для воссоздания этнической истории Аравийского полуострова и изучения аравийского язычества, но, может быть, и при этнографическом картографировании современной Аравии, поскольку некоторые монономы, свойственные этим группам соплеменностей, сохранились, возможно, до наших дней.

Самое раннее свидетельство о хумсах и хилла, принадлежащее Ибн Исхаку (704—767/8 гг.), помещено в главе «Предписание „неистовых“» (*амр ал-хумс*) в «Житии посланника Аллаха» Ибн Хишама⁷. Ибн Исхак рассказывает о появлении «неистовых» среди аравийских соплеменностей, о развитии у них системы запретов, о трансформации этой системы в период утверждения ислама. Сообщение Ибн Исхака дополнено Ибн Хишамом, который процитировал со ссылкой на известного филолога Абу Убайду и прокомментировал стихи некоторых доисламских поэтов, упоминавших ал-хумс и ал-хилла.

В «Книге сообщений о Мекке» приведена наиболее полная подборка исходящих от многочисленных информаторов сведений о «неистовых» и «не соблюдающих запреты», которая содержится в двух главах: «О том, что произошло при открытии Каабы...»⁸ и «Хаджж у язычников»⁹. Однако расположены эти сведения бессистемно и часто повторяют друг друга.

В противоположность ал-Азраки рассказ Ибн Хабиба¹⁰ отличается сжатым и упорядоченным изложением материала, характерным для всей «Книги разукрашенного» — своеобразной исторической энциклопедии по эпохе раннего ислама. Сначала перечисляются соплеменности, принадлежащие к каждой из трех групп, затем описаны их религиозные запреты и обряды.

Текст краткого упоминания о хумсах и хилла ал-Йакуби¹¹ сходен по стилю и композиции с сообщением Ибн Хабиба.

Существенные различия в содержании четырех сообщений заставляют предположить, что по крайней мере три автора IX в. (ал-Азраки, Ибн Хабиб, ал-Йакуби) собрали эти данные независимо друг от друга. Несомненно, они были знакомы с не дошедшим до нас «Житием посланника Аллаха» Ибн Исхака, сокращенные выдержки из которого приводятся у Ибн Хишама, однако влияние этого произведения обнару-

⁴ Snouck Hurgronje C. Het Mekkaansche Feest. Leiden, 1880, S. 21, 22, 77, 78, 111, 130; Caetani L. Annali dell'Islam. V. I. Milano, 1905, p. 121, 122; Wellhausen J. Op. cit., S. 85, 86, 110, 122, 123, 245, 246; Lammens H. Le culte des Betyles et les processions religieuses chez les Arabes préislamiques. — In: Bulletin de l'Institut Français de l'Archéologie Orientale du Caire, 1919—1920, № 17, p. 130.

⁵ О категории «мононома» см. Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 210—240.

⁶ Wellhausen J. Op. cit., S. 85.

⁷ Ibn Hisham A. Das Leben Muhammed's nach Ibn Ishak/Hrsg. Wüstenfeld F. B. I. Göttingen, 1859, S. 126—129.

⁸ El-Azraki M. Op. cit., S. 118—122.

⁹ Ibid., S. 122—125, 130.

¹⁰ Ibn Habib M. Op. cit., p. 178—181.

¹¹ Al-Ja'qubi W. Historia/Ed. Houtsma M. Th. P. I. Lugduni Batavorum, 1883, p. 297, 298.

живается только у ал-Азраки, который со ссылкой на Ибн Джурайджа привел легенду о появлении «неистовых» среди аравийских племен, почти дословно повторяющую рассказ Ибн Исхака о хумсах¹².

Средневековые ученые рассматривали «неистовых» и «не соблюдающих запреты» как две категории (*синф*)¹³ соплеменностей, следовавших своей вере (*дин*)¹⁴ или религиозному закону (*шариа*)¹⁵. Термин шариа, как кажется, точнее передает сущность различия между хумсами и хилла, которые поклонялись одним и тем же идолам, но соблюдали при этом свои собственные монономы.

«„Неистовые“ укрепили свои души в вере»¹⁶ — таково наиболее распространенное определение хумсов. Давали им и другое определение: «„Неистовые“ — люди запретного» (*ахл ал-харам*)¹⁷. Термины «ал-хумс» и «ахл ал-харам» не были введены мусульманскими историографами или их информаторами, а являлись самоназваниями, что подтверждается несколькими источниками¹⁸.

Соплеменности «неистовых» встречались по всей территории Аравийского полуострова от Йемена до границ Месопотамии. Поскольку основные обряды хумсов были связаны с паломничеством в Мекку, племена *курайш*, *хузаа* и *кинана*, обитавшие в священном городе и прилегающем к нему районе, принадлежали к их числу. Все без исключения источники относят эти соплеменности к хумсам¹⁹, причем некоторые авторы только их и считают хумсами²⁰. Ибн Хабиб на примере кинанитов дает понять, что ситуация была сложнее, чем это может показаться на первый взгляд: в состав одной соплеменности могли входить и хумсы и хилла. Он называет пять кинанитских подразделений, принадлежащих к хумсам: *ал-харис б. абдманат б. кинана*, *мудлидж б. мурра б. абдманат б. кинана*, *амир б. абд. б. кинана*, *малик б. кинана*, *милкан б. кинана*²¹, а затем указывает, что *бакр б. абдманат б. кинана* относился к хилла²².

Другая соплеменность «неистовых» — *бану адван б. амир б. кайс айлан*²³ — накануне ислама также обитала в священной области Мекки²⁴.

К востоку от Мекки кочевала соплеменность сакиф, причисляемая к хумсам²⁵.

Значительную территорию на западе Центральной Аравии занимала соплеменность *амир о. сасаа*²⁶, одно из племен которой — *бану раба б. амир б. сасаа* — вело свой род по материнской линии от курайшитов и потому относилось в «неистовым». По имени своей легендарной прародительницы бану раба назывались также *бану маджд*.

¹² Ср.: *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 121, 122; *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 126—128.

¹³ *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

¹⁴ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 129; *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 119, 121—124; *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 179.

¹⁵ *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 298.

¹⁶ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 179; аналогичные определения см.: *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 119, 123; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

¹⁷ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 127; *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 120.

¹⁸ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 127; *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 120, 123. Ал-Азраки писал: «А неистовый на их языке — укрепившийся в своей вере» (*El-Azrali M. Op. cit.*, S. 123).

¹⁹ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 127; *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 120, 122; *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 178; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297; *The Mufaddaliyat/Ed. Lyall Ch. J. V. I. Oxford, 1921*, p. 259. У ал-Иакуби содержится явная ошибка, очевидно, по вине переписчика: хузаа вместо хумсов названы хилла. Эту ошибку исправил уже Велльхаузен (*Wellhausen J. Op. cit.*, S. 245).

²⁰ *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 121; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

²¹ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 178.

²² *Ibid.*, p. 179.

²³ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 178; *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 123.

²⁴ *El-Azrali M. Op. cit.*, S. 129.

²⁵ Здесь и далее расселение соплеменностей дано по: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition. V. I. Leiden — London, 1960*, p. 891; *An Historical Atlas of Islam/Ed. Brice W. C. Leiden, 1931*, p. 19.

²⁶ *Al-Kalbi H. Das Genealogische Werk/Hrsg. Caskel W. B. I. Leiden, 1966*, S. 441.

Остальные амир б. сасаа принадлежали к хилла²⁷. Согласно другой версии, вслед за бану раба в «неистовство» (тахаммус) обратились амир б. сасаа²⁸.

Среди тамимитских соплеменностей, населявших Северо-Восточную Аравию, хумсами были только *йарбу б. ханзала* и *мазин б. малик амир б. тамим*²⁹. Доисламский поэт из соплеменности мазин Салаба Суайр, описывая страусиху, сравнивает ее с женщиной из хумсов (*ахмасийа*), что, помимо свидетельства Ибн Хабиба, является важным аргументом, позволяющим отнести бану мазин к «неистовым»:

С наступлением мрака страусиха
раскинула над яйцами шатер,
Похожая на женщину — «неистовую»,
сбросившую черное покрывало³⁰

Возможно, поэт намекает на традиционную одежду хумсов или на неизвестный нам обряд, связанный с ними.

Среди калбитов к хумсам принадлежали *бану джанаб б. хубал абдаллах*³¹, а из обитателей Сиро-Месопотамской степи — соплеменность *илаф*, иначе называемая *раббан б. хулван б. имран б. алхавф кудда*³².

О некоторых североаравийских соплеменностях сохранились противоречивые сведения. Согласно ал-Азраки, хумсами являлись соплеменности *гатафан*, *джушам* и *бакр. б. хавазин*, подразделение *бану заква* из соплеменности *бану сулайм*, объединенные мусульманскими знатоками родословий вместе со множеством других соплеменностей в гатанскую генеалогическую общность *кайс айлан*³³. С другой стороны Ибн Хабиб и ал-Йакуби указывали, что все кайс айлан, кроме бану сакиф, адван и бану амир б. сасаа, — хилла³⁴. Ал-Азраки причислял мекканские соплеменности *ал-аус* и *ал-хазрадж* к «неистовым»³⁵, тогда как Ибн Хабиб отмечал, что *ал-ансар*, т. е. ауситы и хазраджиты, принадлежали к «не соблюдающим запреты»³⁶. Такого рода противоречия между сообщениями можно легко объяснить: их авторы жили полторы-два столетия спустя после утверждения ислама, а за это время в рамках мусульманской общины различия между хумсами и хилла стерлись.

В Южной Аравии «неистовые» были представлены аздитскими соплеменностями, обитавшими в йеменском округе Шануа (район современного Асира), и *бану зубайд*³⁷.

Три этнонима: *ал-гаус*, *амраллат*, *дж-з-м*, приведенные в списке племен «неистовых» у ал-Азраки, пока трудно идентифицировать. По-видимому, ал-гаус — это *ал-гаус б. ахрам б. ал-ас б. амр. б. мазин б. ал-аса* — один из мекканских родов, относившийся к хумсам и пресекшийся еще до ислама. *Ал-гаус б. ахрам* возглавляли процессию паломников, выступавшую с Арафата. От них эта привилегия перешла к *бану адван*³⁸. Следует подчеркнуть, что в списке *кабаил ал-хумс* адван идет сразу же за ал-гаус³⁹.

²⁷ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123; *The Mufaddaliyat...* V. I—Oxford, 1921, p. 259; V. II—Oxford, 1918, p. 89.

²⁸ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 127; *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 178.

²⁹ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 178.

³⁰ *The Mufaddaliyat...*, v. I, p. 259; v. II, p. 89.

³¹ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 179.

³² *Ibn Habib. Op. cit.*, p. 179; *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123. У ал-Азраки предлагается эмендация: вместо *илаф ва кудда* читать *илаф мин кудда*. Иначе возникает противоречие с данными Ибн Хабиба (*Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 179) и ал-Йакуби (*Al-Ja'qubi M. Op. cit.*, p. 298).

³³ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 122, 123.

³⁴ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 179; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 298.

³⁵ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 122.

³⁶ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 179.

³⁷ *El-Azraki M. Op. cit.* S. 122.

³⁸ *Ibid.*, S. 129.

³⁹ *Ibid.*, S. 123.

Дж-з-м можно интерпретировать как *scriptio defectiva* (неполное написание) этнонима *джузам*, который носила громадная соплеменность, обитавшая на крайнем северо-западе Аравии на границах Сирии и Синайского полуострова. Этноним *амраллат* идентифицировать не удалось.

Сведения, приводимые в различных источниках о религиозных мононормах, которые существовали у хумсов, сходны и дополняют друг друга лишь в деталях. Однако вопрос о периоде, в течение которого «неистовые» соблюдали эти мононормы, весьма сложен. Некоторые из них были явно связаны с паломничеством в Мекку, происходившем в языческую эпоху, как и во времена ислама, в начале месяца зу-л-хиджжа⁴⁰. Но ал-Азраки сообщает, что хумсы почитали все священные месяцы, т. е. ал-мухаррам, раджаб, зу-л-када, зу-л-хиджжа, в течение которых они не нарушали договора о покровительстве и не творили беззаконий⁴¹. Согласно Ибн Исхаку, действие запретов распространялось на «неистовых», пока они были в состоянии харама⁴². Как известно, период харама охватывал четыре священных месяца.

Гораздо труднее интерпретировать свидетельства Ибн Хабиба и ал-Йакуби о том, что хумсы соблюдали свои запреты, «когда они занимались делами благочестия» (*иза насаку*)⁴³.

Хотя наличие мононорм двух видов, одни из которых соблюдались во время паломничества, а другие в течение всех священных месяцев, и кажется весьма вероятным, мы не всегда можем на основе имеющихся данных провести между ними четкую границу.

Во время паломничества на Арафат хумсам не разрешалось выходить за пределы харама — священной территории, охватывавшей Мекку и ее ближайшие окрестности. «Мы — люди запретного, и мы не выходим с заповедной земли»⁴⁴, «мы — люди Аллаха»⁴⁵ — так, если верить традиции, они сами объясняли этот запрет. 9-го зу-л-хиджжа, когда толпы паломников — хилла отправлялись на Арафат⁴⁶, хумсы, согласно ал-Азраки, оставались у «истуканов харама» на горе Намира⁴⁷, отмечавших границу священной области вокруг Мекки. Хотя Ибн Хабиб и ал-Йакуби утверждали, что во время стояния хилла на Арафате «неистовые» оставались на горе Муздалифа⁴⁸, большее доверие вызывает детальное описание обрядов паломничества у ал-Азраки.

По словам ал-Азраки, на Муздалифе встречались хумсы и выступившие перед заходом солнца с Арафата хилла, проводили там ночь, а перед рассветом совместно поклонялись идолу Кузаху. Поклонение Кузаху продолжалось до восхода солнца и сопровождалось коллективной декламацией ритуальной фразы: «*Ашрик Сабир, кайма нугир*» — «Сабир, пусть солнце осветит тебя, чтоб вниз поспешно мы сошли». С восходом хумсы и хилла отправлялись в долину Мина⁴⁹.

Интересно, что процессию «не соблюдавших запреты», выступавшую с Арафата, возглавляли представители определенного рода из сопле-

⁴⁰ В донисламской Аравии существовал не лунный, а лунно-солнечный календарь, поэтому паломничество всегда приходилось на осень. Лунная хиджра была введена Мухаммадом в 631 г. (*Цыбульский В. В.* Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1964, с. 11, 13).

⁴¹ *El-Azraki M. Op. cit., S. 123.*

⁴² *Ibn Hischam A. Op. cit., S. 128.*

⁴³ *Ibn Habib M. Op. cit., p. 180; Al-Ja'qubi W. Op. cit., p. 298.* В Коране глагол *насака* (в форме причастия действительного залога) употреблен в значении «исполнять обряд» и с паломничеством никак не связан, однако производный от этого глагола термин *нусук* означает как жертву, которую приносят паломники, так и благочестие вообще (Коран, XXII, 66; II, 192; VI, 163).

⁴⁴ *El-Azraki M. Op. cit., S. 124.*

⁴⁵ *Ibn Habib M. Op. cit., p. 180.*

⁴⁶ *Wensinck A. The Pre-Islamic Hadrj.* — In: *The Encyclopaedia of Islam. New Edition.* V. III. Leiden — London, 1971, p. 32.

⁴⁷ *El-Azraki M. Op. cit., S. 130.*

⁴⁸ *Ibn Habib M. Op. cit., p. 180; Al-Ja'qubi W. Op. cit., p. 297.*

⁴⁹ *El-Azraki M. Op. cit., S. 123, 124, 130.*

менностей «неистовых», которые, вероятно, присоединялись к ней после вступления этой процессии на территорию священной области. Сначала эта привилегия принадлежала роду *ал-гаус б. ахрам б. ал-асамр б. ал-асад*, когда же во времена легендарного курайшитского вождя Кусайи род *ал-гаус* пресекся, она перешла к роду *ал зайд* из племенности *бану адван б. амр б. кайс б. айлан* и сохранялись в нем, утверждения ислама⁵⁰.

Сомнение вызывает свидетельство Ибн Исхака о том, что еще до начала своей пророческой деятельности Мухаммад, происходивший из племенности курайш, участвовал в стоянии на Арафате⁵¹. Впрочем, возможно, что паломничество на Арафат совершали ханифы, приверженцы малоизученного этико-религиозного течения, к числу которых принадлежал и сам Мухаммад⁵². Так или иначе, но в Коране было креплено обязательное для каждого паломника посещение Арафата.

К обрядам хумсов Ибн Хабиб относил обход холмов *ас-Сафа* и *Марва* после выступления с *Муздалифы*⁵⁴.

Ни в одном источнике нам не удалось найти указаний на то, что в доисламскую эпоху посещение Каабы следовало за паломничеством на Арафат. Велльхаузен относил посещение Каабы (*умра*) к месяцу *раджаб*, рассматривая его как особое паломничество⁵⁵. «Неистовые» семикратно обходили Каабу в собственной одежде и обуви; перед тем как войти в святилище, обувь полагалось снять⁵⁶. По преданию, обычай снимать обувь перед входом в Каабу возник незадолго до ислама; «Когда курайшиты завершили отстройку Каабы, то первым, кто снял сандалии и не вошел туда в них, был *ал-Валид б. ал-Мугира*... и стало это предписанием (сунна)»⁵⁷. Обычай этот, как известно, закрепился в исламе.

Целый ряд запретов «неистовых», соблюдавшихся во время паломничества, был связан с шерстяными изделиями. Им не разрешалось пряхть верблюжий волос (*шар*), верблюжью шерсть (*вабар*), овечью шерсть (*суф*)⁵⁸, изготавливать из них одежду⁵⁹, носить ее⁶⁰, входить в шерстяные шатры⁶¹. Паломники-хумсы, находясь в пути, жили в шатрах из красной кожи (*ал-адам ал-ахмар*)⁶². Кроме шерсти хумсам запрещалось пряхть и ткать хлопок (*кугн*)⁶³. Совершать паломничества они могли только в новых одеждах⁶⁴.

Запреты, связанные с приготовлением и потреблением пищи, касались главным образом продуктов скотоводства. «Неистовые» не готовили сыр (*акит*), не запасали кислое молоко (*лабан*), не топили масла и не ели ни сливочного (*зубд*), ни топленого масла (*самн*), ни мяса⁶⁵. Им запрещалось употреблять в пищу растения из священной области Мекки⁶⁶. Они не отлучали насильно ребенка от груди кормилицы⁶⁷. Вероятно, пищевые запреты соблюдались в течение всех заповедных месяцев.

⁵⁰ Ibid., S. 129.

⁵¹ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 129.

⁵² Ibid., S. 152.

⁵³ Коран, II, 194.

⁵⁴ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180.

⁵⁵ *Wellhausen J. Op. cit.*, S. 81.

⁵⁶ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

⁵⁷ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 118.

⁵⁸ Ibid., S. 123.

⁵⁹ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180.

⁶⁰ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

⁶¹ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 128; *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123.

⁶² *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123; *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

⁶³ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180.

⁶⁴ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

⁶⁵ *Ibn Hisham M. Op. cit.*, S. 128; *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123; *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

⁶⁶ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123.

⁶⁷ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

Действие некоторых запретов распространялось на сферу личной гигиены: хумсы не стригли волос и ногтей⁶⁸, не умащали голову, не прикасались к благовониям⁶⁹. Отголоски одного из этих запретов сохранились в исламе. «...И не брейте своих голов, пока не дойдет жертва до своего места»,— рекомендует Коран паломникам⁷⁰.

Ислам заимствовал и другое предписание «неистовых»: категорический запрет половой жизни и даже просто прикосновения к женщине во время паломничества⁷¹. «Хадж — известные месяцы, и кто обязался в них на хадж, тому нет приближения (к женщине) и распутства...»⁷².

Оседлым жителям, названным у ал-Азраки «люди высохшей глины, т. е. люди домов и селений» (*ахл ал-мадар йа'ни ахл ал-буйут ва-л-ку-ра*), которые принадлежали к хумсам, не дозволялось в священные месяцы входить в дома через двери⁷³. Они были вынуждены делать пролом в задней стене своего дома и через него проникать в жилище⁷⁴.

Запрещения входить в дома через двери, изготавливать хлопчатобумажные ткани, умащать голову и касаться благовоний могли возникнуть только среди оседлых жителей, что заставляет усомниться в истинности утверждения Велльхаузена, который, исходя из пищевых запретов хумсов и запретов, касавшихся шерсти, рассматривал всю их систему религиозных мононорм как своего рода «субботу номадов» по аналогии с празднованием субботы у евреев⁷⁵.

Коран, не осудив прямо запрет входить в дома через двери, указал, что для достижения благочестия он бесполезен: «...не в том благочестие, чтобы входить в дом с задней стороны, но благочестие — кто стал богобоязненным. Входите же в дома через двери и бойтесь Аллаха — может быть, вы будете счастливы»⁷⁶.

Ал-Азраки приводит предание о том, как это откровение было ниспослано Мухаммаду. В один из заповедных месяцев 6 г. Хиджры пророк и один из его сподвижников подошли к дому. Мухаммад вышел через дверь, а ансар (т. е. сподвижник пророка) сказал:

«— Поистине я — неистовый, о посланник Аллаха.

— И я — неистовый,— ответил Мухаммад.— Моя вера и твоя вера — одинаковы»⁷⁷.

Имел ли этот случай место в действительности или нет — не столь уж важно. Главное — в нем передано отошение Мухаммада к хумсам, позволившее впоследствии мусульманским ученым объявить их приверженцами веры Авраамовой, хотя и отступившими от некоторых ее положений. Созданная в жестокой борьбе с христианами и иудеями концепция изначального аравийского монотеизма нуждалась в историческом обосновании. В связи с этим интересен рассказ Ибн Исхака о появлении предписания «неистовых».

«Ибн Исхак сказал: „Я не знаю, было ли у курайшитов подобное предписание до года слона“. После же него ввели они предписание неистовых, посоветовавшись между собой, и сказали:

— Мы — сыны Авраама, люди запретного, владыки Дома, обитающие в Мекке, живущие там. Ни у кого из арабов нет ничего подобного нашему праву и нашему достоинству, и ни за кем из своих не признают они того, что признают за нами. Не почитайте же ничего из дозволенного (алхилл) так, как почитаете запретное (ал-харам). И если вы сделаете так, то презреют арабы ваши запреты.

⁶⁸ *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

⁶⁹ *Ibidem*.

⁷⁰ Коран, II, 192.

⁷¹ *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297.

⁷² Коран, II, 193.

⁷³ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123, 124; *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 297. «Людьми высохшей глины» оседлые жители названы у ал-Азраки потому, что в городах и селениях доисламской Аравии глинобитные постройки преобладали.

⁷⁴ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123, 124.

⁷⁵ *Wellhausen J. Op. cit.*, S. 86.

⁷⁶ Коран, II, 185.

⁷⁷ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 124.

...И оставили они стояние на Арафате и выступление с него, сознав, что Арафат — одно из мест совершения религиозных обрядов хаджа веры Авраама, но следили за остальными арабами, чтобы те стояли с ним и выступали с него»⁷⁸.

Появление «неистовых» не случайно связывается с годом слона. Ал-Азрак сообщает: «Когда погубил Аллах эфиопа Абраху, владыку слонов и одолели его птицы Абабил, то все арабы возвеличили курайшитов жителей Мекки и сказали:

— Аллах бился за своих людей и избавил их от заботы о враге»⁷⁹.

Относящаяся, без сомнения, к мусульманской эпохе эта легенда, как нам кажется, в искаженной форме передает реально существовавшее обособление хумсов от остальных аравийских племен.

«Неистовство» (тахаммус) передавалось из поколения в поколение по материнской линии⁸⁰. Согласно преданию, *бану рабиа б. амир б. савд* относились к хумсам только потому, что их предок-эпоним взял в жено курайшитку Маджд бинт Тайм⁸¹. Как правило, хумсами становились только по рождению. Бывали, однако, и исключения, нашедшие отражение в генеалогической легенде о Хавазине, предке одноименной соплеменности.

«Рассказывают, — пишет ал-Азрак, — что Мансур б. Икрима б. Хаджа б. Кайс б. Айлан женился на Салме бинт Дубайа б. Али б. Йасур б. Сад б. Кайс б. Айлан, и родила она ему Хавазину, и он тяжело заболел. Салма дала обет: если поправится Хавазин, она непременно сделает его хумсом. И когда он выздоровел, обратила она его в „неистовство“»⁸².

Возможно, Хавазин был посвящен в хумсы того божества, к которому Салма обращалась с просьбой о его исцелении. Известно, что среди «неистовых» выделялись приверженцы определенных языческих божеств: хумсы Мекки, например, делились на хумсов ал-Уззы и хумсов Хубала⁸³.

Подобный обычай был распространен у древних евреев. В благодарность за исцеление от бесплодия мать Самсона посвятила своего сына в религиозное братство назореев⁸⁴, а Анна, супруга Елкан, отдала Самуила на пожизненную службу в скинию⁸⁵.

Наличие у хумсов самосознания, выраженного в самоназвании и обособленности от других аравийских племен, строгая система религиозных мононорм, пронизывающая все стороны их жизни, громадная территория, на которой они обитали, — все это заставляет предположить, что соплеменности «неистовых» представляли собой религиозно-племенную общность, находившуюся в процессе становления. Мнение Ламменса рассматривавшего хумсов как «клерикальные семьи Мекки»⁸⁶, непомерно суживает, на наш взгляд, это общеаравийское явление до рамок одного города. Нельзя также согласиться с Тауфиком Фахдом, утверждавшим, что «неистовые» составляли «корпорацию» или «ассоциацию»⁸⁷, Лайелем⁸⁸, считавшим их «братством», так как обе эти точки зрения слишком модернизируют религиозные процессы той эпохи.

На этнополитическую сторону проблемы обратил внимание Кистер, предположив, что появление хумсов, хилла и тулсов явилось результатом сложной системы политических договоров и союзов, охватывавше

⁷⁸ *Ibn Hischam A. Op. cit.*, S. 126. Годом — Кааба. Годом слона в мусульманской историографии называется год похода на Мекку эфиопского правителя Химйаритского царства Абрахи, в войске которого якобы были слоны.

⁷⁹ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 120.

⁸⁰ *Ibn Hischam A. Op. cit.*, S. 127; *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 122.

⁸¹ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 123.

⁸² *Ibidem*.

⁸³ *Wellhausen J. Op. cit.*, S. 85.

⁸⁴ Кн. Судей, гл. I.

⁸⁵ I Самуил, гл. I.

⁸⁶ *Lammens H. Op. cit.*, p. 130.

⁸⁷ *Fahd T. La divination arabe. Strasbourg, 1966, p. 127.*

⁸⁸ *The Mufaddaliyat...*, v. II, p. 84.

Аравийский полуостров⁸⁹. С этой гипотезой трудно согласиться. Как убедительно доказал Велльхаузен, при заключении союзов племен во время межплеменных конфликтов принадлежность к хумсам или хилла роли не играла⁹⁰. Система мононорм, охватывающая не только религиозно-культовую сферу, но и другие стороны повседневной жизни, возникла постепенно в ходе длительного процесса, а не как итог договоров или соглашений. Конечно, отдельные элементы такой системы могли впоследствии быть закреплены межплеменными договорами, но никаких указаний на это в источниках не содержится.

Хумсы и хилла поклонялись одним и тем же идолам, но соблюдали при этом различные мононормы; в дальнейшем процесс размежевания этих двух групп привел бы, очевидно, к появлению у хумсов замкнутой системы племенных культов. Торжество новой монотеистической религии — ислама обрвало на ранней ступени процесс формирования племенных религий Аравии.

Без сомнения, обычаи «неистовых» не могли исчезнуть сразу же после победы мусульманства. Известно, например, что запрещение входить в дома через двери соблюдалось во времена язычества и в начале ислама⁹¹.

Термин «хилла» так же, как «хумс», существовал в доисламской Аравии. Он встречается в произведениях поэтов той эпохи, например в гихотворении Лакита б. Зурара ад-Дарими, посвященном битве при Иб Джабала:

...воистину они — бану абс,
Не соблюдающие запреты среди племени неистовых.

Речь здесь идет о хумсах из соплеменности амир б. сасаа, союзниками которых выступали абситы⁹².

К «не соблюдающим запреты» в Северной Аравии принадлежали соплеменности *ар-рибаб* и *тамим*, кроме *бану йарбу* и *бану мазин*, связанные с тамимитами генеалогическим родством *дабба б. удд*, *хумайс б. удд*, *заина*, *ал-гаус б. мурр*, *музайна*, все *кудаиты*, кроме *илафа* и *джанаба*, все *кайс айлан*, кроме *сакифа*, *адвана* и *амир б. сасаа*, соплеменности *тайи*, и *асад*, *укл* и *саур*⁹³.

К востоку и юго-востоку от Мекки обитало три соплеменности хилла: *хузайл б. мудрика*, *хасам* и *баджила*⁹⁴.

В йеменской части хребта Сарат жили *баркиты*, названные Ибн Хабибом в числе хилла⁹⁵. Ал-Йакуби относил к хилла в Южной Аравии многочисленные аздитские соплеменности, кроме, очевидно, *азд шануа*, *акк* и *хадрамаут*⁹⁶. Ибн Хабиб причислял всех жителей Йемена и Хадрамаута, соплеменности *акк*, *аджиб* и *ийад б. низар* к третьей категории — тулсам⁹⁷.

Хилла не соблюдали установленные для «неистовых» запреты: во время паломничества топили масло, ели мясо, умащали головы и натирались благовониями, стригли верблюжий волос, верблюжью шерсть и овечью шерсть, надевали только те свои одежды, в которых уже ходили в паломничество, и не надевали новые⁹⁸. По словам ал-Йакуби, им дозволялось охотиться в период харама, Ибн Хабиб же утверждает обратное⁹⁹.

⁸⁹ Kister M. J. Studies in Jahiliyya and Early Islam. V. I. Leiden, 1980, p. 113—142.

⁹⁰ Wellhausen J. Op. cit., S. 85.

⁹¹ El-Azraki M. Op. cit., S. 124.

⁹² Ibn Hisham A. Op. cit., S. 127.

⁹³ Ibn Habib M. Op. cit., p. 179; Al-Ja'qubi W. Op. cit., p. 298.

⁹⁴ Ibn Habib M. Op. cit., p. 178.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Al-Ja'qubi W. Op. cit., p. 298.

⁹⁷ Ibn Habib M. Op. cit., p. 179.

⁹⁸ Ibn Habib M. Op. cit., p. 180; Al-Ja'qubi W. Op. cit., p. 298.

⁹⁹ Al-Ja'qubi W. Op. cit., p. 298.

Среди зажиточной части хилла было принято раздавать свое имущество в качестве жертвы¹⁰⁰. Этот обычай, характерный для начала этапа имущественного расслоения, не отмечен у хумсов, что, вероятно, свидетельствует о более низкой ступени социального развития «неялюдявших запреты». Следует учесть, что практически все племена хилла Северной и Центральной Аравии являлись кочевниками.

Однако у хилла существовали свои строгие предписания. В состав харама они, подобно хумсам, не входили в дома через двери, и кто не давал им пристанища¹⁰¹. Паломникам-хилла запрещалось покупать и продавать что бы то ни было, кроме мяса¹⁰². Хилла не разрешалось есть принесенную с собой в Мекку пищу¹⁰³, которая, очевидно, считалась ритуально нечистой. «И не ели они в период харама ничего, кроме пищи людей харама, принимая ее как угощение или покупая»¹⁰⁴.

Наибольшее внимание средневековые ученые уделяли предписанию запрещавшему хилла обходить Каабу в своих одеждах. «Мы не совершаем обход в одеждах, в которых творили грехи»¹⁰⁵ — такое объяснение, если верить традиции, давали этому предписанию сами хилла.

Описание обрядов, связанных с этим запретом, дошло до нас в двух версиях. Согласно Ибн Хабибу и ал-Йакуби¹⁰⁶, паломники-хилла при вступлении в Мекку раздавали свою одежду в качестве милостыни, после чего брали взаймы одежду у «неистовых» и в ней обходили Каабу. Как правило, у каждого паломника из хилла был «неистовый», одававший ему одежду, который назывался харамом. Если же кому-то из «не соблюдавших запреты» не удавалось найти одежды у хумсов, совершал обход Каабы нагишом.

Версия Ибн Исхака и ал-Азраки¹⁰⁷ более подробная. Свою одежду хилла не отдавали. Тот из них, кто желал одолжить одежду у хумсов, кричал: «Кто даст взаймы хранимую, кто даст взаймы одежду?» (*Ман йу'иру масунан, ман йу'иру саубан?*), или «Кто даст взаймы хранимую, кто даст взаймы поношенную» (*Ман йу'иру масунан, ман йу'иру му'вазан?*).

Если удавалось взять одежду у «неистового», то обход совершался в ней. В противном случае паломники-хилла снимали свою одежду, складывали ее у двери святилища и обходили Каабу голыми — мужчины днем, женщины ночью. Днем женщины совершали обход в рубашках или прикрывали наготу повязками. Вернувшись к своей одежде, они забирали ее, но не смели более приближаться к Каабе.

За соблюдением предписания зорко следили окружающие: один из паломников был жестоко избит за то, что, обойдя Каабу нагишом, вновь попытался совершить обход, на этот раз в одежде.

«Не соблюдавший запреты» мог обойти Каабу в своей одежде, однако сразу же после обхода обязан был выбросить ее. Такая одежда называлась *лакан*; к ней никому не разрешалось прикасаться, пока солнце, дождь, ветер и ноги паломников не превратят ее в прах.

По мнению И. Ривлина, которого придерживался и И. Ю. Крачковский, Мухаммад выступил против обхода Каабы нагишом, считая это грехом столь же тяжким, сколь и многобожие (*ширк*): «Скажи: „Господь мой запретил только мерзости, явные из них и тайные, грех и злодеяние без права, и чтобы вы придавали Аллаху в сотоварищи то, о чем Он не низвел власти“»¹⁰⁸.

¹⁰⁰ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180.

¹⁰¹ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 298.

¹⁰² *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180.

¹⁰³ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 128.

¹⁰⁴ *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 121.

¹⁰⁵ *Ibid.*, S. 125.

¹⁰⁶ *Ibn Habib M. Op. cit.*, p. 180, 181; *Al-Ja'qubi W. Op. cit.*, p. 298.

¹⁰⁷ *Ibn Hisham A. Op. cit.*, S. 128, 129; *El-Azraki M. Op. cit.*, S. 118, 119, 121, 125.

¹⁰⁸ Коран, VII, 31. Ал-фавахиш — мерзости, срамные части тела. См.: *Rivlin J. Gesetz im Koran. Jerusalem, 1934.* S. 23, 47; Коран (перевод и комментарии И. Ю. Крачковского). М.: Наука, 1963, с. 534.

Сложившаяся у хилла система религиозных мононорм передавалась, как и у «неистовых», из поколения в поколение ¹⁰⁹.

У нас нет оснований доверять мусульманской традиции и считать, что заповеди у «не соблюдающих запреты» были установлены хумсами. Представление Велльхаузена о хилла как о «невежах», «непосвященных» (*die Profanen*) ¹¹⁰ также вызывает большие сомнения, поскольку их религиозные мононормы, среди которых были весьма архаичные, составляли довольно строгую систему. Очевидно, соплеменности хилла в доисламской Аравии выступали как самостоятельная религиозно-племенная общность, пусть и значительно менее консолидированная, чем соплеменности хумсов.

О тулсах сохранилось крайне мало сведений. Согласно «Книге украшенного», единственному дошедшему до нас произведению, в котором они упомянуты, тулсы обитали на юге Аравии — в Йемене и Хадрамауте. Во время паломничества они, подобно хилла, участвовали в стоянии на Арафате и не следовали предписаниям «неистовых», однако обход Каабы совершали в своих одеждах. У тулсов не было обычая закапывать живыми новорожденных девочек, встречавшегося среди бедуинов Северной и Центральной Аравии до ислама ¹¹¹. Нельзя с уверенностью сказать, составляли ли «смешивающие» религиозно-племенную общность или были искусственно выделены Ибн Хабибом из числа «не соблюдавших запреты».

К хумсам, хилла и тулсам причислены далеко не все языческие племена Аравийского полуострова.

Несмотря на некоторые неточности и искажения, присущие положенным в основу статьи сообщениям мусульманских ученых, рассмотренный материал наглядно показывает неоднородность аравийского язычества, наличие среди язычников по меньшей мере двух категорий соплеменностей — хумс и хилла, которые наряду с аравийскими соплеменностями, обратившимися в иудейство, христианство и зороастризм, могут быть определены как религиозно-племенные общности.

¹⁰⁹ *Ibn Hischam A. Op. cit., S. 127.*

¹¹⁰ *Wellhausen J. Op. cit., S. 85.*

¹¹¹ *Ibn Habib M. Op. cit., p. 181.*

М. В. Крюков

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПАХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Изучение теории этноса представляет собой одну из важнейших задач современной этнографической науки. Не случайно поэтому, что за последние два десятилетия в связи с общим оживлением интереса советскими этнографами к фундаментальным методологическим проблемам внимания исследователей неизменно привлекает вопрос об исторических типах этноса. Однако многое в этой области еще далеко от удовлетворительного решения.

1. В начале 1950-х годов в советской обществоведческой литературе впервые получила хождение точка зрения, согласно которой в истории человечества существовало три основных этапа этнических (или, как тогда было принято говорить, «исторических») общностей: племя, народность, нация.

Отмечая, что этнические общности различных исторических эпох значительно различаются между собой, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров следующим образом характеризовали эти типы этноса в наиболее авторитетном издании тех лет — «Очерки общей этнографии». Для первобытного общества типична этническая общность, представляющая собой племя. Этносы эпохи рабовладения и феодализма в этнографии принято называть «народностями». С развитием капиталистических отношений возникли общности нового типа — нации, выступающие в двух исторических подтипах — нации буржуазные и социалистические¹.

Обращение советских этнографов к углубленному изучению проблем теории этноса во второй половине 1960-х годов, нашло свое отражение, в частности, в начавшейся тогда дискуссии о понятии «этническая общность». Вполне закономерно, что в ходе ее невозможно было обойти вниманием и проблему типологизации этнических общностей на разных этапах развития человечества.

Начало обсуждения этого вопроса было положено в 1964 г. С. А. Токаревым на страницах журнала «Вопросы философии». С. А. Токарев выдвинул тезис о том, что эпохам рабовладения и феодализма свойственны качественно различные типы этнических общностей, принципиально отличающиеся друг от друга по своей внутренней структуре, что являлось отражением различий в социально-экономическом строе соответствующих обществ. Исходя из этого, С. А. Токарев предлагал сохранить за этносами феодальной эпохи термин «народность», а для обозначения этнических общностей рабовладельческого общества использовать термин «демос»².

Н. Н. Чебоксаров в своей работе 1967 г. принял основные положения этой новой концепции³. Не соглашаясь с С. А. Токаревым по ряду пунк-

¹ Толстов С. П., Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Очерки общей этнографии. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

² Токарев С. А. Проблема этнических общностей (К методическим проблемам этнографии). — *Вопр. философии*, 1964, № 11, с. 49—52.

³ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. — *Сов. этнография*, 1967, № 4, с. 102.

тов, В. И. Козлов тем не менее подчеркнул правомерность его попытки создать типологию этносов исходя из специфики их социально-классовой структуры на различных этапах истории общества. Признавая логичной идею выделения для рабовладельческой формации особого по социальной природе типа этнической общности, отличного от общности феодальной формации, В. И. Козлов пошел еще дальше в этом направлении и отметил, что «не менее логичным... представляется здесь и типологическое отделение этносов капиталистической формации от этносов социалистической (как стадии коммунистической) формации, тем более что специфическая, лишенная эксплуататорских классов социальная структура последних действительно требует этого»⁴. Полностью отказываясь от традиционных терминов «племя», «народность», «нация», В. И. Козлов предложил называть выделенные им типы этноса в соответствии с их формационной принадлежностью: этносы с первобытно-общинной структурой (ЭПС), этносы с рабовладельческой структурой (ЭРС), этносы с феодальной структурой (ЭФС), этносы с капиталистической структурой (ЭКС), этносы с социалистической структурой (ЭСС)⁵.

С принципиально иных позиций подходили к проблеме те исследователи, которые считали основным критерием типологизации этнических общностей характер социальных связей внутри этноса. Одним из первых эту точку зрения стал развивать А. Г. Агаев, пользовавшийся в своих работах традиционной триадой: племя — народность — нация. «Все дело в том, — писал он, — что каждой из форм этнической общности людей соответствует своя форма социальных связей: для родо-племени они выражались в родовых связях, народности присущи территориальные, у нации они обретают форму экономических связей»⁶.

При этом А. Г. Агаев решительно выступает против распространенного в 1950-х годах тезиса о том, что народность как тип этнической общности характерна для эпохи рабовладения и капитализма. По его мнению, первоначальное формирование народностей действительно относится к эпохе распада первобытно-общинных отношений. Однако народности нередко возникают и в последующие эпохи — при феодализме, капитализме и социализме⁷.

Нетрудно видеть, что при такой постановке вопроса понятия племени, народности и нации утрачивают специфику исторических типов этноса, потому что по крайней мере два из них — народность и нация — сами по себе требуют исторической типологизации. И А. Г. Агаев действительно предлагает свою схему типов народностей, настаивая на необходимости различения народностей рабовладельческих, феодальных, буржуазных и социалистических⁸.

Мысль А. Г. Агаева о необходимости типологизации народности была воспринята некоторыми советскими учеными-этнографами. В своей статье 1967 г. Н. Н. Чебоксаров прямо писал о том, что нации не являются единственными этническими общностями капиталистической эпохи; в странах социализма наряду с социалистическими нациями существуют менее консолидированные экономически и менее многочисленные этносы, которые принято называть «социалистическими народностями»⁹.

Спустя 5 лет после появления этой работы Н. Н. Чебоксаров совместно с С. А. Арутюновым выдвинул новую концепцию типологизации этносов, существенно отличающуюся от прежней. В основу ее положена идея об информационных связях (инфосвязях) как основе существования этноса. Важнейшим критерием выделения исторических типов этнических общностей (в качестве таковых в данной схеме выступает племенная

⁴ Козлов В. И. О классификации этнических общностей. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 15.

⁵ Там же.

⁶ Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1965, с. 40—41.

⁷ Там же, с. 65.

⁸ Там же, с. 56.

⁹ Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 105, 107.

группа, или «соплеменность», народность и нация) взят уровень плотности инфосвязей внутри этноса. Если структура инфосвязей племенной группы очень проста и неинтенсивна, то с появлением классового расслоения и государства плотность их существенно возрастает. Решающий фактор, позволяющий перешагнуть уровень пороговой плотности, — появление и развитие письменности. Внешней вехой, отражающей развитие народности до уровня нации, является более или менее широкое распространение в массах, хотя бы частично, начального образования, а также тесно связанное с этим формирование национального литературного языка¹⁰.

Наряду с этим С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров полагают, что в процессе исторического развития отнюдь не все народности консолидируются в нации. Для разграничения народностей древности и средневековья, с одной стороны, и народностей нового времени — с другой, авторы предлагают ввести некий дополнительный критерий. Народности нового времени рассматриваются ими как этнические коллективы, плотность инфосвязей внутри которых достаточно высока и специфична, чтобы выделить их в отдельный сгусток, но в то же время информационные связи, соединяющие этот сгусток с какой-то другой нацией, интенсивнее связей, объединяющих сам этот коллектив. Соответственно народности древности и средневековья именуются «первичными», а народности нового времени — «вторичными». С указанными уточнениями схема форм существования этнических общностей такова: на первобытно-общинном этапе — племенные группы, на докапиталистическом этапе — первичные народности, для нового времени — нации, с которыми ассоциированы вторичные народности¹¹.

Еще один вариант типологизации этнических общностей был разработан Ю. В. Бромлеем. В основе его лежит разграничение двух значений понятия «этнос»: узкого, обозначаемого термином «этникос», и широкого, связанного с сопряженностью этнической и социальной общностей, т. е. «этносоциальными организмами» (ЭСО).

Что касается ЭСО, то, по мнению Ю. В. Бромлея, можно подразделить их на племя, народность, буржуазную и социалистическую нацию¹². Племя характерно для развитого первобытного общества¹³. Основной этносоциальной общностью докапиталистических классовых обществ является народность. Вместе с тем для рабовладельческого строя в отличие от феодального характерно существование особой разновидности ЭСО¹⁴.

Что касается этникосов, то типологизировать их Ю. В. Бромлей предлагает по аналогии с ЭСО. На раннем этапе первобытно-общинной эпохи устанавливается существование племен-этникосов, еще не превратившихся в племена-ЭСО¹⁵, а этникос развитой первобытности предлагается называть «соплеменностью», используя в новом значении термин, введенный С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым¹⁶. Для докапиталистической эпохи характерны этникосы, обозначаемые так же, как и соответствующие ЭСО, т. е. «народности»¹⁷. Иначе дело обстоит с этникосами капиталистической и социалистической эпох, которые Ю. В. Бромлей в отличие от ЭСО (наций) считает необходимым обозначать особым термином «национальность»¹⁸.

С другой стороны, как полагает Ю. В. Бромлей, при капитализме и социализме существуют этнические общности, которые не могут быть

¹⁰ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — *Расы и народы*, 2 1972, с. 23—26.

¹¹ Там же.

¹² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 63.

¹³ Там же, с. 247.

¹⁴ Там же, с. 275.

¹⁵ Там же, с. 247.

¹⁶ Там же, с. 255.

¹⁷ Там же, с. 276.

¹⁸ Там же.

причислены ни к ЭСО, ни просто к этникосам: это буржуазные и социалистические народности¹⁹.

Последний тезис заслуживает особого внимания. Он означает, что для определения качественной сущности «социалистической народности» оказывается недостаточным даже введенное Ю. В. Бромлеем противопоставление двух значений понятия «этнос».

2. Приходится констатировать, что широко распространенный в наши дни термин «социалистическая народность» до сих пор остается лишенным серьезного научного обоснования. Более 30 лет прошло после того, как в нашей литературе впервые появилось упоминание о «народности нового, социалистического типа»²⁰. Однако теоретическая правомерность выделения этого типа этнических общностей пока никем не доказана. Хотя в имеющейся литературе нет недостатка в попытках сформулировать критерии разграничения понятий «нация» и «народность» в условиях социализма, ни одна из них не может быть признана удовлетворительной.

Одна из таких попыток восходит к известному тезису И. В. Сталина о том, что «достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией»²¹. Впрочем, этот подход к проблеме разграничения нации и народности, который А. Г. Агаев иронически называет «арифметическим», давно уже отброшен, и никто из исследователей последних лет к нему больше не обращался.

Другой принцип выявления различий между нацией и народностью исходит из того, что одни и те же признаки свойственны как народности, так и нации, однако в первом случае они выражены в более слабой степени, чем во втором. Данная концепция была распространена еще в 1950-х годах²², встречается она и в работах последнего времени. В коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» Т. А. Жданко пишет, что «собственно этнические признаки — общность языка, культурно-бытовая специфика, этническое самосознание — в основном формировались уже в процессе их (народностей. — М. К.) этногенеза, однако все эти признаки обычно отличались характерной для этнических общностей докапиталистической эпохи незавершенностью развития»²³.

Проявление этого — свойственное народности существование внутренних подразделений, которые принято называть «этнографическими» или «этническими группами»²⁴. Но в том же труде И. С. Гурвич утверждает, что, «как известно, даже сформировавшиеся нации обычно членятся в той или иной мере на этнографические, диалектальные и локальные группы, отдельные историко-культурные подразделения, имеют в своей среде те или иные не вполне ассимилированные ими инонациональные включения»²⁵.

А. Г. Агаев отвергает оба указанных выше подхода и формулирует тезис о территориальных связях как отличительной особенности народности. «Под прогрессивным воздействием социализма бывшие „территориальные союзы“, общественные связи в которых носили земляческий характер, рушатся», — пишет этот автор, замечая тут же: «Общественные связи у народностей при социализме все же не преодолевают своего территориального характера. И чем более сельскохозяйственное (? — М. К.) народность, тем нагляднее проступают в ее этнической физиономии территориальные связи»²⁶. Но данный вывод находится в явном противоречии с наблюдением того же А. Г. Агаева: по удельному весу занятого в

¹⁹ Там же, с. 297.

²⁰ Цамерян И. Нация и народность. — Большевик, 1951, № 1, с. 61.

²¹ Сталин И. В. Соч., Т. 2, с. 297.

²² Пекарчик С. К вопросу о формировании и развитии польской народности. — Вopr. истории, 1955, № 8, с. 85.

²³ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975, с. 49.

²⁴ Там же, с. 53.

²⁵ Там же, с. 497.

²⁶ Агаев А. Г. Указ. раб., с. 147.

индустриальных отраслях населения многие «народности» стоят уже наравне, если не впереди многих наций²⁷.

Не выдерживает критики и распространенное среди части этнографов мнение о том, что уловить разницу между социалистической народностью и нацией можно по численности населения²⁸. Правы Ю. В. Бронлей и В. И. Козлов, считающие установление количественного различия между нацией и народностью упрощением²⁹. Вполне справедливо возражают они и против попыток жестко связывать понятие «нация» лишь с теми народами СССР, которые имеют государственность в форме союзной или автономной республики³⁰.

Не могут вывести проблему противопоставления народности и нации из тупика, в котором она оказалась, и другие попытки такого рода. «Нация поет преимущественно песни профессиональных композиторов из слова, составляющие индивидуальное творчество поэтов, — утверждает А. Г. Агаев. — Народность поет преимущественно народные песни и текст, и музыка которых принадлежат коллективному, безымянному автору»³¹. Поверим здесь А. Г. Агаеву на слово, хотя, признаться, нас всерьез занимает вопрос о том, какие же песни в таком случае поет племя.

Искусственность и схоластичность понятия «социалистическая народность» предельно отчетливо проявляются в том бесспорном факте, что, несмотря на усилия специалистов, «не установлено конкретно, какие же из национальностей СССР являются нациями, а какие — народностями»³². Этнографам хорошо известны трудности, с которыми столкнулись, например, авторы статей в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ), посвященных отдельным народам СССР. Анализ этого издания, выходявшего с 1961 по 1976 г., весьма красноречив. Помимо народов, имеющих свои союзные республики, к числу наций отнесены в СИЭ абхазы, башкиры, буряты, каракалпаки, осетины, тувинцы, удмурты, чуваш, якуты. Более 20 этнических общностей, проживающих на территории СССР, обозначены как народности, а еще 20 с лишним — просто как «народы». При этом выясняется, что, например, манси — народность, а ханты — народ³³; в статье «Народность» в качестве примеров этого типа этнических общностей приводятся эвенки, эвены и чукчи³⁴, а в статьях «Эвенки»³⁵, «Эвены»³⁶, «Чукчи»³⁷ они обозначены как народы и т. д.

Если за последние десятилетия что-то и продвинулось вперед в разработке понятия «социалистическая народность», так это становящаяся все более очевидной невозможность отличить ее от нации. Не случайно, что это понятие в настоящее время не употребляется практически ни в одной из социалистических стран.

В высшей степени показательно, что даже А. Г. Агаев, взявший на себя задачу создания «теории народностей» и посвятивший этой теме специальную монографию, приходит в конце концов к следующему выводу: «В общесоциологическом отношении между социалистической нацией и социалистической народностью нет какой-либо разницы. И та, и другая представляют собой национальности, народы, которые независимо от количества населения, этнического развития, расового признака и других черт равны во всем, живут одним и тем же типом общественных отношений. Они одинаково характеризуются социалистической системой народного хозяйства, советской демократией, коммунистической

²⁷ Там же, с. 241.

²⁸ Потапов Л. П. О национальной консолидации народов Сибири. — *Вопр. истории*, 1955, № 10.

²⁹ Современные этнические процессы в СССР, с. 15.

³⁰ Там же.

³¹ Агаев А. Г. Указ. раб., с. 251.

³² Там же, с. 20.

³³ СИЭ. М.: Сов. энциклопедия, 1966, т. 9, с. 39; 1974, т. 15, с. 515.

³⁴ Там же, т. 9, с. 969.

³⁵ Там же, т. 16, с. 396.

³⁶ Там же, т. 16, с. 397.

³⁷ Там же, т. 16, с. 95.

идеологией... С этой общесоциологической точки зрения допустимо... отождествление понятий нации и народности»³⁸. Продолжая эту мысль, необходимо со всей недвусмысленностью подчеркнуть, что типологически не обоснованное противопоставление народностей и наций в социалистическом обществе имеет вполне определенную негативную практическую сторону. Из опыта своих полевых исследований этнографы хорошо знают, с какой остротой воспринимают подчас представители того или иного народа СССР вопрос о том, что же все-таки они представляют собой — нацию или народность. Бытование у нас научно бессодержательного выражения «социалистическая народность», ставшего благодаря прессе, радио, телевидению и другим средствам массовой информации достоянием самых широких кругов населения, является потенциальным источником этнических противоречий, не имеющих под собой реального основания.

Не предвосхищая результатов будущих теоретических разработок в области теории этноса, представляется настоятельно необходимым отказаться от термина «нации и народности СССР» и употреблять типологически нейтральное словосочетание «народы Советского Союза». Такое словоупотребление имеет уже длительную традицию: достаточно вспомнить один из первых документов Советской власти — «Декларацию прав народов России», проект которой был разработан В. И. Лениным.

3. Неудовлетворительность большинства схем исторических типов этнических общностей, сформулированных за последние годы, в конечном итоге объясняется тем, что, к сожалению, методические принципы типологических исследований вообще остаются в советской этнографической науке крайне слабо разработанными. Не случайно, например, что в вышедшем в 1979 г. сборнике, озаглавленном «Проблемы типологии в этнографии», обоснованию общих принципов типологизации этнографических явлений была посвящена в сущности лишь одна статья³⁹. Между тем конкретные типологии, выдвигавшиеся за последние годы советскими этнографами, зачастую грешат несоблюдением некоторых общих требований, предъявляемых к типологизации. Обратимся к вопросу о том, каковы же эти требования и в какой мере им удовлетворяют предложенные концепции исторических типов этнических общностей.

Необходимым требованием типологизации является сохранение единого принципа деления для каждой классификационной задачи⁴⁰. Типология должна быть последовательно выдержана с точки зрения того признака, который в данном случае кладется исследователем в ее основу. Введение в качестве дифференциальной переменной хотя бы одного признака уже позволяет выделить некоторое количество типологических единиц высшего уровня.

С этой точки зрения, вероятно, нельзя было бы предъявить претензий к С. А. Арутюнову и Н. Н. Чебоксарову, если бы они ограничились характеристикой типов этноса, выделенных в результате применения предложенного ими критерия — уровня плотности информационных связей внутри этноса: племенная группа (слабые инфосвязи), народность (значительные инфосвязи), нация (интенсивные инфосвязи). Если мы встанем на точку зрения авторов (в действительности сделать это все же затруднительно), то введение второго дифференциального признака — диахронный или синхронный характер инфосвязей — само по себе никак не может опровергнуть результаты первой исследовательской процедуры. Если даже для нации действительно важнее всего синхронная информация (на самом деле этот тезис отнюдь не бесспорен), то логически неверным оказывается вывод о том, что нация не есть этнос, поскольку последний определяется совокупностью всех потенциальных информационных связей⁴¹. Если же, наконец, мы ввели в число дифференциальных пере-

³⁸ Агаев А. Г. Указ. раб., с. 234.

³⁹ Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 189—202.

⁴⁰ Каган М. С. Классификация и систематизация. — В кн.: Типы в культуре. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 9.

⁴¹ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 21.

менных третий признак (соотношение плотности внутриэтнических и межэтнических связей), то должны были бы получить на выходе не один подтип народности — «ассоциированную», но и соответствующие подтипы племен и нации. В этом случае могло бы, разумеется, сказаться, что соответствующие ячейки матрицы по тем или иным причинам должны быть оставлены незаполненными, но это уже требует особого обсуждения, от которого авторы статьи уклонились. Что же касается употребления С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым терминов «буржуазная» и «социалистическая» народности, то оно было бы правомерным лишь в случае введения еще одного, четвертого признака (формационная принадлежность). В этом случае мы вправе были бы ожидать выделения также «рабовладельческой» и «феодальной» соплеменности либо специального объяснения того, почему такие подтипы в схеме отсутствуют.

Точно так же можно было бы признать формально безупречной трехчленную типологию этносов, предложенную А. Г. Агаевым на основании используемого им признака — характера социальных связей, подразделяемых на родовые, территориальные и экономические (в действительности основываться на этом признаке нельзя, так как территориальные связи являются условием формирования всех без исключения типов этнической общности, а не только народности)⁴². Введение же еще одной дифференциальной переменной (формационная принадлежность) должно было иметь своим результатом выделение подтипов племени, народности и нации.

Таким образом, типология как система имеет иерархическую структуру, соотношение уровней в которой зависит от последовательности ввода дифференциальных переменных. С этим связан вопрос об относительной значимости последних. Более существенный признак позволяет нам выделить типы как единицы основного таксономического уровня, следующий за ним — подразделения типа (подтипы) и т. д. Но в типологии А. Г. Агаева иерархия уровней вообще отсутствует. Фактически им используется две в значительной степени автономные шкалы для определения исторической последовательности форм этнической общности. Первая из них основана на характере социальных связей (на этом принципе базируется выделение «формы» этноса — племя, народность, нация). Вторая связана с общественно-экономическими формациями (что позволяет идентифицировать «типы» этноса — первобытный, рабовладельческий, феодальный, буржуазный, социалистический). Но остается неясным: каково стадияльное соотношение этих двух шкал между собой. Например, что выше по уровню собственно этнического развития — социалистическая народность или капиталистическая нация?

Для научной типологии, наконец, небезразлична терминология, посредством которой обозначаются те или иные единицы системы, потому что сами термины должны отражать различия как уровней иерархии, так и подразделений одного и того же уровня. С этой точки зрения вполне обоснованным было стремление С. А. Токарева избежать двусмысленности термина «народность», которым обозначались разнотипные понятия. Ю. В. Бромлей критикует С. А. Токарева за предложение обозначать рабовладельческие этносы термином «демос», ибо за этим словом в науке фактически закрепилось другое значение — народонаселение страны⁴³. Как представляется, в данном случае оппонент проявляет чрезмерную строгость, поскольку в нашей этнографической литературе термин «демос» в этом значении практически не употребляется. Совсем другое дело — термин «народность». Непонятно, почему Ю. В. Бромлей, обычно смело идущий на конструирование новой терминологии там, где это диктуется необходимостью, изменил своей принципиальной позиции и ограничился использованием весьма нечеткого в смысловом отношении термина «народность». В статье 1972 г. это было сделано «в ожидании, пока будут созданы специальные термины»⁴⁴; та же формулировка повторе-

⁴² Козлов В. И. Указ. раб., с. 19—20.

⁴³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 274.

⁴⁴ Его же. Опыт типологизации этнических общностей, с. 69.

на в книге, увидевшей свет в 1983 г.⁴⁵. Не слишком ли затягивается ожидание?

4. В нашей литературе широко распространено утверждение, что типологическая триада «племя — народность — нация» основана на формационном критерии.

Ю. В. Бромлей, говоря о сущности этносоциального организма, отмечает, что «принадлежность к той или иной формации неизбежно придает ему особый характер. Этот факт по существу и лежит в основе обычного для нашей литературы последних лет выделения таких историко-стадиальных типов этносоциальных общностей, как племя, народность, буржуазная и социалистическая нация»⁴⁶. Тем не менее приходится признать, что почти все авторы конкретных типологических схем исторического развития этноса так или иначе отходят от декларируемого ими основополагающего принципа, а фигурирующее в большинстве этих схем понятие «народность» вообще несовместимо с формационным подходом.

В самом деле, по А. Г. Агаеву, народность представляет собой явление, существующее вне зависимости от того, какой способ производства определяет специфику общества: рабовладельческий, феодальный, капиталистический или социалистический. То обстоятельство, что формационная принадлежность учитывается им при выделении типов народности, лишь подчеркивает надформационный характер самого этого явления.

В сущности то же самое может быть сказано и о типологической схеме Ю. В. Бромлея, в которой рабовладельческая, феодальная, буржуазная и социалистическая народности выступают как подтипы народности⁴⁷. Но это означает, что формационная принадлежность не имеет никакого отношения к выделению народности вообще как историко-стадиального типа этнических общностей. Учитывая, что в любой научной типологии основные таксономические единицы — типы как таковые конструируются на основе наиболее значимых, фундаментальных признаков, чем единицы следующего уровня — подтипы, нельзя не признать формационную принадлежность в данной схеме менее существенным признаком, чем тот (оставшийся здесь несформулированным), который явился основанием для выделения «народности» как типа этноса.

С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров, принимающие уровень плотности инфосвязей в качестве наиболее фундаментального признака, позволяющего дифференцировать типы этнических общностей, сочли все-таки неудобным вовсе отказываться от каких-либо ссылок на формационный критерий. Поэтому они упоминают в своей работе о буржуазных и социалистических народностях⁴⁸, впрочем, тут же оговаривая, что в сущности первые не отличимы от вторых и в своей совокупности составляют «вторичные народности» (или «народности нового времени»), противопоставляемые «первичным народностям» («народностям древности и средневековья»)⁴⁹.

Как уже об этом говорилось выше, первым советским исследователем, вставшим на позиции формационного критерия выделения типов этнических общностей, был С. А. Токарев. Он не только противопоставил народности рабовладельческой и феодальной эпох как самостоятельные типы этноса, но и предложил для них особые термины. Что же касается концепции В. И. Козлова, то она может рассматриваться как типология С. А. Токарева, доведенная до требуемой логической четкости.

Схема, предложенная В. И. Козловым, — не только первая в нашей науке типология этносов, в которой не на словах, а на деле формационный критерий последовательно выдержан во всех ее звеньях, но и пока единственная схема, удовлетворяющая строгим требованиям научного типологического анализа.

⁴⁵ *Его же*. Очерки теории этноса, с. 275.

⁴⁶ Там же, с. 63.

⁴⁷ Там же, с. 275.

⁴⁸ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 26.

⁴⁹ Там же, с. 27.

Означает ли сказанное, что с появлением типологической схем В. И. Козлова этнографам нечего больше делать в области разработки исторических типов этноса? Нет, не означает.

Для одного и того же множества изучаемых явлений в зависимости от цели исследования может быть создано несколько принципиально различных типологий. Некоторые из советских этнографов, возможно, не согласятся с этим. И тем не менее это один из важнейших исходных принципов любого типологического анализа, возражение против которого может свидетельствовать лишь о том, что в нашей области науки методика такого анализа не стала еще достоянием широких масс этнографов. Ведь даже в археологии, всегда уделявшей типологическим исследованиям гораздо больше внимания, «только недавно было осознано (очень многими), что исследовательских группировок, причем правильных, для каждого материала может быть несколько, а надежда выявить универсальную группировку является утопией»⁵⁰.

Типология этнических общностей, основанная на формационном критерии, является одной из таких «правильных группировок» — одной, но не единственной. Ее правильность в том, что она последовательно воплощает в себе важнейший критерий, позволяющий оценивать развитие любого аспекта человеческого общества с материалистических, марксистских позиций. Но критерий этот слишком фундаментален и всеобъемлющ для того, чтобы дать конкретные ответы на вопросы, связанные с более частными закономерностями истории отдельных аспектов общества. Если бы это было не так, общественные науки утратили бы специфику предмета своих исследований, и в литературоведении, например, характеристику творческого метода Пушкина можно было бы заменить указанием на то, что этот поэт жил в эпоху феодализма. Поэтому прав В. И. Козлов, когда он предполагает возможность создания в будущем новых систем типологизации этносов⁵¹. В них должна найти отражение историческая эволюция собственно этнических признаков, свойственных народам мира.

5. Одним из важных достижений этнографической науки в области теории этноса явилось обоснованное за последние годы положение о необходимости отличать этнические признаки (черты, свойственные тому или иному этносу в противоположность другим) и этнообразующие, или этностимулирующие, факторы (условия формирования и развития этноса).

Было показано, что общность экономической жизни, ранее обычно рассматривавшаяся как один из признаков этноса, в действительности не имеет сама по себе этнической специфики. Вместе с тем возникновение на определенной территории устойчивых экономических связей создает необходимые объективные предпосылки для формирования этнических отношений. Наряду со связями, порождаемыми в процессе производства материальных благ, важным условием сложения этнической общности являются также отношения воспроизводства самой человеческой популяции, т. е. брачные связи. На этой основе под влиянием внешней среды начинают складываться собственно этнические признаки, проявляющиеся главным образом в сфере культуры. Важнейшим из них является этническое самосознание — вторичный признак, в той или иной мере отражающий уже сформировавшуюся этническую специфику.

Если говорить о предпосылках возникновения и развития этнических общностей, то помимо факторов, способствующих этому процессу, можно выделить также обстоятельства, действующие в обратном направлении и препятствующие ему. К числу такого рода факторов, которые могут быть названы «этностагнирующими», относится, в частности, низкий уровень социальной мобильности, связанный с существованием внутри этноса сословных, кастовых или иных перегородок, замедляющих формирование общетнических культурных характеристик.

⁵⁰ Клейн Л. С. Понятие типа в современной археологии. — В кн.: Типы в культуре, с. 55.

⁵¹ Козлов В. И. Указ. раб., с. 21.

Сказанное имеет отношение не только к конкретной истории отдельных народов, но и к общим закономерностям этнического развития человечества в целом. Мы живем в эпоху интенсификации этнических процессов, когда взаимоотношения между этносами в большинстве случаев проявляются отчетливо и недвусмысленно. Но история человечества знала периоды, заметно отличавшиеся друг от друга по степени активности этнических связей. Исследователи отмечают, в частности, следующие особенности этнической ситуации у австралийских аборигенов: «То, что называется племенем в Австралии, представляло собой относительно аморфную общность с весьма нечеткими границами. Эта общность локализовалась на определенной территории, однако границы последней отличались относительной условностью и подвижностью. С лингвистическими, социокультурными и генетическими границами такая общность совпадала только в тенденции. Этническое самосознание ее членов было выражено весьма слабо. Зачастую она не имела самоназвания. Вычленив эту общность не так-то просто»⁵².

С аналогичными трудностями сопряжено изучение этнического состава населения Новой Гвинеи. Выясняется, что границы расселения папуасских «племен», как правило, не имеющих самоназвания, во многом зависят от того, где находятся и проводят полевые исследования этнографы: если бы они «жили в других деревнях или двигались по другим маршрутам, то и границы племенных территорий были бы иными»⁵³. Папуасы Новой Гвинеи дают нам наглядный пример ситуации, в которой этнические отношения выражены неотчетливо, находятся в состоянии стагнации.

На позднем этапе истории первобытного общества, когда уровень этнического развития, казалось бы, должен был возрасти по сравнению с предшествующим периодом, процесс этот тормозится вследствие того, что в действие вступают некоторые новые факторы. Один из важнейших среди них — появление социальной стратификации в виде иерархически соподчиненных общественных «рангов», принадлежность к которым определялась отношениями генеалогического родства и была, таким образом, наследственной. Во многих случаях в подобных стратифицированных обществах возникает система символов-атрибутов, отличающих каждый из «рангов» и проявляющихся в сфере материальной и духовной культуры, а также языка. Вертикальная социальная мобильность при таких обстоятельствах находится на предельно низком уровне, часто практически равна нулю. Возникновение подобной системы социального деления представляет собой серьезное препятствие на пути формирования особенностей культуры, общих для всего этноса в целом⁵⁴.

Появление частной собственности, развитие товарно-денежных отношений и рабства привели к кризису иерархической структуры общества, основанной на наследственном принципе. Реформы Солона в Греции, Сервия Туллия в Риме, Шан Яна в Китае нанесли по ней решающий удар и расчистили дорогу социальным отношениям, в условиях которых не знатность, а богатство определяло положение человека в обществе. Развитие экономических связей и социальной мобильности объясняет нам, почему эпоха античности отмечена резким скачком в развитии этнических отношений. Персы эпохи Ахеменидов, эллины, хуасы и другие древние народы качественно отличаются от тех в значительной мере аморфных общностей, которые были свойственны человечеству на более ранней стадии его развития.

Наступление эпохи феодализма сопровождается активизацией действия факторов, отрицательно сказавшихся на процессах развития этнических отношений. Характеризуя особенности этнической ситуации в

⁵² Шнирельман В. А. Протоэтнос схотников и собирателей (по австралийским данным). — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 100.

⁵³ Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М.: Наука, 1968, с. 26.

⁵⁴ Крюков М. В. Социальная мобильность и этнические процессы в древнем Китае. — В кн.: XIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». Тез. и докл. Ч. 2. М.: Наука, 1983, с. 3—4.

раннесредневековой Европе, Ф. Энгельс весьма точно подметил тенденцию стагнации этничности: «Народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи»⁵⁵. Действительно, натурализация хозяйства противодействовала поддержанию общности этноса и тем самым способствовала ослаблению его признаков. Не менее существенное значение имела в этом отношении сословная система эпохи феодализма. В целом господство феодальных отношений всегда сопровождалось понижением уровня выраженности этнической специфики. Этнические различия оказывались приглушенными, затушеванными, отходили на второй план, уступая свое место сословной или конфессиональной принадлежности. Некоторое представление об этом дает нам современная этническая ситуация в Индии: несмотря на принятый в нашей литературе тезис о существовании «хиндиязычных народов», этническое самосознание большинства населения штатов Уттар Прадеш и Мадхья Прадеш весьма аморфно и во всяком случае проявляется несравненно менее отчетливо, чем осознание принадлежности к касте.

С зарождением капиталистического способа производства связано начало нового этапа в этническом развитии человечества. Преодоление региональной обособленности, приоритет рыночных отношений способствуют налаживанию устойчивых «горизонтальных» связей внутри этнических общностей. Одновременно в результате ломки сословных барьеров устраняются препятствия для развития «вертикальных» связей, что в конечном итоге приводит к резкой активизации этнических отношений.

Таким образом, в истории человечества можно выделить два этапа, характеризующихся ускоренным развитием этничности: первый из них соответствует в основном эпохе рабовладения, второй начинается в эпоху поднимающегося капитализма. Заметим, однако, что интенсификация этнических отношений и в том и в другом случае определялась не способом производства как таковым, а тем, что на данном этапе человеческой истории складывалось благоприятное соотношение этностимулирующих и этностагнирующих факторов. Именно поэтому возникновение различных по своей политэкономической сущности способов производства в аспекте этнической истории приводило к аналогичным результатам.

Тем не менее древние этнические общности в качественном отношении отнюдь не тождественны современным. Их различие выявляется на уровне внутренней структуры важнейшего признака этноса — этнического самосознания. Как показывают специальные исследования, историческая эволюция этнического самосознания проявляется прежде всего в изменении относительной значимости отдельных его компонентов, причем некоторые из них в процессе развития этноса трансформируются или исчезают вовсе, уступая место другим⁵⁶. Специфической чертой древних этносов является возникающее в эпоху античности представление о врожденной, непреходящей противоположности «нашей» общности и всех других людей — варваров «с лицом человека и сердцем дикого зверя»⁵⁷. В отличие от иных компонентов этнического самосознания идея деления человечества на «нас» и варваров не отражает каких-либо объективных свойств этнических общностей, существуя только на уровне сознания. В условиях классового общества с его социальным антагонизмом это представление оказывается чрезвычайно устойчивым.

Вспышка этнической активности в новое время порождает иное толкование антитезы «мы — они»: на этом этапе впервые получает четкое выражение идея единства человеческого рода. «Наша» общность рассматривается теперь как одна из множества в принципе ей подобных. Это отнюдь не означает преодоления этнических предубеждений, однако последние выступают в новой форме; этнические стереотипы связываются отныне не с делением человечества на две неравные половины, а с мни-

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19, с. 496.

⁵⁶ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. Расы и народы, 6, 1976, с. 60.

⁵⁷ Бань Гу. Ханьская история. Т. II. Пекин: Чжунхуа, 1964, с. 3834 (на кит. яз.

мым превосходством «своего» этноса над соседями. Лишь утверждение социалистических отношений, ликвидирующее фактическое неравенство народов, создает предпосылки для искоренения любых проявлений этнических предрассудков в сознании людей.

Представляется, что сформулированные выше критерии могут быть использованы в качестве основания исторической типологии этнических общностей, представляющей собой одновременно периодизацию процесса этнического развития человечества. На первом этапе, совпадающем в целом с эпохой первобытности, а р х а и ч е с к и м этническим общностям свойственны аморфность их специфических признаков, низкий уровень выраженности этнического самосознания (что проявляется зачастую в отсутствии самоназваний), нечеткость этнических границ. Второй этап соответствует эпохе рабовладения; он отмечен активизацией этничности, вследствие чего древние этносы обладают отчетливо выраженным этническим самосознанием, в основе которого лежит обычно представление о делении человечества на «нас» и варваров. На третьем этапе по мере развития феодализма наблюдается процесс стагнации этнических общностей; средневековые этносы зачастую утрачивают свой дискретный характер, их специфика затушевывается, а этнические связи оттесняются на второй план социальными отношениями иного рода. На четвертом этапе кризис феодализма создает объективные предпосылки для интенсификации этнических связей; современные этносы характеризуются четкой выраженностью своих свойств, что сопровождается формированием принципиально новых компонентов этнического самосознания. Выявляя закономерности возникновения и смены исторических типов этноса, соответствующих указанным выше этапам этнического развития, мы можем предвидеть, что с победой коммунистических общественных отношений начнется новый, пятый этап, когда этническое деление общества будет постепенно утрачивать свою нынешнюю актуальность, а этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества.

А. И. Першиц

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ И ФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Статью М. В. Крюкова хотелось бы приветствовать по нескольким причинам. Первая: всегда полезно критически рассмотреть под новым углом зрения установившиеся и ставшие привычными взгляды, а такими нередко становятся даже взгляды, высказанные какие-нибудь десять — пятнадцать лет назад. Вторая: статья еще раз привлекает внимание к необходимости формационного понимания всех сколько-нибудь важных исторических явлений вообще, исторических типов этнических общностей в частности. Третья: предложенный в статье типологизационный критерий как один из возможных критериев представляется заслуживающим внимания. И еще одна: в то время как этническая дифференциация в нашей литературе все чаще рассматривается как имманентная природе человека современного вида и неизменно полезная своего рода отбором этнокультурных ценностей, автор статьи напоминает, что с победой коммунизма начнется новый этап, когда этническое деление общества будет «постепенно утрачивать свою нынешнюю актуальность, а этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества» (с. 69) *.

Но, приветствуя звучащий в статье призыв к формационному подходу, я никак не могу согласиться с реализацией в ней этого подхода.

* Здесь и в последующих откликах ссылки на статью М. В. Крюкова даются в тексте.

Начну с терминологической стороны дела. М. В. Крюков придает большое значение тому, чтобы мы не применяли одинаковое обозначение «народности» для народностей рабовладельческих и феодальных. То же равным образом должно относиться к термину «нация» для наций капиталистических и социалистических. Он считает такие термины двусмысленными обозначениями разнотипных понятий. Однако представляется, что погрешности в типологизации здесь нет, так как и народности, и нации подразделяются на формационные категории — рабовладельческие и феодальные, капиталистические и социалистические. Поэтому нельзя считать погрешностью против формационного подхода к явлениям наличие в этих словосочетаниях одного общего термина «народность» и «нация». Считать так — значит следовать логике тех, кто возражает против отнесения наций к более широкой категории этносов, этнических общностей и применения к ним указанных собирательных обозначений. Следуя такой логике, и сам автор статьи не должен был бы применять один и тот же термин «этническая общность» к общностям людей на рассматриваемых им пяти формационных ступенях исторического процесса. И соответственно он не должен был бы считать, что предложенный В. И. Козловым набор аббревиатур для исторических типов этих общностей, аббревиатур, каждая первая буква которых расшифровывается как «этнос», представляет собой первую в нашей науке типологию этносов, не на словах, а на деле последовательно выдержанную в формационном духе.

Конечно, термины должны быть по возможности адекватны выражаемому ими понятиям: *nomen est omen*. И все-таки, как это уже давно известно, о терминах не спорят, а условливаются. Думается, в нашем случае тоже задача заключается не в поисках для разных формационных типов этносов различных — аббревиатурных ли, иных ли — обозначений, а в выявлении различия между рабовладельческими и феодальными народностями, капиталистическими и социалистическими нациями, да и между формационными типами этнических общностей в целом. То, что эти типы неодинаковы не только по социальной структуре, но и по каким-то собственно этническим признакам, проявляющимся главным образом в сфере культуры, можно считать доказанным. Но в чем именно неодинаковы? Вот в чем вопрос, и, обращаясь к нему в конце статьи, М. В. Крюков предложил решать его на основе критерия выраженности этнических свойств, этничности, находящих отражение в таком важнейшем, хотя и вторичном, признаке, как этническое самосознание.

Здесь мы подошли к сути дела, к рассмотрению исторических типов этнических общностей с точки зрения их связи с формационными ступенями всемирно-исторического процесса. Согласно развиваемой автором статьи идее, смена исторических типов этнических общностей — это чередование этнической стагнации и этнической активности. В первобытном обществе этническим общностям свойственны «аморфность их специфических признаков, низкий уровень выраженности их этнического самосознания»; рабовладельческое общество отмечено «активацией этничности, вследствие чего древние этносы обладают отчетливо выраженным этническим самосознанием»; с развитием феодализма наблюдается «процесс стагнации этнических общностей»; с кризисом феодализма создаются объективные предпосылки для «интенсификации этнических связей; современные этносы характеризуются четкой выраженностью своих свойств»; при коммунизме «этническое самосознание уступит место другим формам общественного сознания человечества» (с. 69). Если выразить эти пять ситуаций самым простым арифметическим кодом, то мы получим следующую картину чередования этнического хаоса или декаданса и ренессанса: — + — + —.

Представляется, что у этого решения только одно общее с формационным подходом — выделение пяти сменяющих друг друга этапов. Между тем для теории формаций как раз менее всего существенно, сколько звеньев в формационной цепи, и не случайно исследователи-марксисты до сих пор спорят о том, четыре, пять или шесть общественно-экономи-

ческих формаций знает история человечества. Главное в марксовой теории формаций состоит в понимании формаций как *восходящих* ступеней развития. Формационный процесс — это не чередование прогресса и регресса, а прогрессивное развитие, хотя, разумеется, в нем могут быть и зияния, и скачки назад. Однако лишь относительно кратковременные зияния и скачки назад, а не целые регрессивные формационные этапы. Скажем, тринадцать лет гитлеризма в Германии, но не десять веков средневековья.

Здесь правомерен вопрос: что же в этническом развитии общества прогресс и что — регресс? Активизация или стагнация этнических свойств и этнического самосознания? Яркая или бледная этническая окраска? На наш взгляд, решение его целиком лежит в той же плоскости, что и решение вопроса об аксиологии социального (в узком смысле этого слова) развития человечества. По сравнению со справедливой, но малопродуктивной доклассовой уравнительностью возникновение и все дальнейшее развитие антагонистических классовых обществ было скачком вперед, давшим возможность создать те ценности цивилизации, без которых был бы невозможен новый скачок — к бесклассовому обществу. Точно так же по сравнению с относительной первобытной дезэтничностью последовавшее за ней все дальнейшее развитие этнической специфики явилось прогрессом, хотя бы уже потому, что оно обеспечило создание тех культурных (и в том числе этнокультурных) ценностей, овладение которыми позволит планетарно коммунистическому человечеству снова начать дезэтнизироваться. Но может быть, не только поэтому. Известно, что в условиях сосуществования социалистической и капиталистической систем на нынешнем, первом этапе коммунистического строительства этническая дифференциация оказалась устойчивее дифференциации классовой. Однако применительно ко всемирно-историческому процессу в целом параллельное развитие классового и этнического начал допускает гипотезу о том, что этничность антагонистических классовых обществ всегда была и остается одним из неспецифических механизмов поддержания целостности социумов в условиях классовой борьбы и межгосударственных антагонизмов. Уточним формулировку: выраженная этничность антагонистических классовых обществ, и в особенности общества капиталистического, в отличие от неструктурированной протоэтничности доклассового и предказанной В. И. Лениным дезэтнизации коммунистического общества¹.

Дальше. Говоря о формационном подходе, следует иметь в виду, что марксова теория формаций — это теория единства и многообразия формаций. При разных масштабах членения исторического процесса она предполагает выделение как трех больших, так и (внутри вторичной формации) трех малых формаций, которые в свою очередь слагаются из двух «крупных форм» — докапиталистической и капиталистической². В большой триаде формаций, каждая из которых является отрицанием предыдущей, степень этничности в том же простейшем коде выглядит как ряд — + —. Первый минус означает здесь исходную этническую неструктурированность, а оба последующих знака — как плюс, так и минус — каждый для своего этапа, учитывая, что оба они являются отрицанием предыдущего этапа, в равной мере аксиологически положительны (следует учитывать, что минусы в начале и в конце ряда неравноценны). Однако в малой триаде формаций, представляющих собой восходящие ступени антагонистического классового развития, ситуация видится совсем ина-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23, с. 55, 63; т. 24, с. 52.

² Подробнее см.: Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ. — в кн.: Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972, с. 69—70 (перездание: *их же*. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономических формаций. М., 1974); Поршнев Б. Ф. Роль социальных революций в смене формаций. — в кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.

че. Примем вслед за М. В. Крюковым, что на верхнем уровне этнической иерархии в основе этнического самосознания в рабовладельческом обществе лежало деление человечества на две неравные части — «на- т. е. «неварваров», и «варваров». Надо добавить, что критерий эт- деления был еще недостаточно четок. В одних случаях это — критер культурной дихотомии: эллины — «неварвары», а скифы — «варвары»; египтяне — тоже «неварвары». В других случаях он приобретает полит- ческое звучание: персы, хотя они и обладают древней культурой, — «ва- вары», потому что они заклятые враги эллинов. Какую-то роль, веро- но, играл и религиозный момент: для римлян эллины «неварвары» — только потому, что они обладают более высокой культурой, но и потому, что они верят в тех же богов; римляне же по этой причине для эллинов только «полуварвары». Так или иначе этот комплексный критерий «рабо- тотал» на определенном рода этническое самосознание. В феодальном обществе (вспомним, что его мировоззрение было религиозным) на верхнем уровне этнической иерархии в основу этнического самосознания лег более четко выраженный конфессиональный критерий: человечество разделилось прежде всего на христиан, мусульман, иудеев и т. д. Это очень стойкий критерий, легко приобретающий этноконфессиональный ха- рактер и в некоторых случаях достаточно дающий себя знать даже в ка- питалистическом обществе (самый яркий пример — этноконфессиональ- ные общности в составе арабского ливанского народа). Однако, как правило, в капиталистическом классовом обществе, являющемся второй «крупной формой» антагонистического способа производства, на этом уровне этнической иерархии как бы взрывообразно возникает этничность в ее чистой и ярко выраженной форме. Если это так, то нарастание этни- чности в малой триаде формаций выглядит не как ряд $+ - +$, а как ряд $+ + + + +$. Взрыв этничности настолько силен и настолько сильно сказался на этнических общностях нового типа, что последние, даже пол- ностью изменив свою социальную структуру, и в социалистическом об- ществе оказались очень устойчивыми.

Теперь можно было бы вернуться к вопросам терминологии. Рабовла- дельческие и феодальные народности, различаясь между собой, в то же время сходят в том отношении, что этничность еще не приняла в них чистой и ярко выраженной формы. В нациях, как капиталистических, так и социалистических, эта форма присутствует. Поэтому одни — на- родности, а другие — нации с соответствующими формационными дефи- нитивами (или, скажем, одни — *a* и *b*, а другие — *C* и *D*). Но, как уже говорилось выше, терминология — не главное. Намного важнее различие типов этнических общностей, соответствующих первой «крупной форме» антагонистического способа производства, и типа, появившегося вместе с его второй «крупной формой».

Понятно, что параллельно этому развитию этничности высшего иерар- хического уровня происходило развитие этничности более низких уров- ней. Например, в древней Италии от латинов, сабинов и т. д. к италий- цам, а в средневековой Италии, на новом витке спирали, от италийцев, лангобардов и пр. к итальянцам. Калейдоскоп этнических пертурбаций даже на территории одной только небольшой Италии может дать бога- тый материал для построения многочисленных и противоречащих дру- другу моделей развития на основе самых разных критериев — этнично- сти, структурированности и др. Но одно ясно заранее. Поскольку теория формаций как восходящих ступеней развития имеет силу естественного закона, постольку ни одна не согласующаяся с ней модель этни- ческой эволюции не может быть адекватной действительности.

В заключение еще несколько слов. Как и М. В. Крюков, мы рассмо- трели исторические типы этнических общностей в связи с формационным пониманием исторического процесса. Но при этом не следует забывать, что этническая общность, этнос, будучи явлением по преимуществу фор- мационным, имеет также и аспект межформационной преемственности. Последняя сказывается не только в области языка, но и в определенных чертах этнической культуры в ее узком понимании, не втянутых или мало

втянутых в русло формационного развития³. Многие этнически окрашенные пищевые традиции или особенности обрядовой жизни, фольклорные юкеты или религиозные представления сохранились в народной культуре от первобытности до наших дней. Но это уже другая тема, заслуживающая особого обсуждения.

³ См.: *Периц А. И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре.— *Сов. этнография*, 1982, № 3.

Ю. И. Семенов

О ПЛЕМЕНИ, НАРОДНОСТИ И НАЦИИ

В статье М. В. Крюкова достаточно убедительно показано, что в теории этноса многое все еще остается дискуссионным. Особенно много споров вызывает проблема типологизации этнических общностей. В последние годы предложено немало типологий этнических общностей. Однако подавляющее большинство их так или иначе базируется на знаменитой триаде: племя, народность и нация. Представление о племени, народности и нации как основных типах этнических общностей все еще является самым распространенным. А между тем, по нашему мнению, полностью согласиться с ним нельзя. И нельзя потому, что все эти три общности отличаются друг от друга по своей сущности.

Существует немало определений этнической общности. Но если взять самые распространенные, то суть их будет одна. Этническая общность обычно определяется как совокупность людей, имеющих общую культуру, говорящих, как правило, на одном языке и осознающих как свою общность, так и отличие от людей, принадлежащих к другим таким же общностям.

Начнем с рассмотрения соотношения этнической общности и племени. Сразу же уточним, что, говоря о племени, мы имеем в виду позднее, классическое племя, представляющее собой организованное целое и имеющее общие органы власти. Примером могут послужить племена протоков и гуринов. Люди, входившие в состав такого племени, обычно имели общую культуру, говорили на одном языке или диалекте одного языка. Если добавить к этому, что они осознавали свою общность и свое отличие от людей, принадлежавших к другим такого же рода группам, то становится ясным, почему племя характеризуется как этническая общность.

Племя, как правило, действительно было и этнической общностью. Однако не в этом заключалась его сущность. Племя прежде всего было социальным организмом, т. е. единицей исторического развития¹. И сознание племенной общности было в своей основе сознанием принадлежности не к культурно-языковой общности, а к социальному организму как определенному организованному целому. Это особенно наглядно выступает в тех случаях, когда в состав племени входили группы людей, отличавшиеся культурой и языком от основного его ядра, так и в тех, когда люди с одной культурой и языком образовывали несколько племен.

Племя, как все вообще социальные организмы первобытного, а в знаменитой части и предклассового общества, относилось к особому типу — этносоциальным организмам². Такие социальные организмы всегда занимают определенную территорию, но границей их является граница не той территории, а того круга людей, который составляет данные орга-

¹ Об этом понятии см. *Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— *Вопросы истории*, 1966, № 8.

² Подробнее об этом см. *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества.— *Сов. этнография*, 1982, № 2.

низмы. Этот круг был четко фиксирован. Существовали правила, определявшие принадлежность человека к данному кругу, а тем самым и к социальному организму.

В результате такой социальный организм выступает просто как определенная организованная совокупность людей. А эта совокупность была одновременно и этнической общностью. Следствием было совпадение названия социального организма с названием этнической общности: сенека, онондага и т. п. По отношению к этим социальным организмам нельзя говорить об их населении как о чем-то отличном от них самих. Каждый такой социальный организм представляет особым образом организованное население, а тем самым и особым образом организованную этническую общность.

С этим связано использование для обозначения этих организмов слова «народ», применяющегося также и для обозначения совокупности нескольких родственных социальных организмов. Этими социальными организациями не обязательно являются племена. Ими могут быть как ранние — первобытные, так и поздние — пракрестыанские — общины. Народами называют и такие социальные организмы, как вождества, а также и совокупности вождеств. В этой связи следует отметить, что классическое позднее племя не представляет не только универсального, но вообще сколько-нибудь широко распространенного явления. В эпоху предклассового общества вождества и самостоятельные пракрестыанские общины, каждая из которых является социальным организмом, встречаются чаще.

Так как в применении к первобытному и предклассовому обществу слово «народ» обозначает не просто этническую общность, а социальный организм или совокупность социальных организмов, то вполне законно говорить о социально-экономическом и вообще общественном строе тех или иных народов: андаманцев, ирокезов, тлинкитов.

Таким образом, в первобытном и предклассовом обществе этническая общность как самостоятельное явление не существует. Она представляет собой аспект, сторону другой общности — социального организма или группы социальных организмов.

С переходом к классовому обществу положение меняется. На смену демосоциальным организмам приходят социальные организмы иного типа — геосоциальные³. Границами таких социальных организмов служат границы территории, которую они занимают. Неотделимость социального организма такого типа от территории, которую он занимает, наглядно выражается в том, что его название может быть только территориальным (Франция, Италия, Болгария и т. п.). Поэтому такие социальные организмы в литературе обычно именуют странами или государствами.

Неотделимость социального организма от определенной территории обуславливает известную самостоятельность составляющих его людей по отношению к нему самому. Конечно, и геосоциальный организм состоит из людей, однако он в отличие от демосоциального не совпадает непосредственно с их совокупностью. В геосоциальном организме совокупность людей, которая входит в его состав, совершенно отчетливо выступает как один из сравнительно обособленных его элементов, как его население. Нет страны, государства без населения, но сама страна и ее население отнюдь не одно и то же. Население геосоциального организма может делиться и делится на разные группы по разным признакам. Таким образом вычленяются и этнические общности. Только здесь этническая общность выступает как самостоятельное явление, отличное от всех других общественных феноменов. Отношение геосоциальных организмов и этнических общностей складывается по-разному. Люди, принадлежащие к одной этнической общности, могут жить в пределах как одного, так и нескольких социальных организмов, составлять как все население соци-

³ Подробнее об этом см. Семенов Ю. И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества. — Сов. этнография, 1982, № 2.

ального организма, так и часть его. Именно эти «чистые» этнические общности и получили название народностей.

Народность есть этническая общность и только этническая общность. Поэтому не имеет смысла говорить о социально-экономическом, политическом и вообще общественном строе тех или иных народностей. Не может быть и речи о социально-экономическом строе англичан, французов, испанцев и т. п. Можно говорить лишь о социально-экономическом строе Англии, Франции, Испании и т. п. Вообще нельзя говорить о социально-экономическом строе жителей той или иной страны, можно говорить лишь о социально-экономическом строе страны, в которой они живут. Народности существовали во всех классовых докапиталистических обществах.

Зарождение нации связано с появлением единого социального организма, базирующегося на рыночных, а затем и рыночно-капиталистических связях. Единый в экономическом отношении социальный организм формировался одновременно и как единое централизованное государство. Возникновение унитарного социального организма было одновременно и появлением объективных его интересов, которые не могли не быть интересами людей, его составляющих. В результате этот единый социальный организм с неизбежностью выступил в их глазах как их общее отечество, а сами они, вместе взятые, составили ту общность людей, которую принято называть нацией. Понятие нации неотделимо от понятия отечества. Для В. И. Ленина, например, понятие национальной идеи было синонимом понятия патриотической идеи⁴. Национальная общность есть прежде всего общность отечества. Нацию составляют люди, объединенные общностью отечества, т. е. соотечественники.

В идеальном случае принадлежность к нации совпадает с принадлежностью к социальному организму. Именно это и дало основание прямо или косвенно отождествлять нацию с социальным организмом и рассматривать как признаки нации то, что в действительности является признаками социального организма — общность экономической жизни и территории. На самом деле нация и социальный организм не тождественны. Социальный организм — фундамент, на котором существует нация, но не сама нация. Особенно наглядно различие нации и социального организма выступает в том случае, когда люди, составляющие социальный организм, образуют не одну, а несколько наций. Членов нации объединяет не принадлежность к одному социальному организму, а общность отечества. Но если в идеале отечеством является социальный организм, то в конкретных исторических условиях для той или иной совокупности людей отечеством может стать не весь социальный организм в целом, а лишь определенная территориально обособленная часть его.

В идеальном случае в состав нации входят люди, относящиеся к одной этнической общности, что и дало основание рассматривать культуру и язык как существенные и необходимые признаки нации. Но полное совпадение принадлежности к нации и принадлежности к этнической общности имеет место далеко не всегда⁵.

Социальный организм, на базе которого возникает нация, всегда относится к определенному типу, т. е. к определенной общественно-экономической формации. С превращением в результате пролетарской революции социального организма из капиталистического в социалистический происходит соответственно и трансформация нации из буржуазной в социалистическую. Применение по отношению к нациям формационной характеристики вполне оправдано. С переходом от формации к формации изменяется характер отечества. Из буржуазного оно становится социалистическим.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 450—451; т. 23, с. 175; т. 26, с. 106—110 и др.

⁵ Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. К определению понятия «нация» — Народы Азии и Африки. 1967, № 4; его же. Место советского народа среди исторических общностей людей. Там же, 1973, № 5.

В. Якобайт

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ

[К 80-летию со дня рождения В. Штейница]

Уже в 1950-е годы, стремясь очистить этнографию ГДР от искажений, внесенных в нее профашистскими демагогами во времена гитлеризма, В. Штейниц определил ее как единую науку, изучавшую как свой народ (Volkskunde), так и другие народы (Völkerkunde). Те же цели преследовал он, выступая в числе главных сторонников обновления старой европейской «Comission Internationale des Arts et Traditions Populaires». Он добивался установления твердого статуса этой организации в рамках ЮНЕСКО. Ряд его основополагающих идей обсуждался в ГДР на нескольких международных подготовительных конференциях. Однако на I Международном конгрессе по европейской этнологии в Париже в 1971 г., утвердившем новое положение этой организации, новый устав, новое название — Société internationale d'ethnologie et de folkloie (SIEF) В. Штейницу уже не суждено было присутствовать.

Какое же направление хотел он придать европейским этнологическим исследованиям? SIEF, по его мысли, должна функционировать в более или менее широких рамках ЮНЕСКО. Деятельность SIEF следует рассматривать как одну из полезных программ ЮНЕСКО, направленных на сохранение и упрочение мира. Предполагалось, что в будущем SIEF перенесет центр тяжести на разработку различных программ, касающихся образа жизни людей. Для осуществления этого плана требуется изучение целого ряда вопросов: поведение людей в прошлом и настоящем, их отношение к окружающей среде и др. Указанные проблемы затрагиваются в «Курьере ЮНЕСКО» и других публикациях и программах этой всемирной организации, среди сотрудников которой еще слишком мало этнографов. На пятом совещании генеральных секретарей европейских национальных комиссий ЮНЕСКО в июле 1982 г. в Копенгагене советский представитель внес конкретные предложения по «европейскому культурному и научному сотрудничеству в рамках компетенции ЮНЕСКО... на благо всех стран и народов всей Европы». Здесь не место подробнее излагать этот документ, но подобные материалы должны учитываться в деятельности SIEF, ибо вряд ли какая-либо другая наука может быть столь полезной для осуществления программ ЮНЕСКО, как этнография. В свою очередь этнография требует особенно широкой междисциплинарной постановки задач в международном масштабе. Важную роль в сплочении этнографов Европы сыграли журналы «Ethnologia Europaea», «Ethnologia Slavica» и «Demos», а также деловые встречи исследовательских групп одного профиля. Однако нельзя не отметить, что после 1971 г. SIEF как единая организация выступал слишком редко.

Подчас возникает опасение, что этнография может стать вспомогательной дисциплиной для других исторических наук. Представляется

* Академик Вольфганг Штейниц (1905—1967 гг.) — выдающийся немецкий лингвист, этнограф и фольклорист, один из организаторов Академии наук ГДР, первый директор входившего в нее Института немецкой этнографии. О нем см. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 187—189.

однако, что эта точка зрения несправедлива. Как наука, изучающая особый аспект исторического прошлого народов мира и потому необходимая для воссоздания картины этого прошлого во всей ее полноте, этнография решает задачи, которые никакая другая историческая дисциплина решать не может. В то же время расширение междисциплинарных контактов обогащает этнографию новыми идеями и методами, получая таким образом импульсы к пересмотру привычных представлений, открытию новых сфер исследования и пр. Расширение же границ этнографии повышает интерес общества к результатам исследований в рамках этой отрасли исторического знания. Последнее особенно важно. Ведь в наше время, когда, с одной стороны, существуют глубокие международные противоречия, а с другой — растет воля к взаимопониманию и миру между народами, необходимо подчеркивать научно-политическую сторону проблем этнографии: исследуя многообразные факторы, влияющие на процессы взаимодействия различных классов, слоев и этносов, этнографы тем самым призваны разрабатывать научные основы мирного сосуществования народов.

Наши предварительные замечания нельзя рассматривать в отрыве от последующего изложения, связанного главным образом с этнографией и историей немецкого народа. Итак, речь пойдет о соотношении истории и этнографии. В. Штейниц настаивал на том, что этнография — историческая наука. Собственно говоря, и до него об этом говорили и писали многие. Но под «историей» в данном случае чаще всего понималось стремление к привлечению исторического материала для выяснения возраста и происхождения отдельных этнографических фактов, использование старых документов, и наконец, создание арсенала фактов, дат, вариантов для исследования. Такой подход характерен для ученых, работа которых, в высшей степени интенсивная и часто даже самоотверженная, до сих пор недостаточно оценена, особенно если иметь в виду, что ее результаты имеют большое значение и для современных исследователей.

И все же не к такому пониманию истории стремились В. Штейниц и его соратники. Как марксисты, они искали и другие, более глубокие связи истории с этнографией. Содержанием истории они считали прежде всего развитие народной культуры на разных стадиях ее развития, в условиях различных общественных формаций. На фоне тех или иных конкретных производственных отношений исследовалось все, что является выражением образа жизни и культуры трудящихся, что нашло отражение в материальной и духовной сфере, в индивидуальном и классовом, т. е. социально детерминированном, поведении. Внимание этнографа направлялось прежде всего на крестьян, ремесленников, плебейские слои эпохи феодализма, в особенности на пролетариат эпохи капитализма — империализма.

С таким подходом В. Штейниц связывал новые исследовательские перспективы развития этнографии. В ряде его работ, посвященных народным песням¹, антифеодальному фольклору, или в организованном им исследовании «Труд и хозяйство» сформулированы основные исходные категории, во многом способствовавшие активизации изучения культуры и образа жизни трудящихся этнографами ГДР.

Важное отличие (иногда даже иное историческое качество) ремесленно-крестьянской культуры и образа жизни эпохи феодализма от форм культуры и быта, соответствующих буржуазно-капиталистическому способу производства, В. Штейниц продемонстрировал на этнографическом материале. Как видим, в основу качественно новой этнографии в ГДР был положен исторический принцип, что позволило сделать важные выводы, сохранившие свое значение и в наши дни².

¹ Работы В. Штейница, посвященные этой тематике, выходили в Берлине в 1954 и 1962 гг.

² Ср. изданные Бурде-Шнейдевинд в 4-х томах «Deutsche Sagen demokratischen Charakters» (1960—1977); *Strobach H.* Bauernklagen. Untersuchungen zum sozialkritischen deutschen Volkslied. В., 1964, и др.

Конечно, с точки зрения исторической науки можно было также провести ретроспективный обзор темы «Этнография и история», что позволило бы вскрыть предпосылки возникновения современных концепций. С именами Я. Гримма, Р. Мерингера и К. Лампрехта, а затем А. Шпамера, Г. Мауса и В.-Э. Пойкерта связаны постоянные попытки добиться более глубокого понимания истории немецкого народа с помощью смежных дисциплин. Можно даже сказать, что значение этнографии было прежде всего понято представителями смежных наук³. И не случайно основоположники и теоретики народоведения в Германии приходили, как правило, из смежных наук — германистики, филологии или языкознания и, конечно, из истории и составляющих ее дисциплин. Характерно, что до 1930-х годов в немецких университетах совсем не читались специальные курсы этнографии и, следовательно, этнографические сведения сообщались только в рамках вышеназванных предметов. Лишь в 1936 г. германист А. Хюбнер добился создания в Берлинском университете первой кафедры немецкой этнографии, которую возглавил А. Шпамер⁴.

В. Штейниц содействовал превращению немецкой этнографии в науку историческую, что со временем привело к более тесной кооперации с такими науками, как экономика, история литературы и языка и всеобщая история. При этом самостоятельность и суверенность этнографии во всем, что касается изучения культуры и образа жизни трудящихся классов и слоев немецкого народа всех времен, вплоть до современности, не подвергалась сомнению.

Самым ярким доказательством того, какую большую пользу извлекала этнография ГДР из сотрудничества с исторической наукой, был опубликованный около 10 лет назад труд «История культуры и быта трудящихся классов и слоев немецкого народа с IX века по 1945 г.». В этой книге предпринята попытка соотнесения обширных массивов научно отобранного этнографического материала с соответствующими специфическими явлениями, характерными для феодализма или капитализма как общественных формаций и их отдельных периодов. Это позволило выдвинуть на передний план трудящегося человека как творца истории. В указанном коллективном труде участвовали все этнографы ГДР. Он вызвал к жизни целый ряд монографий, посвященных частным проблемам, таким как жизнь сельскохозяйственных рабочих в XIX в.; труд крестьян в эпоху феодализма; специфика культуры и образа жизни; история народной поэзии, прозы, различных видов народного искусства вплоть до современности; целый ряд коллективных трудов был посвящен сельскохозяйственному и индустриальному пролетариату. Ценность такого качественно нового метода изучения феноменов и элементов культуры и быта трудового народа неоспорима, но ему все-таки не хватало системного рассмотрения соотношения указанных элементов и тем самым ограничивалась возможность интерпретации уже разработанной предметной системы в общих рамках того или иного социального строя.

Для этнографии и истории ГДР, как и для прогрессивных исторических школ Европы, характерно превращение истории быта «нижних» социальных слоев, т. е. трудящихся, в новый предмет научного исследования. К этой теме обратились уже получившие широкую известность представители французской исторической школы «Анналы»⁵, англо-американские социоисторики, сконцентрировавшиеся вокруг Хобсбаума

³ Ср. с многочисленными публикациями К. Баумгартена, У. Бенцина, В. Якобайта, Р. Пеша, Г. Ю. Раха, В. Радига, В. Рудольфа, Р. Вейнгольда, Т. Вильсдорфа и др.

⁴ Steinitz W. Die volkshkundliche Arbeit in der Deutschen Demokratischen Republik. — Studienmaterial für die Bildungs- und Erziehungsarbeit der Volkskunstgruppen. Sonderreihe zur Volkskunsthforschung, Hft. 1. Leipzig, 1953; Cp. также: Nedo P. Bedeutung und Aufgaben der Volkskunsthforschung in der Gegenwart. — In: Aus der Arbeit der Natur- und Heimatfreunde im Kulturbund zur demokratischen Erneuerung Deutschlands 1956. Hft. 6/7, S. 140 ff.

⁵ Jacobite W. Bäuerliche Arbeit und Wirtschaft. Ein Beitrag zur Wissenschaftsgeschichte der deutschen Volkskunde. B., 1965.

⁶ Об «Анналах» см. статью А. Я. Гуревича в «Советской этнографии», 1984, № 5 (прим. ред.).

и Томпсона, группы Исторического института имени М. Планка в Геттингене и ряд исследовательских учреждений в других странах нашего континента, которые занимаются социальной и экономической историей, а также усиленно работают над этнографическими проблемами. Характерно, что «Нестор» нашей социальной и экономической истории, Ю. Кучинский, опубликовал широко известную и популярную пятитомную «Историю быта немецкого народа (1600—1945)», где стремился показать специфику каждого исторического периода на протяжении почти 350 лет. Это была первая попытка обобщения подобного материала с марксистских позиций, и неудивительно, что она вызвала широкий отклик. Наши этнографы еще недавно подчеркивали, что Ю. Кучинский открыл реально существующие «белые пятна» в истории быта немецкого народа и показал необходимость их заполнения. Его монография была воспринята как плодотворный импульс «к исследованию единого исторического развития жизни, борьбы, мышления и чувств народных масс»⁷. Речь идет о комплексном взгляде на опыт народа, стремлении вывести условия его жизни из определяющих черт эпохи. Работа Кучинского — веха, мимо которой не смогут пройти будущие исследователи — этнографы и специалисты по экономической и политической истории⁸.

Понятие образа жизни как категории, в равной мере интересующей историков и этнографов, благодаря многообразию своих связей имеет важнейшее значение для научных исследований. Актуальность этой проблематики нашла отражение и в весьма оживленной международной дискуссии⁹. Закономерно и то, что этнограф Г. Вигельманн и историк Э. Хинрикс (оба из ФРГ) провели междисциплинарную конференцию «Социальные и культурные изменения в крестьянском мире XVIII века». Во введении к материалам конференции они указывают на совпадение многих теоретических и методологических посылок истории и этнографии. По крайней мере в отдельных разделах обеих дисциплин, говорят они, имеются «родственные темы, вопросы, методы и исследовательская техника», которые зачастую «взаимно пересекаются». Говоря о соотношении обоих исследовательских направлений в ФРГ, Вигельманн и Хинрикс подчеркивают: «...историческая наука своими исследованиями по истории семьи, быта, праздников, пищи, жилья, коллективных представлений и мнений захватила в последнее время сферу, считавшуюся прежде областью этнографии. С другой стороны, в работах этнографов играют огромную роль такие категории, как „образ жизни“, „преобразование“, „историчность“, „традиция“ и „континуитет“, так что историк невольно задает себе вопрос, возможно ли и имеет ли еще хоть какой-нибудь смысл отделять работу этнографов от своей работы»¹⁰.

⁷ Вышла в свет в I—III выпусках журнала «Wissenschaftlichen Mitteilungen der deutschen Historikergesellschaft». B., 1971/72.

⁸ Geschichte der deutschen Volksdichtung/Hrsg. Strobach H. B., 1981; *Strobach H. Deutsches Volkslied.*—In: Geschichte und Gegenwart. B., 1980; *Baumgarten K. Das deutsche Bauernhaus.* B., 1980; *Peesch R. Volkskunst. Umwelt im Spiegel populärer Bilderei des 19. Jahrhunderts.* B., 1978; *Mohrmann U. Engagierte Freizeitkunst.* B., 1983; *Bentzien U. Bauernarbeit im Feudalismus.* B., 1980; *Volksleben zwischen Zunft und Fabrik/Hrsg. Weinhold R. B., 1982; Plaul H. Landarbeiterleben im 19. Jahrhundert.* B., 1979; *Bauer und Landarbeiter im Kapitalismus in der Magdeburger Börde/Hrsg. Rach W. J., Weissel B. B., 1982; Kultur und Lebensweise des Proletariats/Hrsg. Jacobeit W., Mohrmann U. B., 1973; Ethnographische Studien zur Lebensweise. Ausgewählte Beiträge zur marxistischen Volkskunde/Hrsg. Jacobeit W., Mohrmann U., Woeller W. (Wiss. Zeitschr. der Humboldt-Universität zu Berlin, Ges. u. Sprachwissensch. Reihe XX), 1971, Hf. 1; *Volkskunde als Kulturgeschichte, Wolfgang Jacobeit zum 60. Geburtstag (Kultur und Lebensweise, Hf. 1/11).* B., 1981, и др.*

⁹ Следует сказать, что в СССР в 1940-х — начале 1960-х годов была распространена концепция «культуры и быта» как предметной области этнографии. Значительное число вышедших монографий было посвящено преобразованиям быта в процессе социалистического строительства и истории народного быта в прошлом. Ср. также коллективные работы по истории культуры, в том числе и бытовых ее слоев, Древней Руси. С конца 1960-х годов стала развиваться концепция, согласно которой предмет этнографии — этнос. Быт же стал пониматься как специфическая сфера проявления этнокультурных традиций этноса (*прим. ред.*).

¹⁰ Рецензия на т. 1 в: *Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte*, 10/1982.

И в самом деле, во многих работах последних лет ставятся вопросы общие для обеих наук. Стоит упомянуть исследование Г. Медика, историка из Геттингена: «Комнаты для прядения в деревне. Молодежная культура, взаимоотношения полов и обычай проведения досуга в сельском обществе на начальных этапах нового времени». Тот же автор послал в качестве эпиграфа к своей рецензии на книгу К. Гинцбург: «Сыр и черви. Мир на рубеже XVII века» высказывание В.-Г. Рилы, бывавшее когда-то немало споров, о ценности «изучения нравов и обычаев порой ребячливых и неразумных, жилища и двора, сюртука и камзола...». Примеры такого рода можно умножить. Так, раскрыв № 11 журнала «Информация по общественным наукам для преподавателей и учащихся» за 1982 год, мы увидим, что он посвящен «Этнологии в истории и обществоведении» и что в нем опубликована статья историка из Касселя Х. Вундер, занимающейся историей этнографии в новом аспекте. Состоявшийся недавно в Будапеште конгресс по истории хозяйства рассматривал проблемы быта и вопрос об участии народных масс в событиях прединдустриального этапа позднего феодального периода.

Данная статья свидетельствует о том, что этнография (здесь это показано на примере прогрессивных историков и этнографов ГДР) — наука историческая. Изучая культуру и быт трудящихся, этнографы делают выводы на основании конкретных общественно-исторических условий и предпосылок определенного исторического периода (из-за недостатка места я сознательно не останавливаюсь здесь на проблеме своеобразия традиционной материальной культуры).

Быт трудящихся слоев населения — это всеобъемлющее понятие, возникающее на сложном пересечении отдельных исследований культуры и образа жизни. Изучение быта и его истории развивается в новую междисциплинарную историческую категорию, которая входит и в сферу занятий этнографов. По отношению к исторической науке ГДР Х. Бартель выразил это следующим образом: «Для того чтобы можно было достичь нового уровня исторических представлений, необходимы комплексный взгляд и комплексное понимание истории нашего народа. Поэтому мы стремимся внести в наше представление об истории и традициях более дифференцированное понимание исторического целого, особенно в том, что касается развития экономики. Развитие производительных сил, открытия в области науки и техники, послужившие прогрессу, требуют к себе конкретно-исторического подхода. Следовало бы предусмотреть целенаправленное историко-культурное изучение быта трудящихся слоев населения во все эпохи. Этнографические исследования — от работ по народной архитектуре и жилищу и вплоть до наиболее актуальных, отвечающих потребностям молодежи исследований народной песни, диалектико-исторические обзоры и монографии о культуре и быте трудящихся — открывают новые, более глубокие аспекты представлений об истории и традициях»¹¹. Сказанное в равной степени относится и к соотношению этнографии и истории в международном масштабе.

¹¹ Bartel H. Historisches Erbe und Tradition.— In: Einheit 1981, Hf. 3, S. 276.

У нас в гостях

этнографические журналы

С. Д. Зубков

**УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ПЕРИОДИКЕ — 60 ЛЕТ**

Научно-популярный журнал «Народна творчість та етнографія» ведет свою родословную с 20-х годов нашего столетия, когда освобожденные Великим Октябрем от социального и национального гнета трудящиеся массы активно включились в строительство новой жизни и новой советской культуры. Созданная в 1919 г. Украинская Академия наук содействовала становлению и развитию специализированных учреждений для успешного ведения исследований в различных отраслях знаний.

Собирательскую фольклорную и этнографическую работу, опирающуюся на богатые традиции прошлого, возглавила Этнографическая комиссия (1920—1932 гг.) — предшественница организованного затем Института украинского фольклора (1936—1941 гг.). Он был преобразован в Институт народного творчества и искусства (1942—1944 гг.) и, наконец, в 1945 г. — в Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, носящий ныне имя М. Ф. Рыльского.

В 1923 г. по решению Киевского губиздата был основан фольклорно-этнографический периодический орган этнографической комиссии — «Етнографічний вісник», но в связи с трудностями первых послереволюционных лет, прежде всего отсутствием бумаги, его первая книга вышла только в конце 1925 г.

Первые шаги украинской советской фольклористики и этнографии связаны с именами таких крупных исследователей, как академик АН УССР А. Е. Крымский, председатель Этнографической комиссии АН УССР академик АН УССР А. М. Лобода, видный этнограф и исследователь фольклора академик АН УССР Н. Ф. Сумцов, известный фольклорист-музыковед К. В. Квитка, русский советский фольклорист академик АН УССР Ю. М. Соколов, молодой этнограф В. П. Петров, поэты и общественные деятели М. Ф. Рыльский, П. Г. Тычина и др. Они активно поддерживали «Етнографічний вісник» и его преемников — иллюстрированные журналы «Український фольклор» (1937—1939 гг.) и «Народна творчість» (1939—1941 гг.) — органы Института украинского фольклора АН УССР и Управления по делам искусств при Совете Министров УССР.

В журнале «Етнографічний вісник» печатались исследования в области фольклористики и этнографии, рецензии на советские и зарубежные фольклорно-этнографические издания, информация о текущей работе Комиссии. Председатель Комиссии А. М. Лобода в открывшей издание программной статье¹ четко сформулировал основные задачи, выдвинутые жизнью перед фольклористами и этнографами республики. Отметив важность овладения отечественным научным наследием, необходимость его критического пересмотра с целью отбора и переиздания наиболее ценного, нужного для развития советской науки, он указал на необходимость изучения не только традиционного, но и современного фольклора,

¹ Лобода А. М. Сучасний стан і чергові завдання української етнографії. — Етнографічний вісник (далее — ЕВ), 1925, кн. I, с. 3—9.

а также новых явлений в быту трудящихся. Соответственно этим же задачам А. М. Лобода призывал ученых расширить традиционную фольклорно-этнографического исследования, включив в нее изучение города.

«Етнографічний вісник» освещал широкий комплекс научных проблем — происхождение и бытование отдельных жанров народного творчества, их специфику, взаимодействие и др. В статье харьковского исследователя М. Жинкина² было опровергнуто мнение ряда фольклористов о недавнем происхождении частушки и доказано родство этого жанра народного творчества с древними трудовыми и обрядовыми песнями. А. М. Лобода в статье «От частушки к песне длинной»³ привел интересные примеры взаимопроникновения жанров — перестановки ряда существенных по содержанию частушек в сюжетную песню.

Следует отметить интерес «Етнографічного вісника» к рабочему фольклору. В нем были опубликованы статьи конкретно-социологического характера, принадлежавшие В. Е. Белецкой⁴, в которых фольклорные произведения исследовались в органической связи с трудом и бытом рабочих. В этих статьях наряду с традиционными чертами отмечались и новые явления в народном творчестве.

Вопросам музыкальной фольклористики большое внимание уделял в исследованиях руководитель Кабинета музыкального фольклора и Этнографической комиссии АН УССР К. В. Квитки⁵, рассмотревший бытование отдельных циклов и тематических групп народных песен, также в работах других авторов, охарактеризовавших манеру исполнения и особенности репертуара современных украинских кобзарей П. Кулика, П. Ткаченко и П. Гузы⁶.

Обращение «Етнографічного вісника» к современности сочеталось с изучением научного наследия. В рубрике «Статті і матеріали з історії української етнографії» постоянно публиковались сообщения о фольклорно-этнографических рукописях, сохранившихся в различных архивах, а также очерки о деятельности фольклористов и этнографов XIX в. (И. Рудченко, П. Литвиновой-Бартош и др.)⁷.

В разделе «Рецензії» помещались критико-библиографические материалы, систематически печатались обзоры отечественной и зарубежной фольклорно-этнографической периодики, в том числе журнала «Етнографія».

Известную роль в изучении народного творчества сыграли сменившие «Етнографічний вісник» научно-популярные иллюстрированные журналы «Український фольклор» и «Народна творчість», где печатались как научные статьи, так и многочисленные образцы новой массовой поэзии, а также информация о работе фольклористических кружков и коллективов художественной самодельности. Среди публикаций следует особо отметить статьи академиков АН УССР Ю. М. Соколова, Ф. М. Колессы, А. И. Белецкого и проф. Н. А. Гринченко⁸.

² Жинкін М. П. До питання про походження частушки.— ЕВ, 1927, кн. 5, с. 37—49.

³ ЕВ, 1928, кн. 6, с. 45—53.

⁴ Білецька В. Ю. Шахтарські пісні.— ЕВ, 1927, кн. 5, с. 50—71; *Ее же*.—Наймиські пісні.— ЕВ, 1929, кн. 8, с. 135—169.

⁵ Квітка К. В. Українські пісні про дітозгубницю.— ЕВ, 1927, кн. 3, с. 117—137, кн. 4, с. 31—70.

⁶ Виноградський Ю. Кобзар П. В. Кулик.— ЕВ, 1927, кн. 3, с. 64—66; *Пащенко Т.* Кобзар П. Ф. Ткаченко.— ЕВ, 1927, кн. 5, с. 67—69; *Галюн І.* Нові кобзарські пісні.— ЕВ, 1928, кн. 7, с. 54—59.

⁷ Адріанова-Перетц В. Полтавські прислів'я в записках 1850-х років.— ЕВ, 1927, кн. 3, с. 198—253; Андрієвський О. До історії видання «Літератури українського фольклора» Б. Д. Грінченка.— ЕВ, 1927, кн. 4, с. 135—141; Білий В. До історії «Сборника южно-русских песен» А. Метлинского 1854 г.— ЕВ, 1926, кн. 2, с. 124—130; *Левченко М.* Збірка подільських казок 1850—1860 рр. Димінського.— ЕВ, 1927, кн. 4, с. 126—134; *Спаська І.* Пелагея Яківна Литвинова (1833—1904). Нарис її життя і праці за її рукописами й родинними документами.— ЕВ, 1928, кн. 7, с. 168—199; і др.

⁸ Білецький О. І. Горький і фольклор.— Український фольклор, 1938, кн. 4, с. 3—12; *Грінченко М. О.* Музичний фольклор народів СРСР про Леніна.— Народна творчість

Журналы знакомили читателей и с образцами современного народно-декоративного искусства, помещая цветные и черно-белые репродукции работ таких мастеров, как П. И. Власенко, М. К. Муха, Г. И. Павленко, А. Ф. Саенко и др.

С 1957 г. журнал, став органом Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и Министерства культуры УССР, выходит под названием «Народна творчість та етнографія». Его главным редактором в течение ряда лет был директор Института, поэт и академик, А. Ф. Рильский.

Диапазон публикуемых в журнале материалов очень широк: история теории словесного и музыкального народного творчества, народная орфография, декоративно-прикладное искусство, материальная и духовная культура народа, его быт, обычаи, досуг и т. д. Журнал выступил инициатором многих новых направлений в исследовании фольклора, этнографии, народного искусства. В частности, на его страницах печатались статьи и сообщения о специфике бытования современного фольклора, его взаимосвязях с народным творчеством братских советских республик и стран социалистического содружества, о внедрении в жизнь советской обрядности, об особенностях быта рабочих, тружеников сельского хозяйства в разных регионах Украинской ССР, о народных художественных промыслах, самодеятельном театре и др. В журнале систематически помещались информации о культурных событиях в республике, рецензии и т. п.

В журнале сложились следующие постоянные рубрики: «Наука и современность», «В единении с братскими культурами», «Новые праздники и обряды», «Из истории науки, культуры и быта», «Критика буржуазных и буржуазно-националистических идеологических концепций», «В помощь художественной самодеятельности», «Трибуна молодого исследователя», «Из нашей почты», «Хроника» и др. Постепенно выявились и основные проблемы, освещавшиеся на его страницах. В области фольклористики — это история развития украинского фольклора и науки о фольклоре; освещение жанров и жанровых разновидностей традиционного и современного народного творчества; исследование взаимосвязей фольклора и литературы, а также фольклора и других видов народного искусства; изучение взаимосвязей и взаимовлияния фольклора братских народов Советского Союза и стран социалистического содружества; исследование роли и места фольклора в художественной самодеятельности и народном театре; публикация сообщений и очерков о самодеятельных фольклорно-этнографических коллективах, народных музыкальных инструментах и др.

В области этнографии преимущественное внимание уделялось проблемам современности, в том числе этническим аспектам советского образа жизни, внедрению в быт новых праздников и обрядов и др. Освещались также этнографические и искусствоведческие аспекты народных промыслов и ремесел.

В журнале рассматривались и вопросы взаимосвязей народного и профессионального искусства; современного состояния разных видов народного изобразительного творчества, дальнейших путей его развития; освещались различные виды традиционного и современного искусства — шитье, ткачество, резьба и роспись по дереву, аппликация, плетение из соломы и лозы, гончарство, резьба по металлу, современное художественное стекло, керамика и др.

В центре внимания журнала в последние десятилетия были выдающиеся события общественной и культурной жизни советских людей.

40, № 2, с. 34—45; *Колесса Ф. М.* Народно-пісенна ритміка в поезіях Ів. Франка.— *там же*, 1941, кн. 1, с. 29—46; *Соколов Ю. М.* Поезія народів СРСР.— *Український фольклор*, 1938, кн. 4, с. 13—19; *его же*.— *Образ Леніна в поезії народів СРСР*.— *Народна творчість*, 1940, № 2, с. 5—23.

В 1970-х и 1980-х годах печатались статьи, посвященные 100- и 110-летию со дня рождения В. И. Ленина, в 1967 и 1977 гг.—статьи к 50-летию победы Великого Октября, в 1972 и 1982 гг.—к 50- и 60-летию образования Советского Союза. Фольклористические, этнографические, искусствоведческие материалы, свидетельствовавшие о героизме советского народа в годы Великой Отечественной войны и его отражении в духовной жизни народа, печатались в 1975 и 1985 гг. в связи с 30- и 40-летием великой Победы. Широко освещались в журнале и такие важные события в жизни украинского народа, как 325-летие воссоединения Украины с Россией, юбилей воссоединения всех украинских земель в едином Советском государстве и др. В 1981 и 1982 гг. публиковались статьи и сообщения, посвященные 1500-летию Киева; в 1982—1983 гг.—материалы к IX Международному съезду славистов, проходившему в Киеве осенью 1983 г.

В специальных рубриках журнал постоянно печатает материалы, посвященные подготовке к съездам партии и проведению в жизнь их решений; статьи и сообщения о роли Коммунистической партии и Советского правительства в развитии культуры народа, художественного творчества масс; о достижениях советской фольклористики, этнографического искусствоведения и их задачах; о духовной жизни народа и научно-техническом прогрессе; о месте фольклора в системе духовной культуры, о значении в трудовом, этическом и эстетическом воспитании, о художественной культуре и духовном развитии личности, о гармоническом развитии советского человека, о влиянии прогрессивных традиций на формирование и развитие современных видов искусства и многие другие⁹.

В юбилейные годы печатались материалы, раскрывающие многочисленные связи с народным творчеством выдающихся писателей — украинских (Г. С. Сковороды, Т. Г. Шевченко, Марко Вовчок, И. Я. Франко, Леси Украинки, Ольги Кобылянской, П. Г. Тычины, М. Ф. Рыльского, Остапа Вишни, Олеса Гончара, М. А. Стельмаха, А. С. Малышко), русских (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого), белорусских (Янки Купалы, Якуба Коласа), композиторов и исполнителей (М. Березовского, Д. Бортнянского, П. Чайковского, М. Лысенко, П. Нищинского, О. Ныжанковского, Л. Ревуцкого, В. Леонтовича, Б. Лятошинского, В. Косенко, С. Людкевича, Г. Верещини, И. Козловского и многих других), народных художников и мастеров (Е. Билокур, Г. Собачко, М. Примаченко, Г. Верес, Т. Паты, Ф. Пани Г. Гараса и др.).

В журнале постоянно освещаются различные аспекты истории и теории фольклористики, рассматриваются особенности народного творчества и отображения в нем действительности. В разное время были напечатаны циклы статей о специфике жанров украинского фольклора — обрядовых песнях, историческом эпосе, балладах, сказках, легендах, преданиях, коломыйках, частушках, пословицах, поговорках, а также русских былинах и др.¹⁰ Публиковались в нем и материалы о выда-

⁹ Гончаренко М. В. Духовна культура і науково-технічна революція.— Народна творчість та етнографія, 1980, № 6, с. 3—10; Дей О. І. Досягнення і перспективи розвитку сучасної української фольклористики.— Там же, с. 11—19; Березовський І. П. Художня культура мас у світлі марксистсько-ленінського вчення.— Там же, 1981, № 1, с. 22—24; Ляшенко І. Ф. Художньо-творча активність мас: здобутки і проблеми.— Там же, 1981, № 3, с. 3—12; Федорук О. К. Українське радянське мистецтвознавство, фольклористика та етнографія в одинадцятій п'ятирічці.— Там же, 1981, № 4, с. 3—11; Афанасьев В. Питання розвитку образотворчого мистецтва в світлі рішень XXVI з'їзду КПРС.— Там же, 1981, № 5, с. 3—10; Попов Б. В. Етнографічне вивчення інтернаціонального і національного (методика і методологія).— Там же, 1981, № 6, с. 3—6; Єришев А. О., Ріпак В. А. Політична культура і творча активність мас.— Там же, 1985, № 5, с. 3—10.

¹⁰ Дей О. І. Принципи жанрової класифікації народних пісень.— Народна творчість та етнографія, 1967, № 2, с. 3—11; *его же*. Теоретичний арсенал радянської фольклористики.— Там же, 1968, № 3, с. 8—15; Правдюк О. А. Міжжанрова інтеграція в українському фольклорі.— Там же, 1972, № 4, с. 24—34; Юзвенко В. А. Жанрові осо-

ихся отечественных фольклористах и деятелях культуры прошлого — Доленго-Ходаковском, М. Максимовиче, И. Бодянском, И. Срезневском, В. Дале, М. Номисе, А. Дыминском, П. Чубинском, В. Гнатюке, Квитке, Ф. Колессе и др. Освещалось исполнительское мастерство кобзарей — О. Вересая, А. Шута, П. Ткаченко, Е. Мовчана, Е. Адамцевича и др.

Журнал уделял значительное внимание и теоретическим вопросам: проблемам традиции и новации в словесном и музыкальном фольклоре, тесной связи между словом и напевом в народной песне, национальному и интернациональному в фольклоре, формам бытования современного фольклора, фольклоризму и пр.

В рубрике «В единении с братскими культурами» печатались обзорные и проблемные статьи о взаимосвязях украинской культуры с культурами братских народов — русских, белорусов, молдаван; о культурных контактах с народами прибалтийских, закавказских и среднеазиатских советских республик, а также с народами стран социалистического сотрудничества — Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии и др.

Помещались в журнале и отдельные статьи об исполнителях различных жанров фольклора, о народных танцах, народных музыкальных инструментах.

Этнографический профиль журнала определяют статьи и сообщения о современных этнических процессах и этнографическом изучении советского образа жизни. Особое внимание уделялось исследованию производственного быта, его специфики в разных социальных сферах и различных регионах, формированию интернациональных черт в труде и в быту советских людей. В отдельных публикациях рассматривались проблемы развития новой исторической общности — советского народа, соотношение традиционного и нового, национального и интернационального в его культуре, быту, взаимоотношениях ¹¹. Определенное место в журнале занимали также статьи о семье, межнациональных браках, интернационализации быта населения Украинской ССР ¹².

Одним из важных компонентов советского образа жизни является советская обрядность. В статьях, посвященных ей, рассматривались проблемы социально-психологической основы ее, образования новых элементов в традиционных праздниках и обрядах, разновидности обрядовых действий, совершающихся в разных социальных сферах. Освещались в журнале особенности внедрения новых обрядов в быт различных трудовых коллективов, символика новой обрядности, ее атрибутика, опыты историко-этнографического картографирования отдельных обрядов ¹³. Много места в журнале занимали статьи по материальной куль-

юсті поетичної системи слов'янської фантастичної казки.— Там же, 1978, № 3, с. 22—23—31; *Шумада Н. С.* Особливості розвитку пісенного фольклору.— Там же, 1976, № 6, с. 23—31; *ее же.* Сучасні східнослов'янські пісні-хроніки.— Там же, 1983, № 4, с. 21—7; *Грица С. І.* Семантика народного мелосу і конкретне середовище його побутування.— Там же, 1976, № 3, с. 40—49; *ее же.* Традиція та імпровізація в пісенно-епічному виконавстві (на матеріалах українських дум).— Там же, 1977, № 3, с. 59—70; *Плісецький М. М.* Про історичну основу українського народного епосу.— Там же, 1979, № 1, с. 66—71; *Пазяк М. М.* Прислів'я та приказки про хліборобську діяльність людей.— Там же, 1982, № 5, с. 43—49; *ее же.* Еволюція форми та семантичних значень у східнослов'янських прислів'ях і приказках.— Там же, 1983, № 4, с. 28—36; *Смирнов В. А.* Про билинну традицію на Верхньому Поволжі.— Там же, 1983, № 1, с. 20—23; и др.

¹¹ *Брайм І. М.* Міжетнічна взаємодія, у сфері трудової діяльності. Народна творчість та етнографія, 1979, № 5, с. 9—15; *Наулко В. І.* Сучасні етнокультурні процеси Української РСР.— Там же, 1978, № 4, с. 9—18; *Орлов А. В.* Питання етнографічного вивчення радянського способу життя.— Там же, 1977, № 2, с. 16—25.

¹² См. например, Пономарьов А. П. Сім'я в процесі розвитку соціальної однорідності радянського суспільства.— Народна творчість та етнографія, 1983, № 5, с. 19—2; и др.

¹³ *Бромлей Ю. В.* Нова обрядовість як один із важливих компонентів радянського способу життя.— Народна творчість та етнографія, 1979, № 2, с. 3—10; *Попов Б. В.* Вята і обряди в системі радянського способу життя.— Там же, 1978, № 5, с. 3—12; *оц В. А., Фурсін І. І.* Радянський спосіб життя: обряди і традиції.— Там же, 1977, № 4, с. 21—31.

туре: историко-этнографические исследования народной пищи и оль земледельческой техники, традиционных занятий — пастушества, ловства и промыслов — кузнечного дела, изготовления гутного с бумаги и пр.

Печатались также статьи и сообщения о Музее народной архитектуры и быта Украинской ССР в Киеве, о региональных музеях Львовской, Житомирской, Переяслава-Хмельницкого, о музее народного искусства г. Коломыя Ивано-Франковской области, об этнографических музеях под открытым небом в других советских республиках. В статьях обращалось внимание на роль памятников истории и культуры в воспитании трудящихся.

Журнал постоянно выступал с критикой реакционных буржуазных концепций в этнографии, фольклористике и искусствоведении. В нем печатались статьи, разоблачающие реакционные буржуазные теории области этногенеза славянских народов, развития их культур, современной жизни украинского народа, его взаимоотношений с другими славянскими народами и современного состояния украинской культуры и искусства.

Журнал печатал статьи об украинском изобразительном народном творчестве дореволюционного периода; о народных истоках многих видов современного искусства; о развитии художественных промыслов в таких известных их центрах как Решетилка, Кролевец, Опинья, Козов и многих других — в Подолии, Прикарпатье, Закарпатье, Полесье, а также об отдельных видах народного искусства. В рубрике «Народные таланты» систематически печатались очерки о широко известных народных художниках и мастерах народного творчества. Уделялось внимание и народной скульптуре, ее роли в идейном и эстетическом воспитании советских людей.

К сотрудничеству в журнале привлекался широкий круг авторов — научных работников, преподавателей вузов, практических работников в сфере идеологии — в первую очередь культпросветработников и учителей. Постоянными его авторами являются украинские фольклористы-словесники, доктора наук, — А. И. Дей (статьи по теории и истории украинского фольклора, классификации жанров народного творчества, этике фольклора), И. П. Березовский (статьи о развитии современной украинского фольклора и фольклористики, по вопросам сказоведения), М. М. Плисецкий (о рабочем фольклоре, народных думах), Р. Ф. Кичив (о календарной обрядовой поэзии, народных обычаях), Н. С. Шумда (о взаимосвязях украинского фольклора с фольклором стран социалистического содружества, в частности с болгарским; о фольклоре Великой Отечественной войны в общеславянском контексте), кандидаты наук — В. А. Юзвенко (о связях украинской фольклористики с польской, о международных съездах славистов), М. М. Гайдай (о взаимосвязях украинского фольклора с чешским и словацким), М. М. Пазяк (о проблемах украинской паремологии и паремнографии), С. В. Мишанич (о жанровых особенностях и поэтике народного рассказа), Г. В. Довженко (о детском фольклоре), М. М. Шубравская (о свадебных обрядах и песнях), А. В. Брицына (о жанровых разновидностях сказок, о песнях Великой Отечественной войны), И. Е. Федас (о национальном и интернациональном в фольклоре, о народной драме), Л. К. Вахнина (о рабочих песнях), Е. Н. Пашенко (о сербо-хорватском фольклоре); музыковеды — доктор наук Н. М. Гордийчук (о музыкальном фольклоре, истории народной музыки), И. Ф. Ляшенко (об эстетике музыкального фольклора, о комплексном изучении музыкального творчества), А. А. Правдю (об истории украинской музыкальной фольклористики, о песнях Великой Отечественной войны), С. И. Грица (теория музыкального фольклора) и др.

В области этнографии печатались статьи докторов наук В. И. Наулко (об истории этнографии) и Ю. Г. Гошко (об этнографическом исследовании карпатского региона), кандидатов наук — Б. В. Попова (о народных праздниках и обрядах), В. Ф. Горленко (о материальной культуре)

украинского населения в ее историческом развитии, по истории этнографии), А. В. Орлова (по этносоциологии), Л. Ф. Артюх (о народной пище), Н. К. Гаврилюк (о картографировании родильной обрядности), Т. В. Косминой (о народной архитектуре), А. П. Пономарева (о семье и браке), А. В. Курочкина (о календарной обрядности), В. К. Борисенко (о свадебной обрядности) и др.

По народному изобразительному искусству были напечатаны циклы статей доктора искусствоведения В. А. Афанасьева (об истории и теории изобразительного искусства, его достижениях и перспективах), кандидатов искусствоведения А. К. Федорука (о мастерах народного изобразительного искусства, о взаимосвязях профессионального и самодеятельного искусства), Д. В. Степовика (о древнем украинском изобразительном искусстве, о культурных связях украинского и болгарского народов), А. К. Жука (о народном ковроделии), М. В. Селивачева (о народных промыслах), Т. В. Кара-Васильевой (о народной вышивке) и др.

Общие вопросы эстетики и теории народного искусства рассматривались в статьях чл.-кор. АН УССР Н. В. Гончаренко, канд. филос. наук Н. А. Шульги и др.

Журнал «Народна творчість та етнографія» поддерживает тесные контакты с учеными Москвы, Ленинграда, Минска, Кишинева, прибалтийских, закавказских и среднеазиатских республик. В частности, в журнале были напечатаны теоретические статьи акад. Ю. В. Бромлея (об этнических аспектах духовной культуры в исторической перспективе, этнографии и правах человека), чл.-кор. АН СССР К. В. Чистова (о легенде о Максиме Железняке; о значении картографирования в фольклоре), докторов наук В. Е. Гусева (о фольклоре и фольклоризме), Б. Н. Путилова (о типологических взаимосвязях в фольклоре), Б. П. Кирдана (о фольклоре Великой Отечественной войны), А. С. Федосика (о белорусской народной сатире и белорусских песнях периода Великой Отечественной войны), К. П. Кабашникова (о фольклорной прозе Великой Отечественной войны), В. С. Зеленчука (о молдавско-украинских связях), А. С. Канцедикса (о народном искусстве), Б. Тилавова (о классификации пословиц), А. М. Бушуя (о принципах составления библиографии по паремииологии), К. Б. Жиракбаева (о творчестве Шевченко в Казахстане), Н. Н. Шалуташвили (об истоках грузинской и украинской театральных культур) и др.

В рубрике «Публикации» печатаются лучшие образцы собранных в экспедициях традиционных и современных народных песен, пословиц, поговорок. В частности, были опубликованы циклы песен периода Великой Отечественной войны, пословицы, посвященные В. И. Ленину, Коммунистической партии, отображающие новую советскую жизнь. В этой рубрике публиковались также отдельные архивные документы, касающиеся истории фольклористики и этнографии.

Журнал постоянно информирует читателей о фольклорных и этнографических экспедициях и собранных ими материалах, о выставках народного изобразительного искусства, конференциях и симпозиумах, посвященных проблемам фольклора, этнографии, народного искусства.

В нем широко рецензируются издания, вышедшие как в Украинской ССР, так и в братских советских республиках и странах социалистического содружества. В частности, журнал систематически сообщает об издании очередных томов — сводов народного творчества, издающихся в разных республиках, о фундаментальных исследованиях по этнографии, народному изобразительному искусству и др.

«Народна творчість та етнографія» — издание научно-популярное, в нем наряду с научными статьями, печатаются популярные сообщения, информации.

Журнал иллюстрируется цветными и черно-белыми фотографиями, рисунками и гравюрами, на которых представлены лучшие образцы народных художественных изделий, одежды, вышивки, гобеленов, резьбы по дереву, аппликации, а также отражены отдельные моменты новой и

традиционной обрядности, выступления этнографических, хоровых танцевальных коллективов и др.

В 1985 году журнал открыл новую рубрику «Навстречу XXVII съезду КПСС». В ее статьях освещались достижения украинской советской культуры за годы одиннадцатой пятилетки, выдвигались новые задачи вытекающие из апрельского (1985 г.) и последующих Пленумов и постановлений ЦК КПСС. Редакция готовит обзорные статьи о достижениях и наиболее важных проблемах современной фольклористики, этнографии и народного искусства в свете решений XXVII съезда КПСС. В прошлом году исполнилось 60 лет со дня выпуска в свет первого украинского этнографического журнала, а в этом году появится 200-й номер журнала «Народна творчість та етнографія».

В своих статьях, сообщениях, публикациях журнал всесторонне освещает те большие успехи в развитии культуры, которые были достигнуты украинским советским народом в единой семье народов великого Советского Союза.

Ю. Ф. Линнус

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

В 1984 г. исполнилось 75 лет со дня основания одного из самых известных в нашей стране этнографических музеев — Государственного этнографического музея Эстонской ССР (бывшего Эстонского народного музея в Тарту), сыгравшего немалую роль в развитии этнографической и музееведческой работы в Эстонии.

Во второй половине XIX в. начала формироваться эстонская буржуазная нация. Этому процессу сопутствовало пробуждение национального самосознания, рост интереса к истории своего народа, его культуре и быту. Идея создания Эстонского музея зародилась еще в 1866 г., когда сельские учителя Эстонии посетили в Петербурге Этнографический музей Академии наук, хранителем которого в то время был выходец из Эстонии Ф. К. Руссов. Он и ознакомил своих соотечественников с историей и методами организации этого музея. Посетители решили, что и в Эстонии можно было бы организовать свои музеи, хотя бы при школах.

Спустя 10 лет, в 1876 г., один из руководителей эстонского национального движения К. Р. Якобсон выступил с призывом основать настоящий этнографический музей. Однако для реализации этой идеи еще не было ни сил, ни средств.

В 1896 г. в Риге проходил X Всероссийский съезд археологов, и по этому случаю там была организована выставка, посвященная латышской и эстонской народной культуре. Эстония экспонировала предметы, собранные д-ром О. Калласом на о-ве Сааремаа и у селу, а также образцы устного народного творчества из собрания д-ра Я. Хурта. Для записи фольклора Я. Хурт сумел привлечь около 1400 краеведов, приславших ему 115 тыс. страниц фольклорных текстов. Коллекции, представленные на Рижской выставке, впоследствии составили основу фондов Эстонского народного музея.

В 1904 г. О. Каллас начал систематический сбор народных песен с помощью профессиональных музыкантов, в основном воспитанников Петербургской консерватории. Опыт, приобретенный при записи народных песен и музыки, был использован в начавшейся вскоре работе по сбору этнографического материала.

Я. Хурт завещал свою коллекцию записей фольклора народу, и после его смерти в 1907 г. встал вопрос о месте ее хранения. Вначале коллекция находилась в Финском литературном обществе. В дальнейшем она должна была перейти в специальный музей Я. Хурта. Однако при обсуждении плана организации этого музея его задачи значительно расширились: в нем должна была быть представлена вся эстонская народная культура. Так, наконец, осуществилась мечта К. Р. Якобсона: был создан Эстонский народный музей.

На учредительном собрании, состоявшемся 14 апреля 1909 г., было избрано правление музейного общества и более четко намечены основные направления работы. Председателем правления избрали О. Калла-

са — человека с хорошими организаторскими способностями и опытом практической работы по сбору древностей. О. Каллас предложил вести работу в трех основных направлениях: сбор вещевого материала, основание национальной библиотеки и хранение и пополнение коллекций Я. Хурта. В результате умелой пропаганды Эстонский народный музей стал вскоре широко известен и нашел много помощников-добровольцев.

Однако в первый период деятельности (1909—1920 гг.) материальное положение музея было незавидным. Музей не получал никакой поддержки от государства, не имел помещений для хранения фондов. Энергия его руководства в основном уходила на добывание необходимых средств на содержание музея и пополнение его фондов. Для научной их обработки и экспонирования не было ни средств, ни работников с профессиональной подготовкой.

Несмотря на финансовые и другие трудности, сбор этнографического материала был начат весьма успешно. Этой работой умело руководил воспитанник Петербургской Академии художеств К. Рауд. Он и сам неоднократно принимал участие в экспедициях. Уже весной 1909 г. К. Рауд побывал в Хельсинки, где ознакомился с финскими музеями. После этой поездки он написал руководство по сбору материала, не потерявшее своего значения до сих пор. Так, в нем указывалось, что предметы, собранные в поле, вместе с необходимым справочным материалом следует заносить в специальную книгу по сбору фондов, а собиратель должен представить письменный отчет о проделанной работе. К сбору предметов старины были привлечены представители зарождающейся эстонской интеллигенции (студенты, художники) и местные краеведы (в основном сельские учителя и их ученики). Благодаря умелой организационной работе фонды музея уже в первое десятилетие его существования насчитывали 20 тыс. предметов. Музей собирал материалы по быту горожан Эстонии, а также по этнографии других народов, в первую очередь финно-угорских. Сотрудники музея ездили в Петербург, в Русский музей, изучать опыт хранения и экспонирования материалов.

Во второй период деятельности (1920—1940 гг.) материальное положение музея несколько улучшилось. Стали поступать, хотя и нерегулярно, денежные средства от буржуазного правительства. Очень облегчило работу получение новых помещений. В 1922 г. в распоряжение музея была отдана усадьба имения Раади на окраине Тарту, где разместились отделы — этнографический и искусства. В 1924 г. был куплен дом для других отделов музея. В 1927 г. из Хельсинки в Тарту была перевезена коллекция фольклорных записей Я. Хурта. Так было положено начало архиву эстонского фольклора. Руководство музеем и его отделами перешло в руки людей, получивших специальное образование. В этот период музей стал признанным центром научной и музейной работы в Эстонии.

Первым, кто ознакомил эстонцев с принципами современного музееведения, был археолог проф. А. М. Тальгрэн. Когда в 1921 г. он читал в Тартуском университете курс лекций «Об организации музеев и об истории увлечения древностями в северных странах», в числе его слушателей были такие энтузиасты музейного дела, как Ф. Линнус и А. и Х. Моора. А. М. Тальгрэн в то время был вице-председателем правления Эстонского народного музея и много сил отдавал музейной работе. Он постоянно говорил о необходимости национализации музея, который, по его мнению, должен быть неразрывно связан с научно-исследовательской работой и стать учебной базой университета для подготовки научных кадров в Эстонии. А. М. Тальгрэн рекомендовал начать сбор этнографического материала и по другим народам Прибалтики. По его инициативе музей добился штатной должности директора музея, а университет — места доцента этнографии. Поскольку в Эстонии специалиста с соответствующей подготовкой еще не было, то на обе эти должности, по предложению А. М. Тальгрэна, был приглашен молодой финский ученый И. Маннинен (который работал в Тарту в 1922—1929 гг.). Начатое им введение принципов современного музееведения продолжил Ф. Линнус (директор музея с 1929 по 1941 г.).

Новыми принципами стали руководствоваться при учете фондов, их систематизации и хранении. Фонды были сгруппированы по четырем основным разделам: коллекция А — экспонаты с территории Эстонии; коллекция В — экспонаты по культуре и быту финно-угорских народов; коллекция С — экспонаты по культуре и быту других народов мира и коллекция D — предметы искусства и прочий культурно-исторический материал. При приеме в музей предмет заносился в так называемый «диариум» — книгу «учета поступлений», где отмечались его принадлежность к той или иной коллекции и номер собрания, в состав которого он вошел (например, А I, В I, и т. д.). В ходе научной инвентаризации соответствующее описание заносилось в главный каталог; здесь уже каждый предмет получал индивидуальный номер (А I: 1, А I: 2 и т. д.). На каждый предмет заводилась карточка в соответствующих систематической и топографической картотеках коллекции. В основу топографической картотеки были положены уезд (мааконд) и приход (кихельконд). В хранилищах предметы размещались по разделам — в соответствии с материалом, из которого они были изготовлены (текстиль, дерево, металл), а внутри раздела — в порядке поступления. Предметы хранились на открытых полках или в шкафах. Быстро найти предмет в хранилище помогал местный каталог. В нем отмечались индивидуальный инвентарный номер предмета и его точное местонахождение.

Собирая экспонаты, работники музея стремились ликвидировать пробелы в фондах. Поэтому число предметов, поступивших в музей в ходе полевых работ, было невелико. Аналогично пополнялись коллекции предметов культуры финно-угорских народов (саамов, ливов, карелов, финнов). К концу 1940 г. фонды музея насчитывали 55 661 экспонат (44 229 этнографических, 7399 культурно-исторических и 4033 предмета искусства).

И. Маннинен придавал большое значение определению типа предметов и их ареалов. Для сбора соответствующего материала были составлены вопросники, некоторые — весьма подробные. Руководствуясь ими, студенты собирали полевой материал (например, по темам «народная одежда», «постройки», «рыболовство», «земледелие»). Так было положено начало весьма содержательному рукописному этнографическому архиву. В 1940 г. в нем находилось 127 этнографических описаний на 15 582 страницах. Часть вопросников по различным темам рассылалась для ответов в сельские школы (например, «О географическом распространении некоторых этнографических явлений», «О блюдах, напитках и обычаях, связанных с едой»). По пяти из них было получено 3702 ответа на 24 762 страницах.

К работе по сбору этнографического материала старались привлечь и местных краеведов. Для этого в 1931 г. при музее была основана сеть корреспондентов, которых называли добровольными сотрудниками музея. На 26 вопросников, выпущенных для них, поступило 3146 ответов на 11 545 страницах. В результате образовался отдельный архив ответов корреспондентов.

Была собрана также коллекция рисунков — в основном планы крестьянских построек и зарисовки отдельных деталей. В 1940 г. она состояла из 2706 листов с 7052 рисунками. Быстро росла и коллекция фотографий, в 1940 г. их было 41 344. В 1939 г. под руководством Ф. Линнуса был снят первый эстонский этнографический фильм «День на Ливском побережье» (570 м).

Научная обработка фондов, начатая И. Манниненом, создала основы для музейной экспозиции. В 1927 г. была открыта обзорная выставка эстонской народной культуры, на которой было представлено 5025 предметов, размещенных в 20 залах. В 1928 г. ее дополнила выставка по финно-угорским народам (545 предметов в двух залах). Выставки встречали единодушное признание у посетителей.

С 1925 г. музей стал издавать ежегодник. В нем были опубликованы первые научные работы эстонских этнографов, учеников И. Маннинена (Х. Куррик, Ф. Линнус, Г. Рянк). Музей активно содействовал популя-

ризации эстонского народного искусства. Именно благодаря интенсивной пропаганде музея самостоятельные певческие и танцевальные общества выступали в народных костюмах своей местности.

С восстановлением Советской власти в Эстонии в 1940 г. целиком изменилось положение музеев. Все музеи были национализированы и подчинены Министерству народного образования. Были введены единые правила учета и инвентаризации в центральных, местных и специальных музеях. Был строго определен профиль центральных музеев и на основе этого произведен обмен фондами. Директора центральных музеев посещали Москву и Ленинград, чтобы ознакомиться с опытом работы советских музеев.

В Советской Эстонии в несколько раз возросли субсидии музеям, увеличилось число музейных работников. Эстонский народный музей тоже был национализирован, и на его базе было создано два центральных музея: Государственный этнографический музей и Государственный литературный музей.

Столь успешно начатую реорганизацию музея прервали Великая Отечественная война и временная оккупация Эстонской ССР гитлеровскими войсками. Оккупанты превратили здание музея в казармы и при отступлении сожгли его. Однако благодаря эвакуации основная часть фондов была спасена.

После освобождения в 1944 г. Тарту в разрушенном и опустошенном войной городе было очень трудно найти подходящее пристанище для музея. Все же в 1945 г. музею было выделено довольно просторное здание бывшего суда. Начались продолжавшиеся годы реэвакуация, выяснение ущерба, причиненного войной, постройка новых хранилищ и размещение в них экспонатов, приведение их в порядок. По данным инвентаризации, 7658 предметов пропало. В связи с уточнением задач музея 8468 экспонатов было передано другим музеям. А прирост фондов за это время был весьма скромным (около 3500 предметов).

В определении направления научной работы музея в послевоенные годы и подготовке нового поколения этнографов большую роль сыграл проф. Х. Моора. Под его редакцией вышли в 1947 г. первый послевоенный ежегодник музея (№ XV) и книга «Эстонская народная одежда» (в 1957 г. она была издана и на русском языке). Вместе с опытными работниками: А. Моора, Х. Стилд и Х. Юпрус — к работе приступили молодые специалисты, прошедшие подготовку у Х. Моора. В формировании их научных интересов важная роль принадлежала также Институту этнографии АН СССР, и в частности комплексной историко-этнографической прибалтийской экспедиции. Много сделали для музея московские этнографы Н. Н. Чебоксаров, Л. Н. Терентьева и Н. В. Шлыгина. В изданиях Института этнографии АН СССР вышел ряд статей сотрудников этнографического музея (А. Моора, Э. Рихтер, Т. Хабихт, А. Воолмаа, Л. Кивисаар (Феоктистовой), А. Лутс, В. Калитс).

В начале 1957 г. в Тарту состоялось республиканское совещание этнографов под руководством Х. Моора. В принятом на нем решении говорилось о необходимости снова начать сбор этнографического материала, применять в полевой работе киносъемку, активнее привлекать местных краеведов, расширить сбор материала и на территории расселения соседних народов.

Теперь фонды стали быстро расти, в основном в период летних полевых работ, когда сотрудникам музея часто помогали студенты и художники. Во время полевого сезона сотрудники музея занимались не только сбором материала, но и научной работой. Так, в 1960-е годы объектом изучения был современный быт сельского населения Вырусского р-на, а также быт малых городов и поселков, в конце 1970-х годов — Вильяндиского р-на. В 1983 г. было проведено монографическое исследование д. Аравете (Пайдеский р-н).

За период с 1957 по 1984 г. в музей поступило 37 762 предмета. В эти годы в сборе материалов наиболее активно участвовали музейные работники Т. Хабихт, Э. Яагосилд, И. Яагосилд, В. Калитс, К. Консин,

Л. Консин, А. Лутс, А. Воолмаа и Т. Выти. В 1953—1963 гг. под руководством директора музея А. Петерсона проводилось широкое обследование сельских построек, в результате которого в музей поступило более 390 планов крестьянских дворов и 2600 планов построек, а также зарисовки деталей. Для статистической обработки всего этого материала впервые была использована ЭВМ. В 1961 г. снова была начата съемка этнографических фильмов. Так, А. Лутс и Т. Выти сняли фильмы о морском рыболовстве и крестьянских постройках, в сотрудничестве с Эстонским сельскохозяйственным музеем был снят ряд короткометражных фильмов о народной сельскохозяйственной технике. В 1978 г. по инициативе А. Петерсона на базе этих фильмов был подготовлен фильм «Эстонская деревня на рубеже веков».

К сбору материалов этнографический музей всегда старался привлечь местных краеведов, сельские школы, а также специальных корреспондентов. На основе разосланных им вопросников были получены сведения по многим областям быта. Этой работой уже четверть века весьма плодотворно руководит Х. Эйслер. С 1957 по 1984 г. от школ и отдельных корреспондентов в музей поступил 8741 ответ на 114 354 страницах. Для оживления работы корреспондентов и вовлечения в нее новых сотрудников, по инициативе Ю. Линнуса, с 1958 г. стали проводиться конкурсы по сбору этнографического справочного материала. В ходе 27 конкурсов поступило 1974 работы на 107 955 страницах. Об опыте работы с краеведами рассказывалось в специальной брошюре, выпущенной музеем, — «Работа Этнографического музея с корреспондентами и школами» (1973 г., на русском яз.).

С 1962 г. начали проводиться экспедиционные выезды за пределы республики, на территории расселения финно-угорских народов СССР. Самыми результативными были экспедиции к вепсам, марийцам, коми и удмуртам, проведенные под руководством А. Петерсона. Из них кроме 3200 предметов был привезен уникальный киноматериал. На его основе были созданы фильмы «Вепсы в начале XX века», «Удмурты в начале XX века», «Религиозные верования южных удмуртов в начале XX в.», (1984) и др. В экспедициях под руководством Э. Саара (преимущественно к хантам) кроме 630 предметов было собрано множество рисунков и фотографий. В результате 90 экспедиций к финно-угорским народам в фонды музея добавилось более 4800 предметов.

Фонды этнографического музея в настоящее время весьма богаты: в конце 1985 г. в них насчитывалось 94 873 предмета. Из них 78 587 эстонцев, 6404 — других финно-угорских народов и 2251 предмет других народов. 7631 экспонат является культурно-историческим памятником. В научном архиве хранятся 811 дневников полевых работ (41 662 страницы), 717 этнографических описаний (82 286 страниц) и 486 томов ответов (264 959 страниц), полученных от школ, отдельных корреспондентов и участников конкурсов, а также 141 727 фотографий и 16 410 листов с рисунками. Хотя фонды и растут быстро, все экспонаты инвентаризированы и размещены в хранилищах согласно современным требованиям. Кроме основного здания музей получил дополнительно еще два хранилища общей площадью 1000 м². Приведение фондов в порядок и их хранение находятся в опытных руках главного хранителя музея Э. Астель и заведующей отделом фондов А. Кярнер.

Научная работа в этнографическом музее связана в первую очередь с изучением народных традиций ведения крестьянского хозяйства и исследованием материальной культуры. Основные результаты ее опубликованы в ежегодниках музея (т. XVI—XXXV). Во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х годов большинство сотрудников музея было занято подготовкой историко-этнографического атласа Прибалтики (А. Петерсон, Т. Хабиht, А. Воолмаа, К. Консин, Э. Астель, А. Кярнер, Э. Яагосилд, В. Калитс, А. Лутс и И. Яагосилд). В целях популяризации этнографических знаний музей стал издавать серию «Эстонское народное искусство», и уже вышли четыре тома: К. Консин — «Вязаные изделия» и «Тканые изделия»; Т. Хабиht — «Эстонское народное

зодчество»; Т. Выти — «Обстановка крестьянского жилища»¹. В 1975 из печати вышла монография Ю. Линнуса о сельских ремесленниках Эстонии в XVIII — начале XIX в.² Было издано два сборника по народной культуре прибалтийских финнов под редакцией Ю. Линнуса³. А. Петерсон опубликовал сборник статей «Вопросы этнографии финно-угорских народов»⁴. А. Воолмаа в соавторстве с художницей М. Каарма выпустили трехтомное издание «Эстонская народная одежда»⁵. Кроме того музей издал 29 фотоброшюр, знакомящих с его фондами.

Сотрудники музея неоднократно выступали на научных конференциях с информацией о работе музея. Каждую весну музей отмечает свою годовщину проведением научной конференции. Регулярно проводит Дни науки по конкретной тематике (например, по аграрной этнографии, палеоастрономии, народному искусству, этнокультуре ливов, карел, сету). За последние 25 лет на научных совещаниях, организованных музеем, было сделано более 500 докладов. Авторы их — как сотрудники музея, так и ученые других учреждений Эстонии и братских республик. Постепенно Тарту стал одним из центров встреч исследователей этнографии финно-угорских народов.

Рост фондов вынуждает уменьшать площадь, предназначенную для экспозиций. Для временных выставок оставлен лишь один зал. Поэтому сузилась и их тематика (вязаные изделия, украшения, работа по дереву в народном искусстве и т. д.). Музей постоянно знакомит посетителей с народным искусством других республик СССР. В прошлой пятилетке в нем были проведены выставки азербайджанского, литовского, мордовского и карельского народного искусства, а в Ленинграде, Астрахани, Томске и Новосибирске — выставки эстонского народного искусства. За год выставки в музее посещают в среднем 85 000 человек.

За последнее десятилетие в музее оживилась лекционная работа. Его сотрудники читают лекции в школах и домах культуры на самые разные темы (например, «Советский народ и советская культура», «Атензм и советские обычаи», «Современная культура братских народов», «Эстонское народное искусство», «Народное искусство финно-угорских народов» и др.). Кроме того, в школах, в основном тех, которые хорошо ответили на разосланные музеем вопросники, устраиваются Дни дружбы народов и Дни народной культуры, на которых кроме чтения лекций демонстрируются этнографические предметы из соответствующей местности. На предприятиях г. Тарту проводятся так называемые музейные часы, во время которых сотрудники музея знакомят рабочих с его деятельностью и одновременно собирают сведения о работе предприятия и условиях производственного быта. Около 20 лет на базе музея работает факультет народной культуры Тартуского народного университета. Цель его — пропаганда правильного использования культурного наследия народа при создании современных традиций.

Фонды этнографического музея разносторонне отражают пути формирования эстонской народной культуры и культурные контакты с соседними народами. Сотрудники много делают для того, чтобы хранящиеся в них богатства были доступны народу. Музей передает свой богатый опыт работы студентам, а также коллегам из других музеев, поскольку он служит учебной базой для вузов республики и местом стажировки музейных работников из разных союзных республик. Работа музея неоднократно положительно отмечалась на республиканских и всесоюзных совещаниях музейных работников и этнографов.

¹ *Konsin K. Silmkoeesemed.*— Eesti rahvakunst I. Tallinn, 1972; *Habicht T. Rahvapärane arhitektuur.*— Eesti rahvakunst II. Tallinn, 1977; *Konsin K. Kudumid.*— Eesti rahvakunst III. Tallinn, 1979; *Võti T. Talutoa sisustus.*— Eesti rahvakunst IV. Tallinn, 1984.

² *Linus J. Maakäsitöölised Eestis 18 sajandil ja 19. sajandi algus.* Tallinn, 1975.

³ *Läänemeresoomlaste rahvakultuurist.* Tallinn, 1970; *Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi.* Tallinn, 1982.

⁴ *Peterson A. Zur finno-ugrischen Volkskunde.* Tallinn, 1985.

⁵ *Kaarma M., Voollmaa A. Eesti rahvarõivad.* Tallinn, 1981.

В. К. Малькова

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ПЕРЕДАЧАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

В решениях съездов КПСС, в других партийных документах подчеркивается важная роль средств массовой информации (СМИ) в жизни нашего многонационального общества, в том числе их воздействие на формирование представлений людей в области национальных отношений¹. Называя печать, радио, телевидение (ТВ) «сильнейшими средствами воспитания масс»², «могучим средством политического и культурного воспитания населения»³, партия ставит перед ними задачи: «воспитывать у всех советских людей чувство гордости за социалистическое Отечество, нерушимой братской дружбы народов СССР, уважение к национальному достоинству и национальной культуре, непримиримость к любым проявлениям национализма. Способствовать дальнейшему укреплению единства и сплоченности великого советского народа»⁴. Цель данного сообщения — привлечь внимание специалистов к изучению роли СМИ в этнических процессах.

Этнографы и этносоциологи не раз отмечали особую роль средств массовой информации в создании идеологической атмосферы дружбы народов в нашей стране⁵. Но конкретно проблема пока не изучалась⁶.

¹ См., например: *Горбачев М. С.* Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС.— Правда, 26 февраля 1986; О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г.— В кн.: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1979, с. 344; Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1977, с. 78; и др.

² О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения. Постановление ЦК КПСС 6 июня 1962 г.— В кн.: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды, с. 527.

³ Там же.

⁴ О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы.

⁵ *Дробизева Л. М.* Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981, с. 147. См. также работы Ю. В. Бромлея, М. Н. Губогло, С. С. Савоскула, К. В. Чистова и др.

⁶ Вообще СМИ, в том числе телевидение, в последние десятилетия обществоведы уделяют довольно много внимания. Философы, историки, лингвисты, экономисты, психологи, социологи, искусствоведы, журналисты рассматривают разные аспекты деятельности ТВ: место ТВ и других СМИ в жизни общества, ТВ и зритель, ТВ и пропаганда, ТВ и проблемы воспитания, ТВ и просвещение, ТВ и культура и т. д. См., например: *Багиров Э. Г.* Место телевидения в системе средств массовой информации и пропаганды. М.: Изд-во МГУ, 1976; *его же.* Основные направления исследований радиовещания и телевидения.— Вестн. МГУ (Сер. 11. Журналистика), 1974, № 6; Телевидение вчера, сегодня, завтра.— Сб. статей. Вып. 1—2. М.: Искусство, 1981, 1982; Теория и практика советского телевидения. М.: Высш. шк., 1980; *Егоров В. В.* Телевидение и зритель. М.: Изд-во МГУ, 1977; Очерк истории советского радиовещания и телевидения. Ч. 1. 1917—1941 гг. М.: Мысль, 1972; *Куруниянская А. М.* В доме весь мир. М.: Политиздат, 1975; *Фирсов Б. М.* Телевидение глазами социолога. Л.: Наука, 1971; Язык и массовая коммуникация. М.: Наука, 1984; Тема рабочего класса в программах советского телевидения и радиовещания.— Матер. Всесоюзной творческой конференции. М.: Наука, 1972; *Бабаев М. О.* О роли радио в интернациональном воспитании трудящихся.— В кн.: Современность, человек, радио. М.: Мысль, 1968; Музы XX века (художественные про-

В настоящее время, в период повышения ответственности каждого человека за экономическое и социальное развитие страны и за разряд международной обстановки, СМИ, отражающие жизнь людей разных социальных и национальных групп, играют важную роль в формировании представлений о величайшей ценности гуманизма, патриотизма, интернационализма, в воспитании негативного отношения к любым проявлениям национализма и шовинизма. Этим и определяется необходимость изучения прессы, радио, телевидения.

В самом деле, в этнических процессах кроме объективных факторов значительную роль играет и то, как отдельные люди, те или иные группы населения поступают и будут поступать в определенных ситуациях межэтнического взаимодействия. Нормальная жизнедеятельность людей в многонациональной социалистической стране возможна только в условиях сближения и взаимопонимания народов, сотрудничества и взаимопомощи между представителями разных национальностей. Именно на пропаганду этих интернационалистских принципов и направлена деятельность СМИ в сфере национальных отношений.

Пропаганда теоретических основ марксистско-ленинской идеологии, и в частности основ и принципов национальной политики, знакомство читателей газет, слушателей радио, зрителей ТВ с практикой национальных отношений у нас в стране, с жизнью людей разных национальностей — основные способы воспитания интернационалистского мировоззрения советских людей через СМИ. Однако следует отметить, что пресса, радио, ТВ, являясь средствами пропаганды и выполняя, наряду с организаторской, просветительской, развлекательной и т. п. функциями и пропагандистскую, не просто знакомят реципиентов с жизнью народов, «фотографируя» ее, а определенным образом «организуют» ее отображение. В этой связи хочется привести слова Ю. В. Бромлей об искусстве, которые с полным основанием можно отнести и к деятельности СМИ. «Искусство,— говорит он,— отражает действительность не всеохватывающе, а выборочно, и не в виде зеркальной копии, а в преломлении через призму особенностей характера его создателей и исполнителей, их творческих способностей и устремлений, их социальных установок. В результате этого в художественном произведении этническая специфика может быть подчеркнута или сглажена. Следует иметь в виду и то, что, подобно общественным наукам, искусство пронизано идеологией, в зависимости от которой оно может ускорять этнические процессы и тормозить их, может способствовать как разъединению народов, так и их сближению»⁷. Это еще раз показывает необходимость исследования форм и методов подачи информации, направленной на оптимизацию этнических процессов у нас в стране.

Следует отметить, что каждое из средств массовой информации имеет свою специфику. Различна история их возникновения, развития, распространения, завоевания ими популярности у читателей, слушателей, зрителей. Так, читатель газет может получить информацию в любое удобное для себя время и в удобном месте. Однако радио и ТВ оперативнее сообщают о происходящих событиях. Слушатель радио, получая звуковую информацию, может одновременно заниматься другими делами, что практически невозможно при чтении газет. ТВ сочетает два вида информации — словесно-звуковую и зрительную. Это дает возможность телезрителю получать больший объем информации, в том числе нередко и не предусмотренной авторами передачи (например, в глубине кадров, особенно в репортажах). Кроме того, ТВ способно создавать так называемый «эффект присутствия», что заставляет зрителей активнее сопереживать передаваемым событиям. Поэтому, по мнению исследовате-

блемы средств массовой коммуникации). М.: Искусство, 1978; Вильчек В. М. Телевидение и художественная культура. М.: Искусство, 1977; Средства массовой коммуникации и современная художественная культура. М.: Искусство, 1983 и др.

⁷ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 337.

лей, ТВ оказывает более сильное (по сравнению с печатью и радио) эмоциональное воздействие на аудиторию⁸.

Именно поэтому буквально за несколько последних десятилетий ТВ стало популярным у людей разных национальных и социальных групп почти во всех странах света. Например, в 1980 г. по данным ЮНЕСКО на 1000 человек было зарегистрировано более 300 телеприемников в таких странах как Великобритания, ГДР, Канада, СССР, США, Финляндия, ФРГ, Япония⁹.

Учитывая всё возрастающую роль телевидения в обществе как «всеобъемлющего средства информации, пропаганды и утверждения наших нравственных ценностей и культуры», КПСС уделяет особое внимание его развитию, повышению содержательности, идейно-художественному уровню и увлекательности телевизионных передач. Это еще раз было подчеркнуто на XXVII съезде КПСС¹⁰.

Нам представляется, что обширная проблема «Телевидение и его роль в этнических процессах в стране» может быть рассмотрена в следующих аспектах: 1) масштабы распространения ТВ, т. е. доступность телеинформации зрителям разных национальностей страны; 2) степень приобщения к телеинформации людей разных национальностей в различных районах страны; 3) качественно-количественный анализ телевизионных программ как канала пропаганды интернационализма и воспитания уважения к национальному достоинству и национальной культуре своего и других народов.

Неравномерность распространения телевидения в нашей стране обусловлена многими объективными и субъективными обстоятельствами: различными, порой очень затрудненными условиями для приема телепередач (например, в горных селениях Таджикистана, Киргизии, Армении и других республик), особенностями бытовых традиций и образа жизни народов, неодинаковым половозрастным составом населения, структурой семьи и т. д. Однако исходя из важной роли ТВ как мощного средства «идейного влияния, политического и нравственного воспитания советских людей, важного фактора формирования общественного мнения», партия приняла решение в ближайшие годы «добиться практически полного охвата телевидением населения страны...». Реализация намеченных партией и правительством мероприятий позволит к 1990 г. значительно расширить телевизионную аудиторию¹¹.

В данном сообщении мы обратимся к третьему аспекту проблемы — содержанию телепрограмм с точки зрения пропаганды интернационализма и показа достижений национальных культур. В качестве источника мы взяли еженедельный бюллетень Государственного комитета по радиовещанию и телевидению «Говорит и показывает Москва», где приведены названия передач, указано время их выхода в эфир (день, час), их продолжительность, и иногда дана и краткая аннотация. Бюллетень за декабрь 1969, 1978 и 1983 гг. был подвергнут контент-анализу, а остальные номера за указанные годы — просмотрены. Девяти- и затем пятилетний интервалы дали возможность выявить и проследить изменения в деятельности Центрального телевидения (ЦТВ) в этой области за последние полтора десятилетия.

Классификация весьма разнообразных передач телевидения уже разрабатывалась учеными¹². Безусловно учитывая сделанное в этом направлении, мы тем не менее решили в данном сообщении не останавли-

⁸ Хелемендик В. С. Союз пера, микрофона и телекамеры. М.: Мысль, 1977, с. 120. О преимуществах телевидения упоминалось и в работах других исследователей. См., например: Бирюков Н. С. Буржуазное телевидение и его доктрины. М.: Мысль, 1977, с. 5—6; Фирсов Б. М. Пути развития средств массовой информации. Л.: Наука, 1977, с. 88—91.

⁹ Statistical Yearbook. UNESCO, 1982, p. XI—29—XI—34.

¹⁰ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС...

¹¹ Правда, 19 октября 1984 г.

¹² См., например: Жанры телевидения. М.: Мысль, 1978; Дугин Е. Я. Местное телевидение: типология, факторы и условия формирования программ. М.: Изд-во МГУ, 1982, и др.

ваться на всех видах и типах передач, нередко меняющихся или являющихся «синтетическими» по своей форме или жанру. Поскольку это первый опыт подобной работы с телепрограммами, здесь приводятся некоторые результаты контент-анализа и описание отдельных, наиболее показательных для нашей темы передач.

За сравнительно короткий период массового развития советское ТВ прошло большой путь. Множество телеприемных станций, ретранслирующие системы космического ТВ позволяют сейчас передавать и принимать программы Центрального ТВ почти во всех уголках страны. Значительно увеличилась продолжительность телевещания по первой всесоюзной программе: с 10 час в 1969 г. до 12 час 30 мин — в 1983 г. Работа второй программы также неоднократно перестраивалась. В 1984 г. вторая телевизионная программа, как и первая, стала всесоюзной со временем телевещания около 12 часов в сутки.

Все эти и многие другие мероприятия направлялись Коммунистической партией, видевшей важную перспективную роль ТВ во всех областях современной жизни. Только с 1960 г. до наших дней было принято 10 постановлений, специально посвященных организационным и содержательным аспектам деятельности советского телевидения¹³.

За последние полтора десятилетия число передач Центрального телевидения в сутки выросло в результате увеличения общего объема вещания и за счет некоторого сокращения средней продолжительности одной условной передачи. Количественные изменения привели и к качественным изменениям телевизионных программ в целом. Так, другим стало внутреннее соотношение передач (время, тематика), появилось много новых программ, некоторые старые трансформировались или исчезли совсем.

Анализ телевизионных программ прежде всего показывает, что в эфир выходит множество материалов, несущих идеи интернационализма, патриотизма, гуманизма. Первая программа ЦТВ, основная, общесоюзная, освещает важнейшие события политической, экономической, культурной жизни страны и наиболее значительные международные события. По ней ежедневно передаются выпуски «Новостей» и дважды — информационная программа «Время» — передача-калейдоскоп, выходящая в эфир с 1968 г. Она состоит из множества сюжетов о прожитом страной и миром дне. Тысячи писем, приходящие в редакцию этой передачи (данные еженедельника «Говорит и показывает Москва»), дают представление о том, как велико внимание телезрителей разных республик к затрагиваемым в ней проблемам. Авторы этой передачи стремятся показать жизнь всей страны и отдельных ее районов. Документальные сюжеты о прожитом нашей страной дне сопровождаются закадровым текстом с такими выражениями в речи дикторов, как «наша страна», «Советское правительство», «наш народ», «КПСС» и т. д., т. е. лексическими формами, показывающими единство всех советских народов. Такие объединяющие, консолидирующие, интегрирующие понятия звучат с телеэкрана не только когда дается информация о внешнеполитических событиях, хотя здесь они особенно ярко подчеркивают целостность СССР как единого политического и хозяйственного организма, но и когда речь идет о каких-то крупных внутренних мероприятиях — всесоюзных праздниках, субботах, космических полетах. Вполне очевидно, что решающее значение имеют не столько лексические формы, сколько сами сообщения о крупных событиях в нашей стране, актуальных для любого советского человека. Но важна и форма подачи такой информации: и лексика, и торжественно-приподнятый тон дикторских

¹³ См., например: О дальнейшем развитии советского телевидения. Постановление ЦК КПСС 29 января 1960 г.; О мерах по дальнейшему улучшению работы радиовещания и телевидения. Постановление ЦК КПСС 6 июня 1962 г.; Об учебно-образовательной программе телевидения. Постановление ЦК КПСС 13 марта 1965 г.; и др. — В кн.: КПСС о средствах массовой информации и пропаганды.

сообщений — все это создает особый психологический настрой у зрителей¹⁴.

В программе «Время» почти регулярно дается информация (небольшой сюжет) о жизни отдельных республик страны, об их трудовых буднях, о развитии сельского хозяйства или промышленности, о лучших людях; в зависимости от хода сельскохозяйственных работ речь идет о том или ином регионе. Отметим, что в сюжетах о развитии экономики национальные моменты обычно не подчеркиваются (например, не указывается национальность людей).

Восприятию целостности народнохозяйственного организма страны в немалой степени способствуют как критические замечания в адрес нерадивых хозяев в любой республике, так и демонстрация положительного опыта предприятий, расположенных в разных районах страны. Материалы о развитии и взаимодействии советских республик в области экономики помогают вырабатывать у людей представление о том, что народы нашей страны являются равными экономическими партнерами.

Что же касается информации о культурной жизни, то в небольших киносюжетах программы «Время», особенно когда речь идет о материальной культуре, нередко подчеркиваются национальные признаки, указывается национальность создателей тех или иных произведений.

Исторические и общественно-политические передачи телевидения очень разнообразны. Их авторы постоянно ищут новые формы. Большая часть таких передач в последние годы включает яркие, эмоциональные публицистические материалы, подготовленные известными журналистами.

Уже более 15 лет по Центральному телевидению проводятся передачи тестудий союзных и автономных республик, крупных областных городов РСФСР. Как правило, в программу выходного дня включаются полторачасовые очерки о развитии той или иной национальной республики или области в советское время, о ее экономических и культурных достижениях. В заключение обычно звучит концерт местных (национальных) исполнителей. Некоторые из этих передач посвящаются определенной тематике, например «Мы — оленеводы» (передача из Мурманска); юбилейным датам, например 60-летию образования Бурятской АССР, и др. В таких передачах, особенно о национальных республиках, очень хорошо видно взаимодействие национальных и интернациональных факторов в их развитии. Сотрудничество советских народов во всех областях жизни как основа движения вперед — вот главная идея таких передач. Наряду с этим в них непременно присутствуют сюжеты о самобытности каждого народа, его культуры, например, рассказ об одном из древнейших видов казахских войлочных ковров тускииз (вторая программа, 18 июня 1983 г.) — Казахская студия ТВ; об основоположнике национальной классической оперы, выдающемся армянском композиторе Армене Тиграняне (вторая программа, 25 июня 1983 г.) — Армянская студия ТВ; о посланцах комсомола Азербайджана, работающих на стройках Красноярска и КАМАЗа (вторая программа, 10 декабря 1983 г.) — Азербайджанская студия телевидения, и др.

С 1965 г. по первой программе, как правило, 4 раза в месяц выходит в эфир общественно-политическая передача «Ленинский университет миллионов». В ней рассказывается о значительных событиях в истории КПСС, жизни и деятельности В. И. Ленина, его соратников, других деятелей партии. Здесь и в других передачах такого типа (например, «Рассказы о партии») используются хроникально-документальные кадры, фотографии и разного рода документы, например иллюстрирующие предреволюционную обстановку в стране, в том числе и в национальных районах, показывающие роль партии в организации масс и подготовке

¹⁴ Существует интересная литература об особенностях речи дикторов СМИ. Исследователи отмечают, в частности, интонацию как «осознанное и преднамеренное орудие воздействия» дикторской речи на аудиторию (см. *Бернштейн С. И.* Язык радио. М.: Наука, 1977, с. 33, 34).

**Соотношение документальных и художественных фильмов, показанных ЦТВ
в течение месяца (декабрь, первая программа)**

Фильмы	Год	Студии, создавшие фильмы			Всего филь
		РСФСР и центральные	студии других республик	зарубежные	
Документальные	1969	12	12	2	26
	1978	48	32	6	86
	1983	60	38	6	104
Художественные	1969	10	2	—	12
	1978	8	8	6	22
	1983	38	22	—	60

к революционному восстанию. Вообще материалы, знакомящие телезр-телей с разными этапами в жизни нашей партии и государства, первые и вторая программы ТВ передают довольно интенсивно — в среднем 3—4 раза в неделю. «Ленинский университет миллионов» обращается к социально-политическим проблемам наших дней, таким, как «Формирование нового человека — цель и условие коммунистического строительства», «Два мира — две политики» и др. Таким образом, постоянный телезритель, несомненно, имеет возможность осмыслить с помощью квалифицированных специалистов социально-политические, в том числе и национальные аспекты исторического прошлого и современной жизни нашей страны.

Заметное место в программах ТВ в последние годы занимает документальное кино. Как правило, ежедневно 60—90 минут по первой программе и от 10 до 50 минут по второй демонстрируются фильмы, иногда объединенные какой-то одной тематической рубрикой. Так, привлекает внимание документальные фильмы: «Сельская интеллигенция» (первая программа, 27 декабря 1983 г.); о городах («Город Калинин», «Воспоминания о Великом Устюге», «Земли священный уголок» — первая программа, 30 декабря 1983 г.); «Земля Тургенева» (первая программа, 2 сентября 1983 г.) и др. Следует сказать, что такая высокая интенсивность показа документальных фильмов отмечается только с конца 70-х годов. По сравнению с 1969 г., в 1978 г. по первой программе показывалось в 3 раза, а в 1983 г. — почти в 3,5 раза больше документальных фильмов. В 1983 г. по первой программе можно было посмотреть в течение одной недели около 20 документальных фильмов, снятых центральными, республиканскими и зарубежными студиями, не считая документальных сюжетов в других передачах.

Соотношение документальных фильмов производства киностудий Москвы и других городов РСФСР и студий национальных (союзных и автономных) республик из года в год также меняется. Число фильмов производства национальных республик (исключая РСФСР), демонстрируемых по ТВ, выросло за полтора десятилетия более чем в 3 раза. В то же время в 1983 г. в 5 раз чаще, чем в 1969 г., показывались документальные фильмы, снятые центральными и другими студиями РСФСР. В настоящее время каждый 3—4-й документальный фильм, демонстрируемый по первой программе ЦТВ, снят на одной из республиканских киностудий (без РСФСР и центральных, см. таблицу). С конца 1970-х годов стали чаще демонстрироваться и документальные фильмы производства зарубежных стран, преимущественно социалистических.

Содержание документальных фильмов самое разнообразное: о жизни народов капиталистических и развивающихся стран, их борьбе за свои социальные права, свободу и независимость. Фильмы, снятые в «горячих» точках планеты (например, «Никарагуа: решимость победить», «Над Бейрутом чужие облака» (1983 г.) и др.), находят живой отклик у телезрителей, о чем свидетельствуют письма на телевидение. Эти правдивые, эмоциональные ленты пробуждают у зрителей чувство солидарности с борющимися народами, воспитывают их в духе гуманизма и интернационализма, призывают к активной борьбе за мир, под-

держке справедливых требований народов. Такую же роль играет еженедельная, очень популярная общественно-политическая передача, выходящая в эфир около 15 лет, — «Международная панорама». У ее истоков стояли виднейшие журналисты-международники, сумевшие привлечь к ней многочисленную аудиторию.

В документальных фильмах на внутренние темы, создаваемых и в южных, и в республиканских студиях, показывается жизнь советских людей разных национальностей. В них ярко отражается взаимодействие интернациональных и национальных факторов во всех сферах жизни. Это фильмы об эстонских рыбаках, о литовском лесничем, о швейниках Молдавии, о русском механизаторе, об узбекской столице. Нередко в программы ТВ включаются документальные фильмы, посвященные народным умельцам, например, Архангельской и Вологодской областей («Тайна птицы Сирина»), создателю нового музыкального инструмента в Грузии, древнему искусству ковроткачества азербайджанских мастеров («Поэмы о коврах») и т. д.

Большинство фильмов национальных студий проникнуто духом любви и уважения к материальной и духовной культуре своего народа, к природе родного края. Как правило, на фоне национальной музыки звучит дикторский текст, показываются лучшие образцы национальной материальной культуры — жилище, утварь, национальная одежда. Все эти фильмы свидетельствуют о расцвете национальной культуры в условиях социализма. Прямо рассчитаны на воспитание интернационализма такие фильмы как, например, «Союз республик и сердец» (Беларусьфильм), рассказывающий о братстве народов нашей страны, об их бескорыстной помощи друг другу.

Следует отметить, что отдельные документальные сюжеты о жизни и опыте разных народов, снятые республиканскими студиями, включаются и в другие передачи, в частности в такие, как «Очевидное — невероятное», «Наука и жизнь», а также в традиционную воскресную передачу «Клуб путешественников».

Трудно перечислить все темы, освещаемые ТВ в документальных фильмах и небольших документальных сюжетах. Однако важно отметить, что широкая просветительская работа ТВ, направленная на расширение знаний зрителей о жизни советских народов в условиях социализма, доброжелательное отношение к трудящимся любой национальности, уважение к их образу жизни, способствуют формированию интернационалистского сознания у советских людей. Отражение национальной специфики в фильмах интернационалистской направленности — важная заслуга документального кино на ТВ.

В передаче «По музеям и выставочным залам» показываются, в частности, лучшие коллекции и собрания предметов материальной и духовной культуры народов СССР и зарубежных стран. Рассказы о богатейших художественных собраниях мира: Дрезденской галерее, Лувре, Эрмитаже — знакомят зрителей с величайшими достижениями культуры народов мира. Демонстрируются также документальные фильмы о произведениях величайших музыкантов, драматургов, писателей. Такие передачи выполняют не только эстетическую и просветительскую функцию, но, несомненно, оказывают и определенное воздействие на формирование интернационалистского мировоззрения людей, поскольку в них, наряду с упоминанием национальности художника и страны, где он творил, как правило, подчеркивается и общечеловеческая значимость и ценность его произведений.

Переплетение интернационального и национального особенно ярко проявляется в документальных фильмах, посвященных культурной и научной жизни советских республик, представителям их творческой интеллигенции. Фильмы о народном художнике Латвийской ССР Р. Хеймате, о народном поэте Таджикистана М. Миршакаре, о президенте АН Армянской ССР академике В. А. Амбарцумяне, подготовленные в республиках, окрашены национальным колоритом и рассказывают о людях, являющихся гордостью своих народов. И в то же время герои этих

фильмов — творцы-интернационалисты. «Я — аварский поэт, — говорит Расул Гамзатов в фильме „Дар отзывчивой души“ (первая программа, 1983 г.), но в своем сердце я чувствую ответственность не только за Дагестан, не только за всю нашу Советскую Родину, но и за всю планету». В фильме о творчестве народной поэтессы Армении С. Капутикян принимали участие многие советские поэты различных национальностей. Они отмечали, что поэзия С. Капутикян «наполнена чувством интернационального братства народов СССР» (первая программа, 1983 г.). Определенный интернационалистский настрой создает и альманах «Поэзия» — традиционная передача, объединяющая поэтов и переводчиков разных национальностей.

Вечерние часы, когда основная масса телезрителей находится дома, ТВ посвящает самым «потребляемым» передачам: информационным программам «Время», концертам, художественным фильмам и спорту. Ежедневно по первой и второй программам, независимо от дня недели, иногда по 2—3 раза в день демонстрируются художественные фильмы самой разнообразной тематики. Анализ телевизионных программ показал, что интенсивность демонстрации художественных фильмов так же, как и документальных, за последние 15 лет заметно увеличилась. В 1983 г. по первой программе ЦТБ в течение месяца было показано в среднем в 5 раз больше художественных лент, чем в том же месяце в 1969 г. Фильмы производства центральных киностудий перемежаются с фильмами, созданными кинематографистами национальных республик.

Художественные фильмы — это многофункциональное явление, включающее ряд компонентов: информацию о событиях, показ человеческих отношений и поступков, внешние атрибуты — быт, картины природы, музыку и др.

Элементы интернационального и национального могут встречаться в фильме в любых его компонентах и в любых формах — все зависит от авторов. Так, в большинстве произведений исторической тематики, создаваемых кинематографистами среднеазиатских и некоторых других студий страны, нередко фигурируют предметы национальной материальной культуры; подробно или фрагментарно показываются национальные обычаи, говорится о традиционных отношениях между племенами и поколениями, об отношениях, существовавших между национальностями в царской России. То же характерно и для фильмов центральных студий об историческом прошлом страны. Все исторические фильмы в большой мере насыщены «этнографией» того или иного народа, с которой через телеэкран знакомится многомиллионная аудитория. В зависимости от художественных достоинств фильма, от способности авторов эмоционально и рационально воздействовать на зрителя он получает глубокую или поверхностную, положительную или негативную информацию об определенном событии, личности, также способствующую формированию его мировоззрения в области национальных отношений.

В фильмах, посвященных современной тематике, «этнография» по нашим наблюдениям, выражена слабее. Иногда в них также присутствуют предметы национальной материальной культуры, звучит национальная музыка, хотя эти национальные атрибуты и не играют особой роли. Во многих фильмах республиканских киностудий осуждаются отжившие традиции и обряды, показываются новые социалистические отношения между людьми, в том числе между представителями разных национальностей. В этих фильмах, как и в других, звучат идеи любви и бережного отношения к земле предков, сохранения и передачи потомкам национальных ценностей, заботы о развитии своего края — деревни, поселка, республики (яркое тому подтверждение — интересный, заслуживший одобрение зрителей 4-серийный телевизионный фильм грузинских кинематографистов «Твой сын, земля»).

Художественные фильмы интернационалистской направленности (понятно, что деление здесь весьма условно) чаще всего связаны с революционными и военными сюжетами, а также со значительными событиями в жизни всей страны — строительством крупных предприятий, желе-

ных дорог, освоением новых земель. В них показываются существующие в действительности дружеские отношения между представителями разных национальностей, основанные на принципах интернационализма. Предметы традиционной материальной культуры отдельных народов — здесь не главное. Важнее художественное отражение особенностей советского образа жизни, пропаганда идей единства советских народов, общности их целей в защите своей многонациональной страны, в ее дальнейшем социалистическом развитии.

В данном обзорном сообщении, не останавливаясь на качественных сторонах художественных фильмов, мы обратим внимание лишь на количественное соотношение лент, созданных различными студиями. В конце 1960-х годов фильмы национальных республик (без РСФСР) шли на экранах ЦТВ редко — в 5 раз реже, чем фильмы центральных студий. В 1983 г. в среднем каждый третий художественный фильм, демонстрировавшийся по ЦТВ, был создан национальными кинематографистами. Эти заметные позитивные изменения ведут в конечном счете к упрочению атмосферы дружбы народов страны, и связаны они, конечно, не только с улучшением работы ЦТВ в последние годы, но и с расцветом национальной кинематографии в СССР.

Проблема «Национальные аспекты художественного кино и ТВ» очень сложна и, безусловно, ждет своего исследователя. Мы со своей стороны могли бы назвать здесь некоторые ее аспекты, имеющие значение для исследователей национальных процессов в стране: динамика соотношения фильмов, созданных разными студиями; соотношение фильмов, отображающих исторические события и современность; внутринациональная или интернациональная направленность; наличие в фильмах национальных признаков (показ национальных обычаев и обрядов, предметов национальной материальной культуры, национальной музыки); отклики телезрителей на различные фильмы и т. д. Думается, эти аспекты проблемы имеют важное значение и для исследователей документальных фильмов, с которыми через ТВ знакомится многомиллионная аудитория.

Программы телевизионных передач в последние годы очень разнообразны, и во многих из них можно увидеть национальные и интернациональные моменты. Как известно, театр, спектакли — одна из древнейших форм массовых зрелищ. Интересно их место на телевидении в наши дни. В 1969 г. телезрители могли увидеть по первой и второй программам в среднем 10 спектаклей в неделю. И сейчас, как и в те годы, многие спектакли транслируются из ведущих московских театров, подготавливаются и телеспектакли. Однако их число из года в год сокращается. Были недели (обычные, непраздничные), когда по первой и второй программам не передавалось ни одного спектакля (1983 г.). Постановки, которые выходят в эфир, созданы в основном по пьесам русских и зарубежных авторов. А спектаклей, написанных драматургами других национальностей СССР, телевидение практически не показывает. Двух—трех спектаклей за последние годы слишком мало для ЦТВ в такой многонациональной стране. К сожалению, эта важная форма влияния на сознание и чувства зрителей, на воспитание их интернационалистских убеждений в данном случае используется недостаточно¹⁵.

Традиционная передача «Международный фестиваль телевизионных программ о народном творчестве Радуга-78», «Радуга-83». Это цикл конкурсных программ и фильмов, представленных на международный телефестиваль и позволяющих телезрителям побывать на народных праздниках в разных странах, услышать современные народные песни и те, что были созданы много столетий назад. Национальная музыка Ирландии и ее исполнители (1983 г.), старинный народный праздник жителей Филиппин — «Фиеста» (1983 г.), народные танцы Алжира и

¹⁵ В 1984—1985 гг. в деятельности ЦТВ произошли заметные изменения. В частности, увеличилось и число спектаклей, транслируемых из театров союзных республик.

многие другие киносюжеты, представленные зарубежными киностудиями, знакомят телезрителей, как правило, с радостными моментами жизни народов различных стран. Небольшие фильмы показывают, отдыхают и веселятся люди разных рас, национальностей, знакомят с обрядами и обычаями.

Музыка — составная часть практически всех передач ЦТВ. Как и других видах искусства, в ней могут звучать национальные мотивы. Знакомые и родные человеку с детства, они оказывают на него огромное эмоциональное воздействие, воспитывают любовь к своему народу и к культуре. Музыка других народов способствует формированию позитивных представлений человека в сфере национальных отношений¹⁶.

В телеочерках, фильмах, драматических спектаклях музыка лишь сопровождает словесную или видовую информацию, настраивая зрителей на соответствующее ее восприятие, усиливая эмоциональное воздействие того или иного произведения. Если фильм или киноочерк создается на республиканской кино- или телестудии, то музыку к нему, как правило, пишут местные композиторы, использующие национальные мотивы — узбекские, грузинские, молдавские и др. Таким образом, общая союзная телевизионная аудитория приобщается к национальной музыкальной культуре того или иного народа, что помогает еще глубже почувствовать его национальное своеобразие.

Специальные музыкальные передачи на ТВ очень разнообразны. Для формирования интернационалистских установок, позитивных взглядов на искусство братских народов большое значение имеют концерты «калейдоскопы» с участием ведущих певцов различных республик, знающие телезрителей с произведений национального искусства. Такие концерты, как «Сияет солнце над Родиной нашей» (1983 г.), «Песня к Отчизне любовь пробуждает» (1983 г.), «Пою мое Отечество» (1983 г.), или трансляция «обобщающих» концертов из столиц союзных республик: «Товарищ песня» (передача из Тбилиси 1978 г.), «Алма-Ата встречает гостей» (1978 г.) с участием мастеров искусств и творческой молодежи разных национальных республик — вызывают, судя по письмам, большой интерес телезрителей (данные еженедельника «Говорит показывает Москва»).

Следует отметить, что на телевидении сложился круг наиболее популярных в данный момент участников музыкальных передач — композиторов и исполнителей, что, несомненно, отражает вкусы населения. В последние годы это — русские исполнители современных эстрадных песен Л. Зыкина, В. Толкунова, Е. Мартынов, Л. Лещенко, А. Пугачева, Ю. Богатиков и др., украинец Д. Гнатюк, молдаванки С. Ротару, Н. Чепрага, грузины В. Кикабидзе, Н. Бреговдзе, азербайджанцы М. Магомаев, П.-Б. Оглы, армяне — сестры Р. и К. Лисициан, Р. Бабалян, эстонцы — Я. Йоала, Т. Мяги, А. Вески, латыш Р. Паулс, казашка Р. Рымбаева, татарин Р. Ибрагимов и многие-многие другие. Почти в каждой республике работают вокально-инструментальные ансамбли, популяризирующие свою национальную музыку в интонационной среде. Выступая по ЦТВ, они исполняют не только свои национальные песни. Многие песни в исполнении популярных певцов, носящие гражданский или лирический характер и воспевающие общечеловеческие ценности — мир, дружбу, любовь, счастье, воспринимаются слушателями, конечно же, не как русские, молдавские, эстонские и др., а просто как эстрадные советские песни. И этот факт появления и широкого распространения через СМИ, в том числе и ТВ советских песен, носящих как бы «наднациональный» характер в рамках нашей страны, интерес и любовь к ним представителей разных национальностей важны еще и потому, что они созданы композиторами разных национальностей — Р. Паулсом, Е. Догой, А. Бабаджаняном, М. Магомаевым, И. Лученком и др. Часто звучащие с экранов телевизоров, эти песни помогают установлению в стране определенного «психологического климата» для формирования духовного

¹⁶ См. Дробизева Л. М. Указ. раб., с. 152.

единства советских народов, общности культурных ценностей представителей разных национальностей страны.

Можно говорить, что в данном случае музыкальные произведения и сами концерты, организуемые телевидением, выполняют функции важного этноинтегрирующего и интернационализирующего фактора в нашей стране.

Как и большинство передач на ТВ, почти каждая музыкальная программа подготовлена для определенной аудитории. Еженедельные концерты по письмам телезрителей и традиционная воскресная программа «Утренняя почта» — скорее молодежные передачи, хотя это не исключает внимания к ним со стороны представителей всех возрастов разных социальных групп, разных национальностей, поэтому такие передачи можно назвать «объединяющими аудиторию». Такова же и роль цикла концертов «Песня-78», «Песня-83» и т. п. Но есть и другие: передачи-концерты, передачи-беседы, предназначенные для более узкой аудитории. Это «Песня далекая и близкая» — об истории создания и бытования русских песен разного времени, «Песни русского Севера», «Народные мелодии». Народная песня заняла в последние годы заметное место в музыкальных передачах Центрального телевидения. Анализ программ показал, что число концертов, пропагандирующих русскую народную песню, возросло в 1983 г. по сравнению с 1969 г. (и с 1978 г.) более чем в 5 раз. Время, отведенное этим концертам, также увеличилось в последние 5 лет в 3 с лишним раза. Однако не только русская народная песня стала чаще звучать с экрана Центрального телевидения. Число концертов ЦТВ, посвященных народной музыке союзных и автономных республик (без РСФСР), по первой программе также увеличилось в 1983 г. в 3 раза — по сравнению с 1978 г. и в 10 раз — по сравнению с 1969 г. В настоящее время число концертов, посвященных народной русской музыке и музыке других национальностей СССР, стало практически равным. Время же, отведенное концертам традиционной музыки других народов, постоянно возрастало в последние годы, и в 1983 г. она звучала с экрана ЦТВ даже несколько дольше, чем русская народная.

Концерты, отражающие музыкальную жизнь отдельных народов, сложны по своему составу, и порой довольно трудно определить их жанр. Для примера назовем фильмы-концерты «Эти мгновения — вся жизнь» — о литовском певце В. Нореике (первая программа, 1983 г.) и об эстонской певице Ану Кааль (первая программа, 1983 г.). Известно, что эти оперные певцы в концертах нередко исполняют народные песни, в том числе русские и свои национальные, русскую или зарубежную оперную классику. Передачи «Музыка для всех», «Музыканты о музыке», «Встреча с оперой», «Музыкальный киоск» и др. — концерты-беседы, концерты-обозрения — стали регулярными на ТВ и также включают произведения разных жанров, созданные и исполняемые представителями разных национальностей.

Отметим, что в 1969, 1978, 1983 гг. Центральное телевидение отводило много эфирного времени серьезной музыке: в 1969 и 1983 гг. почти столько же, сколько эстрадной; в 1978 г. — в 2 раза больше, чем эстрадной. Такие передачи в основном смешанные и состоят из произведений русских, советских и зарубежных композиторов. Что же касается концертов народной музыки, то здесь, наоборот, каждый концерт чаще всего посвящен определенному народу.

В данном сообщении невозможно, конечно, охватить разнообразные музыкальные передачи ЦТВ, оказывающие определенное воздействие на национальные представления слушателей или зрителей. Однако нельзя не сказать несколько слов о музыке зарубежных стран, довольно часто звучащей с экрана (международные конкурсы, выступления отдельных певцов или вокально-инструментальных ансамблей народов Азии и Африки, документальные фильмы-концерты о наиболее выдающихся исполнителях и др.). Открывая новые грани в культуре различных народов мира и в их образе жизни, такие передачи также помогают воспи-

танию симпатий, дружественных чувств по отношению к зарубежным народам. Анализ программ ТВ показал небольшое увеличение числа концертов зарубежной музыки с 1969 по 1978 г. (в основном серьезной музыки), в 1983 г. число концертов также практически не изменилось, но время, отводимое ЦТВ зарубежной музыке, заметно уменьшилось.

Приведенные выше данные, как нам представляется, убедительно показывают необходимость разработки актуальной проблемы «пропаганда музыки на ТВ» или шире — «музыка различных народов в системе средств массовой информации и ее роль в интернационалистском воспитании реципиентов».

Несомненный интерес для исследователей национальных процессов в стране может представить тема «телевидение и спорт». Следует сразу сказать, что место спортивных передач на ЦТВ непостоянно и зависит часто даже от времени года.

Так, например, летом 1983 г. в течение одной недели (25—31 июля) по первой программе ЦТВ было показано 24 спортивных передачи общей продолжительностью 565 минут, по второй программе — 16 передач продолжительностью 520 минут. В декабре спортивных передач было значительно меньше. Определенный «пик» пришелся на 1978 г., когда в зимнее время ЦТВ показало в неделю (5—11 декабря) 9 спортивных передач общей длительностью 700 минут эфирного времени, в 2 раза больше, чем в 1969 г., и в 2,6 раза больше, чем в 1983 г. Ранее спортивные передачи вела только всесоюзная программа ЦТВ. В 1983 г. столько же времени спорту стала отводить и вторая программа, в то время еще не всесоюзная.

Когда ЦТВ транслирует чемпионат мира по хоккею, футболу, волейболу, гимнастике, фигурному катанию..., миллионы советских телезрителей смотрят эти репортажи и «болеют» за советских спортсменов любой национальности. Советские болельщики привыкли к победам нашего спорта на международных соревнованиях и, конечно же, гордятся нашими спортсменами. Эмоциональное комментирование важных матчей, трансляция встреч победителей на советской земле, встреча их в телестудии с космонавтами и артистами — все это важные формы деятельности ТВ по созданию атмосферы оптимизма, дружбы и духовного единства советских людей. И спорт выполняет здесь свою миссию.

Что же касается внутрисоюзных соревнований, в которых участвуют команды разных городов, разных республик, то жители каждой республики, вне зависимости от их национальной принадлежности, болеют за свою команду. И это, несомненно, способствует внутриреспубликанской или внутрирегиональной интеграции населения.

При изучении телевизионных программ с точки зрения содержания в них интернационального и национального можно было бы рассмотреть и многие другие материалы, важные для интернационального воспитания телезрителей. Однако свою задачу мы видели все же не в этом. Мы попытались на фоне все увеличивающегося значения средств массовой информации в общественной жизни лишь привлечь внимание исследователей национальных процессов ко многим вопросам, связанным с участием СМИ в этнических процессах в СССР.

Г. М. Афанасьева, Ю. Б. Симченко

ОПЫТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ (на примере чукчей)

Генеалогические описания, как известно, служат ценным источником, позволяющим проследить эволюцию отдельных человеческих общностей с различных позиций. Они могут быть основой для демографических реконструкций, определения порядка репродукции поколений данной попу-

ляции, изысканий в медико-генетическом аспекте и, что для нас особенно важно, основой для историко-этнографических исследований бесписьменных в прошлом народов. Среди материалов, получаемых методом опроса, данные генеалогии выделяются корректностью, так как они содержат факты, поддающиеся проверке.

Попытки генеалогических описаний предпринимались многими советскими учеными, и методика их составления эволюционировала от анкетных обследований 1920-х годов до линейных схем нашего времени¹.

В основу данной статьи положены полевые материалы авторов, изучавших в 1976—1983 гг. более 10 групп чукчей на севере Камчатки и Чукотском полуострове. Одной из задач было составление генеалогической схемы, отражающей связи всех локальных групп, сложившихся к настоящему времени. В процессе работы методика генеалогических описаний в какой-то степени совершенствовалась, и авторы надеются, что их опыт может оказаться полезным при дальнейшей разработке проблемы составления генеалогий.

Современный исследователь имеет дело практически с группами коренного населения, организованного в соответствии с административно-территориальным делением.

Перед посещением населенного пункта (в нашем случае поселка) полезно ознакомиться с архивными материалами: первичными статистическими данными, похозяйственными книгами за прошлые годы и сведениями загсов.

Следует отметить, что похозяйственные книги, как и сведения о браках и смертях, при составлении генеалогических схем играют вспомогательную роль; они обычно используются только для уточнений. Однако архивный материал служит инициативным фактором в работе над генеалогическим описанием. В похозяйственных книгах, составленных, как правило, на предыдущий и текущий годы, содержатся посемейная перепись населения поселка с указанием национальности, дат рождений и смертей, выбывших и вновь прибывших людей, а также данные об образовании, профессиональной занятости и индивидуальных хозяйствах. Составление генеалогий по материалам похозяйственных книг представляется неосуществимым в силу конъюнктурности семейно-похозяйственной записи. Необходимые сведения можно получить лишь путем опроса местного населения.

При составлении генеалогических описаний большое значение имеет подбор информаторов. Зачастую осведомленность населения о собственных родственных связях стоит в прямой зависимости от истории формирования поселка. Если контингент населения сложился преимущественно на базе автохтонов, живших здесь до образования населенного пункта или переселившихся сюда в основном составе, выявление достаточно компетентного информатора особой трудности не представляет. Как правило, такой человек довольно хорошо знает родственные связи односельчан и служит своего рода экспертом в сложных переплетениях их родословных. С его помощью можно обнаружить и наиболее сведущих людей, которые помогают записать родословные в общем виде. В затруднительных случаях к работе привлекаются представители тех семей, при описании генеалогий которых возникают неясности.

Если же поселок сформирован из разрозненных групп, обитавших ранее на разобщенных территориях, найти хорошо осведомленного инфор-

¹ В частности, И. К. Кольцов и Ю. П. Филиппченко в 1920-х годах предложили систему обозначения пола общепринятыми символами, брачных связей — горизонтальными линиями, кровно-родственных — вертикальными. В. В. Бунак разработал более совершенную систему записи генеалогий (см. *Бунак В. В.* Антропометрия. Практический курс. М., 1941). Многие сделано в этом направлении В. И. Васильевым (см., например: *Васильев В. И.* Проблемы формирования северосаамодийских народностей. М.: Наука, 1979) и М. А. Членовым (см., например: *Членов М. А.* Слово о семье — слово о народе. — Знание — сила, 1984, № 6). Опыт разработки системы генеалогических описаний накоплен и зарубежными этнографами (библиографию см.: *Barnes J. A.* Genealogies. — In: *The Craft of Social Anthropology*. Oxford, New York, Toronto, Paris, Frankfurt, 1967, p. 101—127).

матора трудно, а порой и невозможно. В такой ситуации в строгой последовательности опрашиваются все живущие там семьи.

Генеалогическое описание состоит из опроса, фиксации и обработки данных. Так как первоначальный опрос и фиксация осуществляются одновременно, мы их не разделяем в настоящей работе.

Опросу предшествует оформление опросного листа. Каждый лист в верхнем правом углу возле номера генеалогической линии должен иметь реквизиты информатора (фамилия, имя, отчество, место и дата рождения) и опроса (место и дата его проведения). Например: «Ятгиргина Мария Николаевна, Энмелен, июль, 1935; Нешкан, август, 1981». Информаторам надо обязательно сообщить эти данные, чтобы они могли определить степень их достоверности. В ходе дальнейшего опроса необходимо показывать информатору лист, на который заносятся поступающие от него сведения. Обычно даже малограмотные люди быстро разбираются в системе записи. Это определяет логическую последовательность изложения информатором родственных связей. Точная запись имени, отчества и фамилии, на наш взгляд, особенно важна ввиду перехода к даче фамилии, имени и отчества по современному общесоюзному образцу, который отличается от традиционной системы идентификации². Необходимость тщательной проверки этих параметров для женщин связана с их замужеством, зачастую неоднократным в течение жизни.

Следует фиксировать не только официальные имена, но и прозвища пробанда, любые наименования его предков; это поможет идентификации их с упоминаемыми в архивных документах или исторических описаниях лицами.

Особенно важно выявить человека, впервые носившего данную фамилию в той или иной линии. Это в значительном числе случаев позволяет связать опросные данные с документальными. Полное имя человека и все его прозвища фиксируются рядом со знаком пола.

Выясняется точный или предполагаемый год рождения. Для старшего поколения действительную дату рождения порой невозможно установить. Тогда надо попытаться определить последовательность рождений в данной семье. Полученные сведения о датах рождения проверяются затем по официальным источникам: похозяйственным и домовым книгам, материалам загсов, архивным переписным источникам и литературе. На генеалогической схеме даты рождений и смертей указываются после фамилии, имени и отчества, под знаком обозначения пола (см. рис. 1).

Место рождения определяется при непосредственном опросе данного человека или его родных. Выясняется также место его проживания в настоящее время. Эти сведения приобретают особую ценность, когда информатор не может вспомнить или не знает прямых или коллатеральных предшественников пробанда. В этом случае необходимо выяснить откуда происходят его родоначальники. Как правило, если не обнаруживаются родственные связи данной генеалогической линии с другими, он принадлежит к мигрантам. Выяснением территориального происхождения следует завершать опрос по каждой родословной. Если местное происхождение основателей данной генеалогической линии подтверждено, необходимо уточнить их возможные родственные связи с представителями остальных генеалогических группировок. Обычно информатор совершенно определенно отмечают такое родство, хотя эти сведения могут и не иметь конкретного характера.

* * *

Основным принципом построения генеалогии является учет родства, который принят данной этнической группой. У большинства народов (и крайней мере в СССР) принят учет родства по отцовской линии. Поэтому

² У чукчей, например, как и у других северных народов, традиционно бытовало лишь одно личное имя данного человека, но в течение его жизни оно могло меняться по различным причинам.

В нулевом поколении, где период деторождения еще далеко не окончен, нужно отмечать отсутствие детей у различных брачных пар.

Генеалогическое поколение его записывается в таком порядке: и родные и двоюродные братья и сестры, их брачные партнеры, которые отмечаются так же, как в первом восходящем поколении.

В записи первого нисходящего поколения — поколения детей эго и его сиблингов — очень важно, на наш взгляд, установить истинное отцовство. Этот момент, разумеется, важен и при фиксации всех других поколений. В последнее время резко возрос процесс метисации вследствие притока на Север населения самых разных национальностей. Случаи метисации следует фиксировать очень точно. На генеалогической схеме метисы отмечаются знаком, который представляет собой дробь: в числителе сокращенно указывается национальность отца, в знаменателе — матери. Истинное отцовство помогает установить перекрестный опрос информаторов, особенно необходимый тогда, когда есть сомнение, совпадает ли официальное отцовство с действительным.

Несмотря на то что запись кровно-родственных связей ведется по мужской линии, необходимо в том случае, когда информатор называет детей женщин, фиксировать и материнскую линию. По всей вероятности, эти дети будут «продублированы» в линии отца. Такие повторы, легко устраняемые при обработке данных и сведениях генеалогии (см. ниже), предотвращают возможную утечку сведений, а также делают возможной их дополнительную проверку.

Описанным способом фиксируются все последующие поколения, как восходящие, так и нисходящие.

Вместе с тем составление родословных в нисходящей последовательности дает в итоге генеалогическую схему всех ныне живущих — следовательно, определяется дальнейший круг информаторов для продления генеалогического древа в их прошлое. Учет людей в нисходящем направлении имеет и бесспорное конъюнктурное завершение, в то время как описание предков теоретически бесконечно.

Восходящие генеалогические поколения записываются начиная со второго — поколения деда эго. Запись ведется в том же порядке. Осведомленность о более отдаленных поколениях уже не носит стабильного достаточно корректного характера. Обычно память информатора хранит сведения о каком-то выдающемся предке, по отношению к которому, однако, степень точного кровного родства установить не удастся. В этих случаях для дальнейшей работы очень важно определить промежуточных предков и их связи с другими линиями. Рекомендуется записать все известные легенды о людях, оставивших заметный след в памяти потомков, а также особо выделить сведения об их ближайших родственниках, женах и друзьях. Даже приблизительное определение родственных связей таких предков позволит сопоставить опросные генеалогические сведения с документальными (по Сибири это — ясачные книги и ревизские сказки, данные Первой всенародной переписи, а также последующих переписей).

Как показывает практика, информаторы не всегда проявляют достаточную осведомленность, но, попадая в затруднительное положение, обычно сами рекомендуют обратиться к людям, которые, по их мнению, помогут разобраться в тех или иных вопросах. Описание линии не следует прекращать до тех пор, пока не будут опрошены все возможные информаторы.

При заполнении генеалогических схем возникают вопросы чисто технического характера, например о символике обозначений. Наш многолетний опыт позволяет предложить первоначальный рабочий вариант генеалогической схемы (см. рис. 1). Ввиду нередко значительного объема генеалогической линии записать всю ее на одном листе бывает сложно. Обычно трудности начинаются с записи потомков родных братьев и сестер деда эго. Поэтому была принята раздельная фиксация некоторых линий.

Схемы нескольких частей родословной, записанных на разрозненных листах, получают литерную нумерацию. Например, основной номер ли-

нии — «1», номера дополнительных — «1а», «1б», «1в» и т. д. Тем самым подчеркивается их общность. Чтобы была понятна кровно-родственная связь родоначальников этих частей большого генеалогического древа, их следует указать на основной схеме. При такой системе можно заранее разместить листы, где будут записаны те части генеалогий, о которых у данного информатора нет сведений.

Вопрос об очередности фиксации линий решается следующим образом. После того как записана первая линия (обычно это бывает линия самого информатора), надо поочередно собирать сведения о брачных партнерах, каждый из которых, как уже говорилось, выделен выносным кружком на полях. Работу по записи генеалогий брачных партнеров не следует прекращать до тех пор, пока не будут выяснены родственные отношения всех брачных партнеров, проходящих по этой линии. Затем в таком же порядке выясняются данные по следующей из записанных уже родословных. В проработанной таким способом схеме на полях не должно оставаться незаполненных кружков. В них по окончании работы с этой генеалогией будут указаны либо номер линии брачного партнера, либо откуда данный человек прибыл в обследуемый поселок (тогда станет ясно, куда уходят его генеалогические корни). Если о брачном партнере ничего неизвестно, это также следует отметить, чтобы впоследствии не возникал вопрос о его родственных связях.

В итоге работы по описанной методике наступает момент, когда запись генеалогий перестает носить развертывающийся характер. Поступающие сведения начинают повторяться. Это означает, что процесс фиксации в основной своей части завершен.

из Лорино	1 л.	♂
Чейвынкеу Анатолий Григорьевич		
1931 г. чукча/эскимос		
=1-я Анаяк Ирина Ивановна	<u>1 л.</u>	
	1935 г. <u>эскимоска</u>	
=2-я Етынкеу Ольга Станиславовна		
	1940 г. (из Ванкарема)	26 л.

Рис. 2. Примерный объем сведений, отмечаемых в карточке; двойная линия перед цифрами «1-я» и «2-я» означает брачную связь

Следующий этап работы заключается в составлении картотеки по собранному данным. На каждого человека должна быть заведена карточка, на которую с рабочей генеалогической схемы надо перенести все сведения о нем: фамилию, имя и отчество, год рождения, национальность (если он не принадлежит к исследуемой этнической общности или является метисом), откуда он прибыл в поселок (если это не коренной житель), его матримонимальные связи, порядковый номер его линии, а также номер линии его партнера по браку (рис. 2).

Номера линий у супругов, как правило, должны быть разными: каждый из них имеет свою собственную генеалогическую линию. Но в трех случаях номера их родословных совпадают.

Первый случай: о кровно-родственных связях брачного партнера X нет сведений. При таких обстоятельствах он получает номер линии своего супруга, который на карточке подчеркивается одной чертой. Благодаря этому выделению сразу видно, кто из брачных партнеров не имеет своей линии. В подобных ситуациях следует выяснить, откуда данный человек. Если брачные связи партнера X не ограничиваются одной лини-

ей, то впоследствии на его карточке проставляется нумерация в соответствии с их числом. По этим номерам можно судить о том, в каких генеалогических линиях данный человек проходит в качестве брачного (полового) партнера. Если же предыдущие либо последующие половые связи (не только официальные) рассматриваемого брачного партнера X были осуществлены с людьми, которые сами не имеют родословных, все он (включая и их потомство) привязывается к генеалогической линии известного нам лица — супруга и брачного партнера X. Номера в точках аналогично изложенному выше порядку подчеркиваются одной чертой.

Второй случай: брачный партнер — другой национальности; при составлении схемы он также включается в состав генеалогической линии своего супруга. Его национальность сокращенно отмечается после фамилии, имени и отчества. При оформлении карточки на такого человека в нее заносятся наряду с другими данными его национальность и номер, идентичный номеру линии его супруга, номер подчеркивается двойной чертой (см. рис. 2).

Третий случай: партнеры по браку при мужском счете родства имеют общую родословную. Это кровно-родственные браки. При наличии близкого кровно-родственного брака (с двоюродными, троюродными) следует уточнить вызвавшую его причину (традиционно преобладающий вид брака, имущественная заинтересованность, иные мотивы).

Надо отметить, что картотека составляется на всех без исключения людей, так или иначе зафиксированных на генеалогической схеме, в том числе и на безымянных. В последнем случае вводятся дополнительные определители по кровно-родственным связям — отец (мать, брат, сестра) такого-то (такой-то) и т. д. и брачным связям — муж, жена (такой-то, такого-то).

Исходя из имеющегося опыта, можно порекомендовать заполнять картотеку одновременно с составлением генеалогий по результатам ежедневного опроса. Карточки расставляются в алфавитном порядке. Использование в работе с информатором картотеки, объем которой будет увеличиваться по мере записи генеалогий, поможет быстро найти реквизиты того или иного человека, номер его линии, когда требуются уточнения или возникают вопросы, касающиеся генеалогических линий уже зафиксированных людей. К окончанию работы картотека, таким образом, будет готова.

Следующий этап обработки материала заключается в сведении генеалогических линий.

В процессе записи части объективно единой родословной могут оказаться разрозненными вследствие того, что один информатор зачастую не в состоянии дать сведения о полном объеме родственных связей между семьями. В результате опроса ряда информаторов неизбежно появляются повторы, которые отражает составленная по их данным картотека. В расставленной в алфавитном порядке картотеке легко выделить карточки-дубликаты: достаточно сравнить генеалогические линии, номера которых представлены на карточках. Если кровно-родственные и брачные связи людей, сведения о которых записаны на карточках-дубликатах, совпадают, значит, отмечен один и тот же человек и сравниваемые линии сводятся в одну, дополняя и корректируя друг друга.

Часто сопоставлением генеалогических линий не удается идентифицировать записанных в карточках-дубликатах людей. Это бывает тогда, когда человек в разных линиях значится в качестве брачного партнера. В таких случаях необходим целенаправленный дополнительный опрос.

После того как из картотеки устранены все карточки-дубликаты, надо сверить ее со списком населения, составленным по похозяйственным книгам, чтобы выявить неучтенные семьи или одиночек. Как правило, неучтенными оказываются выходцы из других мест, не имеющие кровно-родственных связей в обследуемом населенном пункте.

Выполнение чистовых вариантов сведенных линий по времени следует, на наш взгляд, отнести к завершению работы по идентификации кар-

точек-дубликатов. К этому моменту окончательно определяются число и состав связывающихся линий.

В процессе сведения удобнее переносить небольшие фрагменты линии на лист, где записан ее основной состав. Это относится к тем случаям, когда данные разрозненных частей генеалогии расходятся лишь по числу отмеченных детей или брачных связей. В такой ситуации на листе, информация с которого перенесена, делается пометка: «есть в такой-то линии». Если же генеалогии соединяются в отдаленных восходящих поколениях, их следует, проверяя, оставлять в первоначальном виде, выписывая лишь на отдельный лист номера линий, например:

1) 18 л. = 21 л. = 40 л. = 58 л.

2) 6 л. = 83 л. = 126 л. = 10 л.

3) 5 л. = 36 л. = 57 л. = 17 л. и т. д.

Одновременно со сведением линий уточняется линейная принадлежность потомства. Дети, зафиксированные в первичных, черновых вариантах в материнской линии, переносятся в линию их отца, если у него есть своя родословная, т. е. он не является мигрантом, представителем другой национальности и т. д. При переносе потомства в отцовскую линию на исходном листе делается пометка. Таким образом, в чистовых вариантах исключаются пропуски и повторы.

Вверху вычерченной набело генеалогической схемы следует проставлять все рабочие номера черновых вариантов. Это необходимо для удобства использования первичных записей при уточнении неизбежно возникающих вопросов.

В результате сведения линий нарушается их рабочая порядковая нумерация. Поэтому надо заново пронумеровать чистовые варианты. Затем каждому из занесенных на генеалогическую схему людей дается личный порядковый номер в пределах линии.

Нумерация должна идти сверху вниз и слева направо по генеалогическим поколениям. Начинать следует с самого отдаленного из известных предков. В итоге каждый человек получит два индекса: номер генеалогической линии и свой порядковый номер в ней. Обе эти цифры (далее они будут называться шифром) проставляются в карточке данного индивидуума в верхнем правом углу, под первоначальным номером его линии.

Шифр желательно выделять цветом (или каким-либо иным образом), чтобы не путать его с предыдущим номером (все предыдущие записи ведутся простым карандашом). Во время шифровки картотеки может выясниться, что у кого-то из брачных партнеров на генеалогической схеме пропущена отметка о его собственной линии и, следовательно, он получил место в сплошной порядковой нумерации в линии супруга. В этом случае необходимо передвинуть всю нумерацию либо элиминированный номер вынести на поле генеалогической схемы с пометкой о пропуске.

После окончания шифровки картотека проверяется с целью выявления незашифрованных карточек и уточнения матримониальных связей. Как правило, при этом обнаруживаются незашифрованные карточки, что объясняется разночтениями в написании имен и фамилий. Такие карточки стоят в разных местах картотеки, хотя фиксируют одного и того же человека. В этом случае по первоначальному номеру линии отыскивается черновая запись генеалогии данного человека, где уже имеется отметка с том, к какой линии он принадлежит. Сопоставляя эти линии, легко установить разночтения фамилии или имени и внести поправки. Все имеющиеся варианты написания указываются на схеме и в картотеке, но выделяется написание, принятое за основное.

Сверка картотеки по матримониальным связям заключается в сравнении шифров на карточках брачных партнеров. С помощью такого приема устраняются ошибки в фиксации брачных связей. Например, в карточке Вальгиргина Николая Ивановича значится одна жена — Майнеринтына Ольга Николаевна. В то же время в карточке Кергубье Натальи Максимовны он указан в качестве супруга. Проверив по картотеке, нет ли у Вальгиргина Николая Ивановича однофамильца, следует внести в его карточку и вторую жену

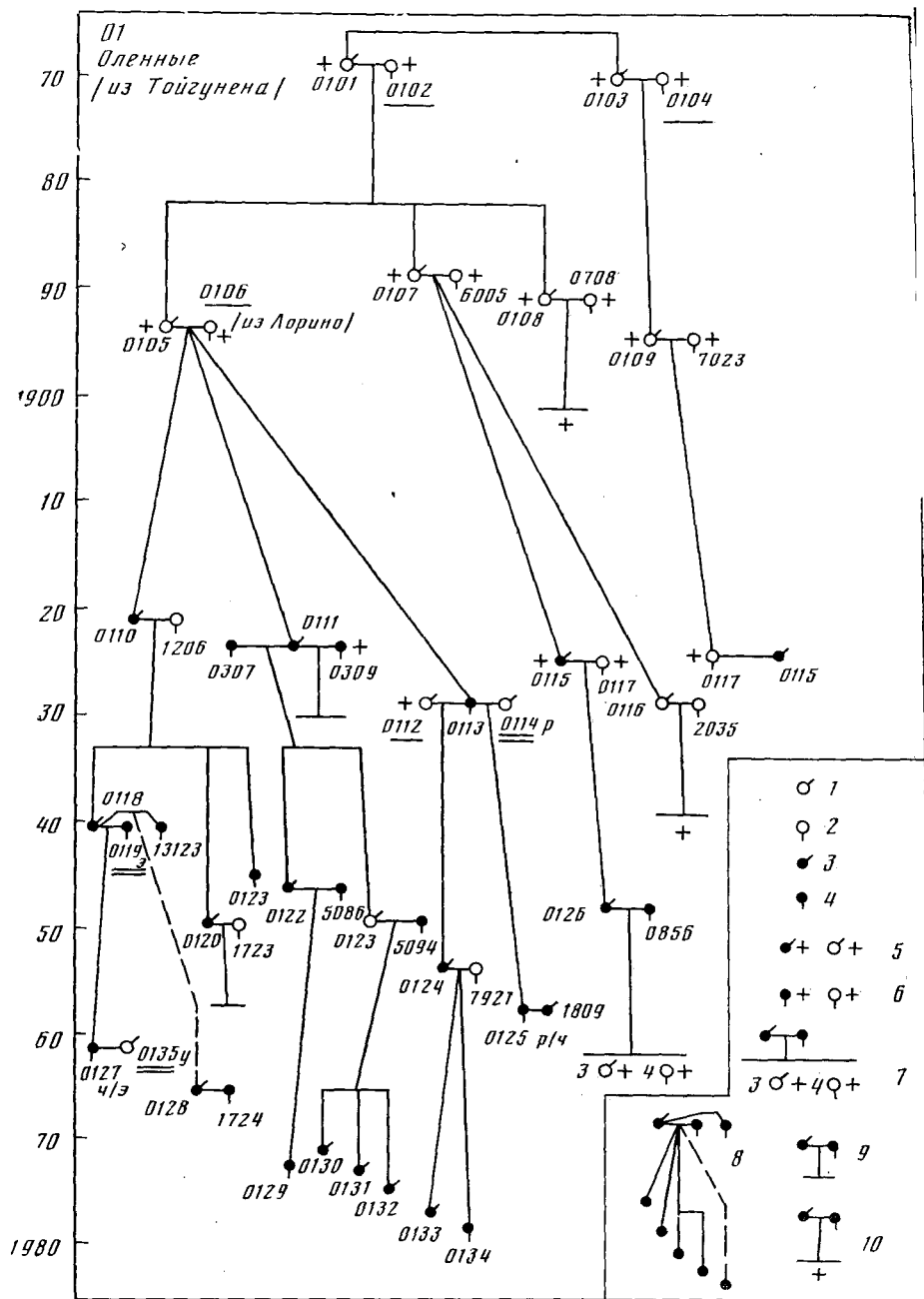

Рис. 3. Принцип изображения родословных на генеалогической карте 1 — мужчина (дата рождения неизвестна); 2 — женщина (дата рождения неизвестна); 3 — мужчина (дата рождения известна); 4 — женщина (дата рождения известна); 5 — умерший мужчина; 6 — умершая женщина; 7 — у данной брачной пары дети (число их известно) умерли, не оставив потомства; 8 — брачная связь, кровно-родственная связь, приемный (обозначен пунктиром); 9 — у данной брачной пары детей не было; 10 — у данной брачной пары все дети (число их известно) умерли, не оставив потомства

Подобные ситуации возникают вследствие неполной осведомленности информатора о данном человеке и получения позднее дополнительных сведений о нем из другого источника.

Очередным этапом в обработке собранного материала становится создание сплошной генеалогической карты данной популяции. Все имеющиеся генеалогические схемы вычерчиваются на одном листе в порядке возрастания их номеров. Информативная нагрузка, а также система обозначений в этом случае несколько изменена. Имя, фамилия и отчество

не указываются. Каждая линия имеет порядковый номер и хронологическую шкалу слева и в центре (при значительном объеме линии). Знаки пола на схеме располагаются в хронологическом порядке в соответствии с датами рождения. При фиксации брачных партнеров к хронологической шкале «привязывается» только один из супругов — тот, который является членом данной генеалогической линии по крови. Его супруг независимо от его даты рождения помещается рядом, на той же горизонтали. Если дата рождения брачного партнера (члена данной генеалогической линии по крови) неизвестна, его положение на генеалогической карте будет определено датой рождения его супруга из расчета среднего возраста поколений (25 лет) и среднего промежутка между рождениями детей (2 года).

Принцип изображения генеалогических линий в окончательном их виде на генеалогической карте показан на рис. 3.

По чистовым вариантам генеалогических линий делается их описание. Оно имеет следующие рубрики: шифр, фамилия, имя, отчество, пол, год рождения, брачные связи. В рубрике «фамилия, имя, отчество» указываются: для человека приезжего — место его происхождения; для временно выбывшего из поселка — место проживания; для человека, принадлежащего к другой этнической общности — его национальность. В рубрике «брачные связи» фиксируется также шифр супруга.

Последовательность в описании генеалогий должна соответствовать порядку возрастания номеров линий и номеров в линиях. Благодаря этому по шифру легко найти того или иного человека, выяснить данные о его матримониальном положении.

В дополнение к описанию генеалогических линий по картотеке составляется алфавитный указатель, имеющий следующие рубрики: фамилия, имя, отчество; год рождения; шифр.

В рубрике «брачные связи» также указывается шифр супруга.

При помощи алфавитного указателя, найдя шифр данного человека, можно определить его место на генеалогической карте во всей полноте кровно-родственных и брачных связей.

Генеалогические описания, составленные по рассмотренной методике, могут быть обработаны машинным способом и использованы многократно.

В. С. Уарзиати

МАСКИ И РЯЖЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОМ БЫТУ ОСЕТИН

Своеобразной чертой праздничной жизни народов мира издавна было широкое употребление масок и необычных костюмов¹. Такие праздничные ряжения были характерны и для традиционного быта народов Кавказа, в том числе осетин.

В осетиноведении обращение к данному вопросу относится к рубежу 1940—1950-х годов и связано с именами Б. А. Алборова и М. С. Туганова². Однако этнографический материал был использован ими частично, причем исключительно в аспекте зарождения национального осетинского театра. Некоторые сведения по обрядовому ряжению осетин при-

¹ См. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы XIX — нач. XX в., т. I—IV. М.: Наука, 1973—1983.

² Алборов Б. А. Из истории осетинского народного театра. Статьи и наброски. — Отдел рукописей Северо-Осетинского НИИ, ф. 19, оп. 1, д. 92; *его же*. Новогодний обряд и новогодняя поэзия. — Там же, д. 147 (на осет. яз.); Туганов М. С. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977, с. 58—63.

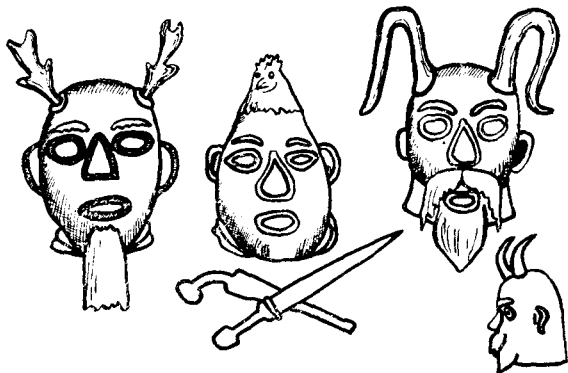

Рис. 1. Осетинские маски (по М. С. Туганову)

ведены в обобщающей статье Е. Н. Студенецкой³. Настоящая статья — первая специальная работа на эту тему. Основанная на полевых данных автора, архивных материалах и отчасти на музейных коллекциях⁴, она дополняет уже имеющиеся в нашем распоряжении сведения о масках и обычае ряжения у осетин.

Маска — сложный элемент традиционной культуры. По словам М. М. Бахтина, «в маске воплощено игровое начало жизни, в основе ее лежит совсем особое взаимоотношение действительности и образа, характерное для древнейших обрядово-зрелищных форм»⁵.

У осетин маски, являвшиеся одним из важнейших элементов их традиционной праздничной обрядности, изготовлялись главным образом из черного, коричневого и серого войлока, а также из выделанных шкур домашних животных. В XIX в. в осетинском быту были известны две формы масок. Первая — шлемовидной формы, которая закрывала всю голову до плеч. Маски другой формы закрывали только лицо. Всякая маска имела отверстия для рта, глаз, носа. Глазницы и отверстие для рта нарочито подчеркивались, для чего их обшивали лоскутами яркой, чаще всего красной материи. На маску обычно прикрепляли пышные усы, сделанные из шерсти или конского волоса. В облике маски нередко подчеркивались зооморфные черты (например, маски, имевшие козы рожки).

Основываясь на классификации масок, принятой в этнографической науке⁶, осетинские маски можно отнести к следующим типам.

Первый — «маски-головы». Это изображения головы зоо- или антропоморфного вида, закрывавшие целиком всю голову ряженого. В этом случае она опирается на плечи надевшего ее человека. Второй тип осетинских масок — «маска-личина», которая закрывала только лицо. Маска-личина также бывала двух видов: зоо- и антропоморфного.

«Маски-головы», видимо, предшествовали «маскам-личинам». Данное положение в известной мере подтверждают лингвистические материалы. Во многих языках нет специальной номинации для понятия «маска». В каждом конкретном случае она имеет описательное наименование определяемое тем, кого изображает ряженный. Например, в осетинском языке это — *арс* (медведь), *маймули* (обезьяна), *теуа* (верблюд), *си*

³ Студенецкая Е. Н. Маски народов Северного Кавказа. — В кн.: Народный театр Л., 1974, с. 82—105.

⁴ Несколько осетинских масок хранятся в фондах Гос. музея этнографии СССР в Ленинграде (см. Студенецкая Е. Н. Указ. раб., с. 92; Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций. Л., 1981, с. 21).

⁵ Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: ИХЛ, 1965, с. 46—47.

⁶ См.: Авдеев А. Д. Маска. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам. — Сб. МАЭ, XVII. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1957; Токарев С. А. Маски и ряжение. — В кн.: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Т. IV. М.: Наука, 1983, с. 186.

Рис. 2. Осетинские ряженные

(олень), *саггъ* (коза). Но как только начинает формироваться обобщающее понятие этого предмета, оно обязательно связывается с представлением о голове или лице, например в осетинском — *цасгом* (лицо), *манг цасгом* (ложное лицо), *канга цасгом* (деланое лицо).

Аналогичная картина наблюдается и в языках других народов Северного Кавказа⁷. В русском языке маска тоже именовалась «личинной», а само слово «маска» восходит к латинскому «*maskus*» со значением «личина».

Наиболее распространенными масками в Осетии были изображения козы, медведя, оленя, петуха⁸, что объясняется, видимо, ролью этих животных и птиц в культовой практике древних осетин.

Вероятно, на определенном этапе развития общества поклонялись не самому животному, а божеству, якобы воплотившемуся в его теле. Развитие зоолатрических представлений способствовало укреплению мысли о том, что домашнему животному, зверю или птице, чтобы стать человеком, достаточно снять шкуру или оперение. Человеку же, для того чтобы принять облик животного, очевидно, достаточно облачиться в соответствующую шкуру или оперение⁹.

Традиция употребления масок у осетин зафиксирована главным образом в новогоднем цикле *Ног бон*. Правда, как показывают этнографические материалы, в разных районах Осетии эта традиция проявлялась с неодинаковой силой. *Ног бон*, связанный с периодом зимнего солнцестояния и поворотом солнца «на лето», был важнейшим временем в жизни осетин-земледельцев. С Нового года начинался новый сельскохозяйственный сезон. Поэтому всем ритуалам в Новый год придавалось особое значение. Участниками обрядового ряжения во время *Ног бон*, как правило, была молодежь села, которая специально готовилась к празднику. Собравшись вместе, молодые люди изготавливали маски, костюмы, бутфорское оружие, выбирали старшего (он руководил всей группой и направлял ее действия), казначея, двух-трех помощников, которые собирали для ряженных пожертвования и распределяли их в дальнейшем¹⁰.

По рассказам очевидцев, молодые люди, ряженные в вывернутые мехом наружу овчинные шубы, в масках весело, шумно двигались от дома к дому, поздравляя их обитателей с Новым годом. Каждый дом они на-

⁷ Студенецкая Е. Н. Указ. раб., с. 99—100.

⁸ Туганов М. С. Указ. раб., с. 59.

⁹ Авдеев А. Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытно-общинном строе. М.—Л.: Искусство, 1959, с. 66.

¹⁰ Алборов Б. А. Новогодний обряд и новогодняя поэзия, л. 58.

в течение всего последующего времени. Распевая обрядовые здравия Хадзаронта (иронск., дигорск. Басилта), они вовлекали в водоворот праздника всех членов семьи. Комичные танцевальные движения, сопровождаемые шутками, пением, смехом и криком, возбуждали всеобщее веселье в эту праздничную ночь.

Характерно, что во многих праздничных благопожеланиях осетин (хорошего урожая, защиты от стихийных бедствий, размножения домашнего скота, счастья семье и долгих лет безбедной жизни) употреблялось слово *фарн* (в древнеиранск. мир, тишина, благополучие и т. п.; ср. ингушск. *фар*, видимо, заимствованное, ибо фонема *ф* чужда исконной фонетике чеченцев и ингушей)¹¹. Молодой хозяйке желали родить в новом году наследника. Любопытно, что этот наследник назывался *тыр* — словом, практически исчезнувшим из повседневной лексики и сохранившимся лишь в фольклоре и некоторых диалектах осетинского языка (в языке жителей Ксанского ущелья Южной Осетии). Мужчинам желали добыть на охоте оленя. Напомню, что примеры из традиционного быта и фольклора осетин свидетельствуют о развитом культе этого животного: олень был наиболее предпочтительной, престижной жертвой святым.

Указанные факты говорят о глубокой архаике календарных песен Хадзаронта (Басилта). Упоминаемые в них продукты хозяйственной деятельности: овечьи ножки, обрядовые пироги с начинкой из сыра, пиво, символизирующее у осетин «жидкий хлеб», а также петух — «солнечная» птица — указывают, что тексты этих песен, как и сама обрядность уходят корнями в эпоху древних скотоводов и земледельцев и связаны с культом плодородия. Важным подтверждением этого факта является и фигурный хлебец *басыл*, специально выпекавшийся для праздника Ног бон. В древности такие антропоморфного и зооморфного вида хлебцы служили, вероятно, основным подношением ряженым¹².

Обращает на себя внимание и факт ряжения в маски и вывернутые овчинные шубы. Маска позволяла участнику представления скрыть свое лицо. Получалось своеобразное совмещение в одном лице ряженого и объекта ряжения. Это создавало условную символику, в основе которой лежала магия подобия. Установлено также, что шерсть (шкура) и одежда из нее — у многих народов символ благополучия, обильного урожая и плодородия в целом — заменяли живую жертву. При помощи этих важнейших атрибутов ряжения происходило временное перевоплощение ряженого в дух природы, подателя изобилия. Желание установить непосредственный контакт с духом, заручиться его поддержкой и обеспечить благополучие определяло сущность обрядового ряжения¹³.

Хозяева дома, который посетили ряженные, должны были угостить своих гостей. По традиции в состав подношений входили кушанья и выпивка с праздничного стола, а со временем и мелкие деньги. Подношения эти не были регламентированы ни по характеру, ни по объему. Каждая семья считала своим долгом на славу угостить незваных, но дорогих гостей. «Им никто не отказывает, боясь, что они заклеят, хлестнут частушкой, да так хлестнут, что всю жизнь будут аульчане смеяться над тем, кто попал на их острый язык»¹⁴. Кроме того, считалось дурным предзнаменованием, если ряженные по какой-либо причине (например, жадность, дурной нрав, общественное презрение) не посетили данный дом в новогоднюю ночь. Исключение составляли лишь семьи, носившие траур.

¹¹ Ужаков М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода Средневековья. Грозный, 1979, с. 62—63.

¹² Уарзиати В. С. Народная кукла в культовой практике осетин. — В кн.: Этнография и современность (Материалы Всесоюзной этнографической сессии...). Нальчик, 1984, с. 122—123.

¹³ Токарев С. А. Указ. раб., с. 189; Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982, с. 236.

¹⁴ Глаголь С. (Говоров С. Д.). Театр народов Северного Кавказа. Пятигорск, 1936, с. 84.

Однако ряженые и по личной инициативе пытались увеличить выделяемые им подарки. С этой целью разыгрывалась сценка, в основе которой лежал как бы конфликт участников праздничного обхода. В результате мнимой ссоры и потасовки один из ряженных якобы умирал и, упав на землю, некоторое время сохранял статичную позу. Виновник его «смерти» начинал каяться и сожалеть о случившемся, настойчиво упоминая при этом, что воскресить его могут лишь щедрое пожертвование хозяев. Его поддерживали другие ряженные, и в итоге хозяева вынуждены бывали выделить в пользу гостей дополнительные подарки. Мнимый усопший, удовлетворенный новыми подношениями, воскресал, и праздничное веселье продолжалось¹⁵.

Сатирические черты, обязательные в обрядовом ряжении, шуточные сценки придавали новому году празднеству оргиастический характер. Это в свою очередь способствовало соотношению данного веселого праздника с откровенной народной вольностью, со стремлением к радостному, беззаботному времяпрепровождению. Персонифицированные в образы животного мира ряженные создавали соответствующий характер празднества, которое уже не поддавалось утилитарному осмыслению. В таком виде праздник представлял в воображении пирующих как «неуничтожаемая категория человеческой культуры; он может оскудеть и даже выродиться, но он не может исчезнуть совсем»¹⁶.

Как один из структурообразующих элементов новогоднего праздника обряд ряжения у осетин, сохранив в наши дни внешнюю форму, превратился в детскую забаву.

Весной, спустя неделю после Пасхи (Куадзан), в Осетии отмечали праздник *Балдаран*, во время которого, по народным поверьям, происходило оплодотворение всей природы. Характер праздника помогает уточнить первоначальное назначение народных игр, проходивших в прошлом у святилища «Хуыцау-дзуар» в с. Лац в Куртатинском ущелье¹⁷.

Праздник был посвящен святому патрону села и с особой торжественностью отмечался жителями именно этого селения. Празднество касалось всей общины, и поэтому в честь ее покровителя совершали коллективное жертвоприношение: забивали специально купленного быка или барана. Кровавая жертва была как бы предвестником будущего урожая. Не случайно у осетин сохранялось гадание по лопатке жертвенного животного (уæны фæрсын), а само животное, в частности бычок, получило второе название *уæныг*, производное от *уæн* (лопатка).

Существенная роль в этом празднике принадлежала и ряженным, исполнявшим небольшие пантомимы. Участников представления было трое: один из них играл роль медведя (арс), другой — хозяина медведя (арсы хицау), а третий, вооруженный бутафорским деревянным оружием, — стражника (хъазахъаг)¹⁸. По просьбе хозяина медведь проделывал различные номера и веселил собравшихся своими ужимками, а стражник все время пытался «убить» медведя, вынуждая присутствующих откупить его посильными пожертвованиями или оживить «убитого» медведя. Пантомима требовала от исполнителей большого темперамента, эмоциональности. Находясь в постоянном контакте со зрителем, человек, ряженный медведем, должен был обладать находчивостью, умением импровизировать и немедленно реагировать на все вмешательства зрителей, так как они могли осмеять плохо исполнявшего свою роль актера. По окончании действия все участники отдавали свои костюмы,

¹⁵ Алборов Б. А. Из истории осетинского народного театра, л. 10—13; его же. Новогодний обряд и новогодняя поэзия, л. 48—52; Туганов М. С. Указ. раб., с. 59; Глаголь С. Указ. раб., с. 85—88.

¹⁶ Бахтин М. М. Указ. раб., с. 300.

¹⁷ Алборов Б. А. Из истории осетинского народного театра, л. 14—15.

¹⁸ Образ стражника, как свидетельствует сам термин *хъазахъаг* — «казак», — позднего происхождения и, по-видимому, связан с выветриванием первоначальных магических функций ряжения. Подобные персонажи, представители «власти» в сценах ряженных, известны и другим кавказским народам.

маски и оружие жрецу святилища на хранение. Ему же сдавали собранные деньги, которые шли в фонд святилища на приобретение жертвенного животного для следующего праздника. После представления ряженных начинались обычные праздничные развлечения: джигитовка, танцы различные физические упражнения, стрельба в цель и др.

В данном случае, игры ряженных хотя и следовали определенным канонам и определялись повторяемостью игровых моделей, тем не менее отражали иной этап развития института ряжения. Почти всегда появление в обрядовой практике масок и ряжения связано с необходимостью обеспечения плодородия и постоянного подъема жизненных сил. Это было заложено еще при зарождении игрового контекста ряженных, восходящего к культу умирающего и воскресающего божества. Таким образом, соединение в одной традиции ритуального плача, поминовения мертвых и обрядового веселья всегда характеризовало сходные культы всех земледельческих народов¹⁹.

Последующие этапы развития ряжения стали приближать его к обычным народно-драматическим представлениям. Игрища ряженных на празднике Балдаран в с. Лац—яркий пример подобной трансформации. В нем прослеживаются древние культовые основы: ряжение, имитация смерти, соотнесение с праздником оживления природы. И вместе с тем сатирическая окраска, социальная направленность и чисто зрелищно-развлекательные функции явно доминируют в этом представлении.

Особый интерес в свете рассматриваемой темы имеет ноябрьское празднество в с. Дзвгис у святилища «Уастырджийы кувандон» (в честь св. Георгия) в том же Куртатинском ущелье. Это был один из самых популярных и массовых праздников осетин, завершавший осенний цикл сельскохозяйственного календаря. Активную роль в этих народных гуляниях играл ряженный, известный у местных жителей под названием *маймули*.

Так же как и ряженные на празднике в с. Лац, дзвгисский маймули наряду с развлекательными выполнял чисто утилитарные функции. Он был своеобразным сборщиком мелких подношений (*мысайнаг*) в пользу святилища, к которым он сам побуждал присутствующих. Для этого в арсенале его было много уловок, некоторые из них воспроизводили из вестный нам сюжет мнимой смерти и воскрешения²⁰.

Помимо календарной обрядности ряжение у осетин отмечено и в обрядах семейного цикла. В частности, игрища ряженных, не зафиксированные в этнографической литературе, встречаются в праздничных ритуалах, связанных с рождением мальчиков. Как известно, на первом году жизни мальчиков у осетин отмечается праздник *Кахцганан* (от осетинск. *кахц* — миска, т. е. «справлять миску»), приуроченный к началу июля. С этим праздником тесно связаны игрища молодежи села, называемые *сой* или *сойганан* (осет. «жир топленый, жидкий», «изготовление жира»).

Ночью участники гулянья приходили в семьи, в которых в данном году родились мальчики. В исполняемых во время посещения обрядовых песнях новорожденному желали здоровья и долгих лет жизни, богатства его семье²¹. По возможности хозяева старались на славу угостить молодежь, которая веселилась и свободно вела себя в их доме; здесь царили праздничная атмосфера и неудержимое веселье. Хохот, танцы сопровождали визит гостей. В крупных селах семья, по словам очевидцев, вынуждена была в течение ночи встречать и потчевать по четыре-пять групп молодежи, не высказывая при этом своего недовольства. В противном случае скупых хозяев ждали шутки и остроты, а порой и публичное осмеяние. До наших дней этот обряд сохранился главным образом в селениях Кадгарон, Пысылмонкау, Саудаг, в которых жили преимущественно выходцы из Куртатинского ущелья, в прошлом испо-

¹⁹ Балашов Д. Драма и обрядовое действо.— В кн.: Народный театр, с. 10.

²⁰ См.: Уарзати В. С. Дзвгисы-дзуар.— В кн.: Вопросы археологии и этнографии Северного Осетии. Орджоникидзе, 1984, с. 155—159.

²¹ Осетинское народное творчество/сост. Салагаева З. М., II. Орджоникидзе, 1960, с. 361—362 (на осет. яз.).

Рис. 3. Дзвгисский маймули (фото А. А. Миллера
1927 г. из фондов ГМЭ)

ведовавшие ислам. Чествование молодежью новорожденных мальчиков в названных селениях именуется особой номинацией *маймулиты къуыри* (осет. «неделя ряженных»). Вероятно, последнее название объясняется тем, что визиты молодежи сопровождались обрядовым ряжением (аналогичным широкоизвестным новогодним игрищам) в примитивные антропоморфные маски из шкур домашних животных и вывернутые наружу овчинные полушубки.

По всей видимости, эти современные маски-личины антропоморфного типа восходят к маскам, изображавшим священных животных, из шкур которых и предпочитают их делать до сих пор. Отсутствие же войлочных масок, известных еще в 30-е годы нашего столетия, необходимо связать с угасанием этого обряда, а также с фактическим исчезновением в настоящее время войлочного промысла.

Следовательно, исконное название праздника и его обрядовые действия — результат трансформации ритуала от архаических форм тотемической инкарнации к символическим формам замены живых существ знаками. Сало, жир, масло и шерсть, как известно, являются символами, заменяющими живые жертвенные существа²². Кроме того, как отмечает В. И. Абаев, «для скотоводов-горцев жир был символом сытости, обилия и достатка. Поэтому слово *soj* слышится во многих обрядовых и бытовых песнях» осетин²³. В таком случае ряженный символизировал своими действиями тот драматический момент древнейших культов, когда праздничная жертва своей смертью должна была возродить новую жизнь. Иначе говоря, имитируя «смерть», ряженный как бы передавал свою силу, свою жизнь новорожденному, и акт ритуальной смерти оказывался сплетенным воедино с рождением новой жизни.

Предложенная интерпретация будет более приемлемой, если вспомнить, что смерть в понятии древних людей отличалась от современного

²² Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978, с. 137.

²³ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. III. Л.: Наука, 1979, с. 130.

ее восприятия. Ведь обрядовая практика как бы восстанавливала прямую связь между прошлым и настоящим. Божественный, мифический мир воспринимался как подлинный, а эмпирический мир — как мнимый. Осетины до сих пор потусторонний мир именуют *æцаг дуне*, а настоящий — *мæнг дуне*, т. е. «настоящий» и «мнимый».

Элементы обрядового ряжения отмечены также в свадебном и похоронно-поминальном циклах. В обществах высокогорной Осетии — в Урстуалта, Гуд, Тусо — обычай ряжения был известен на свадьбах. Здесь девочки 12—15 лет надевали одежду мужчин и, приклеив усы и надув на лоб шапки, появлялись вечером, к концу свадебного застолья. Стараясь изменить голос, девочки представлялись как гости из соседнего ущелья и подшучивали над захмелевшими мужчинами²⁴.

Другим видом ряжения на свадьбах, преимущественно в горных селах Южной Осетии, были игрища с «верблюдом» или «ослом». Группа юношей рядила своего товарища «верблюдом» (*теуа*), покрывая его с головой вывернутой овчинной шубой. В правый рукав продевали топор, предварительно надев на него шерстяной носок и привязав две деревянные ложки. Топор изображал голову «теуа», а топориче в рукаве — его шею. В разгар застолья к гостям «выводили» *теуа*, который вертел и кивал головой, приветствуя пирующих. Сопровождавшие его юноши с раскрашенными сажей (милай ахуырст) лицами и приклеенными пышными усами обращались к гостям на непонятном языке. Один из юношей, исполнявший роль «переводчика» (*талмацганат*), объяснял, что «хозяева верблюда» приветствуют гостей. Далее говорилось, что они совершили дальний путь, верблюд их утомлен и для дальнейшего путешествия им необходима помощь. Ряженный при этом падал, и его логонько пинали ногой, принуждая подняться. Все это смешило гостей и одновременно вынуждало оказать посильную помощь либо кушаньем со свадебного стола, либо мелкими деньгами. Иногда под овчинной шубой скрывались два парня. В таком случае ряженный именовался *хæрæг* (осел).

Отмечена и другая разновидность указанного свадебного ряжения, когда *теуа* не вымогал жертвования и не имитировал смерть, а развлекал пирующих. Сопровождавшие его юноши определяли число бокалов, которое необходимо было поднести гостям²⁵.

Как видим, в данном случае ряжение сохранилось лишь как игровой момент в свадебном ритуале. Однако известные примеры ряжения в традиционном быту осетин позволяют предположить изначальную культовую направленность описанных фактов. Кроме того, отдельные элементы свадебных игр ряженных: вывернутая шуба, чернение лица, имитация смерти, а также травестизм — свидетельствуют о правомочности выдвинутого предположения. Любопытно, что факты обрядовой перемены пола чаще всего отмечены в свадебной обрядности. Как писал С. А. Токарев, по мнению некоторых этнографов, «практика травестизма порождена стихийным стремлением человека повысить половую потенцию (в конечном счете ради воздействия на плодородие полей)»²⁶.

Обрядовое ряжение было также частью похоронно-поминального цикла, в котором большую роль играли ритуальные скачки в честь покойного (*дугъ*). Одна из разновидностей их называется *алам* (*алам* — подобие деревянного копья, богато украшенного нанизанными на нитки фруктами, орехами, пряниками, кусковым сахаром, конфетами). Иногда *алам* делали в виде небольшой елочки (*заз*), которую также украшали сладостями. *Алам* передавали лучшему наезднику, возглавлявшему группу всадников. Он, периодически встряхивая лежавший на плече *алам*, разбрасывал сладости, которые подбирала детвора.

²⁴ Сведения любезно сообщены этнографом В. К. Тотровым, лично наблюдавшим аналогичное представление в с. Ерман Урстуалского общества.

²⁵ Гаглоева Ф. Х. Основные элементы современной свадьбы у южных осетин. — Изв. Юго-Осетинского НИИ. Вып. XXVIII. Тбилиси: Мецннереба, 1984, с. 54—55.

²⁶ Токарев С. А. Указ. раб., с. 190.

Лучший всадник был одет в специальную обрядовую одежду: панцирь и шлем, сплетенные из луба (мæу) или толстых конопляных ниток (бахсныг). Как и алам, вся обрядовая одежда была унижена сладостями. Эта интересная деталь имеется в некоторых фольклорных текстах, а также в этнографических записях М. С. Туганова²⁷. Приходится констатировать, что данный факт ускользнул от внимания последующих исследователей.

По всей вероятности, ряженный в «аламовский панцирь» (аламай згъар) персонафицировал умершего, который из «настоящего» мира раздавал сладости. В этой связи подчеркну, что в некоторых осетинских причитаниях зафиксированы также обращения к усопшему: «Собрались и маленькие дети, ожидающие от тебя сладостей, которые ты унес с собой». Поэтому по окончании скачки алам отвозили на кладбище и оставляли на могиле, т. е. как бы возвращали его истинному владельцу.

Сопоставление народных представлений с участием ряженных в разных сферах традиционного быта осетин показывает, что во многих чисто внешних формах они совпадают. Важнейшим элементом комплекса вышеописанных ритуалов является и общественный характер шуточных сцен и игр ряженных с обязательной имитацией смерти одного из них. Именно в этих сценах, несмотря на значительную трансформацию, проступают первоначальные магические действия, связанные с аграрными культами. Изменившаяся семантика обрядов и культов, придает этим действиям новый характер, подсказанный хозяйственным бытом осетин. Древнейшая культовая практика приурочена, как мы видим, к определенным сезонам и событиям года. На первое место выходят начало и конец сельскохозяйственного календаря и праздники семейной обрядности. Таким образом, особое значение придается обрядам, связанным с плодородием. В этом отношении справедливо мнение Е. Н. Студенецкой о том, что среди народов Северного Кавказа сложная взаимосвязь обычая ряжения с религиозными обрядами наиболее ярко выступает у осетин²⁸.

Существенным моментом, подтверждающим общую направленность связи ряженных с культом плодородия, является огромный рот на масках, призванный создать преувеличенный облик и вызвать смех у людей. В осетинском языке существует выражение *лакъами дзых* (лакъами — обрядовый пирог из солода, дзых — рот) с шуточным значением «обжора». По словам М. М. Бахтина, «с разинутым ртом связан образ поглощения-проглатывания — это древнейший образ смерти и уничтожения»²⁹. Разинутый рот также является символом застолья на народных праздниках. Вероятно, поэтому резкое увеличение размеров рта на маске — традиционный прием их внешнего оформления.

Изложенное позволяет с уверенностью сказать, что весь комплекс действий, из которых состоял ритуал общественных и семейных празднеств с участием ряженных, преследовал одну цель. Он противодействовал губительному воздействию смерти на все живое, в первую очередь на урожай, плодovitость скота, жизнеспособность людей, или, иными словами, способствовал поддержанию нормального развития жизни. С социально-экономическим и культурным прогрессом общества происходит трансформация обрядовой практики. Ряжение начинает выполнять не столько культовые, сколько зрелищно-развлекательные функции.

Выявление в традиционной обрядности осетин роли ряженных и выяснение их первоначальной функциональной значимости в народном календаре и календарных праздниках ярко отражают ту многосложную связь, которая существует между материальной и духовной культурой народа. Общие исторические, культурно-экономические и экологические

²⁷ Алборов Б. А. Новогодний обряд и новогодняя поэзия, л. 103; Туганов М. С. О некоторых обычаях из прошлой жизни осетин. — Фиднуаг, 1948, № 4, с. 35 (на осет. яз.).

²⁸ Студенецкая Е. Н. Указ. раб., с. 92.

²⁹ Бахтин М. М. Указ. раб., с. 352.

условия способствовали широкому распространению идентичных элементов обрядового ряжения в хозяйственном быту и семейной обрядности многих народов мира, в том числе Кавказа³⁰.

³⁰ *Рухадзе Дж. А.* Бэрн-Бэра — главный персонаж древнегрузинского праздника-Материалы по этнографии Грузии. Вып. IX. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957 (на груз. яз.); *Чибилов Л. А.* Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Иреста, 1976; *Брегадзе Н. А.* К изучению истории Берикаоба. — Мацне, 1980, № 1 (на груз. яз.); *Мафедзев С. Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1979, с. 22—23; *Мадаева З. А.* Новогодняя обрядность в семейном быту вайнахов. — В кн.: Семейно-бытовая обрядность в семейном быту вайнахов. Грозный, 1982; *Карпов Ю. Ю.* Общинный зимний праздник у цезов. — Сов. этнография, 1983, № 3.

В. А. Тишков

НОВЫЙ ОРЛЕАН ГЛАЗАМИ ЭТНОГРАФА*

Пятидневное пребывание в незнакомом зарубежном городе — явно недостаточно для обстоятельного этнографического очерка. Но слишком велико искушение попытаться описать хотя бы малую часть увиденного в этом одном из наиболее интересных и «этнографических» городов Соединенных Штатов Америки.

Новый Орлеан расположен на берегу «отца вод» — р. Миссисипи, в 175 км от ее впадения в Мексиканский залив. Город был основан французскими колонистами в 1718 г. на месте индейского поселения. После Семилетней войны 1756—1763 гг. он отошел к Испании, в 1800 г. был снова захвачен Францией, в 1803 г. вместе со всей обширной территорией Луизианы продан Наполеоном Соединенным Штатам. Сегодня Новый Орлеан — один из крупнейших портовых городов США (рис. 1). Его население занято главным образом в сфере обслуживания, на предприятиях нефтеперерабатывающей, химической и военной промышленности, а также в судостроении и судоремонте.

По переписи 1980 г., всего в Новом Орлеане проживало 557 482 чел., из них: белых — 236 967, черных — 308 136, индейцев — 524, выходцев из Азии и с островов Тихого океана — 7332, испаноязычных американцев — 19 219, других — 4523 чел. Эти данные неудовлетворительны прежде всего необоснованностью выделения таких категорий, как этно-расовая группа «белые», лингвистическая группа «испаноязычные американцы». Чтобы яснее представить себе ситуацию, мы обратились при подготовке данного очерка к известному американскому этносоциологу С. Либерсону с просьбой сообщить дополнительные сведения из имеющихся в его распоряжении, пока не опубликованных материалов переписи. По данным С. Либерсона, пять крупнейших этнических групп населения города составляли: черные (36%), американцы французского происхождения (22%), немецкого (16%), ирландского (13%) и английского (13%). Эти данные также нуждаются в корректировке, так как вопросы переписи позволили давать несколько ответов при смешанном этническом происхождении. Но в любом случае ясно, что население Нового Орлеана этнически неоднородно (как и всех крупных городов США), а его основная отличительная черта — концентрация в городе значительной части проживающих в стране американцев французского происхождения.

Заложенная французскими первопоселенцами культурная традиция оказала сильное влияние на всю последующую историю города и по сегодняшний день определяет одну из наиболее специфических характеристик этого «Парижа Америки». Креольское наследие («креолами»

* В апреле 1984 г. в Новом Орлеане состоялся Советско-американский симпозиум по сравнительному изучению этнических процессов в СССР и США. Данное сообщение написано по впечатлениям автора о пребывании в этом городе.

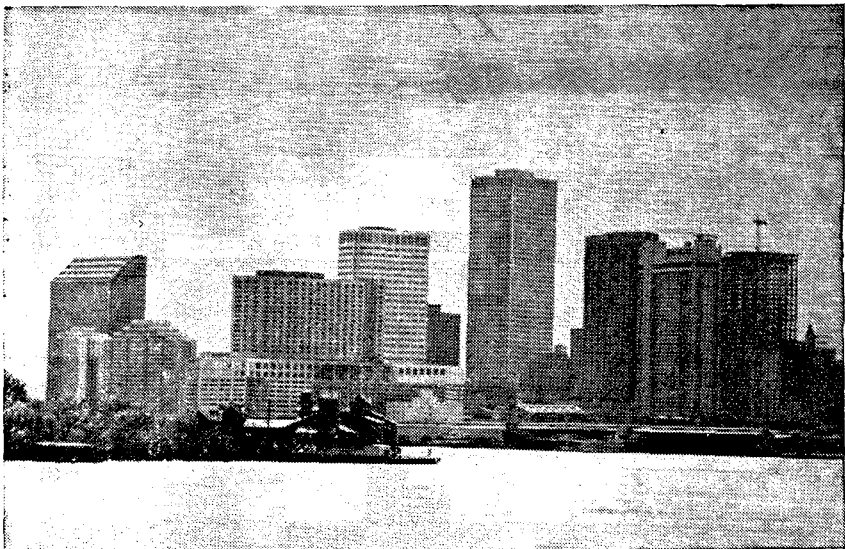

Рис. 1. Вид на деловой центр Нового Орлеана с р. Миссисипи
(Здесь и далее фото автора)

здесь называли французов, родившихся в заморских колониях Франции) отчетливо прослеживается как в материальной, так и в духовной культуре населения Нового Орлеана. Его зримым воплощением является ныне заповедная старая часть города — знаменитый французский квартал, или «старая площадь» (Vieux Carré). Квартал образуют 14 выходящих к Миссисипи и 7 идущих параллельно берегу улиц. Так был спланирован французским инженером А. Поже город вскоре после его основания. Квартал сохранился фактически в неизменном виде, представляя, как нигде в Америке, европейскую градостроительную традицию в причудливой смеси с инновациями колониальных времен, диктуемыми местными природными условиями. Новоорлеанцы не зря говорят: «Если хочешь съездить за границу, не покидая Соединенных Штатов, посети французский квартал».

Центром французской части города является обращенная к реке площадь Джексон-сквер с расположенным на ней старейшим в США

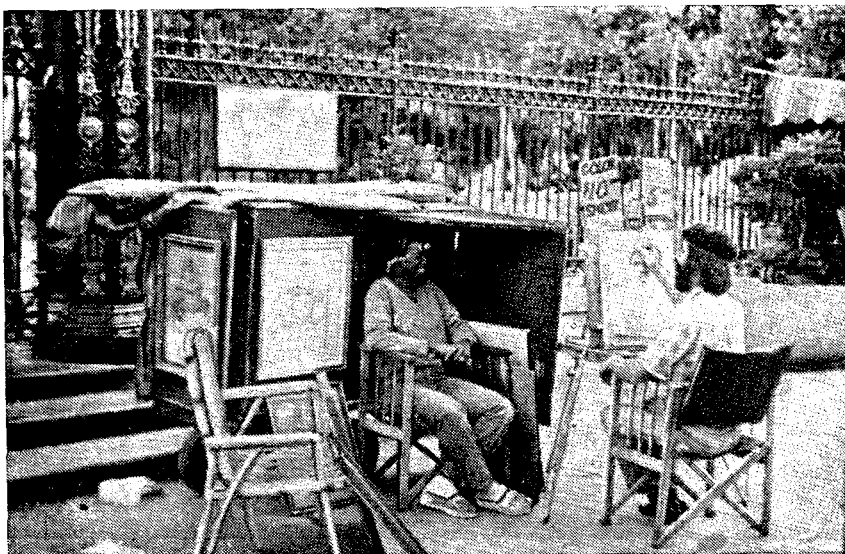

Рис. 2. Уличный художник на Джексон-Сквер

Рис. 3. Дома креолов во французском квартале

Рис. 4. Балкон креольского дома

католическим собором Св. Людовика. Площадь облюбовали уличные художники и артисты, здесь происходят народные гуляния и дают представления (рис. 2). Неподалеку вдоль реки протянулись торговые ряды — «французский рынок», где окрестные фермеры продают овощи и фрукты, а по субботам и воскресеньям местные ремесленники свои изделия; здесь же много торговцев разной мелочью и антиквариатом.

Главная достопримечательность французского квартала — жилые дома креолов. Это прекрасный образец архитектуры, созданной в местных условиях с учетом климата и топографии города и вобравшей в себя элементы как французского, так и испанского традиционного жилища. Двух-, трех- и реже четырехэтажные постройки из камня и кирпича имеют обычно фасадные стены, выходящие прямо к обочине тротуара — на самой границе земельной собственности владельца. Необычную красоту и своеобразие фасадам домов придают нависающие над тротуарами на уровне второго и третьего этажей балконы и галереи, сделанных из изящных чугунных опор и литых оград и карнизов (рис. 3 и 4). Изготовленные местными мастерами, они могут конкурировать по мастерству исполнения с изделиями каслинских мастеров и парковыми оградами Ленинграда. Через арку с резными чугунными воротами с улицы многие дома имели въезд для экипажей во внутренние дворики типа испанских патио, где креолы в уединении и прохладе любили проводить время в семейном кругу.

Сейчас многие из старых построек реставрированы, превращены в уютные и довольно дорогие гостиницы с небольшими плавательными бассейнами во двориках или же в рестораны и бары. Во многих домах на первых этажах расположены магазины, мастерские, художественные салоны. Часть домов переделана под многоквартирные или под меблированные комнаты, которые сдаются внаем. Сейчас среди их обитателей много представителей творческой интеллигенции, американской богемы. Кстати, именно во французском квартале создали свои лучшие произведения такие известные писатели, как Уильям Фолкнер, Шервуд Андерсон, Теннесси Уильямс, Гор Видал и др. Всего несколько домов сохранили своих хозяев, ведущих родословную от первых владельцев. Здесь же проживают многие из новоорлеанских иммигрантов, особенно итальянцы. Еще несколько десятилетий тому назад квартал был преиму-

шественно районом бедняков, где обитали герои пьесы Т. Уильямса «Трамвай „Желание“» Стенли Ковальский и его друзья.

Туристско-развлекательный характер эта часть города приобрела сравнительно недавно — после второй мировой войны. Сейчас квартал — одно из излюбленных мест американских и иностранных туристов. Центральная его улица Бурбон-стрит, где расположены ночные клубы и рестораны, после полудня закрывается для автомобильного движения и превращается уже к раннему вечеру в музыкально-танцевально-гастрономическую феерию, производящую неизгладимое впечатление на американцев, привыкших к стандартизированной монотонности большинства городов. И опять же историко-культурная специфика креольской колониальной традиции играет в туристском бизнесе определяющую роль. Она проявляется не только в архитектурном облике, но и в кухне, заметно отличающейся от обычной американской. Известно на этот счет выражение, что «туристы едут в Новый Орлеан, чтобы поесть, как они едут в Нью-Йорк смотреть спектакли, в Вашингтон — поклониться правительственным святыням, в Голливуд — поглазеть на киноактрис».

Строго говоря, американцы не имеют собственной национальной кухни, исключение составляют, пожалуй, только два-три блюда вроде хамбургеров (мясная рубленая котлета в круглой булке) и хотдогс (сосиски в продолговатой булке), приобретших широкую известность. Американская кухня — это соединение разных традиций, которые привезли с собою в США иммигранты из различных районов мира. Однако в Новом Орлеане мы имеем дело с чем-то особым и вполне самобытным — с так называемой «креольской кухней». Ее специфику определяет прежде всего богатый животный мир устья р. Миссисипи и Мексиканского залива в сочетании с экзотическими дарами субтропической суши. В основе местной кухни лежат особые способы приготовления рыбы, устриц, крабов, креветок, раков в сочетании с овощами, мясом, рисом и всевозможными приправами.

Судя по названиям некоторых наиболее известных блюд, креольская кухня сравнительно молодая, уж никак не старше местных поселений. Новоорлеанцы советуют попробовать в качестве горячей закуски устрицы по-рокфеллеровски — запеченные на каменной соли устрицы в половинках створок, залитые приправой, приготовленной из смеси различной зелени, лука, грибов, предварительно обжаренных в масле. Устрицы по-рокфеллеровски готовят не во всех ресторанах, и они не столь доступны по цене, как другие местные блюда. Это прежде всего джумбо (тушеное с зеленью и овощами мясо крабов, креветок и устриц, приправленное перцем, лавровым листом и другими пряностями), а также креольская джамбалайя (очищенные креветки, обжаренные в масле с зеленым перцем, чесноком и сельдереем, а затем сваренные с рисом). К традиционным блюдам местной кухни относятся также креветки по-креольски (вареные с овощной приправой и пряностями) и речные раки по-креольски (сваренные на пару с рисом и овощной приправой).

Французское колониальное наследие сохраняется в местной топонимике. В городе по-французски звучат не только названия многих улиц. Гостиница, где мы жили (во французском квартале на улице Тулузы), носила имя Марии-Антуанетты (рис. 5), ресторан в гостинице — Людовика XVI, а один из банкетных залов назывался «Комната Робеспьера».

Что касается французского языка, то он не используется в качестве разговорного в самом городе, но в ряде графств штата Луизиана, где проживает этнографическая группа акадийцев (экейджанс — по-американски) — французских поселенцев, изгнанных Англией из Канады в XVIII в., французский язык бытует в качестве языка домашнего общения. Возрождающийся интерес к креольской традиции всячески культивируется и даже используется в политических целях местной элитой. Занимавший в 1984 г. пост губернатора штата Эдвин Эдвардс — потомок акадийцев — произвел сенсацию и приобрел шумную известность тем, что произнес текст присяги при вступлении в должность на французском языке.

Рис. 5. Гостиница «Мария-Антуанетта»

западу, повторяя очертания излучины реки, протянулась широкая и зеленая улица Сент-Чарльз-авеню. На ней еще в первой половине XIX в. построили себе дома богатые горожане — хозяева рабовладельческих плантаций, короли хлопка, позднее — промышленники, разбогатевшие на нефтедобыче, крупные торговцы, судовладельцы. По этой улице был пущен трамвай — тот самый трамвай «Желание», который прославил в своей пьесе Теннесси Уильямс.

Здесь расположен самый фешенебельный район, так называемый «садовый» (garden district). Хорошо сохранились старинные дома местных богачей, представляющие собой прекрасные образцы архитектурного стиля американского Юга. Дома расположены просторно (четыре дома по углам с участками образуют квартал). Они обнесены чугунными оградами, искусно выполненными из кованого или литого чугуна.

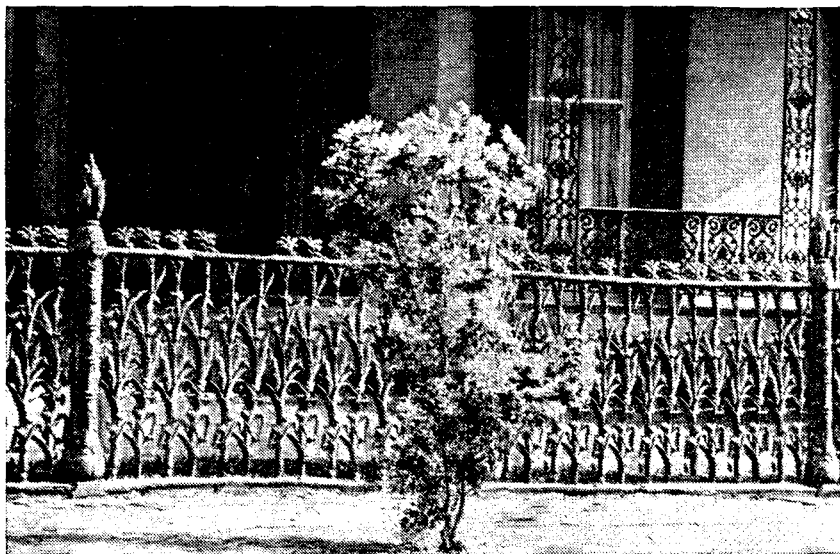

Рис. 6. Чугунная ограда в «растительном стиле»

Другая отличительная характеристика этнокультурного облика Нового Орлеана связана с традициями американского плантаторского Юга. В начале прошлого столетия город начинают интенсивно заселять «янки» — американцы из северо-восточных штатов. Они заняли привилегированное положение в местном обществе, оттеснив на второй план и изолировав креольское население. Это нашло отражение в топографии города. Французский квартал был отделен с востока от вновь строящихся районов широкой полосой земли, где затем рабочие-иммигранты, главным образом шотландцы и немцы (в 1820—1860 гг. в город прибыло около 80 тыс. иммигрантов из Европы), прорыли в 30-х годах XIX в. канал, позднее зарытый. Сейчас это улица Кэнел-стрит, на которой расположены крупные магазины, банки, конторы компаний, кинотеатры. Город приобрел другую планировку; от границы французского квартала к

(рис. 6). Перед многими калитками сохранились так называемые «экипажные камни» (carriage stones), которые когда-то привозили из Европы в качестве балласта, здесь в болотистой низине их укладывали на тротуары, чтобы выходящие из экипажей дамы не пачкали в грязи свои длинные платья (рис. 7). Дома имеют полукруглые веранды и широкие галереи, фасады украшены колоннами в неогреческом стиле. Высокие, от самого пола, так называемые «гильотинные» окна с поднимающимися вверх рамами (guillotine windows) в жаркое время года служили дополнительным входом и превращали комнаты первого этажа в своеобразные веранды. Такие дома имеют по 20—30 комнат. Сейчас содержание старинных построек обходится дорого, и многие из обедневших владельцев продали их под различные учреждения или даже многоквартирные дома. Только часть домов по-прежнему принадлежит представителям местной знати.

Рис. 7. Вход в дом богатого горожанина (на переднем плане — «экипажный камень»)

Кстати, эту элиту города не обязательно составляют самые богатые нувориши. Здесь, как нигде в стране, культивируется традиция знатного происхождения из старинных семей южан-плантаторов, отстаивавших свои интересы и образ жизни в годы Гражданской войны 1861 г. Некое подобие американского дворянского сословия, в свое время прекрасно изображенное в романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», старается сохранить остатки бывшего социального статуса, а вместе с ним и некоторые культурные традиции. Расовые и социальные барьеры в ново-орлеанском обществе остаются до сих пор очень высокими, а межрасовые браки фактически отсутствуют.

Дома более бедных горожан (в восточной части города) отличаются скромными размерами и простой планировкой: узкий, шириной в одну комнату фасад на два-три окна, обращенный к улице, обозначает переднюю границу крохотного участка, и уходящие в глубь двора три-четыре комнаты. Эти дома общей длиной от 10 до 30 м получили название «пистолетных» (shotgun houses), так как от входной двери с улицы можно было через весь дом подстрелить гулявшую во дворе курицу. Сначала такие дома строились для рабов на плантациях, затем для рабочих-иммигрантов в городе. Существовал также тип таких домов для двух семей (double shotgun). В том случае, когда над задней частью дома пристраивался второй этаж, он назывался «верблюжьим горбом» (camelback).

Институт рабовладения наложил сильный отпечаток на культуру города. Городские рабы проживали обычно вместе с хозяевами (один хозяин имел двух-трех рабов, а некоторые — десять и более). Они выполняли все домашние работы, а также трудились в хозяйских магазинах, мастерских и на других предприятиях. В богатых домах рабы жили во дворе, где стояли длинные и узкие бараки из кирпича или камня, почти не сохранившиеся до наших дней.

В прилегающей к французскому рынку торговой улице, идущей вдоль берега Миссисипи, сохранились так называемые «рядные дома» (row houses), в которых жили ремесленники и торговцы (рис. 8). Они стоят вплотную друг к другу (между ними прокладывалась только стенка из асбестовых плит). В этих домах на первом этаже находились

Рис. 8. «Рядные дома» на берегу Миссисипи

Рис. 9. Уличное представление джаз-оркестра во французском квартале

мастерские или торговые помещения. На втором этаже жили рабы, что хорошо видно по тому, как выглядит фасад этого этажа (здесь низкие потолки и на фасаде нет никаких украшений). На третьем этаже с высокими красивыми окнами и балконами жила сама семья (рис. 8).

Социально-сословные трения между жителями французского квартала и англо-американской частью города не идут ни в какое сравнение с главной антагонистической тенденцией в местном обществе, зародившейся вместе с основанием города, — антагонизмом между свободными белыми жителями и их чернокожими рабами. История Нового Орлеана — это история общества, процветавшего на рабовладении и пропитанного расизмом. Именно здесь дольше всего держались противники десегрегации и признания равноправия черных граждан Америки. Именно здесь в прошлом веке действовала известная организация расистских погромщиков «Святая белая лига», почитатели и потомки членов которой до сих пор собираются ежегодно 14 сентября у монумента, посвя-

денного расправе над участниками негритянских волнений в 1874 г. Только недавно, когда половину населения современного Нового Орлеана стали составлять афроамериканцы, протесты последних заставили власти издать распоряжение убрать с монумента расистов оскорбительную надпись «белое превосходство» (white supremacy).

Проживание в городе довольно значительной общины черных американцев послужило основой для формирования наряду с креольской и южноплантационной также и замечательной негритянской культурной традиции, придающей этнографическому облику этого города особую значимость и исключительный интерес. Низкий социальный статус негров как во времена рабовладения, так и после отмены его не позволил им оставить столь зримые свидетельства своей материальной культуры, как их белым согражданам. Жилища рабов сохранились в малом числе и, как и современные негритянские гетто (в Новом Орлеане они одни из самых страшных в Америке), в туристских проспектах не рекламируются и отсутствуют в перечне местных достопримечательностей.

Зато общемировую известность приобрели достижения духовной культуры американских негров. Именно в Новом Орлеане на основе народных мелодий и ритмов, вывезенных из Африки чернокожими рабами, родился замечательный музыкальный синтез в виде новоорлеанского джаза. Джаз придает городу неповторимую специфику. Во многих городах США действуют особые запреты против уличных музыкантов, а здесь музыка звучит именно на улицах. Во французском квартале уличные джаз-оркестры с певцами и танцорами начинают свои ежедневные представления вскоре после полудня и заканчивают ближе к полуночи (рис. 9). Вечером весь квартал наполнен музыкой: звуки джаза разных стилей выплескиваются на улицу через ресторанные двери, которые всегда зазывающе открыты. Для любителей джаза здесь есть особо почитаемые места. На улице Сент-Питер в доме № 726 находится знаменитый зал памяти (preservation hall), где уже многие десятилетия играет традиционный новоорлеанский джаз. Нарочитая обшарпанность крохотного зала без кондиционера, без сидячих мест (кроме нескольких длинных скамей), скромная плата за вход (2 долл.) создают подлинную атмосферу народного представления, когда негритянские музыканты играют ставшие уже давно классическими мелодии.

Джазовая культура почитается в городе, хотя в целом в Америке джаз пребывает в состоянии кризиса, уступая напору разных форм поп-музыки. В Новом Орлеане при Тюлейнском университете хранится уникальный архив джаза с богатейшей фонотекой и литературой. В городе есть музей джаза, а в одном из скверов стоит памятник Луи Армстронгу. Ежегодно устраиваются общенациональные фестивали джазовых коллективов.

Афроамериканская культурная традиция не ограничивается только сферой музыки. До сих пор в беднейших районах города, где живут темнокожие, можно встретить последователей некогда широко распространенного культа «воду» (своеобразной смеси африканского анимизма, колдовства и христианства), проникшего сюда из Карибского региона главным образом в период восстаний рабов в Санто-Доминго в XVIII в.

Во времена рабовладения в городе был распространен обычай «пласажа» (наложничества, когда белые мужчины имели наложниц из темнокожих женщин). До середины XIX в. вполне официально устраивались так называемые «квартеронские балы» (обычно с ноября по май), куда приглашались белые мужчины и цветные женщины. Потомки рождавшихся после этого мулатов ныне составляют подавляющее большинство афроамериканцев США. Новый Орлеан — один из наиболее характерных городов Америки, значительную долю которых составляет расово-смешанное население. На его улицах в часы обеденного перерыва большинство прохожих составляют люди с темной кожей, демонстрируя огромное разнообразие оттенков кожи и черт лица. Заметно присутствие других этнорасовых меньшинств — выходцев из Азии,

Латинской Америки (рис. 10, 11). В конце дня можно заметить в первой части города, как на некоторых остановках общественного транспорта стоят группы исключительно темнокожих горожан, дожидаясь автобуса, чтобы добраться до дома после работы. Их облик резко контрастирует с сытой беспечностью начинающего бурлить по соседству французского квартала. Бесспорно, жизнь этих групп городского населения заслуживает более обстоятельного рассмотрения, и только отчаянная нехватка времени, заполненного почти целиком работой социолога советских и американских этнографов, удержала автора от попытки сесть в один из таких автобусов и проехать до конца его маршрута.

У Нового Орлеана помимо французского квартала много и других достопримечательностей, представляющих этнокультурный интерес. Например, наличие в городе около 30 кладбищ, из них некоторые — на временный объект туристских маршрутов. Дело в том, что еще с конца XVIII в. здесь получил распространение довольно необычный для Америки способ хоронить мертвых не в могилы, а в наземные саркофаги или склепы. Вызвано это было, в частности, необычайно высоким урожаем почвенных вод (1—3 фута в прошлом и около 18 футов сейчас благодаря дренажной системе и постоянной откачки воды в оз. Пончареин), не позволявшим копать могилы. На таких богатых кладбищах, как Метэри, саркофаги представляли собой роскошные и дорогостоящие сооружения из мрамора или гранита, украшенные каменной резьбой и скульптурой. Такие мавзолеи иногда стоят несколько сот тысяч долларов, и они, конечно, были не по карману бедным горожанам, которые хоронили или в более скромных сооружениях из оштукатуренного кирпича, или в кладбищенской стенке, в нишах, напоминающих стены нынешних крематориев.

В мавзолее обычно имеется место для шести гробов, но хоронят в них гораздо больше, из поколения в поколения, сжигая останки наиболее старого захоронения. Видимо, по причине экономии места на внешней стене мавзолеев нет эпитафий, а только длинный ряд имен умерших с датами жизни. Интересно отметить, что во времена, когда в этих местах свирепствовала желтая лихорадка и местные жители не знали точно, чем она вызывается, не разрешалось открывать гробницы ранее чем через год. Если в семье оказывался очередной покойник до истечения этого своеобразного карантина, его временно хоронили в нишу в стене, а затем уже устраивали перезахоронение.

Одна из примечательных черт местной погребальной традиции — гробницы, куда захоранивали представителей одной профессии или социальной группы, члены которой входили в какой-либо закрытый привилегированный клуб. Собственные гробницы-мавзолеи имели, например, члены Типографского союза Нового Орлеана; ассоциация лодочников р. Ред-Ривер. А крупные профессиональные объединения, например пожарники, имели даже собственные кладбища. Некоторые общины создавались ни для чего другого, как для похоронной страховки. Черногожие горожане, лишенные права состоять членами клубов или союзов, охотно платили несколько центов в неделю за членство в похоронной ассоциации, гарантировавшее приличные место на кладбище и похороны.

В городе сохраняется довольно необычная для остальных Соединенных Штатов традиция почитания умерших. Здесь еще существует обычай устраивать ночные поминки перед погребением (wakes). Родственники и друзья собираются, чтобы отдать дань уважения семье покойного, члены которой сидят в комнате с гробом и многократно повторяют обстоятельства смерти. В одной из комнат всю ночь подают кофе. Посетители приходят со своими знакомыми, обмениваются новостями и часто от грустного переходят к праздничному настроению, напоминая тем самым одну из характерных черт негритянских похорон. Новоорлеанцы обычно не ограничиваются газетными сообщениями о смерти. Многие семьи дают извещения с портретами на каждую годовщину, отмечая

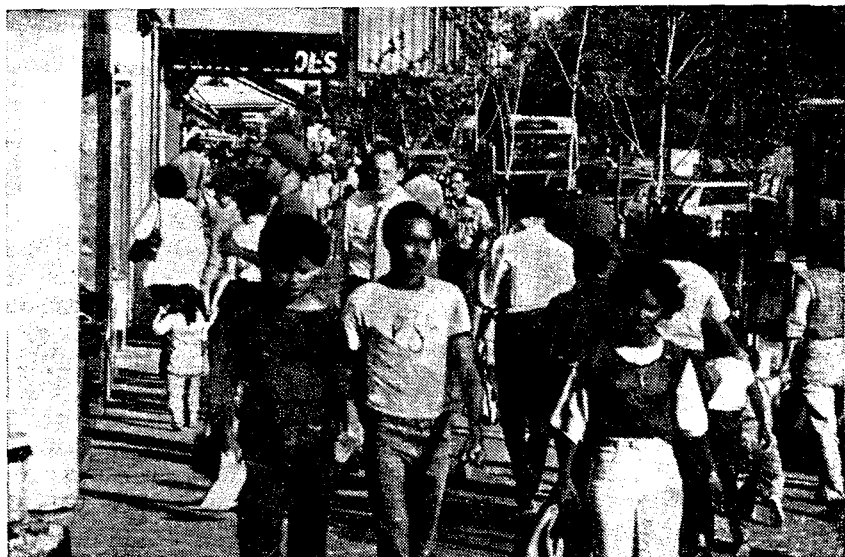

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 10 и 11. На улицах Нового Орлеана

дни рождения усопших. 1 ноября, в День всех святых, в городе выходной, и жители поминают покойных родных, посещая кладбища, где украшают могилы цветами. Семейные группы гуляют по кладбищенским аллеям и проходам, которые имеют свои названия, напоминая тем самым своеобразные «города мертвых».

В заключение хотелось бы отметить следующее. В последние годы автору довелось побывать в таких крупных североамериканских городах, как Чикаго, Нью-Йорк, Монреаль, Торонто, Ванкувер, Сан-Франциско, Лос-Анджелес и др. Хотелось бы отметить, что в силу ряда обстоятельств нынешний город в развитом индустриальном обществе в большей степени является средоточием традиционной культуры, носителем этнической специфики той или иной современной нации, выразителем проходящих в данном обществе этнических процессов, чем сель-

ская местность и ее население, на чем основывалась традиционная этнография.

Во-первых, высокий уровень урбанизации развитых капиталистических государств приводит к тому, что в городах проживает подавляющее большинство населения. Поэтому вполне естественно судить о современном этнокультурном облике народа и этнических процессах в нации и государстве прежде всего по городу и его жителям.

Во-вторых, степень этнической мозаичности городского населения, как известно, почти всегда неизмеримо выше, чем сельского, а некоторые крупнейшие этнические компоненты, составляющие североамериканские нации, почти исключительно представляют собой урбанистические популяции. Естественно, такие наиболее динамичные проявления этнических процессов, как миксация, аккультурация, ассимиляция или консолидация, имеют место в городах в масштабах, несоизмеримых с аналогичными их проявлениями в сельской местности.

В-третьих, научно-техническая революция, относительно высокий средний материальный уровень жизни в таких странах, как, например, США и Канада, распространение массовых стандартов и массовой культуры оказали нивелирующее влияние на все стороны жизни сельского населения (за исключением, может быть, производственной специализации хозяйств) и жителей мелких поселков значительно более, чем на обитателей крупных городов и городских агломераций. Последние остаются полюсами усиленной капиталистической эксплуатации, сопровождаемой этнической и расовой дискриминацией. Именно здесь — главное средоточие социальных антагонизмов и конфликтов, барьеры которых проходят чаще всего по этническим и расовым границам. Недоступность общеамериканских стандартов для многих горожан компенсируется элементами традиционной культуры собственных этносов. К сохранению последних на коллективном уровне подталкивает также необходимость выживания представителей той или иной группы и достижения ими приемлемого социального статуса в обществе. В сельской местности все эти факторы, действующие в пользу сохранения традиционных элементов культуры и этнической мозаичности, присутствуют в более слабых формах.

В-четвертых, потребности сохранения культурного наследия, его коммерческого использования прежде всего индустрией туризма, научные и политические соображения привели в последние десятилетия к значительному перемещению исчезающих атрибутов традиционной культуры, как материальной, так и духовной, в крупные городские центры. Концентрация этнографического материала происходит прежде всего в форме создания заповедных комплексов, этнопарков, музейных и частных коллекций, научных собраний и т. п.

Все отмеченное делает изучение этнографии зарубежных городов, в частности североамериканских, одним из актуальных и перспективных направлений научных исследований.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. Н. Соломоник

ЙОУ ТЭЙ — БИРМАНСКИЕ МАРИОНЕТКИ

В Бирме получила распространение только одна форма кукольного театра — театр марионеток, или кукол, управляемых сверху нитями. Сведения о них появляются в XV в., сначала в виде упоминания имен кукольников в надписи на каменной стеле 1444 г., позднее в поэме «Бурида» Шин Маха Рататара, созданной в 1484 г. В поэме повествуется о жизни короля драконов. Войско драконов, завоевывая страну, нападает с неба; драконы свисают, извиваясь и дергаясь, с деревьев, будто ими, как марионетками, управляют сверху с помощью веревок. В одном из стихотворений, написанном в 1529 г., Шин Маха Рататара еще раз говорит о куклах, участвующих в представлении¹.

Следующие по времени факты связаны с министром королевских развлечений У То и его указами, регламентирующими кукольные представления. Деятельность У То относится к концу XVIII — началу XIX в. У То предписал исполнять в кукольном театре пьесы, которые сочинялись для придворного театра живых актеров, а в костюмах, мизансценах, поведении персонажей на сцене соблюдать нормы придворного этикета. Круг сюжетов был также строго ограничен: они должны были заимствоваться из буддийской литературы (джатак) или официальной национальной истории².

Далее в хронологический ряд источников входят более конкретные свидетельства: картина придворного бирманского живописца 1869 г.³, описания иностранных очевидцев, дополненные со временем местными авторами⁴. Теоретические исследования открывает труд У. Риджуэя

¹ Bečka J., Bečkova D. Barmské loutky a loutkové divadlo.— Nový Orient. Praha, ročník 29, 1974, № 7, s. 216; Ba Han. The Evolution of Burmese Dramatic Performances and Festival Occasions.— The Guardian. Rangoon, v. 13, 1966, № 9, p. 20; Попов Г. П. Бирманская литература. М., 1967, с. 41—42.

Шин Маха Рататара (1468—1530) был потомком короля; свою первую поэму «Бурида» он написал в 16 лет. Успех поэмы был обусловлен тем, что бирманцы, как пишет Г. П. Попов, «в образах мифических героев узнавали свои собственные черты».

² Htin Aung. Burmese Drama. Calcutta, 1956, p. 149 (1 ed.—1937). В литературе буддизма большое место занимают сказания и легенды, связанные с личностью Гаутамы — основателя учения Будды. Среди них — джатаки, или рассказы, приписываемые самому Будде, из случаев из его прежних 24 перерождений. 547 джатак входит в канон буддизма, записанный на языке пали и получивший распространение в Бирме. Все джатаки композиционно одинаковы: сначала речь идет о событии, произошедшем в последней жизни Будды, после момента его просветления, и давшем ему повод рассказать о похожем случае из его прошлых существований, потом — рассказ о прошлом, на примере которого Будда в заключение нравственно наставляет слушателей, объясняет в доступной форме свое учение.

На русский язык переведено более 100 джатак (Захарьин Б. Джатаки. М., 1979; Повести, сказки, притчи древней Индии. М., 1964, с. 18—52; Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973, с. 466—488; Литература древнего Востока. М., 1984, с. 95—101, и др.), на английский — все 547 (The Jātaka. V. 1—7. L., 1877—1897; The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births. V. 1—6. Cambridge, 1895—1907).

³ Ba Vivian. Court Life and Festival in King Mindon's Palace.— The Guardian. Rangoon, v. 14, 1967, № 11, p. 20.

⁴ Forbes Ch. J. British Burma and its People. L., 1878, p. 152—153; Mahé de La Bourdonnais A. Un Français en Birmanie. P., 1886, p. 78—81 (1-e éd., 1883); Maindron E. Marionnettes et Guignols. P., 1900, p. 95—97; Volný J. (Veselý J.). Loutky birmanské.— Cesky loutkař. Praha, ročník 2, 1913, s. 64—65; Brown M. I Remember.— Puppetry. Detroit, v. 8, 1937, p. 33 (1st publ.: Asia, 1919, December); Hagemann C. Spie-

(1915 г.). Их пока немного. Основная тема, занимающая ученых, — история и происхождение бирманских марионеток⁵. К этому типу литературы примыкают работы, обобщавшие каждая в свое время накапливавшийся материал. Их авторы: Г. Рэм, М. фон Боэн, Ж. Шэнэ, Дж. Брэндон⁶. В последние десятилетия появилось несколько статей на бирманском языке. Почти все они названы в библиографии к книге Е. А. Западовой⁷.

На русском языке опубликованы заметки немецкого режиссера К. Гагемана, небольшой раздел Г. Г. Стратонавича в труде «Народы Юго-Восточной Азии», краткий газетный очерк А. Артамонова (не лишенный, к сожалению, неточностей), более подробное, на несколько страниц, описание Е. А. Западовой и около страницы в справочнике «Бирма» (И. Можейко)⁸.

Одна из лучших европейских коллекций бирманских марионеток находится в Мюнхенском музее этнографии. В музее при Государственном академическом центральном театре кукол (ГАЦТК) хранятся две куклы XIX в. (принц и принцесса), подаренные театру в 1956 г.

Бирманцы называют свои марионеточные представления *Йоу тэй бвэ (пвэ)*, где *йоу* — кукла, *тэй* — маленький (ая), *пвэ* — представление. Историк Ба Хан различает две разновидности театральных кукол: «большие куклы» (*йоу чи*) и «маленькие куклы» (*йоу тэй*), подчеркивая при этом, что «большие куклы» вышли из употребления в XIX в. А. Артамонов и Е. Западова приводят еще один термин — *амбин табин*, который переводят как «представления на подмостках, возведенных над землей» «театр высокого помоста», «представления на высоком уровне».

Сложилось несколько взглядов на происхождение бирманского театра кукол. Первым высказался на эту тему У. Риджуэй. По его мнению, истоки бирманских марионеточных представлений уходят в древнеиндийский теневой театр, однако влияние Индии было не прямым, а опосредованным через теневой театр Явы, Кампучии, Таиланда⁹.

С критикой гипотезы Риджуэя выступил бирманский историк Тхин Аун. Возражения Тхин Ауна основаны на том, что в Бирме никогда не был известен теневой театр, а на марионеточной сцене никогда не исполнялись распространенные в Индии и странах Юго-Восточной Азии сюжеты древнеиндийских эпосов «Махабхараты» и «Рамаяны». С его точки зрения, бирманский кукольный театр не испытывал сильного иностран-

le der Völker. B., 1921, S. 130—137; Clark B. H. Fin de Saison on Broadway.— Drama Magazine. Chicago, v. 16, 1926, May, p. 289; Hürlimann M. Burmanisches Puppenspiel.— Atlantis. Zürich, Jahrgang 7, Hf. 2, Februar 1935, S. 73—77, 84—85; Hackett W. D. In Burma Today.— Puppetry. Detroit, v. 10, 1939, p. 40; Bowers F. Theatre in the East. N. Y., 1956, p. 120; Vodíčková E. Loutkářské dojmy poznatky z Barmy a Indonésie.— Československý loutkář. Praha, ročník 6, 1956, s. 146—154; Rödle O. S maňášky do Barmy a Indonésie.— Ibid., s. 208—212. U Tha Myat. Puppet Show of Burma.— In: Puppet Theatre around the World/ed. Som Benegal. New Delhi, 1960, p. 42—44; idem. The Burmese Puppet Theatre.— Natya (Theatre Arts Journal). New Delhi, v. 7, 1964; Sein K [Maung Khe], Withey J. A. The Great Po Sein: A Chronicle of the Burmese Theatre. Bloomington, 1965, p. 16—25; Bečka J., Bečkova D. Op. cit., p. 216—218; Ye Dway [Da gon Aung]. Dramatic Conventions of the Burmese Puppet Theatre.— The Guardian. Rangoon, v. 22, 1975, № 2, p. 10—11, 17; Malkin M. Traditional and Folk Puppets of the World. N. Y., 1977, p. 131—134; Klünder J. Marionettentheater aus Burma in Bochum.— Figurentheater. Bochum, Jahrgang 16, Hf. 1, Juni 1984, S. 3—6.

⁵ Ridgeway W. The Dramas and Dramatic Dances of Non-European Races. Cambridge, 1915, p. 257—262; Htin Aung. Burmese Drama. Calcutta, 1956, p. 148—153; Ba Han. Op. cit., p. 18—24; Tilakasiri J. The Puppet Theatre of Asia. [Ceylon, 1969], p. 36—39.

⁶ Rehm H. S. Das Buch der Marionetten. B., 1905, S. 91—97; Boehn M. von. Puppen und Puppenspiele. München, 1929, B. 2, S. 196—197 (Перевод на англ. яз.: Dolls and Puppets. L., 1932, p. 389—390); Chesnais J. Histoire Générale des Marionnettes. P., 1947, p. 47—49; Brandon J. R. Theatre in Southeast Asia. Cambridge, 1967, p. 72.

⁷ Западова Е. А. В стране, где течет Иравади. М., 1980, с. 258—263 (библиография). Приношу глубокую благодарность преподавателю ИСАА при МГУ Е. В. Волковой за помощь в ознакомлении с бирманскими источниками.

⁸ Гагеман К. Игры народов. Вып. 1. Пг., 1923, с. 102—108; Народы Юго-Восточной Азии (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Наука, 1966, с. 329—330; Артамонов А. Самобитный театр.— Известия, 1979, 18 декабря, с. 5; Западова Е. А. Указ. раб., с. 131—136; Бирма. Справочник/Под ред. А. Н. Узанова М., 1982, с. 371—372.

⁹ Ridgeway W. Op. cit., p. 262.

ного влияния. Что же касается некоторых сходных черт с представлениями Явы и Таиланда, то объяснить их можно двояко — как воздействием театра этих стран, так и внутрибирманскими факторами. Скорее всего, полагает Тхин Аун, бирманский театр кукол заимствовал какие-то театральные идеи (но не сами представления) у своих соседей, в первую очередь у сиамцев (тайцев) ¹⁰.

Писавшие позднее бирманские исследователи уже без всяких сомнений считают бирманский театр кукол чисто национальным порождением. «Бирманские марионетки — создание бирманского народа», — декларирует Ба Хан ¹¹. «Бирманский кукольный театр — изобретение бирманцев», — почти слово в слово повторяет Ба Вивиян ¹². Их взгляды разделяют и небирманские авторы Дж. Тилакашири, М. Малкин, И. Клондер, И. Можейко ¹³.

Таким образом, в литературе высказано три мнения о происхождении бирманских марионеток: а) индийском — от теневого древнеиндийского театра через посредство теневого театра Явы, Кампучии, Таиланда, б) местном с возможным влиянием тайского, в) местном, полностью независимом от иноземных влияний.

Слабой стороной предложенных гипотез представляется невнимание к театру марионеток других стран Востока, в первую очередь Индии и Китая. Объективные причины этого в том, что до последнего времени о марионетках Азии писали очень мало. Риджуэю, вероятно, не было о них известно. Кроме того, появившиеся позднее исследования были, как правило, локальными, ученые, занимавшиеся театром одной страны, не привлекали материала о театрах других стран или привлекали недостаточно широко. Тилакашири, например, обобщивший сведения по театру Индии, Юго-Восточной Азии и частично Японии, совершенно не затронул Китая. Это не могло не отразиться на выводах.

Действительно, плоскостной (теневой) и объемный театр очень разные. Увязывать происхождение объемных деревянных кукол, управляемых сверху нитями, с плоскими кожаными фигурами, управляемыми снизу палками, можно, лишь недооценивая роль техники в искусстве кукол, особенно в традиционных его формах. Поскольку в Бирме не было теневых представлений, а в странах Юго-Восточной Азии не использовали марионеток, аргумент о независимости бирманского кукольного театра от теневого театра своих соседей «работает» хорошо. Но ведь в той же Индии, теневой театр которой привлекал к системе своих доказательств У. Риджуэй, с не менее давних времен существовал и театр кукол на читках. И так же древен он в Китае. Поэтому, когда вписываешь бирманский театр кукол в общую панораму марионеточных представлений Азии, контуры его истоков проступают немного иначе, его полная самостоятельность начинает вызывать сомнения.

Обратимся прежде всего к карте Азии. Если на ней закрасить страны распространения марионеток и при этом по-разному оттенить зоны использования многониточных и малониточных кукол, то цветное поле прогнется от Ирана через Индию и Китай до Японии. Оно прихватит сверху южный угол Средней Азии (современные Узбекистан, Таджикистан и Туркмению), а снизу, из региона Юго-Восточной Азии, — одну Бирму. Широкая цветная лента окажется как бы сшитой из двух кусков разного гона. Один, соответствующий зоне малониточных кукол, покрывает Иран, Среднюю Азию, Индию, часть Бенгалии, Бангладеш и Северный Китай, другой, соответствующий зоне многониточных кукол, — Японию, Южный Китай и Бирму.

Бирма, плотно и глубоко вклинившаяся своим ромбом между Индией и Китаем, не была до такой степени изолирована от своих соседей, как на этом настаивают сторонники самозарождения бирманских марионе-

¹⁰ *Htin Aung. Op. cit., p. 150—152.*

¹¹ *Ba Han. Op. cit., p. 20.*

¹² *Ba Vivian. Op. cit., p. 19.*

¹³ *Tilakasiri J. Op. cit., p. 36; Malkin M. Op. cit., p. 131; Klünder J. Op. cit., p. 3; Можейко И. Указ. раб., с. 371.*

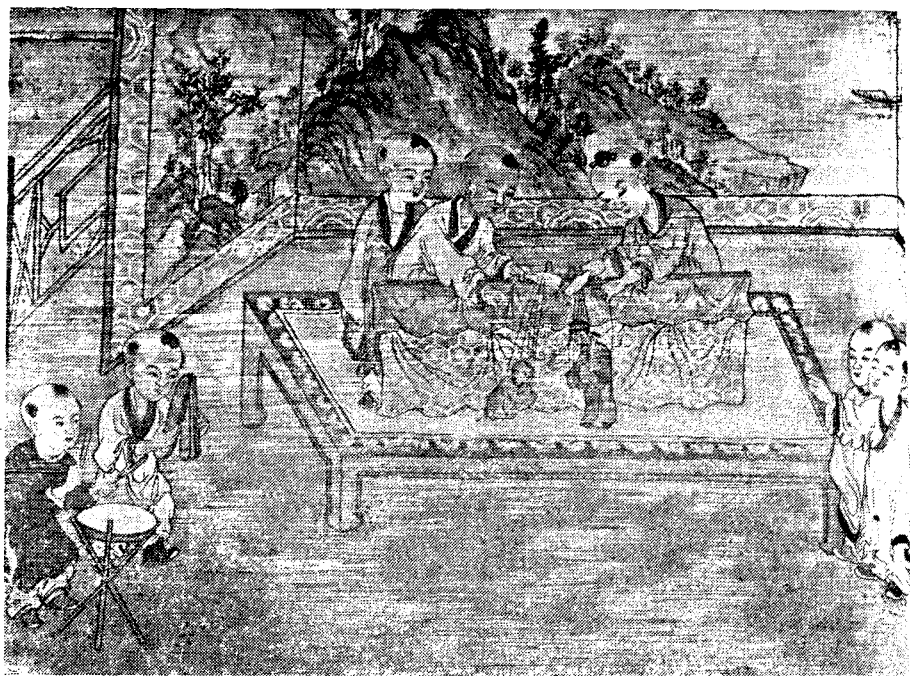

Рис. 1. Китайская марионеточная сцена эпохи Мин

ток. Достаточно вспомнить, что предки современных бирманцев — сначала племена пью, а затем мранма (бранма), давшие название стране, пришли с севера, с территорий современного Китая. В IX в. в долине р. Иравади был основан г. Паган, превратившийся со временем в столицу большого и сильного одноименного государства. «Паган стал господином торгового пути из Китая в Индию, и во взаимных интересах Китая и Пагана было установлено спокойствие на этом пути», — пишет И. Можейко. В другой своей работе он еще раз подчеркивает, что, «хотя Бирма отделена от Индии и Китая... горами и лесами, издавна через ее северные районы проходили пути из Индии в Китай»¹⁴. Факты же истории кукольного театра говорят о том, что на «спокойных» дорогах вместе с торговыми караванами продвигались из страны в страну и бродячие кукольные труппы. Следовательно, несмотря на географическую изолированность Бирмы, на окружение горными хребтами и джунглями, вполне допустимо предположить, что иноземные кукольники могли попадать в долину Иравади.

Чтобы решить, чье влияние более вероятно или проявилось сильнее, попробуем обратиться к технической стороне театра — к устройству кукол и сцены. Для индийского театра марионеток наиболее характерны малое количество ниток и устройство сцены прямо на земле, без помоста. В Китае распространены и мало- и многониточные куклы, но главная зона применения многониточных — в южных провинциях, т. е. в тех, что находятся ближе к Бирме. Сцена марионеточного театра повсюду в Китае устраивается на помосте. Какой она была в эпоху Мин (XIV–XVII вв.), можно судить по китайской картине, воспроизведенной в книге Б. Бэрда¹⁵ (рис. 1). В бирманском театре используют многониточных кукол, а представления дают на помосте. Таким образом, сравнение технической стороны бирманских марионеточных представлений с китайскими

¹⁴ Можейко И. В. Паганское царство. — В кн.: Можейко И. В., Узянов А. Н. История Бирмы. М., 1973, с. 41; Можейко И. В. 5000 храмов на берегу Иравади. М., 1967 с. 4.

¹⁵ Baird B. The Art of the Puppet. N. Y., 1965, p. 133.

ми и индийскими обнаруживает большое сходство с первыми и значительное отличие от вторых.

Далее, если выйти за рамки театральной техники и сравнить способ изложения содержания в индийском, китайском и бирманском театрах кукол, выясняется следующее. В индийском театре в любой его традиционной форме обязательно около сцены, на виду у зрителей, находится рассказчик, в повествовательно-описательной форме знакомящий публику с событиями истории и действующими персонажами, он лишь время от времени предоставляет куклам возможность вести диалог между собой или с ним. В Китае такого отключенного от мира пьесы «лица от театра» зрители никогда не видели и не слышали, содержание излагалось непосредственно через действие и речь кукольных персонажей. В Бирме публика также не видит рассказчика. Описательно-повествовательные пассажи вложены в уста кукольных персонажей, произносящих длинные монологи; актеры, говорящие и поющие за кукол, стоят на помосте, позади скрывающего их занавеса. Следовательно, и эта условность сближает бирманский театр с китайским и отдаляет его от индийского.

Сравнивая репертуар марионеток рассматриваемых стран, нельзя пройти мимо аргумента Тхин Ауна, отметившего, что на бирманской марионеточной сцене никогда не исполнялись сюжеты из «Махабхараты» и «Рамаяны». Можно также добавить, что наиболее старая часть бирманского представления содержит короткие пантомимические сценки, более родственные китайским, нежели индийским.

Вероятность заимствования бирманских представлений у китайцев подкрепляет и еще одно обстоятельство. Е. А. Западова пишет, что правила бирманской этики распространялись на театральные представления и требовали, чтобы актеры играли на земле: «Уважение к старшим... проявилось на театральном поприще — местные актеры обязательно выступали на земле. Ведь среди публики могли оказаться люди разного возраста, и уже по одному этому молодые исполнители не должны находиться выше их»¹⁶. Если Западова права, то тогда чем объяснить, что представления марионеток вопреки существующим нормам поведения и приличия происходили на помосте? Не тем ли, что первоначально эти представления давали чужеземные актеры, незнакомые с правилами местной этики и поэтому невольно их нарушающие? И не тем ли, что при дальнейшем усвоении бирманцами чужого типа представлений противоречащее местным принципам устройство сцены было скопировано бес-сознательно?

Высказанные соображения дали повод усомниться в полной самостоятельности бирманского кукольного театра. Но, говоря о вероятности китайского влияния на бирманский кукольный театр, следует подчеркнуть, что на местной почве он приобрел специфические черты, выработал приспособления, необходимые и удобные для выражения национального репертуара, вытеснившего со временем иностранные, малопонятные вещи, или переосмыслил заимствования в рамках своего мировоззрения.

Ба Хан, ссылаясь на художественный образ нашествия драконов в «Бурида», заключает, что первоначально кукловоды сидели на деревьях. Однако такое буквальное толкование поэтического сравнения не очень убеждает. Поэтому лучше оставить вопрос о первоначальной форме театра открытым (предложив для дискуссии китайскую сцену-платформу) и перейти к более бесспорным фактам. Самый ранний из них — картина, созданная для украшения дворца короля Миндона в 1869 г. (сейчас она хранится в Парижском музее дальневосточных древностей, или, как его называют по имени основателя, Музее Гиме). На длинном 30-метровом полотне изображен, сцена за сценой, полный годовой цикл праздников и церемоний, происходивших при дворе бирманских королей. На финальной части, посвященной мартовским празднествам (по бирманскому лунному календарю год начинается в апреле, март оказывается последним месяцем годового цикла), изображено кукольное представление. «Наш

¹⁶ Западова Е. А. Указ. раб., с. 139.

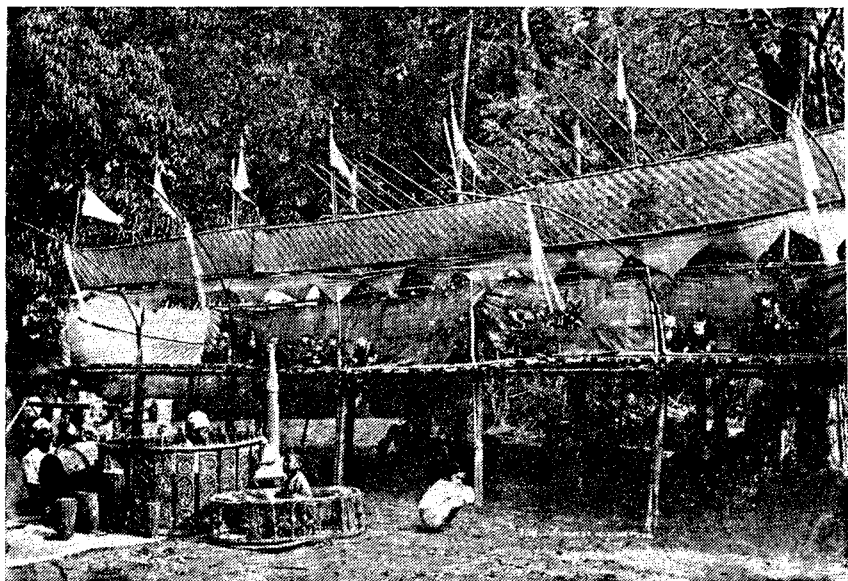

Рис. 2. Бирманская марионеточная сцена в XX веке

В центре — небольшое дерево, символизирующее лес или границу между царствами; по краям сцены, слева и справа — троны с сидящими на них правителями; около тронов группы коленопреклоненных придворных; слева и в центре за задником проглядываются фигуры двух кукловодов в белом; перед помостом — музыканты, играющие на национальных инструментах (круговом барабане, круговом гонге и других)

художник, — комментирует Ба Вивиан, — показывает представление больших кукол. Мы видим сцену и бирманский оркестр. Большинство зрителей сидит на циновках, разложенных на земле, только двое смотрят из крытой ложи „зэйя”. Сезон прохладный, некоторые зрители закутались в яркие хлопчатобумажные покрывала „саун”. Горит костер, бродят торговцы, продающие разную снедь и сладости»¹⁷.

Почти век спустя около Мандалая была сделана фотография представления. Ее передали в музей ГАЦТК в 1956 г. (рис. 2). Это представление «маленьких кукол». Но во всем остальном, вероятно, изменений почти не произошло. Иногда лишь варьировала длина сценической площадки, ее определяют то в 20 (Тхин Аун), то в 25 (Кеннет Син), то в 30 футов (Чарльз Форбс), т. е. в 6—9 м¹⁸. Вся конструкция собиралась из бамбука. Столбы поднимают платформу на 1—1,2 м над землей, под полем сцены свободно просматривается насквозь. Глубина игровой площадки — 1,2 м, большая часть помоста — рабочая, она отгорожена невысоким, по грудь человека занавесом, натянутым вдоль всей постройки. За ним находятся актеры и весь театральный реквизит, развешены на длинных палках куклы. Торцы игровой площадки закрыты соломенными циновками, сверху вдоль переднего края платформы тянется такая же плетеная лента, укрепленная на высоте 0,9 м от пола сцены. В чем назначение этого соломенного бордюра — эстетическая ли потребность замкнуть кукольное действие в раму или же желание скрыть в дополнение к невысокому заднику фигуры кукловодов, создать иллюзию самостоятельной жизни кукол — сказать трудно. Во всяком случае, если в этом и заложена идея иллюзионного театра, то она предстает здесь в несколько размытом виде: зрителям, сидящим на земле и смотрящим на кукольную сцену немного снизу вверх, в большей или меньшей степени кукловоды

¹⁷ Ba Vivian. Op. cit., p. 19.

¹⁸ Htin Aung. Op. cit., p. 149; Sein K., Withey J. A. Op. cit., p. 19; Forbes Ch. Op. cit., p. 152. А. Маэ де ля Бурдоннэ (Mahé de La Bourdonnais A. Op. cit., p. 79) дает размер 2,5 м, но, по всей вероятности, это ошибка: такая сцена не производила бы впечатления очень длинной, а ее необычную вытянутость подчеркивают все очевидцы.

видны. Кроме того, актеры, «не стесняясь», своими руками выносят на сцену кукольную мебель, бутафорские деревья и т. п., поправляют запутавшиеся нити. Бирманцы относятся к этому спокойно, европейцы неизменно удивляются. «Я смотрел, мало что понимая в пьесе... от которой публика, очевидно, получала большое удовольствие, как вдруг произошел гротескный случай: одна из нитей, управляющих королем, порвалась, и я увидел спускающуюся с неба гигантскую руку, которая навела порядок», — пишет А. Маэ де ля Бурдоннэ¹⁹. «Кукольные и система проволочек явственно видны зрителям. О создании иллюзии не заботятся», — делает вывод К. Гагеман²⁰. «В поле зрения публики постоянно попадают руки кукловодов, то распутывающих нитки, то устанавливающих декорации», — отмечает М. Гурлиман²¹. О том, что это не случайные накладки, а вполне допустимая, «узаконенная» условность, свидетельствует констатация этого факта в описании Тхин Ауна: «Руки кукловодов видны зрителям»²².

Таким образом, главной особенностью бирманской марионеточной сцены можно считать ее необычайную вытянутость по горизонтали. Важно также отметить, что устройство сцены не обеспечивает условий для иллюзионного показа, хотя, возможно, его и предполагает.

Традиционное представление происходило обычно на поляне. Громоздкое на вид и внушительное по размеру сооружение было хорошо приспособлено для постоянных разъездов, быстро собиралось и разбиралось. Бамбуковые столбы, брусья, доски настила, шесты для крепления занавеса, бордюра из циновки, прочее имущество укладывались в телегу, запряженную волами, и перевозились из деревни в деревню. Требовалось не более часа, чтобы разобрать театральную постройку, уложить весь скарб и отправиться на новое место.

В традиционный комплект входит до трех десятков кукол. Среди них можно различить куклы животных, людей и сверхъестественных персонажей. Обязательным дополнением к комплекту служит кукольная мебель (троны, скамьи, кушетки), бутафорские деревья, зонты (зонт в королевской Бирме — показатель социального ранга и заслуг его владельца), повозки. Первая группа включает коня, тигра, слона (или двух слонов — белого и черного), двух буйволов, одну или две обезьяны, крокодила, несколько птиц (попугаев, сову). Вторую группу составляют: король, несколько принцев (один из них — главный герой представления) и принцесс (одна из них — героиня), четверо министров (иностранных дел, или войны, внутренних дел, или двора, финансов, или казны, юстиции, или главный судья), астролог, отшельник, брахман, алхимик-чародей «зоджи»²³, несколько простолюдинов (среди них комик), одна или две танцовщицы «эпьюодо» и др. (ряд кукол появился сравнительно недавно, например «англичанин», «англичанка», «футболист», «рикша», «богач»). Из сверхъестественных персонажей на кукольную сцену могут являться духи «наты»; великаны-людоеды «билу», дракон «нага», мифическая птица «галоун».

Кукол вырезают из дерева. У них много сочленений и соответственно много нитей. У человекообразных фигур — по 10—15 нитей, у самой сложной из них — танцовщицы их может быть до 20²⁴. Нити собраны на

¹⁹ *Mahé de La Bourdonnais* A. Op. cit., p. 80.

²⁰ *Gageman* K. Указ. раб., с. 106.

²¹ *Hürlimann* M. Op. cit., S. 75.

²² *Htin Aung*. Op. cit., p. 149.

²³ Зоджи — «алхимик», «маг», «чародей»; слово происходит от индийского «йога», но бирманский алхимик, как пишет Тхин Аун, не имеет ничего общего с индийским аскетом. Считалось, что можно стать зоджи, если ввести в свой организм «правильное» сочетание разных металлов. Человек (но только мужчина), которому это удастся, приобретает сверхъестественную силу, живет миллионы лет, летает по воздуху, ходит по воде, путешествует под землей и пр. Верования, связанные с зоджи, были очень популярны в Бирме вплоть до XX в. *Htin Aung*. Op. cit., p. 148; *idem*. *Folk Elements in Burmese Buddhism*. L., 1962, p. 41—50; *Западова* Е. А. Указ. раб., с. 134.

²⁴ Тхин Аун пишет, что у танцовщицы эпьюодо может быть до 60 нитей. Думается, что это ошибка, которая с его легкой руки стала повторяться из работы в работу (для управления такой куклой потребовалось бы несколько кукловодов, а в бирманском театре одну куклу ведет один кукловод).

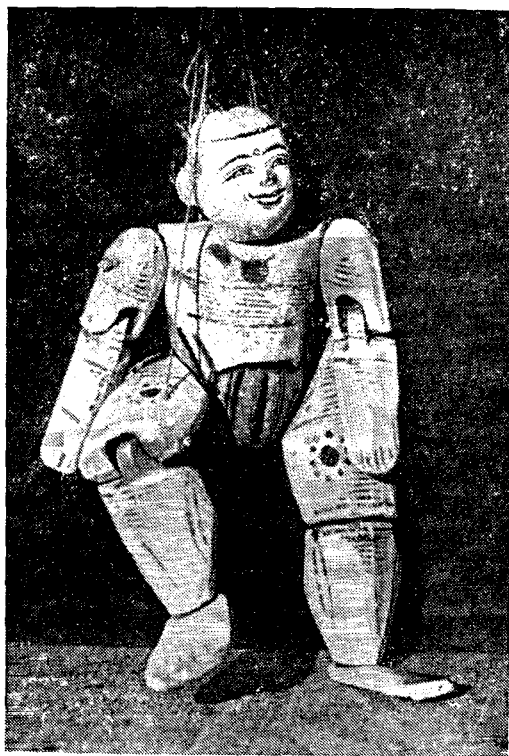

Рис. 3. Конструкция бирманской марионетки

деревянную вагу и спускаются от нее к кукле в следующем порядке: по две к голове, по две к плечам, одна к спине, по две к верхней части рук, по две к кистям рук (которые вырезаются вместе с предплечьем), по две к бедрам, по две к ногам ниже колен; у танцующих кукол еще по две нити идут к пяткам (рис. 3). Марионетки поворачивают и наклоняют головы, свободно двигают руками, гибкость которых создают шарнирные соединения в плечах и локтях, поднимают ноги, опускаются на колени и т. д. Хобот слона или хвост дракона, тигра расчленены на секции и поэтому получают очень эластичными. Две куклы комплекта — тигр и дракон — раскрывают пасти.

Относясь к многониточным кукам и примыкая этим своим качеством к театру Китая, бирманские марионетки все же проще китайских, они уступают им в числе отдельно управ-

ляемых деталей. У бирманских кукол не делают подвижных частей лица, не соединяют шарнирно кисти или пальцы рук, поэтому они не могут вращать глазами, поднимать веки, открывать рты, шевелить отдельно от всей руки кистью или пальцами.

Высота кукол 60—90 см. Нитки толстые, крученые (иногда их называют «веревками»). Духи «наты» носят остроконечные головные уборы. Лица великанов-людоедов «билу» отличаются круглыми, вытаращенными глазами и оскаленными ртами. Лица «людей» гораздо реалистичней, в чертах героя и героини отражены, очевидно, бирманские народные идеалы красоты. Костюмы большинства кукол копируют придворные платья конца XVIII — начала XIX в., на них много украшений и «драгоценных камней» (рис. 4); комики одеты в рубахи и штаны.

Бирманские кукольные труппы вели бродячий образ жизни (исключение составляли лишь придворные театры, функционировавшие до 1885 г. — года аннексии Бирмы англичанами). В труппу входило от четырех до десяти человек, в деревенских театрах это были обычно члены одной семьи. Как и во многих других странах Востока, играли по приглашению, сами кукольники инициативы не проявляли. Но недостатка в заказах они не испытывали: даже самая бедная деревня, пишет Тхин Аун, всегда была рада случаю пригласить кукольную труппу, редкий праздник в Бирме не сопровождался кукольным спектаклем. Приглашение могло исходить от одного лица, от группы лиц, от всей деревни, кукольников могли позвать и служители храма. Расплачивались с актерами устроители праздника, на представление приходили все, кто пожелает.

Представление длилось всю ночь, начиналось после девяти и заканчивалось часам к четырем утра. При дворе было принято играть три ночи подряд, в народном театре чаще всего ограничивались одной, и только в особо торжественных случаях играли и на следующую ночь. Публика расстилала свои циновки, заменявшие бирманцам кресла партера, и оставалась на них до рассвета. Молодежь иногда вставала, чтобы размяться, купить сигару или сласти, дети засыпали, время от времени

дремали и взрослые, но никто не уходил домой, не досмотрев спектакль до конца. (Провести всю ночь без сна помимо интереса к спектаклю помогали также тонизирующие смеси, приготовленные из листьев бетеля или чая.) Все сидели на земле, только хозяин праздника, пригласивший труппу, строил для себя и почетных гостей крытую ложу «зейя»; туда ставили диван, кресла, столы с угощением. На представление собиралось несколько сот человек. Толпа вела себя тихо, ни громкий смех, ни аплодисменты не нарушали хода спектакля, лишь после окончания очередной сцены сидевшие рядом люди тихо переговаривались между собой.

Перед платформой на земле расставляли свои инструменты музыканты. В полном составе оркестра «сайн» было до 12 инструментов и до 9 музыкантов. В сайне нет струнных, в него входят ударные (барабаны, гонги, кастаньеты,

трещотки, цимбалы) и духовые инструменты. Главный инструмент — это набор барабанов, числом 21, укрепленных на круглой деревянной раме диаметром 1,5 м. В центре рамы сидит музыкант, который все время вертится вокруг себя, ударяя по разным барабанам пальцами или ладонями рук. Играет на круговом барабане музыкант очень высокого класса, он же — руководитель оркестра. Играют всегда без нот.

Впечатления иностранцев от бирманской музыки разные. Немецкий режиссер Гагеман, например, называет ее «адским шумом». Французскому инженеру Маэ де ля Бурдоннэ она также кажется «оглушительной», а по мнению американца Фоубиана Бауэрс, музыканта по образованию, бирманская музыка занимает второе место в Азии, уступая в привлекательности лишь яванскому гамелану. Естественно, для бирманцев она — лучшая в мире; доля ее в художественном языке кукольного спектакля очень велика: оркестр звучит почти непрерывно всю ночь.

Уже упоминалось, что в этой кукольной традиции нет рассказчика, стоящего или сидящего около сцены, на виду у зрителей. Все кукольники: и водящие кукол и говорящие или поющие за них — находятся на помосте, позади фонового занавеса. Роли героев исполнялись парой (или двумя парами, если труппа многочисленная) ведущих актеров: один в паре управлял куклой, другой говорил и пел за нее. Роли остальных персонажей не раскладывались на двух исполнителей: если актер выводил на сцену марионетку, он же и озвучивал ее. Состав трупп был исключительно мужским; по поверьям, женское присутствие на сцене влекло за собой беду, женская нога никогда не должна была касаться помоста. (Впервые это традиционное правило было нарушено накануне второй мировой войны, когда один из кукольников, не найдя, вероятно, актеров-мужчин для всей труппы, начал работать с женой и дочерью.)²⁵

Рис. 4. Принцесса. Бирманская марионетка XIX века

Марионетчики, как и все бирманцы, были буддистами, но, как и все бирманцы, прежде всего поклонялись духам натам²⁶. И хотя единственный вид жертвы, допускаемый буддизмом,— подача милостыни странствующим монахам, кукольники приносили 37 верховным натам жертвы в виде риса, орехов, бананов, яблок, цветов, бетеля, яиц, кусков ткани, бутылок с ликером. Представление неизменно начиналось ритуальным танцем куклы эпьюдо. Танец шел под последовательное исполнение 37 мелодий, посвященных каждому из божественных натов. Управлял этой куклой лучший куковод труппы (в последующей части он выводил куклу героя или героиню), а лучший певец труппы пел молитвы, обращенные к каждому нату.

Кукольные актеры пользовались в Бирме большим почетом. Их слава порой затмевала славу актеров-некукольников. «Бирманцы, как это ни странно, считают театр марионеток высшим образцом театрального искусства»,— с удивлением писал Чарльз Форбс²⁷. Все, кто занимался исследованием бирманского театра, отмечали влияние марионеток на театр живых актеров, особенно на стиль исполнения бирманских классических танцев. А сами бирманцы говорили, что хороший актер должен танцевать, как марионетка. Показателем высокого уважения к профессии кукольного актера служит следующий факт: король Тибо (последний король Бирмы) выдал самому знаменитому кукольнику своего времени патент на золотой зонт, т. е. наградил его высочайшим знаком отличия²⁸.

После 1885 г., утратив поддержку официальной власти, не имея сильного религиозного стержня, подобного тому, на котором до сих пор держатся яванские представления «ваянг пурво» или некоторые южноиндийские театры кукол, не обладая необходимой для выживания гибкостью репертуара, способностью прилаживаться к новым условиям, меняющимся вкусам публики, связанный громоздкой техникой, теснимый наступающими широким фронтом кино, радио, дешевыми массовыми изданиями пьес (которые раньше можно было увидеть только в кукольном представлении), традиционный театр кукол Бирмы стал быстро угасать. Заказов на спектакли становилось все меньше, кукольникам все труднее было существовать за счет своей профессии. Число трупп сокращалось, старые марионетчики уходили из жизни, молодежь не восполняла ряды ушедших. К 1929 г., как пишет Тхин Аун, сохранились только две труппы, да и те давали спектакли редко. Вторая мировая война, японская оккупация окончательно прервали традицию. В 60-х годах была предпринята попытка возродить народное кукольное искусство, но для этого пришлось пригласить марионетчиков из Европы (!), настолько оно оказалось забытым в родной стране. Усилия, направленные на восстановление театра марионеток, увенчались, очевидно, успехом — об этом говорят проходившие в 1984 г. в Западной Германии гастроли современной бирманской труппы.

Теперь о том, каково было содержание спектаклей. После ритуального вступительного танца куклы эпьюдо, продолжавшегося около получаса, следовало собственно представление. Оно состояло из двух совершен-

²⁶ Древние бирманцы поклонялись духам «натам» («нат» — «господин», «владыка», «повелитель», «властитель»). Были наты гор, рек, озер, деревьев, местностей, деревень. У каждой деревни был свой нат-покровитель, которому приносили жертвы. Со временем выделялось 36 персонифицированных верховных натов, которым поклонялся весь народ. Главными среди них считались Повелитель Большой Горы и его сестра Повелительница Золотое Лицо. После введения буддизма 36 натов были включены в буддийский пантеон, но при этом к ним был добавлен 37-й нат, возглавивший пантеон богов. Это был буддийский царь богов Сакка («могущественный»), получивший в Бирме имя Тиджамина. В народе анимистические добуддийские верования до сих пор уживаются с буддизмом. В Бирме поклоняются 37 верховным натам официального бирманско-буддийского пантеона, и наряду с этим многие бирманцы, особенно крестьяне, считая себя буддистами, верят в местных натов-покровителей, совершают обряды, связанные с их почитанием, умилованием.

О натах см.: Temple R. C. The Thirty-Seven Nats. L., 1906; Htin Aung. Folk Elements in Burmese Buddhism, p. 2—4, 83—109.

²⁷ Forbes Ch. J. Op. cit., p. 152.

²⁸ Mahé de La Bourdonnais A. Op. cit., p. 80.

но разнородных частей. В первой исполнялись отдельные пантомимические номера, во второй — сюжетная пьеса с диалогом, пением, танцем.

Порядок выхода кукол на сцену, число и содержание номеров первой части немного варьировали в разных труппах, но в основном набор кукол был стабилен; в первой части танцевали и сражались животные, сверхъестественные или обладающие волшебной силой персонажи.

В представлении, которое видел в 1913 г. в Рангуне К. Гагеман, после исполнявшегося на фоне «коврового» занавеса танца эппоудо занавес отдернули, на сцену поставили два дерева и вышел тигр. Он «вырывал деревья», переставляя их с места на место, делал огромные прыжки, кувыркался, раскрывал пасть, бешено кружился по сцене. В разгар его акробатического танца с противоположного конца вышел слон, а с ним его хозяин. Слон большими прыжками приближался к тигру, и между ними завязывался бой. Испуганный хозяин слона хватался за голову («рвал на себе волосы», — пишет Гагеман). Всякий раз, как слон наступал, тигр, кувыркаясь, отскакивал назад. Внезапно он изловчился и перепрыгнул через слона. Владелец слона в ужасе полез на дерево, но тигр его настиг, и «человек погиб». В деревенском представлении, описанном К. Сином, сражение кончалось тем, что слон хватал тигра длинным хоботом и забрасывал за задник, а в представлении, на которое попал в 1935 г. в Пагане немецкий этнограф М. Гурлиман, тигр со сломом не встречался, но слон действовал похоже: на сцену ставили дерево, с одного конца помоста выходил слон, с другого — два человека (куклы); слон насккивал на дерево, пытаясь его свалить, затем хватал одну из кукол, срывал с нее одежду, голый человек залезал на дерево и исчезал за задником. Из перечня марионеток комплекта, приводимого в статье директора Института культуры в Рангуне, У Тха Мья, можно заключить, что некоторые кукольники выводили на помост двух слонов — черного и белого, но, к сожалению, каким был их дуэт, неизвестно.

Далее бой вели два буйвола. После них выскакивали сверху из-за задника две обезьяны, они прыгали с дерева на дерево, раскачивались на бамбуковых шестах, проделывали другие, верно подмеченные, типичные для обезьян жесты и движения. Их сменяли людоеды билу, демонстрировавшие в поединке свою силу. В этой же части на сцену являлся конь. В его танце, как и в танце эппоудо, кукловоды показывали высший класс мастерства. Конь управлялся девятью нитями, его голова, хвост, все четыре ноги подвижны, причем ноги сгибаются дополнительно в коленях и около копыт (рис. 5). У некоторых кукольников в этой части выходил дракон. О том, что он делал, упомянул Эрнст Мэйндрон, видевший бирманских марионеток в Париже в конце XIX в., когда одна из бирманских кукольных трупп давала спектакли в знаменитом кабаре «Фоли бержер»: «...зеленый драконище, вызывавший общий восторг, раскрывал огромную пасть и заглатывал оцепенелых от ужаса кукольных актеров»²⁹. Позднее в эту же часть вставлялись и новые номера: выходил англичанин-охотник с ружьем, палил из ружья по тигру, промахивался и едва спасался бегством, выгуливала свою собачку окаркатуренная англичанка, выбегал футболист, выкатывал свою тележку рикша. Завершал первую часть выход алхимика зоджи. Он появлялся в маленькой шапочке и бархатной куртке, в руках держал палку, которой манипулировал как хороший жонглер. Поскольку этот персонаж обладал способностью летать, то спускался на сцену «с неба» и после бурного, неистового танца, кружения, прыжков, вставания на голову и прочего таким же путем исчезал со сцены.

Вся эта пантомима длилась около двух часов. Шла музыкальная интерлюдия, во время которой сцену готовили для пьесы второй части. Огромные человеческие руки расставляли мебель, среди которой обязательно был трон короля; в богатых труппах меняли фоновый занавес.

Вторая часть представления в том виде, в каком она дошла до нас, т. е. в описаниях XIX—XX вв., сформировалась под влиянием указов

²⁹ Maindron E. Op. cit., p. 95.

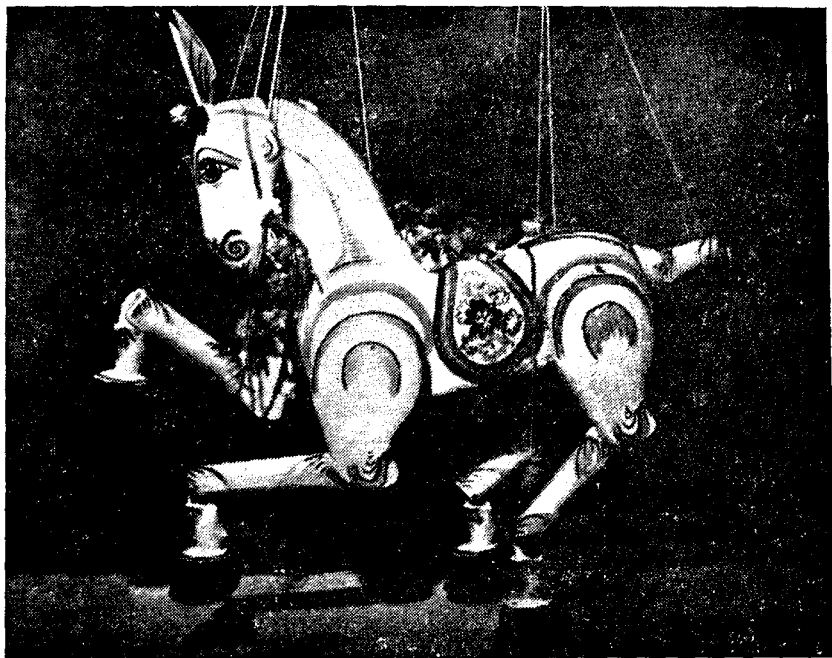

Рис. 5. Конь. Бирманская марионетка XX века

У То. Пьесы этой части не были специально кукольными, они заимствовались из репертуара живых актеров. Как уже говорилось, сюжеты были основаны на джатаках или событиях национальной истории, зафиксированных в хрониках бирманских королей. В XIX в. часто исполнялись пьесы знаменитых бирманских драматургов У Чин У и У Поун Ня, созданные уже после смерти У То³⁰.

Любая пьеса второй части начиналась выходом четырех министров. Каждый держал многословную речь. Потом главный из них обращался к музыкантам с просьбой проводить их в тронный зал королевского дворца (это редкий в традиционном театре кукол Азии прием общения куклы с человеком, как бы выход кукольного персонажа из замкнутого мира сценического действия во внешний мир: такой тип общения стал широко применяться позднее, в новом современном театре). Обращение звучало примерно так: «Мы обсудили дела страны и сейчас явимся на аудиенцию к королю. Музыканты! Пусть мы услышим королевскую музыку!» Министры шли торжественно и важно, размахивая руками, вдоль всей сцены. Их проход сопровождала мелодия «шествие министров». Когда процессия приближалась к королевскому трону, мелодия менялась на «королевский марш», он открывал следующую сцену, аудиенцию короля. Выходил король. Его аудиенция была похожа по форме на совещание министров, каждый участник произносил длинный монолог. Обе эти сцены бирманцы называют прологом. Из них зрители узнают, о чем пойдет речь в представлении, какую пьесу они увидят. Независимо от того, будет ли король участвовать в дальнейших событиях, любая пьеса второй части начинается «советом министров» и «аудиенцией короля». Лишь после них начинается интрига. Обязательный набор сцен, строгая последовательность их исполнения, жесткий композиционный каркас бирманским пьесам не свойственны. Только в финале снова обнаруживаются стабильные моменты: развязка происходит всегда неожиданно, без логических мотивировок — в действие вмешивается повелитель богов Тиджамин и своей волей поворачивает события к благополучному разре-

³⁰ На русский язык их пьесы не переводились. Об их содержании см.: *Htin Aung. Burmese Drama*; Попов Г. П. Указ. раб.; Бурман А. Д. Бирманская драма середины XIX в. М., 1973.

лению; герой пьесы, как правило, удаляется от мирских дел и становится отшельником³¹.

Первую часть представления считают наиболее старой. Полагают также, что во второй части до XIX в. вместо большой пьесы исполнялся любовный дуэт принца и принцессы, которые вели диалог, пели и танцевали. Глубинный смысл первой части неясен. Историки, придерживающиеся гипотезы о самозарождении бирманских марионеток, усматривают связь танцев зверей с анимистическими ритуальными танцами, сохранившимися до XX в. у первобытных горных племен Бирмы, в которых мужчины пляшут, наряжаясь животными. По мнению Дж. Тилакашири, пантомимические сценки, поединки зверей показывали для забавы. Если допускать возможность китайских корней, то короткие танцевальные и боевые номера могли быть занесены китайскими актерами. Смысл второй части проступает отчетливо: она пропитана идеями буддизма.

Об условностях этого театра можно сказать немного — почти никто из заставших эту традицию не обращал на них внимания. Прежде всего следует отметить, что бирманская кукольная традиция тяготеет к иллюзионным театрам (типа китайского). Далее роль слова здесь велика: словесный канал отключается только в первой пантомимической части, вторую же понять без опоры на слово совершенно невозможно. Наиболее характерная, преобладающая форма слова — монолог. Пластика кукол реалистична, т. е. движения марионеток довольно точно копируют поведение и жесты людей и животных. Большое место отводится танцам кукол не только в первой, но и во второй части. «Главные танцы» второй части — длинный дуэт героя принца и героини-принцессы — происходили после полуночи, между двумя и тремя часами. Танцевальный дуэт включался в любую пьесу под предлогом придворного праздника, свадебного пира и т. п. Именно эти танцы служили эталоном для живых актеров, обучавшихся классическому бирманскому танцу. В музыкальное сопровождение входил традиционный набор мелодий, хорошо знакомых зрителям. Соответствующая сцене мелодия предвещала выход кукол, по звукам музыки местная публика понимала, какого рода действие последует, кто из персонажей явится. Ряд условностей был связан с деталями сценической обстановки, их расположением на сцене. Важную роль выполняло бутафорское дерево: оно обозначало лес, но, поставленное в центре сцены, указывало также на границу между двумя царствами. Форма кукольных сидений (очень красиво вырезанных из дерева) была связана с рангом персонажа (король, например, сидел на самом большом и замысловатом по форме сиденье — трехместном троне с высокой спинкой, контуры которой напоминают шпили паганских храмов). Еще одним знаком социального положения служили зонты. Около трона короля ставили белые зонты, около трона принца-наследника — золотые. Декоративное оформление дополняли фоновые занавесы. В некоторых труппах их меняли по ходу действия. Так, Кеннет Син вспоминает представление, в котором первая часть шла на фоне занавеса, расписанного под лес, а вторая — на фоне задника, изображавшего тронный зал дворца.

Представления народных бирманских марионеток по своей форме (приподнятая над землей сцена, большое количество нитей, управляющих куклами, иллюзионный способ показа, отсутствие рассказчика, стоящего около сцены) примыкает к дальневосточному марионеточному театру. Учитывая непосредственное соседство Китая, сходные с южнокитайским театром черты вряд ли можно отнести к случайным совпадениям. К сожалению, выяснение многих важных подробностей представления, способствовавших бы выявлению его родины, сейчас крайне затруднено. Не удается установить и время появления марионеток в Бирме, но слабое развитие религиозно-культовой стороны в их представлениях скорее всего свидетельствует о том, что корни бирманского театра марионеток не слишком глубоко уходят в древность.

³¹ Ye Dway. Op. cit., p. 11.

РАБОТА ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1985 ГОДУ

В 1985 г., завершающем году одиннадцатой пятилетки, отмеченном такими важнейшими событиями в жизни нашего народа, как 40-летие Победы в Великой Отечественной войне, апрельский и октябрьский Пленумы ЦК КПСС, коллектив института провел большую исследовательскую, экспедиционную полевую и научно-организационную работу. Завершены 26 работ государственного плана, из них 6 — досрочно. Институт выпустил 26 книг (общий объем 476 печ. л.). Кроме того, вышли в свет 15 внеплановых книг (общий объем 300 печ. л.), написанные сотрудниками института.

В научной деятельности института по-прежнему большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки. Им были посвящены опубликованный сборник «Этнографические исследования развития культуры» (20 печ. л., отв. ред. А. И. Першиц, Н. Б. Тер-Акопян) и завершенная монография Ю. В. Бромлея «Этносоциальные проблемы: история и современность».

Теоретические и методологические проблемы, как и ранее, освещались в материалах дискуссий на страницах журнала «Советская этнография», в ежегоднике «Расы и народы», в подготавливаемом к печати совместно с учеными ГДР коллективном труде «Этнография. Основные понятия и термины». В минувшем году готовился к печати его первый выпуск «Социально-экономические отношения и соционормативная культура» (отв. ред. А. И. Першиц, Д. Трайде).

Теоретическая и методологическая работа органически связана с созданием обобщающих трудов. В этой связи особо следует отметить завершение работы по созданию фундаментальной географо-этнографической 20-томной научно-популярной серии «Страны и народы». В минувшем году вышел заключительный том — «Земля и человечество. Глобальные проблемы». Опубликованы также обобщающие труды: Б. В. Андрианов — «Неоселое население мира» (20 печ. л.), С. И. Брук — «Этнодемографические процессы. Население мира на пороге XXI в.» (на английском и испанском яз., 11 печ. л.), В. П. Алексеев — «Человек: эволюция и таксономия» (22 печ. л.).

Исследованию современных культурно-бытовых и этнических процессов у народов СССР посвящены опубликованные в отчетном году книги: «Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера» (13 печ. л., отв. ред. И. С. Гурвич) и «Статистика в этнографии» (14 печ. л., отв. ред. В. В. Пименов).

Завершены коллективные монографии «Этническое развитие народов Севера в советский период» (отв. ред. И. С. Гурвич), «Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана» (редколлегия: Т. А. Жданко, Г. П. Васильева, Н. П. Лобачева) и «Этническая группа в современном советском городе» (Г. В. Старовойтовой).

Этническим и культурно-бытовым процессам за рубежом посвящены вышедшая в свет книга М. Г. Котовской «Этнические процессы в Бразилии» (10 печ. л.) и завершенная монография М. Ю. Мартыновой «Проблемы этнической истории хорватов XVIII—XIX вв.».

Одним из важнейших направлений научной деятельности института по-прежнему оставалось изучение традиционных культур народов мира. По этой тематике изданы шесть книг, три из них посвящены народам СССР: «Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв.» (18 печ. л., отв. ред. И. С. Гурвич) — совместно с ДВНЦ АН СССР монографии В. А. Туголукова «Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири» (22 печ. л.) и Л. А. Тульцевой «Современные праздники и обряды народов СССР» (11 печ. л.).

Подготовлены к изданию коллективные работы: «Община, семья и духовная культура русских (материалы к историко-этнографическому атласу)» (отв. ред. М. М. Громыко), «Традиционное воспитание детей у народов Сибири» (отв. ред. Ч. М. Таксами), «Вопросы исторической этнографии народов Кавказа» (отв. ред. В. К. Гарданов, Н. Г. Волкова), «Этнография североуральского крестьянства XVII—XX вв.» (отв. ред. В. А. Александров), а также монографии О. Р. Будины, М. Н. Шмелевой «Город и этнические традиции русских в XIX—XX вв.», Т. А. Брнштам «Молодежь в обрядовой жизни общины XIX — начала XX в. (Половозрастной аспект традиционной культуры)», Л. М. Сабуровой «Русское население Восточной Сибири».

По традиционной культуре зарубежных народов опубликованы в минувшем году: коллективная монография «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год» (21 печ. л., отв. ред. Р. Ш. Джарыылгасинова, М. В. Крюков), сборник «Исторические судьбы американских индейцев» (28 печ. л., отв. ред. В. А. Тишков) и монография Н. А. Бутинова «Социальная организация полинезийцев» (16 печ. л.).

Подготовлены к печати коллективные работы: «Этногенез и этническая история народов Европы» (отв. ред. С. А. Арутюнов), «Этнография детства. Традиционные системы воспитания детей и подростков у народов Юго-Восточной и Южной Азии» (отв. ред. И. С. Кон), «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл» (отв. ред. Р. Ш. Джарыылгасинова, М. В. Крюков), «Африканцы в странах Америки. Негритянский компонент в формировании наций Западного полушария» (отв. ред. Э. Л. Нитобург), «Этническая экология американских индейцев» (отв. ред. В. А. Тишков), «Этнография сельской зоны Кубы. Провинция Матансас» (отв. ред. Э. Г. Александренков); индивидуальные монографии: А. А. Бернова «Традиционный театр народов Индонезии», Р. А. Ксенофонтова «Японский орнамент (истoki и традиции)», М. К. Кудрявцев «Кастовая система в Индии», В. В. Матвеев «Феодализм в Северной Африке», М. А. Членов «Корпус систем родства народов Юго-Восточной Азии», вып. 1.

Проблеме этнического и историко-этнографического картографирования посвящены выпущенные в свет региональный «Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие» (22 печ. л. + 54 карты, отв. ред. М. Г. Рабинович) и три карты для средней школы: «Плотность населения СССР» (в масштабе 1 : 5 млн.); «Народы СССР» (в масштабе 1 : 5 млн.); «Народы мира» (в масштабе 1 : 20 млн.); (все под редакцией С. И. Брука).

Завершена также работа над «Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана. Жилище» (отв. ред. Т. А. Жданко) и картой для вузов «Народы СССР» (в масштабе 1 : 4 млн.) (ред. С. И. Брук).

Проблемам истории первобытного и рабовладельческого обществ, арханческих общественных отношений посвящены подготовленные к печати монографии Л. Е. Куббеля «Очерки политической и потестарной этнографии», А. В. Виноградова, М. А. Итиной «Южное Приаралье в эпоху камня и бронзы», Л. М. Левиной «Культура племен низовьев Сырдарьи с середины I тыс. до н. э. по I тыс. н. э. (Джетысарская культура)», М. С. Лапирова-Скобло «Оборонительные сооружения древнего Хорезма».

По проблемам истории религии и атеизма велась работа над находящимся в издательстве четвертым выпуском ежегодника «Религии мира», подготовлена к печати монография В. Н. Басилова «Среднеазиатское шаманство как историко-этнографический источник».

Исследованию фольклора посвящены опубликованный сборник «Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья» (23 печ. л., составители Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева) и подготовленный к изданию в переводе на немецкий язык «Сравнительный указатель сюжетов восточно-славянских сказок» (отв. ред. К. В. Чистов).

По проблемам антропологии в истекшем году изданы: В. П. Алексеевым, помимо вышеупомянутой книги, монография «Географические очаги формирования человеческих рас» (17 печ. л.) и работа Н. А. Дубовой «Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этнические проблемы Среднеазиатского региона» (15 а. л.) (рукопись депонирована ВИНТИ). Подготовлены к печати: коллективные работы: «Половой диморфизм морфологических признаков у человека» (отв. ред. В. П. Алексеев, Г. Л. Хит), «Антропологические типы древнего населения на территории СССР (восстановление лица по черепу)» (отв. ред. Г. В. Лебединская), а также монография А. А. Зубова и Н. И. Халдеевой «Антропологические аспекты одонтологии».

Критическому анализу зарубежных течений в этнографии посвящены две вышедшие в свет книги: опубликованный на французском языке сборник «Западная этнология: школы, идеи, концепции» (20 печ. л., отв. ред. И. Р. Григулевич, С. Я. Козлов) и монография Т. В. Таболиной «Этническая проблематика в современной американской науке (Критический анализ основных этносоциологических концепций)» (12 печ. л.). Подготовлены к изданию обобщающий коллективный труд в четырех выпусках «Современная зарубежная этнология» (редколлегия: Ю. В. Бромлей, И. Р. Григулевич, С. И. Брук, С. А. Арутюнов, С. Я. Козлов, Э. А. Рикман, Е. А. Веселкин) и 17-й выпуск ежегодника «Расы и народы» (отв. ред. И. Р. Григулевич).

Истории науки посвящены четыре опубликованные книги: «Русская Америка в „Записках“ Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск». Составление, предисловие, комментарий и указатели С. Г. Федоровой (33 печ. л.), реферативный сборник «Североамериканские индейцы в прошлом и настоящем» (19 печ. л., редколлегия — Ш. А. Богина, И. Н. Кравченко, В. А. Шиков; совместно с ИНИОН АН СССР), а также монография В. А. Тишкова «История и историки в США» (22 печ. л.) и В. В. Малавина «Чжуан-зы» (19 печ. л.).

Продолжалась работа по подготовке к печати сборника «Русская Америка глазами современников» (отв. ред. Р. В. Кинжалов, составители Е. А. Окладникова, Р. Г. Ляпунова, Г. И. Дзенискевич), завершена работа Б. М. Фирсова «Результаты экспертизы материалов Этнографического бюро В. Н. Тенишева».

По материалам коллекций МАЭ опубликована книга З. Л. Пугач «Культура народов верховьев Нила (по материалам путешествий В. В. Юнкера)» (14 печ. л.) и подготовлен к печати сборник «Материальная и духовная культура народов Сибири» (Сборник МАЭ, т. 42, отв. ред. Ч. М. Таксами).

Значительную работу по освещению важнейших проблем этнографической науки в минувшем году провела редакция журнала «Советская этнография». Были опублико-

ваны статьи по теоретическим проблемам этнографии (А. К. Байбурин, № 2; Л. М. Дрбижева, № 5; Н. Г. Волкова, № 5; Л. Е. Куббель, № 6); этнографическому изучению современности (Л. В. Остапенко, А. А. Сусоколов, № 2; Р. Г. Кузеев, В. Я. Бабенко, № 4); этнической истории разных народов (Э. Л. Нитобург, № 4; Н. А. Красновский, № 6).

Видное место в журнале было уделено героическому подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны, а также деятельности советских этнографов в этот период (Ю. В. Арутюнян, С. Ф. Ремизова, № 2; И. В. Коваль, № 2; Б. П. Кирдан, № 3). Было отмечено 80-летие первой Российской революции (Н. С. Полищук, № 6) и 150-летие «Калевалы» (У. С. Конкка, № 3).

Проведены дискуссии по проблемам: М. М. Громыко (о месте сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций, № 1, 2); С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой (о полевых этнографических исследованиях, № 3—6).

История этнографической науки рассматривалась в работах Т. К. Шафрановской и Б. Н. Комиссарова (№ 1), Э. В. Померанцевой (№ 6), А. А. Формозова (№ 6), И. И. Шангиной (№ 6) и др. Были опубликованы статьи ученых из ГДР (Ф. Роуз и Б. Шепс, № 1) и Иордании (Э. Оршо, № 6).

По-прежнему регулярно освещалась научная жизнь в СССР и за рубежом, рецензировались новейшие научные публикации.

Важное место в деятельности института по-прежнему занимали экспедиционные исследования. В 1985 г. состоялись 53 полевых выезда в разные регионы Советского Союза. Главные направления в сборе полевых материалов — изучение современных этнических и культурно-бытовых процессов, выявление соотношения традиционного и нового в современной материальной и духовной культуре народов Советского Союза. Особое внимание в экспедиционной работе было уделено изучению семьи у народов СССР.

Четыре отряда Комплексной межинститутской экспедиции по изучению долготелства собирали материалы на Украине и в Азербайджане.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в составе шести отрядов в соответствии со своей многолетней программой изучала археологические памятники в зоне земель древнего орошения.

Как и в прежние годы, результаты экспедиционных исследований института нашли применение в практике социалистического строительства. Так, сектор этнографии народов Крайнего Севера направил в государственные органы научные разработки по вопросам современного состояния хозяйства, культуры и быта коренных народностей Севера, содержащие практические рекомендации. Научные разработки были составлены также по материалам этносоциологических экспедиций, в частности об этносоциальных проблемах миграции из Средней Азии в села Нечерноземья, итогах опроса населения ряда городов Татарской АССР.

Как и ранее, важное место в деятельности института занимала подготовка этнографических кадров.

В 1985 г. в аспирантуре института (главным образом целевой) обучалось 79 человек (61 в Москве, 18 в Ленинграде). Тематика работ аспирантов тесно связана с основными проблемами научно-исследовательской деятельности Института этнографии АН СССР.

* * *

Большая работа была проведена специализированными учеными советами института (в Москве и Ленинграде). На заседаниях ученых советов состоялись защиты пяти докторских и 23 кандидатских диссертаций.

На ученых советах института были обсуждены доклады Ю. В. Бромлея «Об итогах научно-исследовательской деятельности Института этнографии АН СССР в 1984 г. и задачах на 1985 г.» и «Об основных проблемах плана Института этнографии АН СССР на двенадцатую пятилетку», заслушаны доклады И. М. Семашко — «Всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне», М. Г. Рабиновича — «Вклад советских этнографов в Великую Победу советского народа».

Несколько заседаний ученого совета в Москве было проведено совместно с группой по разработке целевой комплексной программы «Этногенез и этнические процессы современности у народов мира», на которых были обсуждены доклады В. А. Шнирельмана — «Проблема этноса эпохи первобытности», В. И. Фрейдзона — «Проблема формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе», И. Ф. Вардуля — «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока».

На заседаниях ученого совета в Москве и Ленинграде были заслушаны также сообщения Н. В. Шлыгиной «О сотрудничестве между СССР и Финляндией в области этнографии и антропологии (к 30-летию заключения Соглашения о научно-техническом сотрудничестве СССР и Финляндии)», М. А. Итиной «Этнокультурные связи Финляндии с Востоком», М. В. Крюкова «Кочевые культуры Евразии», Ю. В. Арутюнян и И. А. Гришаева (Москва, сентябрь) — «О результатах международного исследования „Семья и культура“», С. И. Брука, М. С. Кашубы, М. Я. Устиновой и А. А. Сусоколова — «О всесоюзной конференции „Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества“» (Махачкала, сентябрь), В. А. Тишкова — «Об итогах II всесоюзного симпозиума по проблемам индеевистики», Д. Д. Тумаркина — о результатах зарубежной командировки на Филиппины, К. В. Чистова — «О Восьмой международной конференции по прибалтийским исследованиям», А. Б. Слеваковского — «О ходе выполнения плана научно-исследовательской и музейной работы за первое полугодие 1985 г.»

А. М. Решетова и Л. Л. Викторовой — о результатах экспедиционной работы в Монгольской Народной Республике, а также отчеты заведующих секторами об итогах работы за 5 лет: И. С. Гурвича (сектор этнографии народов Севера), С. И. Брука (Лаборатория этнической статистики и картографии), А. И. Першица (сектор истории первобытного общества), Ю. В. Кнорозова (группа этнической семиотики).

В 1985 г. в институте продолжал работать методологический семинар. Занятия были посвящены в основном рассмотрению объекта, предмета и методов этнографии в связи с теорией общественно-экономических формаций. Значительное внимание было уделено также обсуждению задач этнографической науки в свете новой редакции Программы КПСС.

Ученые советы по отчетному году провели большую научно-организационную работу, связанную с избранием на новые должности и переподготовкой сотрудников, а также с обсуждением и утверждением к печати трудов института.

* * *

В 1985 г. сотрудники Института этнографии АН СССР участвовали более чем в 50 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах, для которых подготовили свыше 180 докладов.

Наиболее значительными были: Всесоюзная конференция «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества» (Махачкала, сентябрь)¹, Пятая Всесоюзная конференция «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» на тему «Проблемы атласной картографии» (Уфа, январь)², Всесоюзная научно-практическая конференция «Управление социалистическим городом» (Москва, апрель), конференция «Массовая коммуникация и развитие социалистического образа жизни» (Тарту, октябрь), IV Всесоюзная тюркологическая конференция (Ашхабад, сентябрь), всесоюзные конференции «Генезис и эволюция этнических культур в Сибири» (Новосибирск, май), «Социально-культурные процессы в советской Сибири» (Омск, ноябрь), «Стенам и башням Московского Кремля 500 лет» (Москва, ноябрь), симпозиум «Героико-исторический эпос и его значение для художественной культуры народов Кавказа» (Грозный, сентябрь), конференции «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР» (Устинов, сентябрь), «Актуальные вопросы общественных наук» (Петрозаводск, апрель), II Всесоюзная антропологическая конференция (Тарту, май), XVI Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов (Москва, май), конференция «Проблемы этнической истории балтских народов» (Рига, октябрь), XIV Прибалтийская конференция по истории науки (Рига, февраль), конференция «Этнография Петербурга — Ленинграда», II Всесоюзный симпозиум «Проблемы экологии американских индейцев» (Звенигород, ноябрь), XVI конференция «Общество и государство в Китае» (Москва, февраль), симпозиум «Русско-славянско-балканские культурные контакты эпохи формирования наций» (Ленинград, ноябрь), конференция «Проблемы изучения культуры народов Пиренейского полуострова. Основные этапы формирования и развития» (Москва, ноябрь), X сессия ленинградских арабистов (Ленинград, май), Третьи Чебоксарские чтения (Москва, апрель), Седьмые Маклаевские чтения (Москва, апрель), Среднеазиатско-Кавказские чтения (Ленинград, апрель), XV очередная конференция молодых специалистов «Этнокультурные процессы в центре и на периферии этнического ареала» (Москва, апрель) и др.

* * *

В минувшем году еще более расширились контакты с научными учреждениями зарубежных стран.

В течение года в 19 зарубежных стран выезжали 62 сотрудника института: в социалистические — 36, в капиталистические — 26. Институт принял более 160 ученых из 24 стран Европы, Азии, Африки и Америки, продолжил многостороннее сотрудничество с научными центрами социалистических стран на основе Долгосрочной программы многостороннего сотрудничества социалистических стран в области общественных наук на 1981—1985 гг.

Двустороннее сотрудничество осуществлялось с академиями наук ГДР, Кубы, МНР и с Комитетом общественных наук СРВ. В соответствии с проблемно-тематическими планами разрабатывались следующие темы: с Академией наук ГДР — «Методологические проблемы этнографической науки и ее основные категории», «История, этнография, культура и языки славянских народов»; с Академией наук Кубы — «Этнографический атлас Кубы»; с Академией наук МНР — «Этническая история и современные этнокультурные процессы в МНР»; с Комитетом общественных наук СРВ — «Этногенез и этническая история народностей Вьетнама», «Национальные меньшинства СРВ в условиях социализма».

Советские ученые продолжали активно участвовать в реферативном журнале европейских социалистических стран «Демос», издаваемом в ГДР. В 1985 г. в журнал для публикации этнографами было направлено более 80 рефератов, освещающих работы по этнографии и фольклористике, изданные в Советском Союзе.

¹ Подробнее см.: Гришаев И. А. Всесоюзная конференция «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». — Сов. этнография, 1986, № 3.

² Подробнее см.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы Пятой конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985.

Развитию и углублению научных связей института с капиталистическими и развивающимися странами способствовало продолжающееся сотрудничество с Финляндией, США, Францией, Канадой. В рамках советско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области антропологии и этнографии велась подготовка советско-финляндского сборника «Антропология и популяционная генетика башкир». Кроме того, ученые института активно участвовали в работе VI Международного конгресса финно-угров (Сыктывкар, июль).

Советско-американское сотрудничество (в рамках Комиссии АН СССР и Американского совета познавательных обществ в области общественных наук) в 1985 г. осуществлялось по двум проблемам: «Взаимодействие культур народов мира. Сравнительное этнографо-антропологическое изучение аборигенного населения Северной Сибири и Северной Америки» и «Сравнительное изучение этнических процессов в СССР и США: историко-культурные аспекты». По первой проблеме продолжалась подготовительная работа по организации советско-американо-канадской выставки «Традиционные культуры северной части Тихоокеанского бассейна», по второй — состоялся советско-американский симпозиум на тему «Факторы сохранения и изменения этнических характеристик в промышленно развитых странах» (Киев, июнь).

Продолжалось начатое в начале 1970-х годов советско-французское сотрудничество по изучению этнографии народов Крайнего Севера. В минувшем году проводилась подготовка к III советско-французскому симпозиуму в Ленинграде.

В 1985 г. сотрудники института участвовали в работе Международного союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН), Международного общества этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ), Международного общества исследователей повествовательного фольклора (МОИПФ) и других международных и национальных этнографических и антропологических организаций.

* * *

Большое внимание в истекшем году по-прежнему уделялось популяризации этнографических знаний. Совместно с Институтом географии АН СССР завершена упомянутая выше 20-томная серия «Страны и народы». Опубликованы также книги: С. А. Арутюнов «У берегов Ледовитого океана» (15 печ. л.), Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный «Создано человечеством» (20 печ. л.), М. М. Громыко «Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850—1854 гг.» (10 печ. л.), И. Р. Григулевич «Инквизиция». 3-е изд. (26 печ. л.), Б. Н. Путилов «Н. Н. Миклухо-Маклай. Публицист, ученый, гуманист» (13 печ. л.), Ю. Б. Симченко «Зимняя дорога» (15 печ. л.), Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксаров «Народы, расы, культуры», 2-е изд. (16 печ. л.), Т. А. Галкина, Н. А. Красновская «У карты мира. Италия» (7 печ. л.). В Молдавии в переводе на молдавский язык вышла в свет книга И. С. Кона «Психология старшеклассника» (14 печ. л.).

За рубежом вышли в свет книги: С. И. Брук «Население мира. Этнодемографический справочник» (Китай), И. Р. Григулевич «Эриесто Че Гевара», 2-е изд. (ГДР) И. А. Кривелев «Библия: историко-критический анализ» (ЧССР, Италия), а также «История религий», т. I, II (Испания), И. С. Кон «Введение в сексологию» (ГДР, ФРГ) и «Психология старшеклассника» (НРБ), М. Г. Рабинович «Очерки этнографии русского феодального города» (Польша), Ю. Б. Симченко (совместно с И. Корттом) «Нганасано-немецкий словарь» в двух частях (ФРГ) и «На краю Арктики» (ГДР). В Дели на английском языке вышла в свет книга «История орошения и осушения в СССР», т. (один из редакторов и автор семи разделов Б. В. Андрианов).

Сотрудники института опубликовали несколько десятков статей в различных журналах и газетах. По телевидению выступали С. И. Брук, И. С. Кон, Б. Н. Путилов, А. Е. Тер-Саркисянц, К. В. Чистов, по радио — Б. Н. Путилов.

Сотрудники института прочитали более 1200 лекций в Москве, Ленинграде, а также в городах и селах различных республик и областей.

Большую работу по пропаганде этнографических и антропологических знаний продолжал вести Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. В 1985 г. его посетили более 300 тыс. человек, для которых экскурсоводами Ленинградского экскурсионного бюро было проведено 5825 экскурсий. Экспонаты музея широко демонстрировались в других музеях нашей страны (Эрмитаж, Государственный музей этнографии народов СССР, Музей истории религии и атеизма, Зоологический музей АН СССР, Владимиро-Суздальский музей-заповедник и др.) и в Финляндии (выставки «Кочевники Евразии» и «Все о мамонте»).

В минувшем году институт участвовал в выставке АН СССР «Вклад советских ученых в Великую Победу» на ВДНХ СССР.

В отчетном году деятельность института и его отдельных сотрудников получила высокую оценку. В соответствии с Постановлением Главного комитета ВДНХ СССР институт был награжден дипломом I степени, Ю. В. Бромлей — золотой, Г. И. Анохин — серебряной, С. И. Брук и В. И. Козлов — бронзовыми медалями. Советский подготовительный комитет XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов наградил Институт этнографии АН СССР Почетным дипломом, Л. М. Дробижеву и В. А. Тишкова — грамотами, семи сотрудникам выразил благодарность.

Знака «Ударник одиннадцатой пятилетки» были удостоены Т. А. Жданко и Н. А. Бутинов.

По итогам социалистического соревнования среди институтов, входящих в Отделение истории АН СССР, Институт этнографии АН СССР занял первое место.

А. Е. Тер-Саркисянц

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕМЬЯ У НАРОДОВ СССР В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА»

24—26 сентября 1985 г. в г. Махачкале состоялась Всесоюзная научная конференция «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». Она была организована ордена Дружбы народов Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, ордена Знак почета Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР и Советской Социологической Ассоциацией.

В работе конференции участвовали 132 человека из 43 городов 14 союзных и 18 автономных республик и 2 автономных областей. Среди них были ученые Академии наук СССР, академий наук союзных республик, научно-исследовательских институтов автономных республик и автономных областей, преподаватели высших учебных заведений, а также работники Дагестанского обкома КПСС, Совета Министров республики и республиканских общественных организаций.

Отдавая себе отчет о том, что невозможно охватить весь круг проблем, связанных с исследованиями семьи, организаторы конференции еще при ее подготовке попытались сконцентрировать внимание будущих участников на некоторых наиболее актуальных проблемах. В качестве таковых были выбраны: 1. Роль семьи в формировании национального самосознания и интернационализма; 2. Влияние семьи на демографические процессы.

В результате анализа представленных на конференцию тезисов¹ специально созданной редакционной комиссией Института этнографии АН СССР были созданы три секции: «Роль семьи в передаче этнических традиций, формирование национального самосознания и интернационализма»; «Семья и этнодемографические процессы»; «Традиции и инновации в брачно-семейных отношениях».

Конференцию открыл директор Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Г. Г. Гамзатов (Махачкала), пожелавший ее участникам плодотворной работы. Затем с докладом «Социализм и совершенствование семейно-бытовых отношений народов Дагестана» выступила секретарь Дагестанского обкома КПСС П. К. Чурланова (Махачкала). Отметив в начале своего выступления актуальность темы конференции, она рассказала об изменениях, происшедших за годы Советской власти в семейной жизни народов Дагестана и обратила внимание присутствующих на малозученные, но в условиях многонационального Дагестана практически значимые ее стороны. После краткого вступительного слова зам. директора Института этнографии АН СССР С. И. Брука (Москва) ученый секретарь Института А. Е. Тер-Саркисянц (Москва) прочитала доклад акад. Ю. В. Бромлея «Этнографическая наука на рубеже двух пятилеток», в котором содержался анализ состояния современных этнографических исследований: изучаемые проблемы, степень их исследованности, достижения этнографов, основные направления современных исследований.

Т. А. Жданко (Москва) выступила с докладом «Общесоветское и национально-региональное в сфере быта сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана. Этнографические исследования 1980-х гг.», в котором охарактеризовала координируемое Институтом этнографии АН СССР коллективное региональное исследование «Новое и традиционное в быту сельской семьи у народов Средней Азии и Казахстана». Работа над этой темой ведется в сотрудничестве с этнографами научных центров республик региона по единому плану и программе.

Проблемы, затронутые Т. А. Жданко, нашли естественное продолжение в докладе С. Ш. Гаджиевой (Махачкала) «Современная семья в Дагестане: традиции и новации». Изменения в семейно-бытовом укладе всех народов Дагестана, по мнению докладчицы, объясняются новым общественно-экономическим положением, ростом образования и культуры женщин, изменением их роли в семье. Это в свою очередь, повлияло на распределение внутрисемейных ролей, внутрисемейные отношения, и как следствие этого — на морально-психологический микроклимат в семье. Изменения кос-

¹ См.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». Махачкала, 1985.

нулись также и характера заключения браков и свадебной обрядности в целом. В заключение докладчица акцентировала внимание на важности изучения сложной диалектической взаимосвязи традиций и новаций, которая придает процессу развития семьи специфический характер.

И. С. Кон (Москва) привлек внимание участников конференции к одной из наименее исследованных проблем семьи — проблеме отцовства. Его доклад «Отец как воспитатель (Этнические аспекты)» содержал анализ методологических и теоретических вопросов изучения отцовства. Акцент именно на теоретических проблемах вполне естествен, так как длительное время родительство сплошь и рядом молчаливо отождествлялось с материнством, и эмпирические данные о воспитательных функциях отца весьма немногочисленны. В докладе были намечены пути изучения этой исключительно важной проблемы.

О. А. Ганцкая (Москва) в докладе «Семья: структура, функции, типы» рассмотрела во многом дискуссионные вопросы классификации и типологии семьи.

И. А. Гришаев (Москва) остановился на возможностях применения системного подхода в исследованиях семьи. По мнению докладчика, несмотря на многочисленные трудности последовательного применения системного подхода к исследованию конкретных социальных объектов, даже использование его общих принципов может привести к новым результатам.

Э. К. Васильева (Ленинград), выступившая с докладом «Семья и дети у народов СССР: ситуация, проблемы, мнения», убедительно обосновала тезис о том, что этнические общности с экстремальными демографическими характеристиками представляют особый интерес как объекты исследования при изучении роли семейного фактора в формировании новых поколений членов нашего общества.

В докладе М. М. Громыко (Москва) «Семья в системе контактных групп, участвующих в воспроизводстве этнических традиций (К теории вопроса)» внимание было сконцентрировано на выяснении роли малых социальных общностей в воспроизводстве этнических традиций. М. М. Громыко выдвинула ряд интересных гипотез о влиянии этих общностей на этнические аспекты социализации ребенка в семье. Проверка предположенных гипотез, по мнению докладчицы, может позволить по-новому взглянуть на место современной семьи в формировании и сохранении этнических традиций.

М. А. Агларов (Махачкала), рассмотревший формы семьи в Дагестане в прошлом и настоящем, отметил доминирование в современном Дагестане малой семьи. Городской и сельский быт, сложившийся на основе современного индустриального производства и социалистических форм сельского хозяйства, считает докладчик, способствует унификации форм семейного строя, и его особенности перемещаются в сферу бытового правосознания, семейной этики и психологии.

Доклад А. И. Першица (Москва) «К вопросу об общественном и семейном положении женщины (проблема матриархата в современной науке)» прозвучал весьма современно, вызвав у аудитории ассоциации с процессом женской эмансипации и соотношением роли полов в современном обществе.

Н. П. Лобачева (Москва) в докладе «Обрядность — фактор межпоколенной этнической трансмиссии» отметила, что, несмотря на консервативность, обычаи и обряды приобретают новые, рожденные социалистической эпохой, черты. В силу тесной связи обрядности с интимными сторонами жизни семьи, с психологией человека трансформационные процессы чрезвычайно сложны и их закономерности неопределенны.

В докладе Ю. В. Ивановой (Москва) «Этнокультурные факторы в формировании современного свадебного обряда в национальных районах» была прослежена одна из функций свадебного обряда — передача социального опыта от предыдущих поколений к последующим — на примере двух групп албанского населения, живущих в инонациональном окружении.

А. П. Пономарев (Киев) остановился на изучении роли семьи в различных общественных процессах и взаимовлиянии внутренних и внешних связей семьи.

Доклад И. В. Власовой (Москва) завершил программу первого дня работы конференции. Докладчица проанализировала изменения в численности, составе, поколенности русской семьи почти за 70 лет. Были рассмотрены также вопросы взаимоотношений и главенства в семье. По мнению докладчицы, несмотря на общие тенденции, в развитии русской семьи все еще продолжают сохраняться локальные особенности, а также различия между сельской и городской семьей.

Первый день заседаний закончился показом трех интереснейших историко-этнографических фильмов, снятых при участии сотрудников Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы: «Женский костюм народов Дагестана», «Аулы Дагестана» и «Дербент».

25 сентября состоялись секционные заседания, на которых было заслушано 65 докладов.

На заседании 1-й секции — «Роль семьи в передаче этнических традиций, формирование национального самосознания и интернационализма», проходившем под руководством Г. П. Васильевой (Москва), С. Ш. Гаджиевой (Махачкала) и М. Я. Устиновой (Москва), было заслушано 24 доклада, внимание в которых было сосредоточено, главным образом, на двух группах вопросов: 1. Сохранение, изменение и механизмы передачи этнических традиций; 2. Совершенствование современной социалистической общности.

Большинство докладов первой группы было посвящено рассмотрению трудового, нравственного, эстетического воспитания детей в семье, как одного из основных средств передачи этнических традиций и формирования национального самосознания (Е. А. Гагер — Владивосток, Р. Х. Керейтов — Черкесск, Т. С. Макашина — Москва,

С. Х. Мафедзев—Нальчик, Е. В. Рихтер—Таллин, А. В. Смоляк—Москва, У. Х. Шалеев и А. Т. Толеубаев, оба—Алма-Ата). В них с привлечением материалов конкретных исследований, проведенных среди народов СССР, освещалась проблема соотношения и взаимосвязи традиционных и современных норм воспитания детей.

В ряде докладов рассматривалась роль семьи в передаче этнических традиций с учетом влияния более широких родственных и соседских групп. (Е. А. Алексеенко—Ленинград, Ю. Г. Гошко и Р. Ф. Кирчив, оба—Львов, В. П. Курылев—Ленинград, Л. Ф. Моногорова—Москва, И. Мухитдинов—Душанбе, А. Х. Наруск—Таллин, З. И. Хасбулатова—Грозный).

Во всех докладах отмечалось, что демократизация внутрисемейных отношений, характерная для всех народов СССР, приводит ко все большему стиранию различий в арсенале воспитательных воздействий семей различных национальностей. Тем не менее, у разных народов этот процесс имеет некоторые особенности, обусловленные спецификой их этнического, социального и культурного развития, профиля хозяйственной деятельности, образа жизни и другими факторами. Было высказано единодушное мнение о необходимости более углубленного изучения механизма сохранения и передачи в семье лучших народных традиций и использования их в современных условиях, особенно в тех регионах, где в основе жизнедеятельности семьи по-прежнему лежат традиционные виды хозяйственных занятий (А. В. Смоляк, В. М. Шамиладзе—Тбилиси).

Другая группа докладов была посвящена вопросам совершенствования современной социалистической обрядности, ее роли в формировании национального самосознания и интернационализма. В одних докладах рассматривались все семейные обряды (Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фаттыхова—Уфа, Н. К. Гаврилюк—Киев, Г. И. Гадирзаде—Нахичевань, Т. П. Федянович—Москва, Ч. Язлыев—Ашхабад), в других—внимание было сосредоточено на современном состоянии свадебных обрядов (Б. М. Алимова—Махачкала, В. К. Бондарчик, Т. И. Кухаренок—Минск, М. Я. Жорницкая—Москва, Э. Ф. Кисриев—Махачкала). В большинстве докладов констатировалось, что наряду с общими для всех народов новыми чертами, семейные, гражданские, трудовые и другие обряды включают в значительной степени и элементы традиционной обрядности.

Некоторые докладчики (В. К. Бондарчик, Т. И. Кухаренок, Э. Ф. Кисриев) отмечали, что синтез нового и старого не всегда гармоничен и нередко свадебной обрядности присуща излишняя помпезность, связанная с неоправданными материальными затратами, и т. п. В развернувшейся дискуссии было высказано общее мнение о необходимости более активного участия этнографов в разработке и совершенствовании новой обрядности. Итоги дискуссии отражены в принятых секцией следующих рекомендаций: 1. При исследовании роли семьи в этнокультурном воспроизводстве людей непременно должна учитываться и роль многочисленных социальных институтов, участвующих в процессе социализации подрастающего поколения. 2. Необходимо продолжить исследование механизмов диахронной и синхронной передачи бытовой культуры в семье. 3. При изучении современной обрядности как в сельской, так и в городской среде, где она исследована хуже, особое внимание следует обратить на функциональное назначение ее элементов для последующей их оценки, а также на роль семьи в формировании обрядности.

Отмечалось, что успех в решении поставленных проблем возможен лишь при постоянном внимании к методологическим и теоретическим проблемам, неразработанность которых затрудняет осмысление огромного фактического материала, собранного этнографами.

К теме первой секции была близка проблематика третьей секции—«Традиции и инновации в брачно-семейных отношениях». Кураторы: И. А. Гришаев (Москва), А. И. Исламмагомедов (Махачкала), Х. А. Кауанова (Махачкала), М. С. Кашуба (Москва).

В 22 докладах этой секции, основанных на богатом и разнообразном фактическом материале, еще раз была продемонстрирована многоаспектность проблемы «традиции—инновации» и сложность ее изучения. Анализ роли локального и исторического окружения семьи и ее внутренних характеристик в изменении семейно-бытовых традиций (Я. С. Смирнова—Москва) иллюстрировался описанием конкретных перемен в жизни семей различных национальностей (Х. Е. Есбергенов и Ж. Хошниязов—Нукус, Л. Б. Заседателева—Москва, Ф. Д. Люшкевич—Ленинград, М. А. Меретуков—Майкоп, Р. Я. Рассудова—Ленинград, И. М. Шаманов—Черкесск), а также в отдельных сторонах бытовой материальной культуры (Л. Ф. Артюх—Киев, А. И. Исламмагомедов—Махачкала). Доклады, в которых рассматривались вопросы современного брачного выбора и определяющих его факторов (В. Н. Бирин—Петрозаводск, И. Н. Гемуев—Новосибирск), связь брачно-семейных традиций с внутрисемейными отношениями и стабильностью семьи (Т. А. Абдусаламова—Махачкала, М. А. Бекай—Тбилиси, С. А. Лугуев—Махачкала), различные аспекты внутрисемейных отношений (В. Л. Бигвава—Сухуми, И. Ф. Дементьева—Москва, Н. Г. Демерт—Москва, Х. В. Дзугев—Орджоникидзе, Х. А. Ибрагимов—Махачкала, Л. З. Кунижева—Черкесск, А. Е. Сопотова—Москва, П. П. Фокин—Чебоксары)—образовали логически взаимосвязанную цепочку.

Прозвучавшие на секции доклады свидетельствуют о расширении методического арсенала исследователей, наряду с этнографическими все чаще использующими социологические и социально-психологические приемы.

В докладах и последовавшей за ними дискуссии проявились стремление присутствующих разобраться в причинах негативных явлений, сопутствующих развитию брачно-семейных отношений и желание принять более активное участие в создании новой семейной обрядности. При этом отмечалось, что практические успехи в первую очередь зависят от более углубленного изучения механизмов возникновения и функционирования традиций, которые в настоящее время исследованы еще недостаточно.

Доклады, представленные для обсуждения на секции «Семья и этнодемографические процессы» (Кураторы: Э. К. Васильева — Ленинград, М.-З. О. Османов — Махачкала, А. А. Сусоколов, А. Е. Тер-Саркисянц, оба — Москва), отразили прежде всего стремление этнографов вплотную заняться наиболее актуальными этнодемографическими проблемами. Вместе с тем, доклады и ход дискуссий показали, что в данный момент отсутствует четкая постановка исследовательских проблем и что именно поиск такой четкости, взаимопонимания ученых в оценке проблемных ситуаций составляет главную задачу сегодняшнего дня.

Заслушанные на заседании секции доклады (20) охватили четыре группы вопросов: 1. Общая характеристика этнодемографических процессов в различных регионах страны и в зарубежных странах (З. М. Алигаджиева — Махачкала, А. А. Асанканов — Фрунзе, М. С. Кашуба — Москва, П. Кальнюс — Вильнюс, А. И. Климов — Киев, Р. Д. Лях, О. В. Котов — оба Донецк, М. Б. Рогачев — Сыктывкар, Л. И. Семенова — Москва); 2. Межнациональные браки и семьи (Ю. В. Аргудяева — Владивосток, К. Д. Басаева — Улан-Удэ, Д. Г. Брагина — Якутск, П. Б. Мадиева — Махачкала, Л. В. Ракова — Минск, А. А. Сусоколов — Москва, Н. А. Томилов — Омск); 3. Рождаемость и репродуктивные установок у различных национальностей нашей страны (Ш. К. Кадыров — Ашхабад, И. В. Кецохвели — Тбилиси, С. С. Курогло — Кишинев, Р. Н. Мусина — Казань); 4. Проблемы источниковедения в исследовании этнодемографических процессов в СССР (В. И. Васильев — Москва). Деление докладов на группы по тематике достаточно условно, так как во многих из них был затронут весьма широкий круг вопросов.

Интересная, содержательная дискуссия развернулась вокруг роли различных факторов в изменении рождаемости у народов СССР. В докладе Ш. К. Кадырова, например, отмечалось, что наиболее значимым фактором сохранения высокой рождаемости у туркмен является экономическая выгода большого числа детей. Этнокультурные же факторы менее значимы. В противоположность этому мнению были приведены примеры, когда решающую роль играют собственно этнические факторы (С. С. Курогло).

Многие выступавшие (А. Асанканов, Ш. К. Кадыров и др.) подчеркивали, что народы, исповедывавшие в прошлом ислам, гораздо дольше сохраняют высокие нормы рождаемости. Но эта зависимость, как было показано в докладе Р. И. Мусиной, не универсальна: у татар (Татарская АССР) рождаемость никогда не была выше, чем у живущих в том же регионе русских; более того, у татар-кряшен (в прошлом православных) рождаемость и детность остаются, как и прежде, выше, чем у татар-мусульман. В итоге были сделаны выводы о неоднозначности влияния тех или иных факторов на рождаемость в различных этнических средах, о стадийных, а не этнических корнях многодетности.

Немало спорных вопросов выявилось и при обсуждении проблем устойчивости однонациональных и национально-смешанных семей. А. А. Сусоколовым были приведены результаты исследований, свидетельствующие о большей устойчивости однонациональных браков у коренных национальностей республик по сравнению с национально-смешанными браками и однонациональными браками русских, проживающих в тех же республиках. В других выступлениях (Р. Д. Лях, Л. В. Ракова и др.) отмечалось, что эта закономерность не универсальна и обусловлена характеристиками этнической среды. Было обращено внимание на часто встречающееся несовершенство методики анализа устойчивости браков, которое приводит к неадекватным выводам.

Один из результатов оживленной и интересной дискуссии — вывод о целесообразности проведения более узких тематических конференций для выработки общих исследовательских позиций и, в конечном итоге, для повышения эффективности научных исследований этнодемографических проблем. Как и их коллеги из двух других секций, «этнодемографы» высказали ряд практических соображений в целях совершенствования демографической политики. В частности, они рекомендовали шире практиковать сравнительные межрегиональные исследования, основанные на сопоставимых методиках; провести конференцию с привлечением этнографов, демографов и социологов с целью выработки стандартных требований к методикам этнодемографических исследований. Эти рекомендации по своей общей направленности совпадают с предложениями других секций.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы секций и приняты рекомендации конференций, в частности, об изменении формы проведения секционных заседаний. Кураторы секций (М. Я. Устинова, А. А. Сусоколов, М. С. Кашуба) отметили в своих выступлениях, что обсуждение наиболее актуальных проблем, а не докладов делает работу секций более целеустремленной, интересной и плодотворной, и предложили учесть этот опыт при проведении последующих конференций.

В рекомендациях конференции получили отражение наиболее актуальные проблемы исследования семьи, важнейшие практические задачи этнографов и научно-организационные вопросы, решение которых способно повысить эффективность этнографических исследований в нашей стране.

Учитывая особенности демографической ситуации в СССР и этническую дифференциацию демографических процессов, наиболее важными для этнографического исследо-

вания были признаны вопросы, касающиеся участия семьи в физическом и духовном воспроизводстве населения. При этом особое внимание обращалось на необходимость изучения семьи в исторической перспективе и в контексте национальной культуры, взаимодействия с другими социальными институтами. В рекомендациях содержится призыв сосредоточить внимание на наименее разработанных проблемах, в частности, на изучении механизма возникновения и функционирования традиций и современной обрядности в сельской и особенно городской среде. Для более плодотворной работы над этими проблемами предложено улучшить координацию деятельности специалистов, главную роль в которой должен играть Институт этнографии АН СССР.

В заключительном слове С. И. Брук выразил надежду, что с итогами работы конференции и выработанными ею рекомендациями, учитывая разнообразный географический состав ее участников, познакомятся ученые различных научных учреждений страны.

От имени всех участников конференции С. И. Брук поблагодарил Дагестанский обком КПСС, Совет министров Дагестанской АССР и дагестанских коллег за превосходную организацию конференции, за внимание, теплоту, заботу, с какими были встречены в Махачкале ученые из других республик и городов нашей страны.

Закрывая конференцию, директор Дагестанского Института истории, языка и литературы Г. Г. Гамзатов выразил уверенность в том, что результаты ее работы будут способствовать дальнейшим успехам многонациональной советской науки.

Работа конференции широко освещалась в печати. В газете «Дагестанская правда» за 1 окт. 1985 г. были опубликованы доклады П. Чурлановой, Ю. Бромлея, И. Кона.

Телевидение организовало несколько специальных передач, одна из которых длилась около часа.

И. А. Гришаев

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЭТНОГРАФИИ»

28—30 января 1985 г. в Уфе состоялась V конференция по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии, посвященная проблемам картографирования материалов к атласам. Организаторы ее — четыре института АН СССР — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Институт языкознания (Ленинградское отделение), Институт славяноведения и балканистики, Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В работе конференции участвовало более 100 ученых из 17 городов нашей страны, сотрудники ряда институтов АН СССР и союзных республик, высших учебных заведений, этнографических и краеведческих музеев¹.

На пленарных заседаниях было заслушано 8 докладов, на секционных — 52.

Материалы, представленные в докладах и сообщениях, свидетельствовали о многолетней, плодотворной и весьма трудоемкой работе авторских коллективов страны по созданию лингводиалектологических и историко-этнографических атласов различного таксономического уровня. Конференции предшествовали научные поиски решения общих вопросов методологии и методики лингвоэтноареалистики. Результаты их уже отражены в печатных материалах конференций, итоговых обзорах и сборниках совместных публикаций Института этнографии АН СССР и Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, посвященных теории и практике ареальных исследований².

Потребность в оценке накопленного опыта ареальных исследований, сопряженных с созданием атласов, стала особенно острой в последние годы в связи с выходом в свет капитальных трудов с применением метода картографирования, а также с подготовкой к печати и окончанием работ по составлению диалектологических и историко-этнографических атласов.

Первое пленарное заседание конференции открыл Р. Г. Кузеев (Уфа), зам. председателя Башкирского филиала АН СССР. Он подчеркнул научную продуктивность современных ареальных исследований в языкознании и этнографии как одного из перспективнейших научных направлений, с помощью которого обеспечивается возможность комплексных системных исследований территориального варьирования языков и культурных традиций.

Памяти известного отечественного этнографа, антрополога и археолога С. И. Ру-

¹ Ареальные исследования в языкознании и этнографии. — Тезисы V конференции на тему «Проблемы атласной картографии», Уфа, 28—30 января 1985 г. Уфа, 1985.

² Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. — Тезисы конференции. М., 1964; Ареальные исследования в языкознании и этнографии. — Тезисы докладов и обобщений, 9—12 февраля 1971 г. Л., 1971; Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974; Ареальные исследования в языкознании и этнографии. — Тезисы III конференции на тему «Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы». 10—12 февраля 1975. Л., 1975; Сухачев Н. Я. Симпозиум по ареальным исследованиям. — Сов. этнография, 1978, № 5; Ареальные исследования в языкознании и этнографии. — Язык и этнос. Л., 1983.

денко, анализу его многогранной научной деятельности был посвящен доклад Р. Г. Кузеева и Н. В. Бикбулатова (Уфа), отметивших приоритет ученого в применении картографического метода для выделения этнических групп и народностей, проживающих на территории Башкирии.

В программном докладе В. А. Михайлова и Н. Л. Сухачева (Ленинград) «Атласная картография и ареальные исследования» был очерчен круг проблем, характерных для современного этапа развития отечественной картографии. Авторы убедительно аргументировали необходимость объединения усилий для координации источников и методов картографического анализа в языкознании и этнографии. Все более целесообразной, по мнению докладчиков, становится разработка атласов, включающих карты обобщенного, синтетического типа. В нем также обращалось внимание на необходимость использования ЭВМ при составлении карт для атласов. Несомненные преимущества вычислительной техники при создании банка информации для атласов были раскрыты в докладе Н. И. Пшеничниковой (Москва) «Введение в память ЭВМ данных Диалектологического атласа русского языка».

Результатам и проблемам картографирования материалов для атласов на пленарных заседаниях было посвящено 5 докладов. Н. М. Широбокова (Новосибирск), охарактеризовав методику и принципы, использованные в работе над Диалектологическим атласом тюркских языков СССР, акцентировала внимание на необходимости более оперативного решения ряда организационных проблем, связанных с публикацией столь объемных и сложных материалов. Н. Х. Максютова (Уфа) остановилась на проблемах изучения структуры и закономерностей развития башкирского языка и его диалектов. Доклад И. А. Попова (Ленинград) был посвящен характеристике актуальных направлений дальнейшего проведения научного поиска в развитии лингвогеографии и диалектной лексики восточнославянских языков. Докладчик привлек внимание к двум основным перспективным взаимодополняющим направлениям в лингвогеографическом изучении лексики этих народов на современном этапе: создание лексических (с максимально возможным выходом в систему семантических полей) и этнолингвистических атласов. В докладе М. А. Бородинной (Ленинград) была дана сравнительная характеристика типологии ареалов в языкознании (на материалах лингвистических и лингво-этнографических атласов) и этнографии (на материалах «Историко-этнографического атласа „Русские“»). Л. Ф. Артюх и Т. В. Космина (Киев) в докладе «Из опыта создания историко-этнографического атласа Украины» акцентировали внимание на необходимости уточнения понятия «маргинальный историко-этнографический ареал».

Большой интерес вызвал доклад Н. В. Юхневой (Ленинград), посвященный вопросам выделения этнических территорий и классификации этносов по типу расселения. Докладчица предложила очерчивать границы не только основной территории этноса (ОТЭ), но и всей остальной территории его расселения (ТЭ). Для классификации этносов на самом высшем таксономическом уровне Юхнева предложила использовать два признака, которые могут иметь количественное выражение. Один из них (компактность расселения этноса) характеризуется отношением части этноса, проживающей на ОТЭ, ко всей численности этноса. Второй признак (плотность ОТЭ) характеризуется долей изучаемого этноса во всем населении ОТЭ. На основе показателей компактности и плотности может быть составлена двухмерная классификационная таблица.

На заседаниях секции «Картографирование в этнографии» было зачитано 26 докладов, 8 из них были посвящены анализу работы по созданию историко-этнографических атласов.

В 4 докладах был отражен опыт белорусских исследователей (все — из Минска). В. С. Гурков посвятил свой доклад значению для разработки проблем этнической истории белорусского народа выделенных зональных типов жилища (среднебелорусский, западнополюсский и северо-восточный) и внутризональных их вариантов. В. С. Титов заострил внимание на значимости для картографирования тех этнографических реалий, которые обладают локально выраженной типологической вариативностью, универсальностью и территориальной прикреплённостью. Особенно тщательно, по мнению автора, следует учитывать самобытные, специфические явления, интенсивность которых может быть эпизодичной. С. А. Милуценков рассмотрел вопросы ареального изучения традиционных ремесел в Белоруссии, а И. В. Чаквин — этнонимические ареалы в контексте изучения историко-этнографических областей (на примере белорусско-украинского Полесья), предложив ряд критериев отбора этих оригинальных сюжетов для составления карт. В предварительной интерпретации полученных И. В. Чаквиным ареалов обнаружилась продуктивность этой тематики для изучения этногенетических и этнокультурных процессов у восточнославянских народов.

Опыту украинских ученых были посвящены три доклада киевлян: Т. В. Космина и Л. Ф. Артюх «Динамика зональной вариативности сельского жилища Украины (по материалам историко-этнографического картографирования)», Л. Ф. Артюх «Типологические особенности свадебного печеня украинцев (к проблеме картографирования)» и М. Р. Селивачева «Из опыта картографирования народного искусства в украинско-молдавской контактной зоне». Т. В. Космина сосредоточила внимание на исторической подвижности ареалов традиционных типов сельского жилища украинцев, Л. В. Артюх — на необходимости учета основных типологических признаков (семантика, характер функционирования в обрядовой схеме, связь с действующими лицами свадьбы, форма, местные названия) такого многофункционального и этнически значимого компонента обряда, как свадебное печеня. М. Р. Селивачев отметил, что в украинской и молдавской орнаментике, несмотря на их общность на уровне иконографии, отчетливо прослеживается этническая стилистика: предпочтительность строгих тектонических решений у славян и большая насыщенность пышного декора у романцев.

Двумя докладами был представлен Кавказский регион. Интерпретации картографических данных по народному жилищу Северного Кавказа был посвящен доклад В. П. Кобычева (Москва), обратившего внимание на аналогии некоторых типов жилища и приемов строительной техники в районах, географически и культурно не связанных между собой (башенные постройки, характерные для многих горных районов Европы, Азии, Северной Африки и Центральной Америки). Объяснение этих явлений конвергентным характером развития отдельных форм в сходных условиях, по мнению докладчика, нельзя признать исчерпывающим, так как современная видимая несвязанность этих ареалов может скрывать утраченные звенья древних миграций и забытых контактов. Совместный доклад Г. С. Читая и Дж. Рухадзе (Тбилиси) «О работе над историко-этнографическим атласом Грузии» был посвящен характеристике методико-организационных этапов работы грузинских этнографов. М. В. Маруневич (Кишинев) рассказала об опыте работы над историко-этнографическим атласом Молдавии, посвященным народному жилищу. Докладчица указала на трудности методического характера, связанные с пестрым этническим составом населения некоторых районов Молдавии и Южной Украины.

Значительный интерес вызвал комментарий к картографируемым материалам по традиционному животноводству Латвии, представленный в докладе Л. А. Думпе (Рига) «Основные итоги обобщающего картографирования экстенсивного молочного животноводства в Латвии». По одним признакам, сказала докладчица, территория Латвии типологически едина, по другим делится на ареальные типологические комплексы. На основании совокупности большинства элементов докладчица выделила три основных ареала, условно обозначенных как западный (Курземе и Земгале), восточный (Латгале и Ауксгале) и северный (большая часть Видземе).

В докладе А. Оразова (Ашхабад) «Традиционные обычаи и обряды у туркмен, связанные с кочевым жилищем» был охарактеризован древнейший пласт представлений и обычаев кочевых и полукочевых скотоводов-туркмен (йомуты, текинцы и др.), связанных с поселением («оба») и жилищем — переносной юртой («кой», «эккой», «гардой»). Этот материал, по мнению докладчика, может быть использован при разработке проблем хозяйственно-культурных типов кочевников-скотоводов Средней и Центральной Азии, их этнических и этнокультурных связей.

Наиболее представительно (8 докладов) на секции выступили башкирские исследователи (все из Уфы), раскрыв весьма разнообразную тематическую направленность ареальных изысканий, проводимых в Башкирии. Интерпретируя результаты монографического изучения родо-племенного состава и истории расселения башкир, декоративно-прикладного искусства, народной одежды, жилища, поселений, систем хозяйства, транспортных средств, народной хореографии и общественного быта, Н. В. Бикбулатов в докладе «Вопросы ареального изучения этнографии башкир» подчеркнул, что для воссоздания исторической динамики этнокультурного развития народа наиболее целесообразным оказалось картографирование комплексов взаимосвязанных элементов культуры. В докладе Р. Г. Кузеева и Н. Н. Моисеевой «Ареальные методы выделения этнографических групп на территории Башкирии в XVII—XIX вв.» на основе корреляции своеобразия культурных комплексов, диалектов и говоров и ретроспективного анализа соответствующих карт на период XVIII—XIX вв. были выделены четыре большие этнографические группы башкир с соответствующими подразделениями. М. Г. Муллагулов, охарактеризовавший лесные промыслы и деревообработку у башкир, сообщил, что в конце XIX в. в Башкирии существовало 65 видов промыслов. Специализация промыслов обуславливалась не только наличием сырья, но и культурно-бытовыми традициями населения, близостью к транспортным артериям и торгово-промышленным центрам. Два доклада касались различных аспектов ареального изучения башкирских свадебных причетов («сентляу»). Р. А. Султангареева рассмотрела ареал башкирских сентляу и их локальные особенности в пределах Восточной Башкирии, выделив четыре локальных варианта, различающихся содержанием текстов и мелодическим строем напева. Ф. Х. Камеев сосредоточил внимание на рассмотрении причин бытования вариантов песенно-поэтической структуры свадебных причетов в различных районах Башкирии. Л. П. Атанова рассказала о своеобразной песне «Маклашка», ее возникновении, развитии и бытовании в различных регионах Башкирии. Ф. А. Надршин и А. Рассмотрела мотивы культа собаки в фольклоре тюркоязычных народов и их ареалы. В. Я. Бабенко выступил с докладом «Опыт картографирования расселения украинских переселенцев в Башкирской АССР (конец XIX—XX в.)», выделив три ареала их компактного расселения.

Н. П. Денисова (Чебоксары) поделилась опытом картографирования чувашской общины. Она выделила три ее типа и очертила их ареалы. И. Е. Алексеев (Якутск) посвятил доклад ареальному изучению старинного народного инструмента северных народов — варгана («кобыз», «комуз», «хомус», «дрымба»). Как показал докладчик, этот инструмент был прежде широко распространен по окраинам нашей страны. Несмотря на то что у многих народов варган в наши дни стал редкостью, в ряде республик (Киргизия, Тува, Якутия) он получил уже большую популярность, в других (напр. Казахстан, Туркмения, Эстония) восстанавливается.

Характер гипотезы имел доклад А. Н. Анфертьева (Ленинград) «Ранние славянские миграции в историко-географической перспективе». На основании соотношения территории археологической культуры (пражский тип), зоны древнейших славянских гидронимов и наблюдений над славянскими диалектами докладчик высказал предположение, что территории Буковины, бассейна Днестра и, возможно, часть более северных сопредельных районов составляет ареал раннего появления носителей славянского языка.

На широком этнографическом материале Азии и Европы был построен доклад М. А. Членова (Москва) «Об ареальном подходе к изучению систем родства». Такой подход дал автору основание для проведения районирования систем родства и выявления структурно однотипных территориальных блоков систем родства у генетически родственных, но социально неоднотипных народов.

Опыту этнической картографии Китайской Народной Республики был посвящен доклад А. М. Решетова (Ленинград). Докладчик детально остановился на характеристике сложного этнического состава современного Китая и отметил успех китайских этнографов в создании новой оригинальной этнической карты страны крупного масштаба — «Карта расселения национальностей Китайской Народной Республики» (м-б 1 : 4 000 000).

На секции «Картографирование в языкознании» было заслушано также 26 докладов.

Наиболее широко рассматривались проблемы методики и методологии картографирования материалов для атласов.

Большой интерес вызвал доклад В. А. Никонова (Москва) с полемическим названием «Карта — не иллюстрация». Как считает докладчик, неправомерно преобладает картографирование границ лишь между наличием и абсолютным отсутствием явления. Особую значимость, по мнению В. А. Никонова, представляет картографирование количественных соотношений, которое позволит решать труднейшие комплексные историко-лингвистические проблемы гуманитарных наук.

Доклад А. О. Васильевой и Н. А. Кожинной (Москва) был посвящен принципам организации лексических карт лингвистического атласа Европы. О лингвистических ареалах и внешних контактах на примере севернорусского диалекта цыганского языка говорилось в докладе Е. В. Перехвальской и А. Ю. Русакова (Ленинград). Этот диалект уже в течение продолжительного времени находится в контакте с русским языком и соответственно испытал значительное интерференционное воздействие с его стороны. Однако проведенное исследование показало в целом достаточно стабильность ареалов, определяемых внешними языковыми контактами.

З. П. Здобнова (Уфа) поделилась опытом составления тематических и обобщающих синтетических карт. В. К. Павел (Кишинев) посвятил доклад анализу составных наименований как объекта картографирования, а Ю. Д. Караджаев (Грозный) — рассмотрению синтаксических отношений в методике картографирования материалов к атласам. А. Ф. Иванова (Москва) проанализировала специфику лексического атласа Московской области, содержащего 400 карт. И. А. Дзензелевский (Ужгород) остановился на содержании комментариев к лексическим картам (на материале славянских лексических атласов).

В докладах многих исследователей была достаточно четко высказана мысль о необходимости расширения системного изучения крупных регионов страны с целью более полной интерпретации языковых и историко-культурных контактов живущих там народов. В частности, эта мысль прозвучала в докладах В. П. Иванова (Чебоксары) «К вопросу о координации атласной картографии в Средневолжском регионе», Н. В. Подольской (Москва) и Л. Г. Шайхулова (Уфа) «Методологические аспекты составления «Атласа тюркских топонимов Волго-Камско-Уральского лингвоэтномастического региона», Л. В. Арсланова (Елабуга) «Об атласе тюркских языков Нижнего Поволжья и Ставропольского края», А. Г. Шайхулова «Некоторые особенности картографирования и этнолингвистической интерпретации ономастических единиц (на материале проектирующегося «Атласа антропонимов тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона»).

Большая группа взаимодополняющих докладов уфимских исследователей была посвящена конкретизации научных представлений об исторической территории башкирских говоров и диалектов, характере миграций их носителей, степени употребительности топонимических моделей, племенных и родовых названий башкир, бытовании топонимов булгарского происхождения: З. Г. Ураскин «Ареальные признаки топоформантов», М. Г. Усманова «География топонимов, связанных с племенем Боризэн (Бурзян)», А. А. Камалов «Башкирская топонимия в ареальном отношении», Ф. Г. Хисамитдинова «К ареальной характеристике названий с булгарскими чертами в топонимии Башкирии», М. И. Дильмухаметов «Изолинии гласных *a, э* в диалектах башкирского языка», С. Ф. Миржанова «Указательные местоимения *ошо, шул, шу, шуши* „это“ в говорах башкирского языка по данным лингвогеографии», Н. Х. Ишбулатов «Северо-восточные говоры башкирского языка и их отношение к восточным тюркским языкам».

О картографировании материалов, отражающих социальные функции национальных языков Урало-Поволжского ареала, говорил Т. М. Гарипов (Уфа), о языковой интерференции на супraseгментном уровне — Э. Р. Шаямметова (Уфа), об ареальном изучении среднебулгарских лингвистических и этнокультурных интерференций в Урало-Поволжье — Н. И. Егоров (Чебоксары).

Подводя итоги конференции, председатель Оргкомитета А. М. Решетов отметил возросший научный уровень исследований теории и практики тематического картографирования в области языка, народной культуры, этногенеза и этнической истории как отдельных этносов и этнографических групп, так и крупных этнолингвистических общностей. В работе конференции участвовало много молодых и талантливых ученых, что свидетельствует о возрастании значения этого перспективного направления.

Н. В. Бикбулатов, Т. В. Космина

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ «СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ И ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР»

Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Волго-Уральской историко-этнографической области изучаются с конца 1960-х годов. Проведены обследования населения по односторонним программам во всех автономных республиках Поволжья и Приуралья (за исключением Башкирской АССР), в Карельской и Коми АССР, а в некоторых из них были организованы повторные обследования. Накоплен богатейший материал, однако на практике результаты исследований используются в настоящее время далеко не в полной мере. Для координации дальнейшей научной работы в регионе, поисков путей внедрения в социальную практику уже накопленных данных в г. Устинове 15—18 октября 1985 г. было проведено совещание «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР». Совещание было организовано Сектором этнографии народов Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера СССР ордена Дружбы Народов Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Научно-исследовательским институтом ЯЛИЭ при Совете Министров Удмуртской АССР.

В совещании приняли участие ученые, представляющие научные организации всех автономных республик Урало-Поволжья, Карельской и Коми АССР, работники Института этнографии АН СССР, сотрудники высших учебных заведений региона, представители этнографических и краеведческих музеев — всего около 50 человек; заслушано 35 докладов. К совещанию был выпущен сборник тезисов докладов¹.

На совещании обсужден широкий круг вопросов, связанных с изучением современных этнокультурных процессов среди народов региона.

Выступление В. В. Пименова (Москва) «Современные массовые этнографические обследования в Урало-Поволжье» было посвящено прикладному значению этнографических знаний. Докладчик призвал к расширению прикладных этнографических исследований с учетом реальных проблем социально-этнической действительности, а также задач, поставленных перед учеными партией и государством. При этом этнографы, — подчеркнул докладчик, — не должны являться лишь поставщиками материала, который будет использоваться практики. Значительно важнее, чтобы они сами выдвигали плодотворные идеи прикладного характера. Во избежание региональной обособленности и эмпиризма исследования должны координироваться в рамках историко-этнографической области.

Г. П. Белорукова (Устинов) говорила о необходимости дальнейшего совершенствования социального управления. В ее докладе подчеркивалось, что в общий комплекс социального планирования следует обязательно включать планирование этносоциальных процессов, а также вводить национальные показатели в существующую практику социального планирования. Эта мысль была поддержана Ю. П. Шабаяевым (Сыктывкар), полагающим, что меры, направленные на совершенствование социальных условий и развитие культурно-бытовой сферы, не должны противоречить этническим традициям.

Одному из малоразработанных аспектов методики проведения статистико-этнографических обследований населения был посвящен доклад Г. К. Шкляева (Устинов) «О роли личности интервьюера в статистико-этнографических исследованиях». Опираясь на материалы обследования населения Удмуртской АССР, проведенного в 1979—1980 гг., докладчик показал, что совпадение национальности опрашиваемого и интервьюера, а также использование языка респондента существенно повышают достоверность и качество получаемой информации.

Два доклада касались проблем этнической демографии. Х. Х. Сарв (Тарту), опираясь на материалы трех последних переписей населения, охарактеризовал изменение численности коренных народов автономных республик Поволжья и Приуралья; Д. М. Исхаков (Казань) проанализировал демографическую ситуацию на северо-западе Башкирской АССР, показав этно-культурное взаимодействие татарского и башкирского населения в этом районе.

Наибольшим тематическим разнообразием отличались доклады о культурно-бытовом развитии этносов Урало-Поволжского региона. М. Д. Киекбаев (Уфа) осветил результаты пробного обследования населения Баймакского района Башкирской АССР, В. А. Балашов (Саранск) — процессы интернационализации бытовой культуры современного мордовского села, В. В. Доленко и А. С. Лузгин (Саранск) — аналогичные процессы в городах Мордовской АССР. Об особенностях этнических процессов у чувашского населения, проживающего за пределами Чувашской АССР, говорилось в докладе В. П. Иванова (Чебоксары). Докладчик отметил, что там эти процессы протекают интенсивнее и типичной чертой их является ослабление этнокультурных связей между старшим и молодым поколениями. В. П. Иванов внес ряд предложений по оптимизации этнокультурной ситуации в обследованных районах. О современных тенденциях в развитии материальной культуры удмуртов сообщила Е. Я. Трофимова (Устинов), отметившая, что многие элементы традиционной материальной культуры постепенно утрачивают свою актуальность. Исключение составляет национальная кух-

¹ Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР. Устинов, 1985.

ня: национальные блюда в последнее десятилетие начали потреблять больше, чем ранее. Бытованию национальной одежды среди городского населения Удмуртской АССР был посвящен доклад Г. А. Никитиной (Устинов).

Миграционные процессы среди сельского населения Чувашской АССР проанализировала Г. А. Комарова (Москва), отметившая относительно более быстрое сокращение числа молодых женщин в сельской местности и охарактеризовавшая последствия этого явления.

Три доклада были посвящены проблемам культурного досуга. О. В. Котов (Сыктывкар) проанализировал культурные ориентации современных коми и структуру их культурного досуга; Н. В. Перевощикова (Устинов) — национальные аспекты функционирования духовной культуры у сельского населения Удмуртской АССР; Л. И. Нагаева (Уфа) рассказала о совершенствовании празднично-обрядовой культуры башкир, которая пополняется элементами общесоветской интернациональной культуры при одновременном сохранении ярких национальных черт. Большой интерес вызвал доклад Т. С. Гузенковой (Москва) «Этнос в художественных литературах Поволжья». Докладчица высказала критические замечания в адрес деятелей литературы. По ее мнению, во многих книгах, обращенных к читателю, заметна идеализация и арханизация национального быта, в то время как город в этих произведениях олицетворяет негативные стороны действительности.

Л. С. Христовлова и К. И. Куликов (Устинов) в развернутом обзорном докладе охарактеризовали основные направления этнографического изучения удмуртов в советский период.

Несколько докладов было посвящено характеристике различных аспектов сельского быта. Достаточно полно были охарактеризованы современные брачно-семейные отношения и те изменения, которые они претерпели в последнее время под влиянием социально-экономических и культурных преобразований в стране. Вместе с тем докладчики отмечали наличие сложных ситуаций в развитии семьи в изучаемом регионе. О проблемах стабильности национально-смешанных семей в городах Татарской АССР говорилось в докладе Г. Р. Столяровой (Казань). Влиянию норм внутрисемейных отношений на стабильность татарской сельской семьи был посвящен доклад Р. Н. Мусиной (Казань). Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Н. В. Лештаева Г. Р. Столярова (Казань) представили совместный доклад о современных тенденциях развития сельской татарской семьи в одном из колхозов в Татарской АССР. Этнические особенности семейно-брачных отношений в современной чувашской деревне проанализировал П. П. Фокин (Чебоксары), В. Н. Бирин (Петрозаводск) сообщил о динамике национально-смешанных семей в сельской местности Карельской АССР. Роль семьи в воспитании детей был посвящен доклад Л. И. Семеновой (Москва), отметившей, что в удмуртской сельской семье в связи с ослаблением ее хозяйственно-экономических функций на первые роли выходят эмоциональные связи между членами семьи.

Соотношению нового и традиционного в свадебной обрядности посвятили свои доклады Т. П. Федянович (Москва) и Л. П. Шабалина (Ульяновск). В них подчеркивалось, что в сфере обрядовой жизни, несмотря на значительные изменения, традиционные формы продолжают сохранять свои позиции, в том числе и в условиях города. Р. К. Уразманова (Казань), анализируя современные семейно-бытовые обряды, подчеркнула особую актуальность разработки и внедрения советских семейных обрядов. По ее мнению, этнографы должны не только изучать эти обряды, но и оказывать активную помощь практическим работникам.

С большим интересом был встречен доклад В. Е. Владыкина (Устинов) «Религиозный синкретизм в удмуртской деревне», в котором подчеркивалось, что в нынешних условиях, несмотря на отход подавляющей части населения от религии, религиозный синкретизм проявляется в особенно сложных формах и специфику этого явления необходимо учитывать в атеистической работе.

Большое внимание участники совещания уделили анализу различных аспектов функционирования жилой среды. А. Д. Коростелев (Москва) в докладе «Поселение как мезосреда этнических процессов» отметил, что разнообразие социально-этнических ситуаций, сложившихся в различных поселениях, существенно влияет на характер протекания этнокультурных и этноязыковых процессов. Необходимость учета прогрессивных традиций при застройке сельских населенных пунктов и организации усадьбы была подчеркнута в докладах В. Ф. Вавилина (Саранск) и Г. Б. Матвеева (Чебоксары). А. Ю. Петерсон (Тарту) призвал этнографов шире изучать современное сельское народное домостроение. В коллективном докладе Е. П. Бусыгина, Н. В. Зорина, Л. С. Токсубаевой (Казань) говорилось о состоянии и перспективах развития традиционного декора жилья в сельском жилище Среднего Поволжья.

Два доклада были посвящены народному искусству. К. М. Климов (Устинов) отметил широкое распространение декоративно-прикладного искусства в быту удмуртов в настоящее время и преемственность в его развитии; В. В. Ложкин (Устинов) рассказал об отражении удмуртских песенных традиций в национальных музыкальных спектаклях.

Участникам совещания были продемонстрированы этнографические фильмы «Южные удмурты» и «Удмуртская свадьба» и предоставлена возможность посетить концерт фольклорных ансамблей Удмуртии.

На совещании было принято решение силами ученых региона создать обобщающую монографию о современных этнических и культурно-бытовых процессах у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР.

Г. К. Шкляев

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

16 сентября 1985 г. в Москве состоялась организованная Отделением истории АН СССР научная конференция, посвященная Чокану Валиханову. Открыл ее академик-секретарь Отделения С. Л. Тихвинский. Охарактеризовав разные стороны научной деятельности Валиханова, он подчеркнул значение ее для развития исторической науки.

С докладами выступили академик АН ТаджССР Б. А. Литвинский (Ин-т востоковедения АН СССР), Х. А. Аргынбаев (Ин-т истории, археологии и этнографии АН КазССР), И. Е. Бекмаханова (Ин-т истории СССР АН СССР), В. П. Курьлев (Ин-т этнографии АН СССР), Э. М. Мурзаев (Ин-т географии АН СССР) и И. И. Стрелкова (член Союза Писателей СССР).

Б. А. Литвинский в докладе «Валиханов как востоковед» показал значение трудов молодого ученого (умер в возрасте неполных 30-ти лет) для развития ориенталистики, особенно тюркологии, в России. Знание многих языков Востока, овладение русским и западноевропейскими языками дали возможность Валиханову широко изучать литературу и архивные материалы. Путешествия Валиханова (1855—1859 гг.) в Семиречье, Кульджу, Кашгарию явились важным фактором становления его как ученого. Наряду с проведением географических работ он обследовал археологические памятники, наблюдал быт населения, записывал фольклор, изучал религиозные верования ряда народов (казахов, киргизов, уйгуров и др.), собирал старинные книги, нумизматические коллекции, образцы горных пород и пр. Эти поездки, порой опасные для жизни, объективно содействовали знакомству России с соседними странами и налаживанию контактов с ними.

Валиханов был пионером в изучении ряда проблем. Так, им были впервые записаны киргизский эпос «Манас», что имело мировое значение, а затем частично переведен на русский язык и интерпретирован. Им был зафиксирован и ряд произведений других жанров киргизского и казахского фольклора, а также устные и письменные родословия. При этом ученый прослеживал соответствие данных фольклора исторической действительности и точность географической номенклатуры.

Валиханов осуществил географо-историко-этнографическое описание Семиречья, причем характеристика материальной и духовной культуры включает самые различные стороны традиционного быта населения региона.

Не менее значительны были археологические изыскания ученого. Он обследовал памятники долин рек Чу и Таласа, установил высокую степень развития там древней архитектуры, описал курганы, изваяния, зафиксировал наскальные надписи.

Э. М. Мурзаев в докладе «Валиханов — географ» охарактеризовал значение разносторонних исследований ученого в области географии, прежде всего гидрографии и орографии. Трудно переоценить важность для географической науки путешествий Валиханова в Семиречье, Кульджу, Кашгарию, особенно если учесть, что тогда (середина XIX в.) географическая изученность громадной территории Средней и Центральной Азии была очень слабой, а многие представления ошибочны.

Э. М. Мурзаев подчеркнул, что Валиханову было свойственно стремление к установлению закономерностей, основанных на фактах, а не к накоплению фактов. Его географические работы отличаются зрелостью суждений, знанием быта и истории народа, комплексностью метода. В этих работах очень сильны элементы экономической географии (хозяйственная деятельность человека, материальная культура и др.)

Большую роль Русского географического общества, особенно его вице-президента П. П. Семенова-Тян-Шанского, в становлении Валиханова как ученого отмечали все докладчики. Э. М. Мурзаев напомнил, что Семенов-Тян-Шанский принимал живое участие также в научной судьбе Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая.

Много внимания на конференции было уделено этнографическим изысканиям ученого. Х. А. Аргынбаев в докладе «Валиханов — первый казахский ученый, просветитель-демократ» отметил в частности, что представляет большой интерес привлечение Валихановым данных родоплеменного деления и фольклора, а также учет социально-экономических и экологических факторов для решения проблем этногенеза.

С докладом «Валиханов как этнограф» выступил В. П. Курьлев. Он также подчеркнул, что Валиханова интересовал широкий круг этнографических проблем. Анализируя данные родоплеменного деления части киргизов и их фольклор, Валиханов пришел к выводу, что они — аборигены Тянь-Шаня и приферганских областей. Ученый считал, что древние тюркоязычные племена вошли в состав нескольких народов (казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков, туркмен), а некоторые родоплеменные подразделения образовались в более поздний период. Заметим, что этим может объясняться, в известной степени, общность эпоса (образов, сюжетики, поэтических приемов) у многих народов данного региона.

Докладчик выявил в работах Валиханова материал, охватывающий почти все этнографические рубрики (хозяйственные занятия — скотоводство, земледелие, домашние промыслы и ремесла; жилище — юрта различных типов и назначения; пища, утварь, одежда, вооружение, а также музыкальные инструменты, устное творчество, религиозные верования, в основном домусульманские). Рисунки Валиханова (их сохранилось около 150), сделанные им на месте, служат существенным дополнением к его этнографическим записям.

Наиболее подробно докладчик рассмотрел исследование Валихановым проблем некоего экстенсивного скотоводства. По мнению Валиханова, которое было особо выделено в докладе, недостаток необходимых для ведения такого скотоводства больших свободных территорий объясняется тем, что при строго соблюдавшемся порядке кочевания в каждый конкретный период года использовалась лишь незначительная часть земель.

Доклады И. Е. Бекмахановой «Валиханов и русская культура» и И. И. Стрелковой «Валиханов — общественный деятель 60-х годов» были посвящены в основном общественно-политическим взглядам ученого. Валиханов стоял на позициях просветителей-демократов и полагал, что назрела необходимость обновления России, но был в этом не вполне последователен. Во многих докладах рассматривалась «Записка о судебной реформе», составленная Валихановым в 1864 г. По общему мнению, Валиханов представлял суд биев несколько идеализированно как демократическое, «гуманное» учреждение, обеспечивавшее остатки самоуправления, сохранявшее принцип гласности суда и направленное против произвола мананов. В действительности же суд биев лишь по форме опирался на исконные родовые установления, а по существу находился в руках социальной верхушки. В. П. Курылев тоже подчеркнул, что в «Записке о судебной реформе» Валиханов подходил к суду биев, как и к обычаям барымты (баранты), с позиций исторической этнографии, недооценивая их перерождение в XIX в. Но, на наш взгляд, следует учесть, что Валиханов рекомендовал именно «древнюю народную форму» суда биев. К сожалению, докладчики не отметили, что суды биев были очень популярны среди населения степей благодаря артистизму дебатов между сторонами и проявляемому при этом виртуозному красноречию, близкому фольклорному жанру айтысов — обличительных состязаний акынов. Слава о лучших ораторах разносилась далеко по степям и запоминалась надолго.

Таким образом, в докладах на конкретном материале были продемонстрированы не только энциклопедичность знаний, эрудированность, гуманизм и демократизм Чокана Валиханова, но и его вклад в изучение географии Центральной и Средней Азии, а также истории, этнографии, фольклора, языков и религий населяющих этот регион народов.

В свое время Валиханов продолжил путь в изучении первых казахских ученых. Современный Казахстан — крупный научный центр нашей страны. Народы Советского Востока приобщились к достижениям мировой культуры, о чем мечтал Валиханов, и сами приумножили эти достижения, а память о его научном подвиге не меркнет. «Вся твоя жизнь с нами, смерть твоя — в прошлом!» — написал о Чокане Валиханове в год его юбилея один из наших современников¹.

На конференции демонстрировалась выставка книг Валиханова и литературы о нем. В те дни завершалось новое академическое издание полнотомного собрания его сочинений².

Р. С. Липец

¹ Сулейменов О. Мой Чокан. — Простор, 1985, № 4, с. 149.

² Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата, 1984—1985.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В связи с составлением свода игр народов СССР¹ был проведен ряд скоординированных между собой экспедиций. Так как в настоящее время народные игры живут преимущественно в детской среде и выполняют прежде всего воспитательные функции, то изучение их приняло этнопедагогический характер. При НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР создан Совет по изучению и воспитательному применению игр народов СССР (далее — Совет по играм народов СССР). В нем сотрудничают педагоги, этнографы, фольклористы, деятели искусства, физкультуры и спорта, представители общественности из всех союзных и

автономных республик страны. Предложено единую методика работы².

Помимо экспедиций, о которых уже сообщала «Советская этнография»³, остановимся еще на нескольких:

Экспедиция педагогов, студентов педвузов и школьников — членов этнопедагогических Клубов друзей игры (КДИ) Московской области работала в январе 1982 г. под руководством Л. И. Григорьевой и Ю. А. Ильдякова в Коченевском и Черепановском районах Новосибирской обл. и в Новосибирске, где проводился опрос школьников, приехавших на каникулы из

¹ См.: Игры народов СССР/Сост. Былеева Л. В., Григорьев В. М. М.: Физкультура и спорт, 1985.

² Участникам этнографических экспедиций по сборанию и изучению народных игр: методические рекомендации/Сост. Григорьев В. М. М., 1976. 27 с.

³ См.: Сов. этнография, 1983, № 1, с. 148; 1984, № 1, с. 152.

отдаленных районов области. Записано 78 игр и игровых обрядов русского населения Сибири и Урала (18 записей сделано от информаторов, имеющих постоянное место жительства в Свердловской и Пермской областях).

В июле-августе 1982 г. объединенный экспедиционный отряд КДИ Московской обл. и Москвы изучал игры в с. Старое Ракомо Новгородского района, в Новгороде и в пос. Юношество Тосненского р-на Ленинградской обл. (руководители В. М. Григорьев, Л. И. Григорьева). Записано 60 русских игр.

В мае 1982 г. закончена фиксация игр в 8 районах Чувашской АССР, начатая в 1980 г. преподавателем Чувашского университета Г. И. Воронцовым совместно с московскими собирателями игр С. В. Григорьевым и А. В. Княгининым. Проведены опросы по анкете «Чувашские игры», составленной на основе полевых записей и работы в архивах НИИ языка, литературы, истории и экономики Чувашской АССР. Зафиксировано 250 игр, бытующих в Чувашии.

О плодотворности сотрудничества собирателей и исследователей из разных республик говорит как этот пример, так и экспедиция по изучению игр в Нахичеванской АССР, где оно прежде не проводилось. Этнограф Нахичеванского научного центра АН Азербайджанской ССР Г. И. Гадиразде и члены КДИ Московской области С. В. Григорьев и С. Н. Егоров вели запись игр в селах и столице республики.

В ходе экспедиции впервые были записаны около 50 игр, бытующих в Нахичеванской АССР, и собраны сведения об условиях их бытования и истории.

Сравнительное изучение игр разных народов в ходе этнопедагогических экспедиций опиралось на материалы многолетнего стационарного исследования игровой деятельности. Так, с 1968 г. ведется непрерывное монографическое изучение игр школьников поселка Лесной городок и окрестных деревень Одинцовского р-на Московской обл. (руководители В. М. и Л. И. Григорьевы), в ходе которого зафиксировано более двух тысяч игр и забав современных школьников, представляющих все известные сейчас типы игровой деятельности⁴. Чтобы проверить типичность полученных данных, периодически проводятся наблюдения и опросы в нескольких районах Московской обл. (Егорьевский, Дмитровский, Загорский, Люберецкий, Одинцовский, Пушкинский и др.). Разница в со-

ставе игр, зафиксированных в различных районах, не превышает 10—15%.

В 1977—1978 и 1982—1983 гг. сделан полный и одновременный «срез» игровой деятельности школьников-подростков в пос. Лесной городок и в станице Вешенской на Дону (руководители экспедиций в Вешенскую В. М. Григорьев и С. Н. Егоров). Разница в составе игр не превышает 15—20%. Такие же результаты получены при сравнительном изучении отдельных типов игр в Калужской, Тульской, Смоленской, Псковской, Архангельской, Новосибирской, Саратовской и других областях РСФСР.

Достаточная представительность и типичность собранных русских игр позволяет сравнивать их с играми других народов СССР, чему и были посвящены экспедиции последних лет.

Примером может служить экспедиция КДИ в Смоленскую (г. Смоленск, пос. Починок), Могилевскую (г. Быхов и окрестные деревни) и Киевскую области (пос. Буча, с. Мирча) в июле 1983 г. (руководители В. М. и Л. И. Григорьевы). В ходе ее записано более 100 не зафиксированных в литературе современных игр, преимущественно украинских. Однако наиболее важными представляются все же не записи игр, а непосредственные наблюдения за характером их бытования и выяснение того, как представители разных народов сами осознают национальные различия в игре.

Сравнительное изучение игр разных народов СССР подтвердило гипотезу о быстром стирании различий в составе игр разных народов вследствие интенсивного межнационального общения, развития массовых средств информации и других факторов. Национальные различия в игровой деятельности становятся более тонкими, проявляясь, например, в манере, тоне, стиле проведения игр, что трудно фиксируется и поэтому почти не отражено в научной литературе. В таких условиях возрастает роль непосредственного наблюдения и сравнения исследователем игр разных народов в типичных местах их бытования.

Детские игры изучались также во время многочисленных кратковременных поездок по республикам и областям страны. Небольшой срок пребывания в изучаемой местности во многом компенсировался заранее подготовленными встречами с наиболее интересными местными информаторами, а также обсуждением вопроса о национальных особенностях игр с группами заинтересованных специалистов — не только этнографов, фольклористов, но и педагогов, искусствоведов, работников физической культуры, руководителей фольклор-

⁴ О некоторых результатах см.: Сов. этнография, 1975, № 4, с. 152—153.

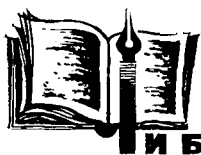
ных коллективов и т. п. непосредственно Советом по играм народов СССР были организованы поездки в республики Закавказья и Средней Азии, а также в Эстонию, Литву, Молдавию, Белоруссию, на Украину, во многие автономные республики и области РСФСР. Особый интерес представляли поездки в районы, расположенные на стыке нескольких областей (Мещера, район Тарусы) или республик (Полесье).

Повысить интенсивность изучения игр позволило применение технических средств: фото- и киносъемка, звукозапись. Растущий интерес кино- и телестудий к съемкам народных игр, обрядов и праздников иногда удается использовать и для научного изучения игровой деятельности. Так, при съемках документального фильма о народных играх «Час потехи» (Ленинградская студия документальных фильмов, режиссер В. Ф. Семенюк, 1981 г.) удалось вести параллельную исследовательскую фотосъемку и записи игр. Например, во время съемок первенства по национальным видам спорта и играм Северного

Кавказа В. М. Григорьеву удалось провести обсуждение со специалистами и записать национальные спортивные игры нескольких республик Северного Кавказа сопоставить с подвижными калмыцкими играми, бытующими в местности, где проводилось первенство (г. Городовиковск Калмыцкой АССР).

В общей сложности Совет по играм народов СССР располагает записями 3 тысяч игр разных народов. Причем значительная часть их представлена многочисленными записями, отражающими богатство разновидностей и вариантов этих игр: прятки, пятнашки, чижик, лапта, кубарь, котел, лунки, бабки, альчики, игры с «лахтами», «рипкой» и др. Часть игр отснята. Например, игровая деятельность в пос. Лесной городок фиксируется на фото-плёнку непрерывно с 1969 г. Собранные материалы хранятся в архиве КДИ и в небольшом этнографическом музее игры и игрушки при Лесногородской средней школе Одинцовского р-на Московской обл.

**В. М. Григорьев,
Л. И. Григорьева**

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ИЗДАНИЯ К. ЛЕВИ-СТРОСА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В 1983—1984 г. двумя издательствами были опубликованы переводы трудов французского этнографа Клода Леви-Строса, что можно считать началом более широкого знакомства нашего читателя с творчеством этого чрезвычайно интересного ученого. Раньше небольшие отрывки из его книги и статьи, ему посвященные, появлялись только на страницах специальных журналов и научных сборников².

Естественно, возникают два вопроса: почему именно эти книги избраны для публикации и почему все же столь значительный срок отделяет их первое издание от перевода на русский язык?

«Печальные тропики» (1955 г.) и «Структурная антропология» (1958 г.) — первые крупные работы Леви-Строса, хотя к моменту их выхода ему уже принесли известность статьи и эссе, посвященные социальной организации у индейцев Бразилии, в том числе «Семейная и общественная жизнь индейцев намбиквара» (1948 г.), а также книги «Элементарные структуры родства» (1949 г.), «Раса и история» (1952 г.).

Выход в свет «Печальных тропиков» подвел итог относительно краткому, но важному в жизни исследователя периоду сбора полевых материалов. Эта книга написана в форме путевых заметок и несколько беллетристична, но не надо забывать и о том, что почти два десятилетия отделяют ведение этого «дневника» от его публикации. Десятилетия, заполненные напряженным исследовательским и преподавательским трудом, создание школы сравнительной структурной мифологии, переезд в США и расширение сферы научных контактов, наконец, возвращение на родину. Поэтому не следует однозначно воспринимать «Печальные тропики» как публикацию экспедиционных материалов: становление структурного метода проходило уже в период работы над этой книгой. В том, как исследователь строит социальные системы племен кадиувеу, бороро и намбиквара отчетливо виден моделирующий подход и системное восприятие описываемого материала. Обратим внимание и на то, что выводы, сделанные в этой работе, самим автором в дальнейшем не пересматривались. Он зафиксировал и определенным образом интерпретировал факты, впервые в ней опубликованные, и впоследствии использовал их в других книгах: «Тотемизм сегодня», «Мышление дикаря», «Мифологии» и др.

Важнейшее значение для понимания творчества Леви-Строса имеет другая его ранняя работа — «Структурная антропология». Скомпонованная как сборник статей и очер-

¹ Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983; *его же*. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984; *его же*. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа. Деяния Асидваля. Как умирают мифы. — Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М.: Наука, 1985.

² Леви-Стросс К. Структура мифов. — Вопросы философии (далее — ВФ), 1970, № 3; *его же*. Из книги «Мифологические. Сырое и вареное». — Семиотика и искусствознание. М., 1972; *его же*. Колдун и его магия. — Природа, 1974, № 8; *его же*. Миф, ритуал и генетика. — Природа, 1978, № 1; *Якобсон Р., Леви-Стросс К.* «Кошки» Шарля Бодлера. — Структурализм: «за» и «против». М., 1975; *Алексеев В. П.* Структурный подход к проблеме бессознательного. — Природа, 1974, № 8; *Бутинов Н. А.* Леви-Стросс и проблемы социальной организации австралийских аборигенов. — Этнография за рубежом. М., 1979; *Грецкий М. Н.* Человек и природа в концепциях структурализма. — Природа, 1974, № 7; *Иванов В. В.* Клод Леви-Стросс и структурная антропология. — Природа, 1978, № 1; *Каграманов Ю. М.* Клод Леви-Стросс и проблема человека. — ВФ, 1976, № 10; *Медникова А. А.* Критический анализ идей и методов К. Леви-Стросса. — ВФ, 1971, № 11; *Мелетинский Е. М.* Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа. — ВФ, 1970, № 7; *его же*. Мифологические теории XX века на Западе. — ВФ, 1971, № 7; *его же*. Структурная типология и фольклор. Контекст-73. М., 1974; *Трофимова Р. П.* Французский структурализм сегодня. — ВФ, 1981, № 7; *Филиппов Л. И.* Структурализм и фрейдизм. — ВФ, 1976, № 3.

ков, эта книга открывает период теоретических штудий и знаменует собой становление метода структурного анализа. Из ее 17 глав 15 представляют статьи, опубликованные ранее на французском и английском языках, а два «Послесловия» написаны в 1956 г. Разнородные статьи объединяет не тема и не материал исследования, а метод — выявление структуры в объекте.

Некоторые главы (II, V, XII и др.) целиком посвящены обоснованию такого подхода; в других, например в XI, разрабатывается метод и демонстрируется его применение; остальные являются законченными исследованиями, выполненными с соблюдением основных принципов структурно-семиотического подхода, хотя непосредственно ни о структурализме, ни о понятии структуры в них речи нет. В целом, «Структурная антропология» — результат творческой работы Леви-Строса в разных областях: социологии, религиоведения, искусствознания, но это прежде всего необходимое теоретическое введение ко всем его последующим трудам, поскольку к описанию метода он позже не возвращался, а применял его на обширном и разнообразном материале.

«Структурная антропология» имеет ключевое значение для понимания не только творчества Леви-Строса, но и в целом структурализма в этнографии. Не случайно В. В. Иванов в статье, представляющей читателю творчество Леви-Строса³, назвал эту книгу «структурной теорией этнографии» (с. 397). И отношение к ней, как правило, совпадает с восприятием структурализма в целом. Вероятно, этим и объясняется столь долгий путь первого издания «Структурной антропологии» до ее русского перевода, впервые опубликованного в 1983 г. и уже вышедшего вторым изданием в 1985 г. Проще чем издавать эту книгу, ее надо было понять и принять. Для этого накопились существенные предпосылки в виде отечественной школы структурализма, прежде всего в литературоведении и фольклористике. Работы В. Я. Проппа (который полемизировал с Леви-Стросом в зарубежной печати), Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского готовили читателя к восприятию идей единства человеческого разума на всех этапах исторического развития и сопоставимости мифологических систем разных народов — центральных положений в творчестве Леви-Строса. Наряду с этим существует и сильное оппозиционное течение в науке, подчеркиваемое, не только в отечественной. Хорошо отражает аргументы и контраргументы сборник «Структурализм: „за” и „против”», опубликованный в 1975 г. Даже и сейчас, когда успехи структурной лингвистики и искусствознания доказали их познавательную ценность, полемика все еще не утихла.

Надо признать, что для этого есть основания: неоправданная абсолютизация структурализма; неправомерное расширение сферы его применения подрывают его авторитет. Тем важнее разобраться в его философских основах, что и делают авторы перечисленных в начале нашей рецензии статей. Лишь после серии такого рода публикаций стало возможно издание самой нашумевшей книги.

Философское либо общенаучное обоснование метода не было осуществлено. Леви-Стросом ни в этой книге, ни позднее. Однако уже в 1960-х годах структуралистское направление французской гуманитарной мысли, включившись в идейную борьбу с экзистенциализмом, обрело философскую основу в позитивизме. Благодаря специальному рассмотрению, предпринятому французскими марксистами и советскими философами, удалось расчлнить два уровня структуралистских работ — философский и конкретно-научный. Структуралистским разработкам в целом присуща непоследовательность философских позиций; при этом конкретные методики, созданные Леви-Стросом и его последователями, дают научно значимые результаты. Рациональное в методе определяется тем, что он представляет собой разновидность системного подхода. Специфика его заключается в выявлении внутреннего строения объекта посредством определенной процедуры его моделирования.

Представляется, что и спустя 25 лет после первого издания ценность опубликования «Структурной антропологии» по-прежнему состоит в ознакомлении читателей с генезисом оригинального научного метода. Отобранные Леви-Стросом статьи разных лет позволяют понять, как происходило становление его принципов и методик не только во временной последовательности, но и применительно к различным общим проблемам этнографии. Можно проследить и связь с различными источниками, и степень органичности предлагаемых автором методик для изучения явлений культуры традиционных обществ.

Последнее как раз представляет собой наиболее дискуссионный пункт в собственных этнографических выводах Леви-Строса. Оставим в стороне вопрос о том, почему к исследованию мифологических систем французский ученый применяет инвентарь бинарных оппозиций — исходя из удобства описания или из свойств описываемого объекта — и в том и в другом случае он вправе это сделать. Но Леви-Строс действительно считает дихотомическую классификацию присущей первобытному мышлению, а инвентарь оппозиций — запечатленным в сознании первобытного человека в полном объеме. Как логика исследователя осуществляет восхождение от более предметных бинарных оппозиций ко все более абстрактным с усиливающимся противопоставлением, так принципиально тождественная логика позволяет первобытному человеку двигаться в противоположном направлении. По утверждению Леви-Строса, человек мыслит всегда одинаково, только разум его прилагался к разным объектам (с. 206—207). В этом принципиальная новизна его выводов по сравнению с предшественниками. — Л. Леви-Брюлем и Б. Малиновским.

Воздействие на исследователя достижений структурной лингвистики шло по двум направлениям. Первоначально, в 1940-х годах, — это в основном «лингвистическая аналогия» (Леви-Строс), или попытка исследователя распространить модели языковых за-

³ Статья включена в настоящее издание, речь о ней пойдет ниже.

кономерностей на сферу социально-культурных институтов первобытности. Параллельно с этим в 1950-х годах — выделение семиотического аспекта, объективно присущего культуре, с тем, чтобы понять, как ее строение связано с функционированием и воспроизведением.

Выбор тех или иных проблем этнографии в качестве объекта изучения определяется в значительной мере преемственным влиянием идей французской социологической школы в лице Э. Дюркгейма и М. Мосса. Многие из рассматриваемых Леви-Стросом явлений традиционных обществ трактуются им через призму таких категорий, как социальный институт и коллективные представления. И вслед за своими предшественниками во французской этнологии он рассматривает мышление носителей культуры в непосредственной связи со структурой этих явлений.

Пожалуй, во всех случаях — при изучении системы родства, социальной организации племени, семантики мифов, стилистического своеобразия масок, а также лечения, производимого шаманом, — предлагаемая автором модель внутреннего строения того или иного явления культуры позволяет понять и механизм воспроизводства его в традиционном обществе, и формы участия в этом самих туземцев. Процедура построения моделей при этом не претендует на установление причинных связей; моделируются лишь структурные связи, воссоздается скрытая от наблюдателя целостность, присущая явлению. Для этого Леви-Строс сознательно расширяет и затем соотносит три уровня описания явления: 1) эмпирические признаки; 2) их трактовка со стороны носителей культуры (модели туземцев); 3) трактовка того и другого в конструируемой исследователем модели-структуре.

Знакомство советского читателя с настоящим сборником происходит уже после выхода в 1960—1970-х годах наиболее фундаментальных работ Леви-Строса — «Тотемизм сегодня» (1962 г.), «Мышление дикаря» (1962 г.), «Мифологии», т. 1—4 (1964—1971 гг.) и «Путь масок» (1975 г.). В них на обширном этнографическом материале (преимущественно на материале культуры американских индейцев) была продемонстрирована плодотворность применения структурно-семиотических методик и был внесен значительный вклад в разработку таких проблем, как природа мифов и особенно первобытное мышление. Если принимать во внимание и работы 1960—1970-х годов, то можно указать на следующие логические составляющие метода: а) истолкование в семиотическом ключе идей французской социологической школы, в особенности идей Мосса о многоуровневости социально-культурных явлений; б) осмысление ряда представлений структурной лингвистики (о динамическом аспекте синхронии, о синтагматике и парадигматике и др.) применительно к тем контекстам, в которых изучаемое явление культуры бытует — возникает, варьирует, трансформируется; в) допущение того, что скрытая логика явлений культуры того или иного типа может быть отображена исследователем в моделях (структур), сходных с используемыми в фонологии.

«Структурная антропология» стала теоретической базой для создания в начале 1960-х годов новой научной школы во французской этнологии. Значительная часть разработок учеников и последователей Леви-Строса представляет собой непосредственное продолжение сформулированной им тогда проблематики. В творчестве самого исследователя «Структурная антропология» также имела продолжение, причем двойного характера.

Во-первых, ее опыт — создать представление об основах метода и о возможностях его приложения к различным объектам — был впоследствии дважды повторен: в 1973 г. вышел сборник статей «Структурная антропология. Вторая» и в 1983 г. — сборник «Взгляд издалека»⁴. Обе работы сходны по своему построению с изданием 1958 г. Означает ли название последнего сборника снятие претензии на создание новой научной дисциплины и признание того, что предлагаемый метод и достигнутые результаты принадлежат сфере этнографической науки?

Как уже говорилось идеи и методики, сформулированные в «Структурной антропологии», использовались Леви-Стросом в последующих работах. В первую очередь — методика выявления внутренних связей мифа, или его структуры. В «Структурной антропологии» эта методика блестяще продемонстрирована на примере известного мифа об Эдипе, неоднократно интерпретированного в европейской культуре (гл. XI). Оригинальность вывода о том, что миф трактует проблему «подобное рождается подобным или чем-то другим?» (с. 193) и доступность разбираемого материала привлекла к этому сочинению особое внимание критиков. Закономерно, что публикации Леви-Строса в нашей стране начались именно с этой работы⁵. В этой статье намечено, хотя и в конспективном виде, понимание природы мифа и механизма мифологического мышления, что составило главный предмет занятий исследователя в последующие 20 лет и воплотилось в книге «Мифологии».

Издание «Структурной антропологии» сопровождается тремя критическими статьями. Первая из них, написанная В. В. Ивановым, посвящена творческой биографии Леви-Строса; она очень информативна и особенно ценна тем, что ставит «Структурную антропологию» в научно-исторический контекст, указывая предшественников, сподвижников и преемников знаменитого французского ученого. Структурализм Леви-Строса предстает в ней закономерным явлением в развитии гуманитарных наук. Особенно удачно показано соотношение идей Леви-Строса с общими положениями структурной лингвистики и то влияние, которое оказало на него сотрудничество с математиком А. Вейлем

⁴ Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale* deux. P., 1973; Lévi-Strauss C. *Le regard éloigné*. P., 1983.

⁵ Леви-Стросс К. Структура мифов. — ВФ, 1970, № 7.

и лингвистом Р. Якобсоном. Когда в пылу полемического задора исследователя объявляют то гениальным провидцем⁶, то бессовестным обманщиком, морочащим легковверных дилетантов⁷, особое значение приобретает такой спокойный и деловой экскурс в историю науки.

Несколько странной выглядит после этой работы дискуссионная статья Н. А. Бутинова, в которой Леви-Строс разоблачается как одиночка-фокусник, гипнотизирующий весь мир своим бриколажем. Автор на протяжении всего своего сочинения развенчивает «миф о Леви-Стросе» (с. 466). Насколько ему это удастся — судить читателю.

Автор третьей статьи, опубликованной в сборнике, Е. М. Мелетинский, берет на себя нелегкий труд краткого изложения основных идей обобщающего 4-томного труда «Мифологии» и осуществляет критический анализ системы мифологических образов, построенной Леви-Стросом. Тактично воздерживаясь от категорических оценок, он показывает практическую действенность метода бинарных оппозиций при построении модели мифа. Вместе с тем Мелетинский убеждает читателя в том, что, увлекшись действительным инструментом анализа, Леви-Строс абсолютизирует его и приписывает сознанию первобытного человека такие противопоставления, которые не совместимы с целым рядом мифологических образов. Так, центральное место в мифологической системе Леви-Строса занимает оппозиция природа/культура, но в рассмотренном материале присутствуют сюжеты, в которых люди получают культурные растения с неба, а некоторые явления природы обязаны своим происхождением культурному герою (с. 509—510). Интересны также пояснения Мелетинского к идее медиации. Он раскрывает ее как последовательную трансформацию оппозиций от более резких к более слабым и конечное снятие противоречия путем введения промежуточного члена, обладающего свойствами обоих противопоставленных объектов. Таковы койот и ворон в противопоставлении травоядных плотоядным (с. 472).

Расхождения в оценке творчества Леви-Строса со стороны советских (как, впрочем, и зарубежных) специалистов объясняются различными факторами. Во-первых, недостаточной разработанностью у самого французского исследователя ряда ключевых положений в 1940—1960-е годы (некоторые из них получили дальнейшее развитие и конкретизацию в последующие десятилетия, а также в трудах его учеников и последователей). Кроме того, сложность рассматриваемых исследователем проблем, так же как сложность и оригинальность предлагаемых им методик, чаще всего вызывает неоднозначную оценку полученных результатов. Наконец, метафористичность изложения и терминологический эклектизм, присущий и «Структурной антропологии», может весьма затруднить понимание идей Леви-Строса. Особенно это относится ко всем случаям использования им философской терминологии. Разумеется, при переводе работ с языка оригинала на русский опасность неадекватного прочтения усиливается.

К сожалению, в переводе действительно обнаруживаются некоторые промахи. Приведем несколько из них. Так, на с. 28 читаем: «Переход от сознательного к бессознательному сопровождается восхождением (*progresser*) от частного к общему». В данном случае уместнее было бы употребить слова «продвижение», «переход», так как «восхождение» имеет в философии определенное терминологическое значение.

На с. 63 использование обиходного значения «разновидность» вместо философского «модальность» повело к утрате смысла. «...общественное сознание будет сведено к выражению на уровне индивидуального мышления и поведения некоторых исторических разновидностей универсальных законов». На с. 41 встречаем лишнее слово: «сочетание «общая тенденция квалифицировать установки», на с. 56 — «обобществленное мышление».

Перевод книги «Печальные тропики» также не свободен от некоторых погрешностей. Так, один из разделов III главы называется «Индийское общество и его стиль» (с. 78). Речь в нем идет о родстве, социальной организации и связанных с этим традициях и обычаях, т. е. характеризуется, хотя и не всесторонне, образ жизни одного из племен. Трудно согласиться с тем, что калька с французского *style* точно и полно передает соответствующее понятие по-русски. Но терминологическая точность не имеет для этой книги столь большого значения, как для «Структурной антропологии». Важнее свободный и образный, насыщенный метафорами язык, который в полной мере присущ переводу Г. А. Матвеевой. Топонимы и этнонимы выверены Л. А. Файнбергом, автором содержательного предисловия, рассказывающего о предистории этой книги и о современном положении индейцев Бразилии. Это издание, снабженное также и комментарием, адресовано самому широкому читателю. Именно поэтому общие рассуждения Леви-Строса о призвании этнографа и перспективах развития этнографии в переводе опущены. Можно об этом только пожалеть.

Знакомство советского читателя с книгами выдающегося французского исследователя, очевидно, не ограничится этими изданиями. Хочется думать, что это лишь подступы к обширному творчеству Леви-Строса, наивысшие достижения которого относятся к 1960—1970-м годам. Подтверждает наши ожидания вышедший в 1985 г. сборник «Зарубежные исследования по семиотике фольклора», где первые три статьи принадлежат Леви-Стросу.

Открывает подборку статья 1960 г. — «Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа». Это отклик на американское издание «Морфологии сказ-

⁶ Claude Lévi-Strauss: the Anthropologist as Hero/Ed. Hayes E. N. and Hayes T. L., 1970.

⁷ См. статью Н. А. Бутинова в том же издании; Fougerollas P. Contre Lévi-Strauss, Lacan et Althusser. Trois essais sur l'obscurantisme contemporaine. P., 1976.

ки» В. Проппа, в котором Леви-Строс дает обстоятельный критический разбор книги, справедливо подчеркивая как историческую преемственность европейского структурализма по отношению к русскому формализму начала века, так и принципиальные расхождения между ними. Его упреки Проппу в пренебрежении содержанием и отрыве сказки от мифа не оправданны, но советскому читателю тем более интересно ознакомиться с этой работой, что ответ Проппа на нее уже опубликован в сборнике его статей⁸.

По ходу разбора и в конце статьи Леви-Строс формулирует свои принципы анализа мифов: восприятие содержания и формы как аналогичных структур на разных уровнях, вычленение из текста не составляющих его элементов, а организующих его отношений и т. д. Его методика в действии показана в следующей из опубликованных в сборнике статей — «Деяние Асдиваля», тоже довольно старой его работе — 1958 г. Статья представляет собой анализ всех версий мифа об Асдивале, собранных Ф. Боасом у индейцев цимшиан тихоокеанского побережья Канады с целью выявления «некоей глубинной и общей всем уровням логической структуры» (с. 35). Автору действительно удается интегрировать четыре схемы: географическую, космологическую, социологическую и техникоэкономическую — и создать весьма экономное и полное описание глубинной структуры мифа, однако локальные варианты этой схемой не учитываются. Для того чтобы выявить и интерпретировать существенные различия в версиях мифа, нужно проделывать весь обратный путь к дешифровке схемы, наполняя ее конкретным содержанием.

Самая поздняя из работ Леви-Строса, опубликованных в указанном сборнике, относится к 1971 г. Это небольшой этюд о формах бытования мифа в наши дни с полемическим заглавием «Как умирают мифы». Леви-Строс показывает, как заимствование мифа от народа к народу путем серии последовательных трансформаций превращает его в романтическую сказку или в легенду, связанную (пусть вторично) с реальной историей. Вполне понять его мысль в этой работе можно, только обратившись предварительно к «Мифологикам» или хотя бы к конспекту этого труда в статье Мелетинского, упомянутой выше, поскольку ни определения мифа, ни какой бы то ни было характеристики его сути, ускользающей в процессе заимствований, Леви-Строс в этой небольшой статье не дает. В данном случае он останавливает внимание на «органической непрерывности между мифологией, легендарной традицией и тем, что правильно будет назвать политической...» (с. 87).

Статьи Леви-Строса в сборнике «Зарубежные исследования по семиотике фольклора» выполняют роль обобщающего теоретического введения. Следующие за ними публикации А. Греймаса, К. Бремона, П. Маранды посвящены в основном более частным проблемам структурного анализа фольклора. Особенно интересно сопоставить работы Леви-Строса и статью А. Дандиса «Структурная типология индейских сказок Северной Америки», в которой автор стремится сочетать методики Проппа и Леви-Строса.

В целом настоящий сборник хорошо помогает ответить на дискутировавшийся до недавних пор нашими учеными вопрос о том, создал Леви-Строс научную школу или остался одинокой вершиной современного структурализма. Сборник работ фольклористов, которые следуют основным принципам структурного анализа, обращаются к тому же материалу, что и Леви-Строс, и периодически на него ссылаются как на основоположника и первопроходца, подводит к определенно утвердительному ответу на этот вопрос.

Предпринятые издания работ Леви-Строса в целом способны дать представление советскому читателю и о логике становления структурно-семиотического метода, и о возможности его применения к изучению различной этнографической проблематики. Ознакомление со структурным методом — это повод к постановке ряда новых методических проблем. Кроме того, публикации на русском языке позволяют ввести в широкий научный оборот некоторые из конкретных результатов, полученных французским этнографом.

Н. Я. Дареган, А. Б. Островский

⁸ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976 (см. статью «Структурное и историческое изучение волшебной сказки», с. 132—153).

НАРОДЫ СССР

А. И. Робакидзе. Сванети. I. Жилище и поселения. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 117 с., XV табл.

Бытовая культура сванов — этнографической группы грузинского народа — все еще остается недостаточно изученной. Выход в свет монографического исследования, посвященного жилищам и поселениям Сванети, в известной мере заполняет существующие пробелы в исследовании этого круга проблем. Рецензируемая книга — итог многолетних исследований автора, а также его раздумий над вопросами общего характера — типологией и классификацией поселения и жилища, принципами их картографирования и т. п.

Книга состоит из Предисловия и двух глав: первая — «Жилище», вторая — «Поселение». В глоссарии «Транскрипция терминов и топонимов» приведены грузинские и русское написание терминов, топонимов и этнических названий, а также дана их транскрипция. Монография интересно иллюстрирована фотографиями, рисунками и чертежами, в приложении приводятся таблицы.

В Предисловии представлена сжатая характеристика сванов как этнографической группы грузинского этноса и сформулирована основная задача работы — ареальное исследование одного из основных историко-этнографических регионов Грузии. Для ее решения, по словам автора, необходимо провести «реконструкцию традиционных форм важнейших элементов культуры и быта, проливающих свет на некоторые стороны этнокультурной истории грузинского народа» (с. 7). Значительное внимание в том же разделе уделено общеметодическим вопросам, и прежде всего характеристике памятников материальной культуры, в том числе жилища и поселения как объектов этнографического изучения. А. И. Робакидзе справедливо подчеркивает, что в этнографических исследованиях «жилище должно рассматриваться в качестве этноспецифической формы материальной культуры», выражающей особенности семейного быта, направленность экономической деятельности семьи, имущественно-правовое положение ее членов, верования и обряды, выполняемые в определенных частях дома, и прежде всего около центрального очага, и т. п. (с. 7).

В первой главе прослеживаются исторические предпосылки формирования и становления традиционных форм сванского жилища. Основное место уделено его типологической характеристике. А. И. Робакидзе выделяет три основные формы: жилая башня — *лаэза мурквამ* (с. 29), жилой дом с оборонительной башней — *мурквამ* (с. 31), жилой дом с оборонительной башней и оградой (с. 37). Замковые сооружения логически завершают развитие названных форм.

Выделенные формы жилища находят аналогии за пределами Сванети, причем сванская башня, как показано в исследовании, представляют одну из разновидностей «горнокавказской башенной культуры» (с. 31). Еще две формы сванского жилища, показанные в книге, по мнению автора, носят региональный характер. Это *сванир* — башня, пристроенная к жилому дому, и *санцхвир* — жилой комплекс с амбразурой (с. 26).

Большое внимание в первой главе уделено конструктивной системе строения (в частности, межэтажным перекрытиям); описано внутреннее пространство дома, разделенное на мужскую и женскую части; показано расположение тайников — помещений для пленных и др. Автор подробно говорит о традиционном размещении членов семьи вокруг очага, что, как известно, имеет огромное значение в хозяйственной, социальной и духовной жизни сванов (как, впрочем, и других народов Кавказа). Хочется отметить, что проведенный в этой главе анализ составных элементов жилища имеет важное значение.

Вторую главу автор посвящает формам поселения как «одному из важнейших ингредиентов культуры и быта» (с. 62). Касаясь типологической классификации форм поселения и принимая общепринятый в грузинской этнографической литературе принцип вертикальной зональности, автор в то же время предостерегает от его абсолютизации.

В главе дается анализ исторически сложившейся территориальной структуры края: *кузкана* (страна), *хеви* (букв. ущелье), *даба* (в значении ровного места, пашни), *сопели* (село) и *калаки* (город). Два основных термина — хеви и сопели — обозначают, как отмечает А. И. Робакидзе, две различные ступени в процессе развития поселения, по социальной природе следующие одна за другой, но по форме сосуществующие (с. 72).

Структура сванского хеви еще ранее была подробно изучена Р. Л. Харадзе и автором рецензируемой книги. Они считают, что хеви в соответствии с главнейшими атрибутами — советом старейшин, военной дружиной и др. — нужно рассматривать как территориальную единицу. Сопоставляя сванские материалы с общегрузинскими, автор устанавливает, что «в сванском языке, так же как и в грузинском, термин хеви обозначает группу сел, расположенных вдоль ущелья» (с. 75). При этом подчеркивается, что «хеви выступает как более четко определенное и организованное единство, в отношении которого сопели — село играет явно выраженную подчиненную роль, как его составная часть» (с. 77).

Обобщая материалы по традиционно-бытовой культуре народов Северного Кавказа, автор выдвигает тезис о повсеместном распространении патронимической формы поселения, представлявшей собой в социальном отношении продукт распада большой семьи.

Уточняя структуру сванского поселения, А. И. Робакидзе вводит понятие *сиквоб* — группа сел, организующим центром которой был холм (груз. гора, сванск. сикв). Такая форма, по мнению автора, представляет отголосок древнейшей системы расселения, «хотя и не исключено, что это может быть продуктом распада хеви» (с. 86).

В целом высоко оценивая рецензируемую книгу, хочется высказать некоторые пожелания. Целесообразно было бы более подробно осветить социальную сущность сванского жилого комплекса, что дало бы возможность выделить существенные особенности взаимоотношений и взаимосвязей членов семьи, имущественно-правовые стороны семейной общины сванов в процессе их исторического развития. В пределах представленного в книге материала можно было бы более четко показать взаимосвязь и взаимообусловленность типологии жилища и поселений.

Выход в свет книги А. И. Робакидзе «Сванети» является значительным вкладом в советскую этнографическую науку. Эта работа займет достойное место среди основных публикаций по истории культуры народов Кавказа.

В. М. Шамиладзе, Г. Н. Давиташвили

SUMMARIES

Continuity and Innovation in Dealing with Ethnic-National Problems at the Stage of Highly-Developed Socialism

The article deals with the solution of the national problem in the USSR, its essential substance, historical stages, and main results. The present-day relationship between ethnic-national and social processes is elucidated; an analysis is offered of continuity and new development in the basic party line with regard to realizing the Leninist national policy at the stage of highly-developed socialism.

In accordance with the recent Party documents, the multifarious problems and targets in developing ethnic-national relations are comprehensively examined in their most important aspects: from the legal and political to the socio-cultural and domestic ones, from inter-national relations at the level of all Soviet Peoples to interpersonal relations between individuals of different nationalities.

M. N. Guboglo

V. I. Lenin and the Problem of the Periodization of Russian Folklore History

It is a generally accepted view in our folkloristics that the years between 1861 and 1917 should be distinguished as a separate period and described as the period of capitalism. However, in the course of the 1905—1907 revolution (and in subsequent years) V. I. Lenin drew particular attention to the prevalence of feudal survivals in agriculture and described the pre-revolutionary period following the reforms of the 1960ies as a transitional one. This view is amply borne out by Russian folklore and by the traditional culture of the Russian peasantry.

K. V. Cistov

Concepts of Ethnopolitical Processes in Developing Countries and Methods of Their Applied Study

The authors analyse a number of concepts regarding internal political processes in developing countries and methods of applied research into their ethnic aspects presently current in the U. S. A. Problems of modelling ethno-political conflicts (including those of employing quantitative methods) are examined. The authors are critical of attempts by bourgeois experts at contraposing those concepts and methods against the Marxist-Leninist approach to the investigation of ethnic phenomena within the framework of studying the socially complex societies of the liberated countries.

K. P. Borishpolets, Sh. Z. Sultanov

Homeostasis in the Demographic History of the Peoples of the North [17th to 19th Centuries]: Reality or Illusion!

The article touches upon certain theoretical and methodological problems in ethnic demography. A critical analysis is given of the concept of «demographic homeostasis» as applied to understanding the reproduction type of pre-agricultural populations. The view is put forward that no biological mechanism for the self-regulation of human population numbers existed in the past or exists at present. The role of socio-cultural factors and their influence over birth and death rates are discussed in detail using historical ethnographical data on North Asiatic peoples. The author considers that the traditionally low increase of populations of hunters, fishers and gatherers can be sufficiently explained without turning to the idea of «demographic homeostasis».

A. I. Pika

Ethnoreligious Processes in Pre-Islamic Arabia (the Religious-Tribal Communities of Hums, Hilla and Tuls)

Three groups of pagan tribal communities, not heretofore dealt with in Soviet literature, the *Hums*, the *Hilla* and the *Tuls*, are examined in the article; these differed in their

systems of religious bans and in the rituals involved in pilgrimages to Mecca. The study is based upon data from mediaeval Arabic Moslem sources; these made it possible to determine the areal distribution of these religious-tribal groups, their mononorms, as well as certain features of their evolution.

It has been made clear that further diversification of these groups would have led to the emergence of isolated tribal cults; however, the triumph of the new monotheistic religion of Islam interrupted this process at an early stage.

The results of the study may serve not only in reconstructing the ethnic and religious history of the Arabian Peninsula, but also in composing an ethnographic map of present-day Arabia.

S. A. Frantsuzov

Once More — on the Historical Types of Ethnic Communities

Various models for the historical typologization of ethnic communities propounded by Soviet scholars in the course of the last three decades are critically examined. The inadequacy of most of them is due, in the author's opinion, to their failing to observe the general methodological principles of typological study. Notwithstanding the widely held idea that the triad «tribe (*plemia*) — nationality (*narodnost'*) — nation (*natsiya*)» is based on the criterion of socioeconomic formation, it is in reality incompatible with it. Particularly unsatisfactory is the concept of «socialist nationality» which is devoid of any concrete scientific meaning.

The author proposes a new periodization for the historical evolution of ethnic communities. It is based as its criterion upon the degree of intensity to which ethnic characteristics are manifested, and especially that of ethnic self-awareness: archaic ethnoses (ethnic communities) are characterized by amorphousness of their specific traits; the ethnoses of antiquity possess a clearly defined ethnic self-consciousness; mediaeval ethnoses may on the whole be described as being in a stagnant state having partially lost their discreteness; modern ethnoses differ from all earlier types by the far higher degree of their specificity and by the emergence of basically new components of ethnic self-awareness. There are grounds for expecting a future stage at which the ethnic division of mankind will gradually lose its present importance.

M. V. Kriukov

Ethnic Communities and the Process of Historical Evolution by Socioeconomic Formations

The criterion of degree of ethnicity proposed by M. V. Kriukov may act as one of several for distinguishing historically successive types of ethnic communities by socioeconomic formations, not, however, in the way this is understood by the author who represents the evolution of ethnicity as consisting in an alternation of chaos or decadence and renaissance (in an arithmetical code, using a five-stage model of development by formations, —+—+—). In actual fact, the trend of ethnicity, like the whole global process of historical evolution, was progressive in character; progress should, however, be here understood dialectically, as it must be understood in the axiology of the social evolution of mankind in general, i. e. as having contrary values for non-class and for class societies. Primitive society was virtually devoid of ethnic structure; a pronounced ethnicity arose in class societies; this reached its peak under capitalism and survives residually under socialism; communist humanity on a planetary scale is destined once again to lose its ethnic characteristics. In the same arithmetical code this appears as —+— (using a three-stage model) and —+—+—+—+— using a five-stage model of the evolutionary process. If this is so, a hypothesis may be permissible according to which the pronounced ethnicity of antagonistic class societies is one of a number of non-specific mechanisms by which the integrity of social organisms is maintained under conditions of the class struggle and inter-state conflicts.

A. I. Pershits

On the Tribe, the Nationality and the Nation

There exists a widespread misconception that the tribe (*plemia*), the nationality (*narodnost'*), and the nation (*natsiya*) are the main types of ethnic communities. In reality, those three communities differ from one another in their very nature. The late classic tribe is first and foremost a particular kind of social organism and only secondarily an ethnic community. Generally, the ethnic community does not exist as an independent phenomenon in primitive, nor to a certain extent in pre-class society. It represents merely an aspect of another kind of community — a social organism or a group of social organisms. The ethnic community only emerges as an independent phenomenon during the transition to class society, when demosocial organisms are superseded by geosocial ones and, accordingly, the population constituting the social organism can be distinguished as its comparatively distinct component. It is this «pure» ethnic community that has been designated «nationality» (*narodnost'*). The nation (*natsiya*) that has emerged with the rise of a single social organism based upon market and, later, market-capitalist links is primarily a totality of people having a common homeland. The social organism as a whole as well as some part of it may be such a homeland. The nation's boundaries may coincide or not coincide with the boundaries of the ethnic community. In the latter case people belonging to one nation may belong to different ethnic communities.

Yu. I. Semionov.

CONTENTS

M. N. Guboglo (Moscow). Continuity and Innovation in Dealing with Ethnic-National Problems at the Stage of Highly-Developed Socialism. *K. V. Cistov* (Leningrad). V. I. Lenin and the Problem of the Periodization of Russian Folklore History. *K. P. Borishpolets, Sh. Z. Sultanov* (Moscow). Concepts of Ethnopolitical Processes in Developing Countries and Methods of Their Applied Study. *A. I. Pika* (Moscow). Homeostasis in the Demographic History of the People of the North (17th to 19th Centuries): Reality or Illusion? *S. A. Frantsuzov* (Leningrad). Ethnoreligious Processes in Pre-Islamic Arabia (the Religious-Tribal Communities of *Hums, Hilla* and *Tuls*).

Discussions

M. V. Kriukov (Moscow). Once More — on the Historical Types of Ethnic Communities. *A. I. Pershits* (Moscow). Ethnic Communities and the Process of Historical Evolution by Socioeconomic Formations. *Yu. I. Semionov* (Moscow). On the Tribe, the Nationality, and the Nation.

From the History of Ethnography

W. Jacobeit (Berlin, DDR). Ethnography and History (to the 80th Birth Anniversary of W. Steinitz).

Visiting: an Ethnographic Journal from the Ukrainian SSR

S. D. Zubkov (Kiev). 60 Years of Ukrainian Ethnographic Periodicals.

Ethnography in Museums

J. F. Linnus (Tartu). From the History of the State Ethnographic Museum of the Estonian SSR.

Communications

V. C. Malkova (Moscow). International and National Constituents in Soviet Central Television Broadcasting. *G. M. Ajanasyeva, Yu. B. Simchenko* (Moscow). An Attempt at Genealogical Descriptions (for the Case of the Chukchis). *V. S. Warziati* (Ordzhonikidse). Masks and Mummery in the Traditional Life of the Ossets. *V. A. Tishkov* (Moscow). New Orleans as Seen by an Ethnographer.

Searchings, Facts, Hypotheses

I. N. Solomonik (Moscow). Yokthe: Burman Puppets.

Chronicle

A. Ye. Ter-Sarkisyan (Moscow). The Activity of the Order of Peoples' Friendship Institute of Ethnography, Academy of Sciences of the USSR, in 1985.

Academic Life

I. A. Grishayev (Moscow). «The Soviet Peoples' Family under Socialism at Its High Development Stage» — an All-Union Scientific Conference. N. V. Bikbulatov (Kazan), T. V. Kosmina (Kiev). «Areal Studies in Linguistics and Ethnography» — an All-Union Conference. G. K. Shkliayev (Ustinov). «Present-Day Ethnic and Cultural Processes among the Peoples of the Urals-Volga Region and the European North of the USSR» — an Ethnographic Conference. R. S. Lipets (Moscow). A Scientific Conference Devoted to the 150th Birth Anniversary of Ch. Valikhanov.

Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. N. Ya. Daragan (Moscow), A. B. Ostrovsky (Leningrad). Russian Publications of C. Lévi-Strauss. Peoples of the USSR. G. N. Davitashvili, V. M. Shamiladze (Tbilisi). A. I. Robakidze. Svaneti. I. Dwellings and Settlement.

Технический редактор Гришина Е. И.

Сдано в набор 11.03.86	Подписано к печати 29.04.86	Т-05891	Формат бумаги 70×108/16
Высокая печать	Усл. печ. л. 15,4	Усл. кр.-отг. 45,9 тыс.	Уч.-изд. л. 19,0 Бум. л. 5,5
Тираж 2934 экз.		Зак. 4798	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6